
ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЕРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

18 сентября 2020 г.

г. Чита

Часть 1

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

September 18, 2020

Chita

Part 1

Забайкальский государственный университет
Финансово-экономический университет Монголии
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чите

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

**Международная научно-практическая конференция,
посвящённая 75-летию Победы в Великой Отечественной войне**

**18 сентября 2020 г.
г. Чита**

Часть 1

Чита
ЗабГУ
2020

УДК 930
ББК 63.2 я 54
ББК Т 3 (2) я 54
П 755

*Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета*

Конференция проводится в рамках программы
ежегодных научно-практических конференций по теме
«Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии»

Рецензенты

Е. И. Лиштованный, д-р ист. наук, профессор,
советник Посольства Российской Федерации в Монголии, г. Улан-Батор, Монголия
Г. С. Митыпова, д-р ист. наук, доцент,
руководитель Центра воспитания и дополнительного образования,
Бурятский республиканский институт образовательной политики, г. Улан-Удэ, Россия
Энхтувшин ХАВАРЦЭЦЭГ, д-р культурологии, профессор, ведущий специалист
по внешним связям, совместным и обменным программам,
Финансово-экономический университет, г. Улан-Батор, Монголия

Редакционная коллегия

*Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), А. В. Дроботушенко, Н. Г. Дятчина,
В. В. Кузнецов, Ю. Н. Ланцова, М. В. Пряженникова, Ю. Г. Саранчина, О. А. Яремчук*

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : [в 2 ч.] / Забайкальский государственный университет ; ответственный редактор Е. В. Дроботушенко. – Чита : ЗабГУ, 2020.
ISBN 978-5-9293-2613-4

Ч. 1. – 2020. – 197 с.
ISBN 978-5-9293-2614-1

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции, прошедшей в рамках программы ежегодных научно-практических конференций по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» в г. Чите в сентябре 2020 г. Научный форум был посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В ходе его работы нашли отражение различные вопросы Всеобщей и Отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, истории международных отношений, краеведения, теоретического осмысления категории «регион» и особенностей развития различных по масштабам регионов на практике. Большое внимание уделено филологическим, лингвистическим и литературоведческим аспектам, проблемам методологии филологического и лингвистического знания.

Издание будет интересно учёным, общественным деятелям, преподавателям и учителям высших, средних и средних специальных учебных заведений, а также тем, кто интересуется историей и современными проблемами регионального развития, аспектами приграничного сотрудничества.

**УДК 930
ББК 63.2 я 54
ББК Т 3 (2) я 54**

ISBN 978-5-9293-2614-1 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9293-2613-4

© Забайкальский государственный университет, 2020

Transbaikal State University
University of Finance and Economics of Mongolia
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Transbaikal Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Department of the Russian historical society in Chita

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

**International Scientific and Practical Conference Conference
is Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War**

**18 September 2020
Chita**

Part 1

Chita
Transbaikal State University
2020

УДК 930
ББК 63.2 я 54
ББК Т 3 (2) я 54
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

*The conference is held within the framework of the program of annual scientific conferences
on the topic "Cross-border cooperation: historical events and modern realities"*

Reviewers

E. I. Lishtovannyi, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Adviser to the Embassy of the Russian Federation in Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
G. S. Mitipova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Center of education and additional education,
The Buryat Republican Institute of educational policy, Ulan-Ude, Russia
KHAVARTSETSEG Enkhtuvshin, Doctor of Cultural Sciences, Professor,
Senior Specialist for Foreign Relations, Joint and Exchange Programs,
University of Finance and Economics, Ulaanbaatar, Mongolia

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *A. V. Drobotushenko*, *N. G. Diatchina*,
V. V. Kuznetsov, *Yu. N. Lantsova*, *M. V. Pryazhennikova*, *Yu. G. Saranchina*,
O. A. Yaremchuk

П 755 **Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation** : International Scientific and Practical Conference Conference is Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War : [2 p.] / Transbaikal State University ; Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko. – Chita : Transbaikal State University, 2020.

ISBN 978-5-9293-2613-4

P. 1. – 2020. – 197 p.

ISBN 978-5-9293-2614-1

The collection contains materials of reports and speeches of participants of the international scientific and practical conference held in the framework of the program of annual scientific and practical conferences on the topic "Cross-Border cooperation: historical events and modern realities" in Chita in September 2020. The scientific forum was dedicated to the 75th anniversary of Victory in the great Patriotic war. In the course of his work, various issues of General and national history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia, the history of international relations, local history, theoretical understanding of the category "region" and the development of different regions in practice were reflected. Much attention is paid to philological, linguistic and literary aspects, problems of methodology of philological and linguistic knowledge.

The publication will be interesting to scientists, public figures, teachers and teachers of higher, secondary and secondary specialized educational institutions, as well as to all those who are interested in the history and modern problems of regional development, aspects of cross-border cooperation.

УДК 930
ББК 63.2 я 54
ББК Т 3 (2) я 54

ISBN 978-5-9293-2614-1 (P. 1)
ISBN 978-5-9293-2613-4

© Transbaikal State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово	9
Предисловие	12
<i>Кузнецов В. В., Яремчук О. А.</i> К юбилею педагога и учёного Нелли Петровны Димовой	13

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

<i>Харитонов А. М.</i> Арабская география Древней Руси в системе общегеографических знаний средних веков	16
<i>Васильев М. В.</i> Британские агенты на Кавказе в первой половине XIX века	19
<i>Постников А. В.</i> Сложный эпизод в истории формирования среднеазиатского участка русско-китайской границы (1864–1884)	23
<i>Ван Сюй</i> Чжалайнорские бурогольные копи и Китайско-Восточная железная дорога	30
<i>Ковалёва Н. Н.</i> Западно-Белорусский регион в культурной политике России и Германии накануне и в период Первой мировой войны	33
<i>Костяев Э. В.</i> Отношение Ф. И. Дневницкого к Первой мировой войне	36
<i>Кузнецов В. В.</i> И. Сталин и формирование единого национального фронта в Китае	39
<i>Гребенкин А. Н.</i> Военно-учебные заведения русской эмиграции в Китае	42
<i>Юйшин М. А.</i> Харбинская епархия	45
<i>Карасёв С. В.</i> Русский спорт в Маньчжурии (1930-е годы)	47
<i>Томас Вайраух</i> Преступники, сообщники, жертвы: немцы в Китае, китайцы в Германии (1933–1945)	49
<i>Тимощук А. С., Трофимова Н. Н.</i> Вторая мировая война: границы памяти, забвения, перекодирования	59
<i>Линьков В. В.</i> Особенности профессиональной деятельности специалистов ветеринарного дела в годы Великой Отечественной войны	62
<i>Королева Л. А., Вазеров И. Д., Королев А. А.</i> Перестройка системы образования на начальном этапе Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области)	65
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Маньчжурская стратегическая операция советских войск 1945 г.: вопросы историографии и концептуального обоснования	68
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Материалы к истории деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР на рубеже 1960–1970-х годов	74
<i>Якунин В. Н.</i> Православное церковное храмостроительство в Тольятти в 1989–2000 годах	78
<i>Клестова М. С.</i> Лиге русских-американских женщин исполняется 90 лет	84

Раздел 2. Сибирь, Дальний Восток и Забайкалье в исторической ретроспективе

<i>Евтехов Р. А.</i> Некоторые аспекты организации на территории Забайкалья Удинской провинции	88
<i>Мясникова Ц. Ц.</i> К биографии совестного судьи Я. С. Яншина	92
<i>Волочаева А. В.</i> Тюремные помещения Нерчинской каторги (из истории каторги второй половины XIX века)	95
<i>Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А.</i> Дальневосточная политика России в 60–70-е годы XIX века. Русско-китайские дипломатические отношения	98
<i>Пешков И. Г.</i> «Трёхграничье» России, Китая и Монголии в развитии приграничных территорий Забайкальской области в XIX веке	102
<i>Василенко В. А.</i> Роль Усинского пограничного управления в решении «Урянхайского вопроса» во второй половине XIX – начале XX века (к 135-летию со дня создания)	106
<i>Кальмина Л. В.</i> Купеческие инициативы в освоении монголо-китайского рынка на рубеже XIX–XX веков	109
<i>Ланцова Ю. Н.</i> «Син-Хан Мин-Бо» – основной печатный орган корейской национальной организации «Кук-Мин-Хой»	113
<i>Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н.</i> Дневники М. Н. Хангалова как источник истории повседневности начала XX века	116
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Вопросы истории православия в Сибири на страницах журнала «Сибирский Архив» («Сибирская Летопись»)	120

Севостьянова Е. В. Национальные общественные объединения в досуговой сфере Читы в период смены политических режимов и гражданской войны (1917–1920)	125
Дацышен В. Г. Японоведы и японоведение в Забайкалье в годы Гражданской войны. На пути к трагедии	129
Пастухов А. М. Участие Китая в интервенции на Дальнем Востоке России (1918–1921)	137
Мясников А. В. Доронинский содовый завод в первой половине XX века	142
Беспалько Д. Н. Развитие охотничье-промысловой отрасли народного хозяйства на территории Витимо-Олекминского национального округа (1930–1938)	145
Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. В декабре 1939-го: эпизод из партизанской антияпонской войны в Даурском районе Морин-Дава	149
Мясникова Г. В. Культурно-просветительская деятельность в первый период Великой Отечественной войны (по материалам прессы Читинской области)	152
Яремчук О. А. Основные направления работы кафедры истории Читинского государственного педагогического института в начале 1940-х годов	156
Пряженникова М. В. Состояние военно-физкультурной работы в Читинском государственном педагогическом институте в годы Великой Отечественной войны	159
Мезенцева И. В. «Золотой эквивалент победы»: вклад Забайкалья в золотовалютный резерв СССР в годы Великой Отечественной войны	163
Карчанова Л. М. Читинская промысловая кооперация (промартели) в годы Великой Отечественной войны	166
Константинова Н. Н. Читинский музей в годы Великой Отечественной войны	170
Санжиева Т. Е. Борьба с лесными пожарами в Бурятии в годы Великой Отечественной войны	174
Кудимов А. Ю., Чапыгин И. В., Чапыгин И. И. 272-й «Иркутский» полк НКВД в Великой Отечественной войне	177
Урожаева Т. П. Жилищная проблема и пути ее решения в городах Красноярского края во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов	181
Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны в Восточной Сибири: проблемы поиска и идентификации	184
Золотарева В. Ю. Социальная помощь и поддержка инвалидов Великой Отечественной войны: история и современность (на примере Читинской области)	187
Сведения об авторах	191

CONTENTS

Welcom Address	9
Preface	12
Kuznetsov V. V., Yaremchuk O. A. To the Anniversary of the Teacher and Scientist Nelly Petrovna Dymova	13

Chapter 1. Actual Issues of the History of Fatherland

Kharitonov A. M. Arabic Geography of Ancient Russia in the System of General Geographical Knowledge of the Middle Ages	16
Vasiliev M. V. British Agents in the Caucasus in the First Half of the XIX Century	19
Postnikov A. V. Complicated Episode in the History of Formation of the Central Asian Section of the Russian-Chinese Border (1864–1884)	23
Wang Xu Jalainur Brown Coal Mines and the Chinese Eastern Railway	30
Kovaleva N. N. West-Belarusian Region in Cultural Policy of Russia and Germany on the Eve and During the First World War	33
Kostyaev E. V. Relation of the Th. I. Dnevniysky to the First World War	36
Kuznetsov V. V. I. Stalin and the Formation of the United National Front in China	39
Grebenkin A. N. Military Educational Institutions of Russian Diaspora in China	42
Yuyshin M. A. The Diocese of Harbin	45
Karasev S. V. Russian Sport in Manchuria. The 1930s	47
Thomas Weyrauch Perpetrators, Accomplices, Victims: Germans in China, Chinese in Germany (1933–1945)	49
Timoschuk A. S., Trofimova N. N. Second World War: Boundaries of Memory, Oblivion, Coding	59
Linkov V. V. Features of Veterinary Activities During the Great Patriotic War	62
Koroleva L. A., Vazerov I. D., Korolev A. A. Restructuring of the Education System at the Beginning of the Great Patriotic War (on the Materials of Penza Region)	65
Kuzmin Y. V. The Manchurian Strategic Operation of the Soviet Forces in 1945: Questions of Historiography and Conceptual Justification	68
Drobotushenko E. V. Materials for the History of the Council for Religious Affairs Under the Ussr Council of Ministers at the Turn of 1960–1970-ies	74
Yakunin V. N. Orthodox Church Plant-Building in Togliatti in 1989–2000	78
Klestoff M. S. League of Russian-American Women Turns 90 Years Old	84

Section 2. Siberia, the Far East and Transbaikalia in Historical Retrospect

Evtekhov R. A. Some Aspects of the Organization in the Transbaikalia of the Udinsk Province	88
Myasnikova C. C. To the Biography of the Conscientious Judge Ya. S. Yanshin	92
Volochaeva A. V. Prison Premises of Nerchinskaya Katorgi (from the History of Katorgi of the Second Half of the XIX Century)	95
Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A. Far Eastern Policy of Russia in the 60–70 Years of the XIX Century. Russian-Chinese Diplomatic Relations	98
Peshkov I. G. “Three Boundaries” of Russia, China and Mongolia in the Development of the Border Territories of the Zabaykalsky Region in the XIX Century	102
Vasilenko V. A. The Role of the Usinsk Border Management in Solving the “Uriankhai Issue” in the Second Half of the XIX–Early XX Centuries (to the 135th Anniversary of Its Creation)	106
Kalina L. V. Merchants’ Initiatives in Opening Up of Mongolian-Chinese Market at the Edge XIX–XX Centuries	109
Lantsova Y. N. “Sin-Han Min-Bo” – Main Press Korean National Organization “Kuk-Min-Hoi”	113
Zhukova N. E., Palkhaeva E. N. M. N. Khangalov’s Diaries as a Source of History Everyday Life of the Early XX Century	116
Drobotushenko E. V. Questions of the History of Orthodoxy in Siberia on the Pages of the “Siberian Archive” (“Siberian Chronicle”) Magazine	120

Sevostyanova E. V. National Public Associations in the Leisure Sphere in Chita During the Change of Political Regimes and the Civil War (1917–1920)	125
Datsyshen V. G. Japanese Studies and Japanese Studies in Transbaikalia During the Civil War. On the Way to Tragedy	129
Pastukhov A. M. China's Participation in the Intervention in the Russian Far East (1918–1921)	137
Myasnikov A. V. Doroninsky Soda Plant in the First Half of the Twentieth Century	142
Bespalko D. N. Development of the Hunting and Fishing Industry of the People's Economy in the Territory of the Vitimo-Olekminskiy National District (1930–1938)	145
Tsybenov B. D., Kuras L. V. December 1939: Chinese Partisans Against Japanese Occupiers in the Daurian Area of Morin-Dava	149
Myasnikova G. V. Cultural and Educational Activities in the First Period of the Great Patriotic War (According to the Press of the Chita Region)	152
Yaremchuk O. A. The Main Directions of the Department of History of the Chita State Pedagogical Institute in the Early 1940s	156
Pryzhennikova M. V. State of Military and Physical Education Work at the Chita State Pedagogical Institute During the Great Patriotic War	159
Mezentseva I. V. "Gold Equivalent of Victory": Contribution of Transbaikalia to the Gold and Currency Reserve of the USSR in the Years of the Great Patriotic War	163
Karchanova L. M. Chita Trade Cooperation (Prometeo) During the Great Patriotic War	166
Konstantinova N. N. Chita Museum During the Great Patriotic War	170
Sanzhieva T. E. Fighting Forest Fires in Buryatia During the Great Patriotic War	174
Kudimov A. Yu., Chapygin I. V., Chapygin I. I. 272nd "Irkutsk" Regiment of the People's Commissariat of Internal Affairs in the Great Patriotic War	177
Urozhaeva T. P. Housing Problem and Ways to Solve it in the Cities of the Krasnoyarsk Territory in the Second Half of the 1990s – Early 2000	181
Kuznetsov S. I., Petrushin Y. A. The Buries of Foreign Pows of the Second World War in Eastern Siberia: Problems of Search and Identification	184
Zolotareva V. Yu. Socialassistance and Support for the Disabled of the Great Patriotic War: History and Modernity (on the Example of the Chita Region)	187
Information about the authors	191

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

WELCOM ADDRESS

Уважаемые участники, организаторы и гости международной научной конференции!

От имени Комитета Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока и от себя лично приветствую участников, организаторов и гостей международной научной конференции «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество»!

Год от года на площадке Забайкальского государственного университета конференция объединяет под своей эгидой представителей власти, бизнеса, научной общественности, выступления и доклады которых посвящены самым актуальным вопросам современной повестки. В этой связи проведение в 2020 г. конференции, приуроченной к 75-летию Победы советского народа и Красной Армии в Великой Отечественной войне, заслуживает одобрения и всемерной поддержки.

На фоне желания руководства некоторых государств переписать трагическую и великую историю Второй мировой войны многонациональный народ Российской Федерации как никогда раньше нуждается в возврате исторических ценностей, являющихся символами Великой Победы Советского Союза над фашизмом. Представляется важным осознавать большой вклад в эту победу жителей Дальнего Востока.

Искренне желаю участникам конференции успешной работы, плодотворных дискуссий и результативных практических наработок!

С уважением **Н. М. Харитонов**
Председатель Комитета Государственной Думы
по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'N. M. Khritonenko', written in a cursive style.

**Уважаемые организаторы, участники и гости
международной научно-практической конференции
«Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество»!**

Для мирового и российского сообщества 2020 год стал годом испытаний. В новых сложных условиях особо важно сохранять традиции, одной из которых является проведение в стенах крупнейшего высшего учебного заведения Забайкальского края – Забайкальском государственном университете – большой международной научно-практической конференции в рамках ежегодного проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В этом году она посвящена знаменательной дате – 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Для Забайкалья особо важным является также 75-летие окончания Второй мировой войны, поскольку регион стал своеобразной базой для войны с Японией в августе-сентябре 1945 г.

В этом году впервые одним из организаторов научного форума выступил Финансово-экономический университет г. Улан-Батор, Монголия. Выражаю благодарность его руководителю, господину Б. Мөнхбаяру за поддержку конференции. Монгольские учёные приняли в её работе самое активное участие, представив целый ряд докладов.

Не могу не сказать спасибо и организаторам мероприятия с российской стороны. Это преподаватели и сотрудники историко-филологического факультета нашего университета, а также представители ряда общественных организаций региона.

Участие в конференции 2020 г. приняли учёные, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, краеведы, студенты, магистранты и аспиранты из 16 городов Российской Федерации. Статус международной конференции подтверждается участием в форуме, помимо большого количества учёных из Монголии, представителей Соединённых Штатов Америки, Германии, Китайской Народной Республики, Белоруссии, Кыргызстана.

Организаторами конференции предложен для работы ряд направлений. Это всеобщая и отечественная история, история Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, экономика, филология и лингвистика, вопросы теории и практики приграничного сотрудничества в самых разных сферах.

Желаю участникам конференции здоровья, благополучия, успехов во всех начинаниях, серьёзного научного поиска, установления новых и укрепления имеющихся научных контактов.

С. А. Иванов
ректор Забайкальского государственного университета, Россия, г. Чита

Хүндэт найз нөхдөө!

Орчин үеийн хамтын ажиллагаа, түншлэлийн тулгамдсан асуудлаар сонирхогч талуудын нээлттэй мэдлэг хуваалцах олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын бүх оролцогчид мэндчилгээ хүргэж байна.

Орос-монголын эдийн засгийн хамтын ажиллагаа, боловсрол, шинжлэх ухаан, соёлын салбар дахь харилцаа холбоо, бүс нутгийн хөгжлийн асуудлуудад бид онцгой ач холбогдол өгдөг.

Дэлхийн 2-р дайн ба дайны жилүүд нь манай хоёр орны түүхэн нөхцөл байдалд гүн ул мөр үлдээсэн бөгөөд ахан дүүсийн холбоотой манай хоёр үндэсний эв нэгдлийг батжуулсан билээ. Дэлхийн 2-р дайнд ялсан Ялалтын 75 жилийн ойн баярын мэндийг хүргэе!

Энэхүү арга хэмжээнд оролцогчдын мэдлэг, нэр нөлөө, туршлага нь нийгмийг удирдах тодорхой хөтөлбөр боловсруулах саналыг гаргах, олон мянган жилийн түүхэн дээр суурилсан манай хоёр улсын харилцааны шинэ соёлыг бий болгох үйл явцад шинжлэх ухааны, бизнесийн болон нийгмийн оролцоог хангах, бид бүхний хамтын ажиллагааг бэхжүүлж цаашдын боломжийг өргөжүүлнэ гэж найдаж байна.

Та бүхний боловсруулсан санал, зөвлөмж боловсролын чанарыг сайжруулахад хувь нэмрээ оруулж, энэ салбарт хамтарсан иноваци бүхий шинэлэг төслүүдийг эхлүүлнэ гэдэгт итгэлтэй байна.

Та бүхний ажил хөдөлмөрт амжилт бүтээл, хамгийн сайн сайхан бүхнийг хүсэн ерөөе!

Хүндэтгэсэн, **Б. Мөнхбаяр**
Санхүү Эдийн Засгийн Их Сургуулийн Ректор
Монгол улс, Улаанбаатар хот

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать участников международной конференции, где всегда идёт открытый, заинтересованный обмен мнениями по наиболее актуальным проблемам современного партнерства и сотрудничества.

Актуальные исторические аспекты, вопросы развития приграничных территорий, российско-монгольское экономическое сотрудничество, контакты в сфере образования, науки и культуры являются основой развития для каждого государства, и мы, безусловно, придаем ей особое значение. Особенности приграничного взаимодействия и трансграничья для нас являются важными.

Вторая мировая война и годы войны отразились на историческом состоянии наших стран, это послужило сплочению и объединению наших братских народов. Поздравляем вас с годовщиной 75-летия Победы в Великой Отечественной войне!

Надеемся, что знания, авторитет и опыт участников данного мероприятия позволят сформулировать предложения для разработки конкретных программ управления социумом и обеспечить участие науки, бизнеса и общества в процессе формирования новой культуры между нашими странами на основе тысячелетней истории, укрепить наше сотрудничество и расширить дальнейшие возможности.

Уверен, что подготовленные вами предложения и рекомендации послужат повышению качества образования, дадут старт новым инновационным совместным проектам в этой сфере.

Желаю вам плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Б. Мөнхбаяр
ректор Финансово-экономического университета,
Монголия, г. Улан-Батор

Предисловие

Preface

В 2020 г. свои коррективы в проведение научных и научно-практических, как, впрочем, и иных мероприятий внесла эпидемия коронавируса. Однако, независимо от обстоятельств, научно-исследовательская деятельность нашла своё продолжение.

Историко-филологический факультет Забайкальского государственного университета, в соответствии с планами научной работы, организовал и провёл осенью 2020 г. большую международную научно-практическую конференцию по программе «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии», которая в этом году посвящена 75-летию Великой Победы Советского народа над фашистскими захватчиками.

В этом году одним из соорганизаторов научного форума выступил Финансово-экономический университет, находящийся в столице Монголии, г. Улан-Батор, что говорит об интересе к мероприятию со стороны учебных заведений и научных центров не только России, но и иных государств.

Традиционно соорганизаторами конференции стали такие общественные структуры г. Читы и Забайкальского края, как Байкальское отделение Академии военных наук (Чита, Иркутск), Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов, отделение Российского исторического общества в г. Чите.

Организационный комитет определил ряд потенциальных направлений работы конференции:

- Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории.
- Исторические аспекты развития приграничных территорий России, Китая и Монголии в XVII–XXI веках.
- Вторая мировая война: предыстория, события, уроки.
- Забайкальский фронт: события, участники, итоги боевых действий.
- Регион как объект изучения.
- Приграничный регион в историческом развитии.
- Соотечественники: жизнь за рубежом и связь с Родиной. История и современность.
- Российско-китайское, российско-монгольское и китайско-монгольское экономическое сотрудничество.
- Правовое сотрудничество приграничных регионов России, Китая и Монголии.
- Российско-китайские, российско-монгольские и китайско-монгольские контакты в сфере образования, науки и культуры. Особенности приграничного взаимодействия.
- Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методологический аспекты (филологическое и лингвистическое направления).

Свои материалы в 2020 г. представили учёные, преподаватели учебных заведений, краеведы из Соединённых Штатов Америки, Германии, Китая, Монголии, Кыргызстана, Белоруссии, а также 16 городов Российской Федерации.

Материалы сборника могут быть интересны всем серьезно изучающим, а также просто интересующимся Всеобщей и Отечественной историей, историей Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья, иных регионов России, краеведением, проблемами теоретического осмысления регионального развития и практики развития регионов и межрегионального сотрудничества на самых разных уровнях.

Не меньший интерес материалы сборника могут вызвать у занимающихся изучением филологических, лингвистических и литературоведческих аспектов, проблем методологии филологического и лингвистического знания.

Отдельный раздел уже традиционно посвящён научным изысканиям студентов.

Редакционная коллегия

УДК 929:94
ББК 63.3:72.6:74.409

Виктор Владимирович Кузнецов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Ольга Анатольевна Яремчук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

К юбилею педагога и учёного Нелли Петровны Димовой¹

В статье раскрываются основные вехи жизни и деятельности забайкальского педагога, учёного Нелли Петровны Димовой. Анализируются этапы её преподавательской и методической деятельности в образовательных учреждениях Забайкалья, специфика научно-исследовательской работы, реализуемой в рамках Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского (позже – Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского).

Ключевые слова: Нелли Петровна Димова, педагог, учёный, историко-филологический факультет, Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского (Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского)

Viktor V. Kuznetsov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Olga A. Yaremchuk,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

To the Anniversary of the Teacher and Scientist Nelly Petrovna Dymova

The article reveals the main milestones in the life and work of the Zabaikal teacher, scientist Nelly Petrovna Dymova. The author analyzes the stages of her teaching and methodical activities in educational institutions of the Chita State Pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky, the specifics of research work carried out within the framework of the Chita state pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky (later – the Transbaikal state humanitarian and pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky).

Keywords: Nelly Petrovna Dimova, teacher, scientist, faculty of History and Philology, Chita State Pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky (Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky)

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 296-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

13 июля 2020 г. замечательный педагог и учёный Забайкальского края Нелли Петровна Димова отмечает юбилейную дату. В статье на основе анализа научно-педагогической литературы и источников личного происхождения раскрываются основные вехи её педагогической и научной деятельности.

Нелли Петровна Димова (в дев. – Попова) родилась в селе Акша Акшинского района Читинской области. В 1951 г. вместе с родителями переехала в Читку. Здесь она училась в средней школе № 1, которую окончила в 1957 г. В этом же году поступила на историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института. Ещё в студенческие годы судьба подарила ей возможность поработать в составе известной Советско-монгольской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством С. В. Киселёва, а также попасть на страницы ставшей позже легендарной книги рассказов археолога М. И. Рижского «Из глубины веков» [10]. Всё это непременно повлияло на формирование профессионализма будущего педагога и историка. После окончания института в 1962 г. ей была присвоена квалификация и звание учителя русского языка, литературы и истории средней школы.

Выбор профессии педагога для Нелли Петровны был совсем не случаен. Родившись в семье учителей, она и свою жизнь связала с преподавательской деятельностью. Её педагогический путь составляет почти полвека.

Начало трудовой деятельности Нелли Петровны было связано со школой рабочей молодёжи на ст. Новая Читинского района, куда она как молодой специалист была направлена в соответствии с существовавшим тогда распределением в качестве учителя русского языка и истории. Через два года была переведена учителем истории в сменную среднюю школу рабочей молодёжи № 12 г. Читы. С августа 1967 по ноябрь 1968 г. Нелли Петровна работала в должности научного сотрудника в Читинском областном краеведческом музее. Свой педагогический опыт и знания она умело использовала на всех должностях, в том числе и в качестве методиста истории и обществоведения в методическом кабинете Управления Забайкальской железной дороги. Здесь почти три года в целях повышения квалификации учителей железнодорожных школ читала лекционные курсы, проводила семинары, разрабатывала методические рекомендации по истории Отечества.

С апреля 1971 г. началась новая страница в жизненной и трудовой биографии Нелли Петровны. Она была избрана по конкурсу асси-

стенном кафедре истории Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. И с этого времени историко-филологический факультет (а чуть позже он стал называться историческим) для Нелли Петровны стал главным на пути реализации её безусловного педагогического таланта. Здесь она прошла все ступени преподавательской работы – ассистент, старший преподаватель, доцент и профессор. Помимо этого на протяжении пяти лет успешно исполняла обязанности заместителя декана историко-филологического факультета по воспитательной работе. Высокий профессиональный уровень педагогической деятельности является характерной чертой Нелли Петровны. Лекции по дисциплинам, без которых невозможно представить себе формирование профессионального историка и педагога – история России (период феодализма), источниковедение, историография отечественной истории – читались ею на высоком научно-теоретическом уровне, что неоднократно отмечалось как коллегами, так и комиссией Министерства Просвещения РСФСР. И что не менее важно, самими студентами, для которых Нелли Петровна являлась не только высококвалифицированным специалистом, требовательным и одновременно доброжелательным преподавателем, но и замечательным наставником. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо. Нелли Петровна, будучи бессменным куратором студенческих групп, для нескольких поколений выпускников истфака стала больше, чем просто наставник. Неоднократно приходится слышать, что для многих она стала «Второй Мамой», продолжая и сейчас участливо интересоваться судьбами своих бывших студентов. Среди её выпускников – кандидаты и доктора наук, губернаторы и сенаторы, генералы и министры и тысячи учителей истории общеобразовательных школ.

Много времени и сил Нелли Петровна уделяла научной деятельности. После окончания заочной аспирантуры при кафедре истории Иркутского государственного педагогического института в мае 1984 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Золотодобывающая промышленность Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1922–1937 гг.)» [3; 4]. Нелли Петровне была присвоена учёная степень кандидата исторических наук, а в октябре 1988 г. Решением Государственного комитета СССР по народному образованию – учёное звание доцента по кафедре истории.

Она систематически выступала на научных конференциях с докладами по теме своего исследования [2; 5]. Ею были опубликованы архивные документы в сборниках по истории рабочего класса Восточного Забайкалья, материалы к знаменательным датам, ряд пособий по истории Забайкалья, историографии, источниковедению для студентов и учащихся средних школ и многое другое [1; 6–9].

Нелли Петровна принимала активное участие в общественной жизни института и факультета. Об этом говорит даже неполный перечень её общественных обязанностей – руководитель методической секции по истории СССР, председатель областной секции охраны памятников, член районного отделения Фонда Мира, член комиссии народного контроля и партбюро факультета. Все свои поручения выполняла добросовестно и творчески.

За свою плодотворную педагогическую и общественную деятельность Нелли Петровна Димова была награждена почётными грамотами Министерства просвещения РСФСР, Ре-

спубликанского комитета профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР, Читинского Областного комитета ВЛКСМ, медалью «За заслуги перед городом», ей было присвоено почётное звание «Заслуженный работник высшей школы Читинской области» и др.

Для всех близких, коллег и учеников Нелли Петровна – образец невероятного оптимизма, активной жизненной позиции, тонкого остроумия, бесподобной доброты, уникальной женственности и привлекательности. Это всегда удивительно приятный в общении человек с огромным чувством юмора. Будучи оптимистом по жизни, Нелли Петровна не раз помогала людям, попавшим в сложную ситуацию, мудрым советом или остроумным анекдотом.

Коллектив историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета, ученики и коллеги от всей души поздравляют Нелли Петровну с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия, счастья, любви и долгих лет жизни.

Источники и литература

1. В. Н. Татищев и историческая наука в России: методические рекомендации к семинарским занятиям по историографии Отечественной истории / сост. Н. П. Димова. – Чита: ЗабГПУ, 2005. – 29 с.
2. Димова Н. П. А. И. Мильчаков в Балее // Забайкалье: некоторые аспекты истории края: межвуз. сб. науч. тр. – Чита: ЧГПИ, 1993. – С. 122–124.
3. Димова Н. П. Золотодобывающая промышленность Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1922–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 1984. – 177 с.
4. Димова Н. П. Золотодобывающая промышленность Забайкалья в восстановительный период и годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1922–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск: [б. и.], 1984. – 16 с.
5. Димова Н. П. Подготовка специалистов и квалифицированных кадров в золотопромышленности Забайкалья (1929–1932 гг.) // Забайкалье: некоторые аспекты истории края: межвуз. сб. науч. тр. – Чита: ЧГПИ, 1993. – С. 86–99.
6. История Восточного Забайкалья. Читинская область: учеб. пособие для студентов исторических и гуманитарных факультетов и старших школьников / отв. ред. И. И. Кириллов. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 283 с.
7. История России: тест / сост. Н. П. Димова, А. А. Симатов. – Чита: ЗабГПУ, 2000. – 40 с.
8. Основы источниковедения отечественной истории: учеб.-метод. комплекс / сост. Н. П. Димова. – Чита: ЗабГПУ, 2003. – 30 с.
9. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область: в 2 т. / под ред. Н. В. Гордеева. – Чита: Экспресс-изд-во, 2007. – Т. 2. – 240 с.
10. Рижский М. И. Из глубины веков: рассказы археолога о древнем Забайкалье. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. – 172 с.

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

CHAPTER 1. Actual Issues of the History of Fatherland

УДК 93/94:910.4
ББК 63.3(2)4

Александр Михайлович Харитонов,
*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия*

Арабская география Древней Руси в системе общегеографических знаний средних веков

Отмечено, что современная историческая наука не желает признавать арабские данные о Древней Руси полноценными географическими сведениями. Между тем арабская наука (в том числе географическая) была в числе ведущих в средние века. Сопоставление данных арабской географии со сведениями о Руси из других источников позволяет сделать выводы, которые могут помочь заново переосмыслить познания о древнейшей истории нашего государства.

Ключевые слова: аланы, арабская география средних веков, Артаз, Древняя Русь, роксоланы

Alexander M. Kharitonov,
*Pacific Institute of geography FEB RAS,
Vladivostok, Russia*

Arabic Geography of Ancient Russia in The System of General Geographical Knowledge of the Middle Ages

Modern historical science does not want to recognize the Arabic data about Ancient Russia as full-fledged geographical information. Meanwhile, Arabic science (including geographical science) was among the leading ones in the middle ages. Comparing the data of Arabic geography with information about Russia from other sources allows us to draw conclusions that can help us rethink our knowledge of the ancient history of our state.

Keywords: Alans, Arab geography in the middle ages, Artas, Ancient Russia, roxalans

Ранние арабские ученые и путешественники на Руси не были, и потому свои знания и впечатления о ней должны были черпать из других источников. Ведь кроме одного набега на территорию Хазарии, когда они добрались до Русской реки, непосредственно арабы со славянами на территории Восточной Европы не сталкивались. Да и можно ли было полу-

чить от этого народа какие-либо сведения, если славяне-пленники взбунтовались и бежали?

Впрочем, судя по описанию их поведения, 20 тыс. пленников вовсе не считали себя таковыми. Похоже, что к победителям-арабам перекинулась какая-то тюркская орда, средний размер которых и составлял примерно 20–

30 тыс. человек. Когда в орде поняли, что прощались с выбором «союзников», то просто покинули место своего нового расположения. Скорее всего, «пленники» благополучно вернулись на прежние места жительства, а уверения арабских чиновников в их полном уничтожении всего лишь повторяют подобные же заявления от их современных коллег об успехах в борьбе с голодом, бедностью и болезнями.

Тем не менее, арабской географии удалось построить достаточно цельную географическую картину мира, в т. ч. и Руси, привлекая все доступные ей знания. Ведь именно арабская география и картография была в средние века наиболее передовой в географической среде.

Чьи же тогда могли арабские ученые использовать географические и этнографические материалы для своих описаний? Прежде всего, конечно, сохранившиеся об этом районе сведения античной географии. В частности, когда речь заходит об одном из центров Древней Руси Арте (Арса), то сведения, что там убивают всех иноземцев, явно заимствованы из античных источников о Тавриде.

Какие еще могли быть использованы материалы? Непосредственно у русских купцов что-то полезное получить было затруднительно. Ведь и переводчик мог что-то напутать, да и сами торговцы не слишком стремились поделиться с кем-то знаниями, которыми те могли воспользоваться во вред им. Наибольшую прибыль тогда обычно получал тот, кто первым посетил приглянувшуюся местность и сохранял в тайне источники своего дохода.

Учитывая довольно подробный характер этнографических и географических сведений в арабских сочинениях, можно предположить, что их источником послужили какие-то недошедшие до нас сведения из Византии. Для этого достаточно сопоставить арабские сведения о Руси с известным трактатом Константина Багрянородного [4]. Другой возможный источник сведений – турки-наемники.

Европейская география эти территории знала достаточно слабо. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть хотя бы в «Баварский географ», и вряд ли подобная ему география послужила надежным источником сведений о столь далеких от Западной Европы территориях.

Скандинавы? Что они могли предложить ранней арабской географии, если сами не знали даже названий столицы и крупнейших городов Древней Руси и жили от нее еще дальше, по мнению современных историков? Впрочем, некоторые названия, которые характерны для

скандинавской географии Руси, к арабам, похоже, все же просочились. Таковыми можно считать сведения о некоем «острове русов».

Мы уже сравнительно давно подметили, что скандинавское название Хольмгард, отнесенное историками к современному Великому Новгороду, достаточно любопытно трансформируется в «остров Гарды» (Гарды принимается как скандинавское название Руси), а значит и в «остров русов», т. к. «хольм» не что иное как «остров». Название Гарды нам [6] удалось отыскать на карте Махмуда Кашгари в современном «Атласе Тартарии», где были даны варианты перевода арабских названий на современный русский язык. Значит, оно все же было известно на востоке.

– А как же карта Птолемея? – спросит нас историк. – Ведь она создана задолго до арабского завоевания мира. Но так считают только историки. Картографы в лице Л. Багрова (нашего зарубежного соотечественника) давно уже настроены скептически по отношению к происхождению «карты Птолемея» [1].

Вполне возможно создание данной карты намного позже жизни Птолемея неким Агатодемоном. Ведь по своему содержанию эта карта больше напоминает средневековые портоланы, чем географические описания античности. Да и изображение Индийского океана на данной карте похоже на таковое на карте мира араба Идриси, что служил у норманнских завоевателей в Сицилии.

Не исключено, что арабские исследователи использовали и сведения о территории Руси из Армении. На это наводит как раз наличие Арты (ср. Гарды) в составе русских территорий. Скажем словами Е. С. Галкиной, хотя они относятся к другому арабскому топониму: «Прямые аналогии этому названию обнаруживаются в сочинениях древнеармянских историков, начиная с Мовсеса Хоренаци. Они выделяют две общности алан, одна из которых, восточная, именуется “Артаз”. Это название восходит к иранскому “поляна”. Артаз не раз упоминался в армянских источниках благодаря жестокой борьбе за власть между аланскими вождями, которая проходила в этой области» [3, с. 91]. Ничего не напоминает?

Все это должно было настроить поиск территории «арабской» Руси на южное направление. Однако этого не произошло. А ведь еще та же Е. С. Галкина [2] мимоходом заметила, что знания арабской географии о Древней Руси не распространялись севернее реки Дон.

Именно там, согласно, кстати, канонам античной географической науки, перенятой

средневековьям еще у Аристотеля, располагались «незаселенные пустыни севера». Таким образом, Древняя Русь должна была располагаться только на Северном Кавказе, чтобы оставаться в географических рамках средневековой и античной географии. Впрочем, это не помешало той же Е. С. Галкиной считать, что путешествие ибн Фадлана на Волгу при этом вполне возможно. Очень странная позиция для географа, но не для историка.

Но если это путешествие состоялось, то оно должно было проходить через хорошо известные географии земли. В противном случае, где бы нашлись проводники через неизвестность? По нашему мнению, путь арабского путешественника лежал вовсе не на Волгу, а на Итиль – Терек, где тогда располагалась Булгария (Великая).

И ехать ему туда отнюдь не через современную Среднюю Азию, которая не была тогда известна географии совсем. Ехать ему через земли к юго-западу от Каспийского моря, где располагались земли Хорезма (именно там проживал его правитель еще во времена Александра Македонского – рядом с Колхидой и скифами, к которым этот правитель предлагал указать дорогу). То есть, уже тогда торговые пути на север были хорезмийцам хорошо знакомы, а в средние века им тогда было легче общаться с хазарами, чем если бы они жили в Средней Азии.

Но вернемся к Арте. Существуют и иные ее интерпретации, в частности Арса. Некоторыми авторами под ней подразумевалась Рязань. Но если Старая Рязань располагалась рядом с Дарьяльским ущельем, как местность Артаз, то именно она должна была бы принять на себя первый удар вторгнувшихся на Русь татар. Завоеватели, видимо, не очень спешили. Тем бешеным темпом зимой по глубоким снегам, который им предлагают современные историки в завоевании Рязани и Северо-Восточной Руси, двигаться татарам было ни к чему.

Да и расстояния тогда измеряли иначе – в сочинении турецкого путешественника еще XVII века маршрут в 70 дней пути пролегал от Черного моря к подножью Эльбруса [7, с. 175]. Конечно, это торговый маршрут, а караваны тогда шли медленно. Ведь и через многочисленные реки и речонки как-то без мостов надо было переправляться. Но и для войска, особенно с осадными орудиями, это было серьезное препятствие летом. Вот почему поход на Русь могли предпринять зимой, когда часть рек могла замерзнуть.

Вернувшись назад, татары в последующем продвигаются к Черниговскому княже-

ству. Если название Черниговского княжения связано в народной традиции с «черным» цветом (ведь не зря же даже легендарного князя-основателя именуют Черным), то рядом с предлагаемой нами землей Рязани находится земля Карачая. Тюркское «кара» как раз и означает «черный». Затем путь татарских захватчиков лежит на Киев где-то на Кубани (река Данаприс Константина Багрянородного). Если средневековая Польша (тоже какая-то другая ее более ранняя часть?) лежала еще где-то западнее (на Подольской возвышенности? Висле-Истре?), то это будет лишь немного в стороне от пути в современную Венгрию. Занятный получается маршрут, в котором очень много неясностей, но все же достаточно перспективный для изучения.

Понятно, что подобный подход коренным образом изменяет географию Древней Руси с некоторыми сопредельными странами, но все основные исторические события и их последовательность в историческом процессе при этом сохраняются.

В этой связи прослеживается едва ли не прямая связь русов и роксалан. Мы обратили внимание на описание аланской культуры в статье об аланах [5, с. 52]. «В междуречье Терека и Кубани сооружались укрепленные поселения (известны археологические памятники аланской культуры: городища с детинцем и посадом, земляными валами или каменными стенами, иногда башнями ...)». Добавим сюда еще христианские храмы. На что это очень похоже, если приглядеться повнимательнее?

Кстати, венгерские предания сообщают о каменной стене вокруг Киева, тогда как подобные стены были характерны только для южных городов. Мы вправе уже задать вопрос; а случайно ли, что сведения об аланах и русах на Кавказе исчезают едва ли не одновременно?

Случайно ли в нартском осетинском эпосе появляется в качестве родоначальника некий Уархаг (ср. Варяг)? Да и современный писатель Л. Прозоров как-то пообещал в своих произведениях разобраться со сходными мифологическими мотивами в русской и кавказской традициях. Похоже, что он вдруг забыл свое обещание, которое добавило бы сомнений в существующие исторические теории.

Видимо, после монгольского нашествия и последующей эпидемии чумы произошел разрыв существующей традиции в исторической памяти. Он не был замечен из-за отождествления новой Руси с прежней потому, что отдельные топонимы склонны вместе с этнонимами перемещаться по географической кар-

те. Это создает новые топонимические ареалы далеко от прежних мест появления, что и путает историко-географические карты. Вот и оказалась Киевская Русь у современных исто-

риков на месте «белого географического пятна» средневековья. Впрочем, арабской традиции это будущее Руси было уже не так интересно.

Источники и литература

1. Багров Л. История картографии. – М.: Центрполиграф, 2004. – 320 с.
2. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002. – 430 с.
3. Галкина Е. С. Этнос Востока Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // ROSSICA ANTIQUA. – 2010. – № 1. – С. 54–98.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 496 с.
5. Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. – М.: БРЭ, 1994. – Т. 1. – 688 с.
6. Харитонов А. М. Скандинавское название Руси на карте Махмуда Кашгари и в арабских географических источниках // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – С. 452–456.
7. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Изд. 2-е, испр. и доп. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(4+5)

Максим Викторович Васильев,
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия

Британские агенты на Кавказе в первой половине XIX века

В статье рассматривается история начала Кавказской войны XIX в. Автор предлагает изучать данный приграничный конфликт с учетом сложного геополитического противостояния России, Турции и Великобритании в данном регионе. На конкретных примерах показаны роль английских агентов в дестабилизации ситуации на Кавказе в 20-е и 30-е гг., механизм разжигания межнационального и межконфессионального конфликта.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Турция, Кавказ, геополитика, приграничное пространство, Черкесия, «управляемый хаос»

Maxim V. Vasiliev,
Pskov State University,
Pskov, Russia

British Agents in the Caucasus in the First Half of the XIX Century

The article discusses the history of the beginning of the Caucasian war of the XIX century. The author proposes to study this border conflict taking into account the complex geopolitical confrontation between Russia, Turkey and the UK in this region. The concrete examples show the role of British agents in destabilizing the situation in the Caucasus in the 1820s and 1830s, and the mechanism of fomenting interethnic and inter-confessional conflict.

Keywords: Russian Empire, Great Britain, Turkey, the Caucasus, geopolitics, border space, Circassia, “controlled chaos”

Изучение истоков и причин Кавказской войны XIX в. невозможно без учета сложных геополитических процессов, протекающих в Ближневосточном регионе. Дестабилизация события XIX в. наглядным образом демон-

стрирует нам, что дестабилизация ситуации в приграничном пространстве достаточно часто является следствием противостояния великих держав. Бухарестский мирный договор 1812 г. с Турцией и цикл дипломатических перегово-

ров на Венском конгрессе продемонстрировали миру существенное усиление позиций России. С 1815 г. в состав Российской империи входила Польша, признавались ранее полученные территории Бессарабии и Финляндии. Россия находилась на пике своей военно-политической мощи и успеха, а такое усиление нашей страны не устраивало Западные державы, более того, угрожало их территориальным интересам. Уже с начала XIX в. Англия увидела в усилении России на Кавказе серьезную угрозу своим владениям в Индии, полагая, что после подчинения Кавказа русские войска непременно двинутся вглубь Средней Азии и Афганистан [4; 5].

Начиналась Большая игра великих держав за передел мира на зоны влияния. Имея множество противоречий и взаимных претензий друг к другу, коллективный Запад практически всегда был единодушен относительно России. Европейские державы были одинаково заинтересованы в ослаблении нашей страны. Однако силовое воздействие против Российской империи было опасно, поэтому стали использоваться новые, более изощренные методы борьбы, направленной на ослабление России изнутри. Ставка была сделана на создание комплекса внутренних проблем в Российской империи, которые синхронно будут проявляться в разных точках страны и четко совпадать по времени с внешними военными конфликтами или активным дипломатическим давлением со стороны ряда ведущих держав. История много раз демонстрирует, что создание точек «управляемого хаоса» для своего геополитического противника позволяет без особых затрат и рисков для организатора оттягивать существенные силы и ресурсы противника, отвлекать его внимание от решения других актуальных проблем, а при наилучшем исходе планированной операции – диктовать ему свою волю. Первые элементы гибридной войны против России стали зарождаться и оттачиваться именно в XIX в. Именно поэтому изучать Кавказскую войну в отрыве от остальных событий русской, а зачастую и мировой истории, ошибочно и непродуктивно.

Усиление России на Северном Кавказе сильно встревожило не только Турцию и Персию, но и западные державы Англию и Францию, которые также видели в Кавказе свои интересы и явно не желали проникновения туда России. Не желая открыто выступать против русских, «западные партнеры» использовали свой излюбленный прием геополитики – достижение своих целей руками других народов. Английская дипломатия активно

подталкивала к обострению конфликта с Россией турецкого султана, а последний был вынужден оказывать влияние на своих кавказских вассалов. Так, ещё в ноябре 1819 г. были получены сведения о том, что анапский паша направил к адыгам закубанья своих агентов, которые «возмущают черкес, уговаривают их к нападению на русскую границу, а более всего на Екатеринодар как главный пункт черноморского населения, обещая за то хищникам жалование» [8]. В это же время были зафиксированы и первые проникновения английских эмиссаров в этот регион. Англия, а с середины XIX в. и Франция начинали активную помощь всем народам, готовым сопротивляться России на Кавказе. «*Эта неблагоприятная для России обстановка возбудила у британских руководителей надежды, связанные с превращением региона не столько в средство запугивания и противодействия России, сколько в самостоятельное звено колониальных планов Англии*» [6, с. 132].

Противникам Российской империи оказывалась щедрая финансовая помощь, поставлялось оружие, направлялись опытные офицеры и инструкторы, предоставлялись важные разведданные о русских силах, что существенно усугубляло для нас положение и мешало быстрому продвижению русских войск. По мере усиления России турецкая и европейская дипломатические службы сразу же подняли знамя «защиты» кавказских горцев и выступали за создание так называемой «независимой Черкесии». Естественно, интересы горцев Кавказа никого на Западе не интересовали, этим лозунгами прикрывались собственные геополитические интересы. Известный русский историк кавказовед А. П. Берже, отмечал, что «...*вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманной и нравственной целью, а явилось как средство загрести жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости. Воображение доверчивых честных горцев постоянно возбуждалось блистательными и изривыми обещаниями помощи и участия при посредстве разных эмиссаров*» [2].

При внимательном изучении ситуации в формировании религиозного фанатизма на Кавказе можно найти также устойчивый след

агентов Великобритании. Английские эмиссары на Северном Кавказе имели задачу распространения среди горцев так называемого «национального обета». Данная традиция не имела никакого отношения ни к религиозным учениям ислама, ни к национальным традициям народов Кавказа. Она была придумана британским дипломатом и русофобом Д. Уркартом, который еще в июле 1834 г. преподнес местным старшинам Кавказа идею «объединиться с другими горцами под одной властью и под общим знаменем». Им был разработан так называемый «обет», который представлял собой клятву вечной войны против русских, а также против «изменников», то есть горских племён и отдельных горцев, которые либо принимали мир, предлагавшийся русскими властями, либо вступали с русскими в торговые сношения. Также предусматривалось исполнение по приказу англичан или завербованных ими старшин приговора над «изменниками». На основании этого «обета» английские агенты предлагали кавказцам создать систему жесточайшего террора против всех, кто сотрудничает с русскими. Так, нарушители «обета» подлежали смертной казни, а имущество их делилось между палачами, дети казнённых продавались в рабство во избежание кровной мести [3]. Одна из первых церемоний принятия подобного «обета» прошла в августе 1834 г. в Хабле. Чуждый горцам церемониал «национального обета» быстро угасал, а поэтому требовал постоянного присутствия английских эмиссаров для его поддержания.

Известно, что в 1837 г. британский агент Найт, известный под псевдонимом Надир-бей, появился в Черкесии с огромным грузом боеприпасов, собрал тысячу горцев для распределения оружия и заставил их дать придуманную Д. Уркартом клятву за себя и свои округи; при этом было постановлено собрать по подписке фонд для выдачи наград за доносы на тех, кто контактирует с русскими. Известно, что этот агент британской разведки имел значительные суммы денег, которые активно использовал для подкупа местных старейшин в деле создания широкого антирусского фронта сопротивления [7, с. 62–66]. Активная пропаганда среди горцев и распространение радикального исламизма привели к первому крупному вооружённому восстанию на Кавказе, которое пришлось на 1825–1826 гг. Год восстания совпадает с непростой передачей императорской власти и восстанием декабристов, когда Россия стояла в одном шаге от гражданской войны. А в 1826 г. Персия без предварительного объявления войны присту-

пила к боевым действиям против России. Очевидно, что крупное восстание горцев существенно отвлекало русские военные силы на кавказском театре боевых действий.

Если англичане и раньше вели подрывную, разведывательную деятельность на Кавказе, то после Туркманчайского договора с Персией и Адрианопольского мира с Турцией их деятельность резко активизировалась. В Лондоне сделали ставку на создание так называемого черкесского независимого государства. Кроме «национального обета», западными пропагандистами была изобретена идея «национального черкесского знамени», как символа сопротивления русским. Английские эмиссары обещали черкесам временную поддержку в обретении независимости и создании собственного государства. Естественно, что реальной независимости им никто предоставлять не собирался. По планам Лондона, на Кавказе должно было появиться вассальное протогосударственное образование, подчиняющееся турецкому султану, а сама Турция к этому времени находилась под серьёзным политическим влиянием Британии. И работа в этом направлении развернулась достаточно активная и многоплановая. Великобритания направляла на Кавказ своих лучших агентов, знающих этническую и религиозную специфику региона, не жалела материальных ресурсов и денежных средств. В Лондоне началась активная работа по накоплению систематической информации о Кавказе. В начале 1830-х гг. началась разведывательная и политическая деятельность на Кавказе известного в Англии публициста Д. Уркарта. В своих публикациях и заявлениях этот человек неоднократно отстаивал идеи о том, что Кавказ должен стать одной из зон интересов английских торговых представителей [1, с. 894].

Прибыв в 1834 г. на английском военном корабле в район Сухуми, Д. Уркарт провел встречу с горцами. Во время этой экспедиции английский агент активно посещал аулы и обсуждал сложившееся положение с представителями высших сословий. Его выступления были достаточно умеренными и не содержали отрывых призывов к вооружённому сопротивлению. Это было связано с тем, что путешествие Д. Уркарта было официальным и он, как представитель британской короны, не мог, да и не ставил задач активного переманивания черкесов на свою сторону. Это успешно делали другие английские агенты, прибывавшие на Кавказ тайно. В своих речах Д. Уркарт не обещал никакой конкретной помощи кавказцам ввиду её невозможности и в то же время

рекомендовал добиться консолидации сил как единственно возможного варианта борьбы в сложившихся условиях. Он призывал их к активизации борьбы против России, заявив, что прислан самим королем Англии, который желает знать все о Черкесии и главным образом, какую помощь он может ей оказать. Но даже кратковременного визита Д. Уркарта на Кавказ было достаточно, чтобы началась цепочка систематических подстрекательств, нацеленных на сохранение постоянного очага сопротивления в этом регионе и подготовку условий для отторжения его от России [8, с. 58–63]. Изучив обстановку, Д. Уркарт пришел именно к тем выводам, которые были выгодны английской политике. В отчете о проделанной им работе отмечалось, что черкесы являются независимыми, враждебно относятся к России и отказываются подчиняться условиям Адрианопольского мира. Поэтому, по его мнению, население было заинтересовано в помощи со стороны Англии и Турции в борьбе против политики, проводимой царским самодержавием. Во время этой встречи для черкесов было придумано и предложено зеленое знамя со стрелой как символ сопротивления. Ознакомившись с ситуацией, лорд Понсонби заявил, что в создавшемся положении «кавказцы сделали бы

самое лучшее, если бы провозгласили независимость», после чего «Англия должна была бы признать независимость Черкесии». Далее посол подчеркнул, что он «сравнительно поздно узнал о полной свободе этой страны от какой-либо законной власти и поэтому любой документ на ее владение, учрежденный Николаем, является абсолютно незаконным» [Цит. по: 10, с. 75–83]. Все дальнейшие усилия английской разведки и дипломатии будут направлены именно на создание ситуации и возможности территориального отчуждения Кавказа от России. Большая геополитическая борьба за Кавказ будет продолжаться практически до конца XIX в., пока власть России в этом приграничном и неспокойном регионе не утвердится настолько прочно, что любые попытки дестабилизировать ситуацию будут просто бессмысленны.

Данный маленький пример из истории Кавказской войны является очень показательным для понимания большой геополитической и информационной борьбы. Англия еще в XIX в. демонстрировала примеры того, как с наименьшими затратами, но при грамотном использовании внутренних противоречий конкурента и правильной подаче информации можно достигать больших и разноплановых результатов.

Источники и литература

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией: в 8 т. / под ред. А. П. Берже. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1881. – Т. 8. – 1033 с.
2. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – № 1. – 161–176.
3. Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – 116 с.
4. Васильев М. В. Большая игра. Уроки геополитики. – СПб.: Свое изд-во, 2019. – 425 с.
5. Васильев М. В. Ключи от Индии. Борьба за Среднюю Азию // Архонт. – 2019. – № 4. – С. 12.
6. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. – М.: Наука, 1978. – 434 с.
7. Попов В. В. Войны на Кавказе и западноевропейские «цивилизаторы» // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 4. – С. 60–70.
8. Федосеева Л. Д. Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 1. – С. 58–63.
9. Федосеева Л. Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 15–19.
10. Чеучева А. К. Место Черкесии в политике Великобритании после заключения Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 1. – С. 75–83.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)522

Алексей Владимирович Постников,
*Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Сложный эпизод в истории формирования среднеазиатского участка русско-китайской границы (1864–1884)

В статье рассмотрена история формирования российско-китайской границы в Средней Азии на участке между оз. Зайсан и северными отрогами Памира. Особенное внимание уделено полупустынному региону восточнее оз. Алаколь, где в соответствии с официальными договорными актами двух держав граница должна была проходить по линии китайских пограничных пикетов, построенных во второй половине XVIII в.

Показано участие автора в качестве эксперта в работе официальных организаций по урегулированию пограничных проблем СССР с КНР, также представлена разработанная методика историко-географических исследований с использованием карт, описаний и инструкций периода формирования границы.

Ключевые слова: Пекинский, Тарбагатайский, Санкт-Петербургский и Новомаргеланский договорные акты, Зайсан, Алаколь, Алтай, Саур, Тарбагатай, Тянь-Шань, Памир

Alexey V. Postnikov,
*Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute
of the History of Science and Technology,
Moscow, Russia*

Complicated Episode in the History of Formation of the Central Asian Section of the Russian-Chinese Border (1864–1884)

The article explores the history of the formation of the Russian-Chinese border in Central Asia on the section between Lake Zaysan and the northern parts of the Pamir has been investigated. Special attention is paid to the semi-desert region east of Lake Alakol, where, according to the official treaty acts of the two Powers, the boundary was to pass through Chinese border pickets built in the second half of the XVIII century.

The author's participation as an expert is shown in the work of official organizations for the settlement of the USSR's border problems with the PRC, the developed methodology of historical and geographical research using maps, descriptions and instructions, the period of formation of the border is also presented.

Keywords: Beijing, Tarbogatai, St. Petersburg and Novomargelan treaty acts; Zaysan, Alakol, Altai, Saur, Tarbogatai, Tian Shan, Pamir

Российская империя во второй половине XIX в. максимально приблизилась к владениям Цинской империи в Синьцзяне. Соответственно, решение территориального вопроса стало крайне актуальным. Первым этапом такой делимитации явился Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы, подписанный 25 сентября 1864 г.

Однако проблема окончательной делимитации и демаркации на местности линии границы, согласованной в Чугучакском протоколе (через 240 дней после его заключения), была отложена более чем на 10 лет. Причи-

ной тому стало антикитайское восстание местных народов под лозунгами исламского джихада крайне экстремистского характера, разразившегося в Синьцзяне. Фактически за год дунгано-уйгурского восстания (1864–1865) борьба повстанцев, по сути, религиозная война мусульман против «неверных» китайцев, привела к полной ликвидации китайского господства в Восточном Туркестане.

Результатом всех этих событий в Синьцзяне стало появление трех независимых владений, таких как: дунганский союз городов с центром в Урумчи, Йеттишар (Семиградье) с

центром в Кашгаре и Таранчинский султанат с центром в Кульдже. Среди них выделялось государство Йеттишар, главой которого являлся выходец из Коканда, узбек по происхождению, Якуб-бек, объединивший под своей властью весь Восточный Туркестан, за исключением Илийского края.

Это восстание вынудило русскую администрацию, опасавшуюся распространения и на центрально-азиатские народы, активизировать своё продвижение на юг. В 1865–1866 гг. русские войска заняли Ташкент, Ходжент и Джизак. Для управления центрально-азиатскими владениями России 11 июня 1867 г. было образовано туркестанское генерал-губернаторство с центром в городе Верном [9, л. 8 об.].

События в Синьцзяне развернулись именно в тот момент, когда правительство России только начинало работу по военно-административному и хозяйственному устройству вновь присоединенных областей Центральной Азии. Дунгано-уйгурское восстание создавало угрозу позициям России в Центральной Азии и Казахстане и могло повлечь за собой потерю того влияния, которое она приобрела в Синьцзяне в результате заключения Цинской империей Кульджинского, Пекинского и Чугучакского пограничных актов. Российское правительство, чтобы добиться большего простора в маневрах по налаживанию отношений с Китаем, провозгласило политику невмешательства в дела Цинской империи в Синьцзяне.

Хотя были случаи обращения со стороны китайцев к пограничным властям России за помощью против дунгано-уйгурских повстанцев, но военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области Г. А. Колпаковский заявлял, что не имеет права переступать государственную границу [24, л. 8 об.] и вмешиваться во внутренние дела Китая.

Однако вскоре российские власти отказались от политики нейтралитета по отношению к мятежному мусульманскому правителю Восточного Туркестана – Якуб-беку – из-за активной панисламской пропаганды и достаточно агрессивной политики собирания соседних владений под своей властью.

Особую роль в этом вопросе сыграло то, что при активном давлении со стороны британского посла в Стамбуле турецкий султан признал за Якуб-беком право именовать себя эмиром, что на деле означало усиление позиций Турции в Центральной Азии [18, л. 114–118, 124], что, естественно, не устраивало Россию. Также в этот период английские дипломаты (и разведчики) стали постоянно по-

являться в Йеттишаре, куда доставляли оружие и инструкторов по его использованию. А в Лондоне, благодаря их публикациям, у читающей публики создавался идеализированный образ Якуб-бека – борца за ислам и независимость от соседей его владений на востоке и западе.

Стараясь не допустить дальнейшего развития негативных для нас событий, 22 июня 1871 г. русские войска почти без всякого сопротивления заняли стратегически важный район Джунгарии – Илийский край с центром в Кульдже, который не входил в состав владений Якуб-бека и фактически не подчинялся китайским властям. С появлением русских войск под началом генерала Г. А. Колпаковского таранчи и начали поголовную резню китайцев и дунганей, но их действия были сразу же решительным образом пресечены русскими.

Сложной оставалась ситуация на территории русско-китайского приграничья из-за фактического уничтожения цинской власти в Синьцзяне и практически непрерывных стычек Якуб-бека с его прежними сообщниками, она практически перестала охраняться. И как следствие, это привело к самовольным переходам населения как с русской, так и с китайской сторон, почти на всем протяжении русско-китайской пограничной полосы.

Для устранения напряженного положения в Центральной Азии была крайне необходима демаркация государственной границы. Так, в 1869–1870 гг. русские уполномоченные во главе с И. Ф. Бабковым и представители цинского правительства провели демаркацию границы от перевала Шабин-Дабага до Тарбагатайского хребта, что и было зафиксировано в протоколах от 1869 и 1870 г.

К каждому из протоколов была составлена карта соответствующего участка границы в масштабе 25 верст в дюйме. При составлении этих карт использовались крупномасштабные материалы прошлых лет, а также полевые брульены съёмок, проводившихся непосредственно во время работы комиссии. Так, в 1866 г. была составлена двухверстная карта под названием «*Съёмка юго-восточной части Зайсанского края, снятая инструментально, под руководством помощника Начальника штаба Западно-Сибирского Военного округа генерального штаба полковника Бабкова корпуса военных топографов капитаном Стрельниковым с топографами Матусовским и Барановым*» [23, л. 14], на которой во время демаркации были нанесены пограничные столбы Бай-мурчи (Бай-мурза), Керегентас и Чаган-обо.

Непосредственно после заключения Чугучакского протокола и особенно в связи с дунганско-уйгурским восстанием русские власти в Туркестане приступили к организации охраны границы с Китаем. Результаты этой работы хорошо видны на *карте Семиреченской области с показанием отрядов, расположенных на китайской границе (составленной пограничным начальством в 1867 г. в масштабе 50 верст в дюйме)* [12]. На карте выделены места расположения пограничных отрядов и постов, их численность, состав и вооружение. За изменениями территориальных владений России в Центральной Азии в этот период очень внимательно следили англичане.

Однако развитие исламского движения в Синьцзяне осложняло процедуру складывания русско-китайской границы в Центральной Азии. Совершенно логично, что движение вызывало беспокойство правительства России. Особую тревогу оно испытывало в связи с откровенно захватническими устремлениями Якуб-бека, использовавшего в своих целях панисламскую идеологию и провозгласившего себя главой борцов за веру («Аталык газы»). Он всё чаще начинает вмешиваться в дела принарынских киргизов, принявших русское подданство, а также берет курс на расширение границ государства Йеттишар за счет Кокандского ханства и Семиреченской области Туркестанского края, ведет среди киргизского и казахского населения антирусскую пропаганду, строит в приграничной полосе укрепления [2, л. 17; 6].

Что касается отношений с Кокандским ханством, где усиливались феодальные междоусобицы, то правитель Йеттишара умело их использовал и систематически из года в год отодвигал свои границы все далее на запад и северо-запад. По словам весьма компетентного в истории вопроса А. Н. Куропаткина, *кокандская граница, ещё не так давно проходившая в 88 верстах от Кашгара, была передвинута Якуб-беком сначала до Уксалыра, а потом до Улугчата, где он построил укрепление. Не довольствуясь этим, правитель Джеты-шаара позже занял укрепление Награ-чалды, Егин и, наконец, Иркештам, расположенный примерно в 180 верстах от Кашгара* [31, л. 135].

Хотя временный характер присоединения Илийского края был для всех очевиден, обеспечение эффективной администрации и хозяйственной деятельности в его пределах требовало от русских властей постановки географических и картографических работ на новых территориях. Обладание Кульджинским

районом открывало помимо того новые пути и возможности для проведения географических исследований в соседних районах Семиречья и Джунгарии. Прежде всего, в 1871–1872 гг. топографами Скасси, Лазаревым, Шамановским, Истревым и Благодаревым была проведена пятиверстная *полуинструментальная съемка Кульджинского района* [21], заложившая основу достоверного отображения этой территории на географических картах. В 1871 г. из Кульджи была направлена экспедиция под руководством Шепелева, которой предписывалось исследовать все пространство границы от Тянь-Шаня до Тарбагатая [10]. В частности, капитан Шепелев совместно с прапорщиком Поздиным занимались съемками Музартского перевала, по результатам которых были составлены *Карта Инструментальная съемка Музартского прохода, снятого под руководством генерального штаба капитана Шепелева II-го Туркестанского линейного батальона прапорщиком Поздиным 1871 г. (масштаб пять вест в дюйме)* [Там же, л. 87] и *Распросный маршрут от Музартского перевала до горы Ак-су в масштабе 40 верст в дюйме* [Там же, л. 87; 3].

В период подготовки к переговорам в Сергиополе также проводились дополнительные съемки, по их результатам и по результатам работ за 1871–1872 гг., в 1873 г. была создана рукописная *Отчетная карта речной области Черного Иртыша, составленная по маршрутным съемкам, произведенным капитаном Сосновским и штабс-капитаном Матусовским (масштаб 20 верст в дюйме)* [3]. На карте нанесены маршруты экспедиции Сосновского в 1871 г. и Матусовского в 1871 и 1872 гг., показаны пограничные столбы: Кергентас, Чаган-Обо, Сар-Тологой, Сары-булак.

В 1874–1876 гг. в Кульджинский район для геодезических и зоологических исследований был направлен штабс-капитан Ларионов [27]. Он провел астрономическое определение координат ряда пунктов в Илийском крае, а также выполнил съемку южного склона Барлыкских гор, Мазарских минеральных вод, Ущелья Джиралты и ряда горных проходов в Тянь-Шаньском хребте в северной части Кульджинского района [Там же, л. 204]. Материалы съемки перевалов на Тянь-Шане сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве [22, л. 1–7].

Официальные переговоры по илийскому вопросу между Россией и Китаем открылись весной 1879 г. Накануне переговоров, 4 марта 1879 г., состоялось межведомственное Особое совещание, где было решено наряду с

другими «компенсациями» за возвращение Кульджи потребовать от цинского правительства уступки России юго-западной части Илийского края с укреплением Борохудзир и долины реки Текес с прилегающим к ней Музартским проходом; исправления пограничной черты со стороны Чугучака так, чтобы долина Черного Иртыша отошла в русское владение; нового определения границы со стороны Кашгара с удержанием за Россией поста Иркештам и частичной уступкой китайцам территории, захваченной Якуб-беком у кокандцев [1, л. 88]. 9 июля 1879 г. Особое совещание вновь подтвердило принятое ранее решение. Кроме того, оно рассмотрело вопрос о поселении в той части Илийского края, которая должна была отойти к России, дунган и представителей других народностей, не пожелавших оставаться подданными Цинской империи [Там же, л. 244]. Этот вопрос возник в связи с тем, что к этому времени стало известно о беспокоестве среди населения Илийского края и о его намерении уйти в пределы России вместе с русскими войсками. На имя русских властей в Туркестане поступали многочисленные петиции и прошения илийских уйгур и дунган о принятии их в российское подданство [28, л. 26–27].

Русско-китайские переговоры завершились 20 сентября 1879 г. подписанием в Ливадии так называемого Ливадийского договора о возвращении Китаю Илийского края. По условиям этого договора Китай уступал западный участок долины реки Или и долины реки Текес для поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство, а также район Музартского перевала через Тянь-Шань. Кроме того, Цинское правительство должно было взять обязательство выплатить России пять млн рублей в качестве компенсации за расходы по оккупации и управлению краем [4]. В качестве приложения к Ливадийскому договору была составлена в масштабе 40 верст в дюйме *Карта пограничной полосы, определенной в VII и VIII статьях договора между Россией и Китаем, заключенного в Ливадии сентября двадцатого дня тысяча восемьсот семьдесят девятого года* [7; 17], подписанная со стороны России Н. Гирсом и Е. Бюцовым, а со стороны Китая – Чун-Хоу и заверенная 10 октября 1879 г. начальником ВТО Главного штаба Э. И. Форшем и начальником Картографического заведения генерал-майором О. Э. Штубендорфом.

Однако с Ливадийским договором возникли проблемы, он не был ратифицирован Китаем. Их, прежде всего, не устраивал террито-

риальный вопрос, касающийся уступок в пользу России долины реки Текес и стратегически важного Музартского перевала, который связывал кратчайшим путем Илийский край с Восточным Туркестаном. Недовольство этим пунктом договора привело к тому, что некоторые влиятельные китайские сановники высказывались даже за войну с Россией.

Активные мероприятия по усилению боевой готовности со стороны Китая и России имели, однако, в основном демонстративный характер, так как ни цинское, ни российское правительства не желали доводить дело до разрыва. Летом 1880 г. были начаты новые переговоры о передаче Илийского края Китаю, для чего в Петербург прибыл крупный цинский сановник, китайский посланник в Лондоне и Париже Цзэн Цзицзэ (маркиз Цзэн) [4], российскую сторону представляли дипломаты Гирс, Жомини и Бюцов. Переговоры продолжались почти семь месяцев.

Представитель Китая Цзэн Цзицзэ сразу заявил, что самым важным для цинского правительства является вопрос о полном возвращении им Илийского края. По поводу требования русской стороны об уступке России западной части Илийского края для расселения в ней беженцев маркиз Цзэн хотя и заявил, что в этом вопросе не имеется прецедентов, но согласился передать западную окраину Или по уже вырешенной границе (речь шла об условиях Ливадийского договора 1879 г.).

Споры по этому вопросу продолжались достаточно долго и в конечном итоге представители русского правительства изъявили готовность уступить реку Текес Китаю, но Китай должен был компенсировать. По-видимому, такой компенсацией явилось согласие маркиза Цзэна на пересмотр русско-китайской границы в районе озера Зайсан и реки Черный Иртыш. По предложению китайского представителя на этом пространстве было решено наметить среднее прохождение граничной линии.

В отношении разграничения Ферганской области с Восточным Туркестаном в переговорах сразу проявилось стремление китайского уполномоченного продолжать притязания на земли, захваченные у Коканда Якуб-беком. Русские дипломаты со своей стороны старались опереться на переговоры А. Н. Куропаткина в 1876–1877 гг. в Кашгаре и достигнутое им соглашение с Якуб-беком.

Наконец, была достигнута договоренность о том, что в процессе будущего разграничения Ферганской области с Восточным Туркестаном следует придерживаться линии, теперь контролируемой обеими сторонами [Там же].

12 февраля 1881 г. подписан так называемый Петербургский договор о возвращении Россией Китаю Илийского края с центром в г. Кульдже и о предоставлении российским купцам торговых льгот и привилегий в Китае и Монголии.

Процесс дальнейшего разграничения между Россией и Китаем в Центральной Азии определялся общими условиями Петербургского договора, который был ратифицирован Китаем в мае, а Россией в августе 1881 г. После обмена ратификационными грамотами началась работа русских и китайских комиссаров по демаркации пограничной линии, а также передача Илийского края цинским властям. Протокол о сдаче-приеме Или был подписан 10/22 марта 1882 г. На протяжении 1882–1884 гг. была проведена работа по демаркации почти всей линии русско-китайской границы в Центральной Азии и подписан ряд специальных протоколов и пограничных карт.

В процессе демаркации границы русские топографы под руководством и при участии пограничных комиссаров провели новые съемки пограничной полосы и составили маршрутные карты, послужившие основой официальных пограничных карт соответствующих участков. Уже в 1881 г. в Туркестанском военно-топографическом отделе на основании всех имевшихся материалов была составлена рукописная *Карта пограничной с Китаем полосы в масштабе пять верст в дюйме* [19], охватывающая, главным образом, приграничные районы Семиречья. Изображение границы на карте отсутствует, но приграничные территории показаны довольно подробно с выделением объектов, важных для демаркации границы, в том числе китайских пикетов: Вай-тень-цзы, Маниту, Сары-булак, Цаган-тогой, Бахты, Эргиту, Тасты, Модо-Барлук (Кусак). Автор карты – штабс-капитан Родионов. Этот документ широко использовался во время работ разграничительной комиссии. Помимо пятиверстной карты была составлена также десятиверстная *Отчетная карта съемки по протяжению русско-китайской границы от северных отрогов Алатавских гор до хребта Тарбагатайского* [16].

Первый протокол о разграничении России с Китаем на основании Петербургского договора был составлен в долине реки Баратолы на урочище Галимту 16 октября 1882 г. В нем была зафиксирована демаркация границы от верховьев реки Нарын-Кола до Карадабана. Протокол подписан с русской стороны генерал-майором А. Е. Фриде, а с китайской – чиновником Чаном.

Для обозначения линии границы на ней ставились пограничные столбы, имевшие более сажени в высоту (более 2 м) и диаметр 5–6 вершков (около 30 см). Топографическими работами при А. Е. Фриде занимались штабс-капитан Стрижевский и классный топограф, титулярный советник Петров. При съемках использовались *мензула с принадлежностью, кипрегель, бусоль Стефана, планшетная доска...* [29, л. 10].

При демаркации на этом участке было выяснено, что «карта», *приложенная к Чугучакскому договору, мало подходила вообще к тому, что найдено и разведано в действительности; а потому, придерживаясь договора, следовало вести границу через указанные в нем пункты, местонахождение которых определялось расспросами и указаниями местных жителей* [25, л. 124 об. – 125]. При этом для укрепления уверенности в правоте отмежевания части Текеской долины к пределам Семиречья генерал-майор Фриде собрал расспросные сведения о кочевках кара-киргизов, земли которых по Чугучакскому договору должны быть отмежеваны к нашим владениям [Там же, л. 125]. Во время работ на участке севернее реки Или капитан Стрижевский первым из русских прошел в верховья реки Хоргос, причем знак на перевале Карамуз-гезень между реками Ойсу и Уртаксары поставлен одним Стрижевским; китайский чиновник Чин-Дарин отказался сопровождать его в горы [Там же, л. 130].

21 сентября (3 октября) 1883 г. в городе Чугучаке А. Я. Фриде и Шентай подписали *Протокол о разграничении территории между Россией и Китаем и постановке пограничных знаков на участке от перевала Карадабан до перевала Хабар-Асу.*

Генерал-майор Фриде провёл предварительную инструментальную съемку для предстоявших работ по демаркации границы между Сергиопольским уездом и Тарбагатайским округом, – Барлыкской горной страны и всего пограничного пространства от Карадабана до Хабарасу, придерживаясь пунктов, указанных в трактате, для чего был командирован в поле капитан Стрижевский [30, л. 172 об.].

Также генерал-майором Фриде проводилась предварительная инструментальная съемка для предстоявших работ по демаркации границы между Сергиопольским уездом и Тарбагатайским округом. По результатам этих работ была создана многолистная карта *Съемка пограничной полосы от пер. Карадабан в Ала-Тау до перевала Хабар-Асу в хребте Тарбагатайском, произведенная ин-*

струментально в 1883 году одновременно с проведением государственной границы полномочным комиссаром со стороны России Генерального штаба генерал-майором [Алексеем Яковлевичем] Фриде (генерал-лейтенант, участник Туркестанских походов, наказной атаман Семиреченского казачьего войска, Ярославский губернатор) и со стороны Китая сановником Шеном. Снимал 3-го Западно-Сибирского линейного батальона капитан Стрижевский (масштаб пять верст в дюйме). На карте показана государственная граница, пограничные столбы, развалины китайских пикетов.

На основании обнаруженного в Центральном государственном историческом архиве Казахстана рапорта Фриде [30, л. 172 об.] найдены важные детали работы разграничительной комиссии, свидетельствующие о том, что не на всех участках делимитированная в поле граница строго соответствовала пунктам договора, определявшим её прохождение на местности. В частности, так как пикета Карабулак в натуре найдено не было, генерал-майор Фриде убедил китайцев, что это не отдельный пикет, а ключ при пикете Бакту, и, таким образом, граница от выхода реки Кара-Китат из гор была направлена прямо на Бакту (Бахты) /74/ [Там же, л. 180]. Упомянутые в рапорте Фриде картографические приложения до настоящего времени не обнаружены. На пятиверстной карте капитана Стрижевского, составлявшейся непосредственно во время работ по разграничению, показана лишь граница, делимитированная Фриде, и установленные им столбы, а положение развалин китайских пикетов «исправлено» в соответствии с соображениями русского пограничного комиссара. Нами, однако, обнаружен один картографический документ, зафиксировавший как истинное положение китайских пикетов, так и установленную Фриде русско-китайскую границу. Речь идет о составленной пограничными властями непосредственно после разграничения карте русско-китайской границы, хранящейся в настоящее время в Российском государственном военно-историческом архиве [18]. Карта была создана специально для показа устройства охраны границы. Основным её содержанием является размещение и состав пограничных войск. На интересующем нас участке основу этого документа составляет рассмотренная ранее Карта пограничной полосы с Китаем масштаба пять верст в дюйме, составленная при Туркестанском военно-топографическом отделе в 1881 г., на которую дополнительно нанесено изображе-

ние границы и пограничных отрядов. На участке от знака № 48 до знака № 42 линия границы, показанная на карте, проходит восточнее китайских пикетов приблизительно на три версты, что совпадает с данными, приведенными в рапорте Фриде.

Допущенные генерал-майором Фриде «вольности» при демаркации русско-китайской границы имели далеко идущие последствия. Китайские пикеты, названия которых входили в официальный русско-китайский договор о границе, со временем исчезли без каких-либо следов на местности, что создало ситуацию «потерянного» участка границы. Автору данной работы потребовалось провести специальное исследование для восстановления на современном ландшафте вероятнейшего положения этих пикетов. Исследование это выполнялось для советских официальных организаций, отвечавших за подготовку переговоров с КНР по русско-китайским пограничным вопросам. Специальная Межведомственная комиссия (под руководством генерал-майора Н. Р. Филиппова), в составе которой работал автор, должна была, насколько возможно точно, реконструировать на современном ландшафте линию прохождения государственной границы, определенную официальными пограничными актами, заключенными между Российской и Цинской империями в XVII–XIX вв.

Положение этой линии в некоторых местах изменилось в течение длительного периода, прошедшего со времени формирования границы, настолько, что в 1980-х гг. договорная линия границы не всегда совпадала с той границей, которая официально охранялась советскими пограничниками. В некоторых местах она была «потеряна» из-за исчезновения или уничтожения пограничных знаков (пирамид, столбов) или местных ориентиров (отдельно стоявших деревьев, островов и т. п.), упоминавшихся в официальных русско-китайских пограничных договорах и протоколах делимитации и демаркации границ. Один из наиболее протяженных «потерянных участков» линии границы расположен в полупустынном районе Казахстана к востоку от озера Алаколь в предгорьях хребтов Саур и Тарбогатай.

В общей сложности это участок протяженностью более 40 км, ни одна из китайских крепостей, служивших пограничными пикетами, здесь не сохранилась.

Таким образом, строго говоря, никто не мог утверждать что-либо определенное о прохождении пограничной линии в этом районе,

пока не будет найдено точное положение на местности следов этих фортов. Поэтому от нас требовалось установить вероятнейшее положение китайских пикетов XVIII в. на современном ландшафте, что и сделано было во время полевых работ.

Только благодаря таким малозаметным, но важным природным контурам, как оползневые бугры, сухие русла водотоков, районы полигональных глиняных поверхностей, солончаки и постоянные дюны, изображенным на старых русских картах, составленных в 1862 г., военные топографы нашего отряда смогли нанести на современную местность вероятное положение каждого из десяти китайских по-

граничных пикетов, показанных на картах 1862 г.

Затем была проведена независимая археологическая экспертиза, которая помогла доказать дипломатам, что мы действительно нашли на местности «потерянную линию границы», которая была официально делимитирована в соответствии с русско-китайским Чугучакским протоколом. Помимо большого прикладного результата, эта экспериментальная полевая работа доказала правильность разработанной автором методики историко-географических исследований и историко-географического анализа старых карт и других материалов топографо-геодезических работ.

Источники и литература

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи МИД России). – Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. 1878–1879 гг. – Д. 8.
2. АВПРИ. – Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. 1865–1878 гг. – Д. 14.
3. Библиотека Русского географического общества. Картографическая коллекция Л4 15/4; К-15827.
4. Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 441 с.
5. Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан: опыт военно-статистического описания. – Ташкент: Тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903. – 445 с.
6. Куропаткин А. Н. Кашгария: историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. – СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1879. – 435 с.
7. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). – Ф. 192. – Оп. 3. – Д. 394.
8. РГАДА. – Ф. 192. – Оп. 6. – Д. 142.
9. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). – Ф. ВУА. – Д. 1358 (ч. 2).
10. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6841. Дело о командировании капитана Шепелева для собрания сведений о положении дел на западной китайской границе.
11. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 25602.
12. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 1087.
13. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 2131.
14. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 5235.
15. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 6014.
16. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 6051.
17. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 6101.
18. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 3. – Д. 338. – Инв. 2219.
19. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 3. – Д. 339.
20. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 3. – Д. 340.
21. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 3. – Д. 1104.
22. РГВИА. – Ф. 386. – Оп. 3. – Д. 1266.
23. РГВИА. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 128.
24. РГВИА. – Ф. 447. – Оп. 1. – Д. 7.
25. РГВИА. – Ф. 846/с. – Оп. 1/6. – Д. 71.
26. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 694 с.
27. ЦГАК (Центральный государственный архив Казахстана). – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 85.
28. ЦГАК. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 702. – Св. 97.
29. ЦГАК. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 37323.
30. ЦГАК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 4949.
31. ЦГАУ (Центральный государственный архив Узбекистана). – Ф.1. – С/2. – Д. 171.

УДК 94(5+41/99)
ББК 63.3(5)

Ван Сюй,
г. Маньчжурия, Китай

Чжалайнорские буроугольные копи и Китайско-Восточная железная дорога

В статье рассматривается одна из малоизвестных широкой общественности страниц истории Северного Китая, а именно: история Чжалайнорских копей в начале XX в. Автор характеризует ее на фоне истории развития в названное время Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Помимо истории становления копей приводится характеристика добывавшегося там угля, объемов добычи, называется количество рабочих и служащих, в том числе русских по происхождению. Сделан вывод о значимости копей для прилегающих территорий. Отмечено, что копи имеют потенциал развития в виде угольного разреза.

Ключевые слова: уголь, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Маньчжурия, Чжалайнор, Чжалайнорские копи

Wang Xu,
Manchuria, China

Jalainur Brown Coal Mines and the Chinese Eastern Railway

The article describes one of the little-known pages of the history of Northern China, namely the history of the Zhalaïnor mines in the early XX century. The author characterizes it against the background of the history of the development of the Chinese-Eastern railway (CER) at this time. In addition to the history of development of mines the characteristic mined there, coal mining output, is the number of workers and employees, including of Russian origin. The whole article is imbued with the idea of the importance of the mines for the surrounding territories. The author notes that the mines have the potential for their development in the form of a coal mine.

Keywords: coal, China-Eastern railway (CER), Manchuria, Zhalaïnor, Zhalaïnor mines

Чжалайнорские копи находятся на Западной линии Китайско-Восточной железной дороги по 117° 42" восточной долготы по Гринвичскому меридиану и 49° 28" северной широты, на расстоянии от станции Чжалайнор – 4 км, от станции Маньчжурия – 29 км и от станции г. Харбина – около 910 км. Со станцией Чжалайнор копи соединены железнодорожной веткой длиной около 4 км.

1 января 1902 г. Общество КВЖД заключило договор с цзянцзюнем (военным заместителем) провинции Хэйлунцзян о разведке и добыче каменного угля в этой провинции для нужд КВЖД, а также получило право производить изыскания и разработку каменного угля. Впервые недра были исследованы инженером Н. Бронниковым, работавшим в партии геолога Эдуарда Анерта, производившего геологическое исследование полоса отчуждения КВЖД. Разведкой Н. Бронникова были установлены как элементы залегания пласта в указанном районе, так и «благонадежность» месторождения для разработок. В августе

1902 г. первая смета в 184 000 золотых рублей на разработку Чжалайнорского угля была утверждена Правлением Общества КВЖД, а 1 сентября того же года была заложена и начата проходкой шахта № 1. Так возникла в Чжалайнорском месторождении «Первая копь», которую в настоящее время называют обычно «Копью Бронников».

17 августа 1907 г. Общество КВЖД и администрация Хэйлунцзянской провинции заключили договор о разведке и эксплуатации угольных месторождений в провинции Хэйлунцзян для нужд КВЖД. По договору определили порядок разработки не ближе чем на расстоянии 30 ли (500 или 571,5 м) от полосы железной дороги. Право изысканий и разработки угольных месторождений принадлежит железной дороге.

Возникновение Чжалайнорских копей неразрывно связано с постройкой КВЖД. Потребность последней в минеральном топливе послужила еще в период строительных работ причиной для обследования прилегающих к

ней районов. С указанного месторождения разведка совершалась непрерывно и развивалась из года в год параллельно с развитием работы КВЖД. Сама КВЖД связала пустынный край с культурными и промышленными центрами, дала выход богатствам края на мировые рынки, привлекла в регион крупные денежные средства. Все это послужило мощным толчком для зарождения и быстрого развития местной промышленности, в разнообразных формах и проявлениях, в том числе и открытием Чжалайнорских копей.

К 1904 г. в «Копи Бронникова» было уже четыре шахты (№ 1–4), с выходом угля из них около 16 500 т в год. Начиная с 1904 г. Чжалайнорские копи должны были значительно повысить размеры добычи ввиду усилившейся потребности железной дороги в угле в период русско-японской войны. Вследствие этого было оборудовано в спешном порядке несколько новых шахт, а именно: капитальные шахты № 5, 6 и вспомогательные к ним – № 7, 8. Приблизительно в это же время заложена и закончена проходкой (1906) шахта № 9, доведенная уже до глубины 68 м. Общий запас угля колоссальный. Согласно приводимым данным, он определялся на глубине 100 м – до 95 млн т, на глубине 200 м – до 220 млн т. По богатству Чжалайнорское месторождение занимает одно из первых мест в регионе.

Чжалайнорскому углю присущ общий для всех бурых углей недостаток – избыток влаги. Из положительных свойств Чжалайнорского угля следует отметить:

- 1) отличную горючесть;
- 2) малую зольность;
- 3) спокойное горение без копоти.

Говоря об истории копей в период русско-японской войны, необходимо упомянуть о постигшем их в это время бедствии – первом пожаре. Он начался в 1905 г. в открытых работах на первой копии, откуда быстро проник в поля первой и четвертой шахт, а затем и в поля шахты № 5, 1907 г. возник пожар в полях шахты № 6. Продукты горения местами проникали и в район работ шахты № 9.

Причины возникновения как этих, так неоднократно возникавших и в последующие годы пожаров не вполне выяснены и до настоящего времени. Их нередко объясняют свойствами самого угля, его способностью к самовозгоранию.

Осушка шахты № 9 и возобновление ее оборудования требовали больших капитальных затрат. Потребность же дороги в угле по окончании русско-японской войны сильно сократилась.

Начиная с 1910 г., в течение целого ряда лет, добыча угля производилась исключительно открытыми работами в копи «Находка».

С 1910 г. дорога перешла от хозяйственной эксплуатации копей к подрядному способу, посредством сдачи их для эксплуатации частным подрядчикам, путем сдачи копей в аренду на определенных условиях частным предпринимателям, с обязательством поставки на КВЖД обусловленного количества угля за установленную по договору цену.

За время с 1910 до 1924 г. копи находились в эксплуатации целого ряда подрядчиков: Я. Л. Скидельского и Н. Н. Бочарова (1910–1913), П. П. Ильинского и Я. К. Крылова (1914–1919), Л. Ш. Скидельского (1920–1923), В. Ф. Ковальского (1921–1924). В 1919 г. подрядчиком Л. Ш. Скидельским заложена новая копь в районе р. Мутный Проток, где была организована открытая добыча угля, а в следующем 1920 г. открыта копь «Новый Мутный проток».

С 1913 г. выход Чжалайнорского угля на частный рынок получил постоянный характер, хотя главная роль его по-прежнему заключалась в удовлетворении потребности КВЖД в минеральном топливе.

Сдача копей часто меняющимся подрядчикам с краткосрочными договорами приводила к тому, что каждый из подрядчиков получал неплохую прибыль.

Со временем стали проводиться в жизнь мероприятия по обеспечению копей постоянным контингентом рабочих, для этой цели была значительно повышена заработная плата, производился ремонт жилых помещений для рабочих, а на 1928 г. была предусмотрена постройка новых зданий ввиду недостаточности и неудовлетворительности существовавшего на тот момент жилищного фонда.

В период русско-японской войны на копиях было занято свыше 10 тыс. чел. военнослужащих и наемных китайцев.

В 1919–1921 г. количество рабочих составляло от 5 до 8 тыс. чел. В последующие годы ввиду сокращения добычи число рабочих упало до 1 тыс. чел., и в некоторые годы их было даже меньше.

Общее число занятых на копиях рабочих и служащих на 1 января 1927 г. составляло 1 190 чел., в том числе: китайцев – 838, русских – 352. Занято на подземных работах 502 чел.

Для рабочих и служащих на копиях имелись: 1) приемный покой и больница; 2) школы 1, 2-й ступени; 3) кооператив служащих и рабочих, из которого производился отпуск

всех главнейших продуктов и предметов широкого потребления за наличный расчет и в кредит; 4) железнодорожное собрание с библиотекой и читальней при нем.

Важным был вопрос об улучшении качества угля Чжалайнорских копей. Как отмечалось, Чжалайнорский уголь являлся бурым углем, который характеризуется избытком в нем влаги, выпариваемой при топочном процессе.

Практикой западноевропейских стран разработано несколько способов облагораживания бурых углей. Наиболее распространенным из них является изготовление угольных брикетов. Брикетированием удается понизить влажность угля, благодаря чему его теплопроизводительная способность увеличивается.

Брикетирование широко применялось в ряде стран, особенно в Германии (с 1858 г.). Вопрос о брикетировании Чжалайнорского угля поднимался еще в 1906 г. При подрядном способе эксплуатации производились опыты брикетирования, давшие положительные результаты. Администрацией копей велись переговоры с заграничными фирмами (Германия, Англия, Бельгия) для выяснения наиболее рентабельных, применительно к местным условиям и свойствам угля, способов брикетирования. В особенности такой уголь пригоден для отопления жилых помещений, в то время как остальные угли являются, по преимуществу, промышленными углями.

В заключение подведем некоторые итоги по продукции Чжалайнорских копей за двадцатипятилетний период их работы и установим роль Чжалайнорского угля в хозяйстве КВЖД и на частном рынке. За время эксплуатации Чжалайнорского месторождения до 1 января 1927 г. на копях добыто 4,8 млн т (294,9 млн пудов) угля. Средняя годовая добыча за весь рассматриваемый период составляет 201,4 тыс. т. В 1923 г. копи обслуживали до 98 % общей потребности КВЖД в минеральном горючем. С появлением на местном рынке новых видов угля для КВЖД, в некоторых случаях (отопление паровозов, в особенности на удаленных от Чжалайнора участках) стало более выгодным использова-

ние последних. Однако и тогда около половины всего количества потребляемого угля получалось с Чжалайнорских копей.

На частный рынок Чжалайнорский уголь до этого времени выпускался в ограниченном количестве (не более 2–3 млн пудов в год), размер добычи был рассчитан почти исключительно на размер потребности в нем КВЖД. На 1927 г. Чжалайнорский уголь занял прочное положение на рынках, в особенности в городах Маньчжурия и Хайлар, где применялся как в промышленном производстве, так и для отопления жилых помещений. В г. Маньчжурия большинство жилых домов отапливалось углем из Чжалайнора, причем уголь этот считался там одним из лучших, и переход на него с дров в отоплении частных жилищ произошел легко и безболезненно. В меньшем количестве получали Чжалайнорский уголь станции Бухэду, Фуляэрдэ, Цицикар, Анд, Маньгоу и др. В связи с продолжавшейся колонизацией края и постепенным уничтожением лесов, нараставшим из года в год, потребность в добыче Чжалайнорского угля дала возможность для расширения производительности копей.

С 1902 по 1910 гг., в период работы Китайско-Восточной железнодорожной компании, в разное время было построено 18 шахт и освоено 5 шахт добычи открытым способом. Тогда же была сформирована систематизированная модель управления, введена более совершенная на то время западная концепция управления, что способствовало развитию периферийного региона Северной Маньчжурии, принесло с собой развитие современной промышленности и культуры. С момента, как Чжалайнорский угольный разрез продолжил работу в укреплении КВЖД, вплоть до конца 20-х гг. XX в. происходило его развитие, годовой объем добычи разреза составлял десятки миллионов тонн, что позволило ему стать локальным участником экономики и внести значительный вклад в экономическое развитие и строительство концепции «Один пояс, один путь». Желаем, чтобы Чжалайнорский угольный разрез, находясь в процессе своего развития, снова засиял в своем великолепии.

Источники и литература

1. В. А. А. Ауэрбаха горное и заводское дело // Горный журнал. – 1910. – Т. 4. – С. 17.
2. Любимов Л. И. Чжалайнорские копи. – Харбин: Тип. Кит. Вост. железной дороги, 1927. – 52 с.
3. Любимов Л. И. Чжалайнорские копи КВЖД (к 25-летию юбилею с начала эксплуатации) // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 8. – С. 9–13.
4. Фонды Чжалайнорского музея.

УДК 94(41/99)
ББК 63/3(4)5

Наталья Николаевна Ковалёва,
*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Западно-Белорусский регион в культурной политике России и Германии накануне и в период Первой мировой войны

В статье сопоставляются цели и формы реализации культурной политики России и Германии в западно-белорусском регионе накануне и в период Первой мировой войны. Культурная политика, ориентированная на развитие не мирных форм взаимодействия культур, рассматривается как фактор, влияющий на характер динамики культур в регионе и, вследствие этого, на процесс формирования особой локальной идентичности.

Ключевые слова: регион, культурная политика, национальное самосознание, система образования, язык, вероисповедание

Natalia N. Kovaleva,
*Brest State Technical University,
Brest, Belarus*

West-Belarusian Region in Cultural Policy of Russia and Germany on the Eve and During the First World War

The article compares the goals and forms of implementing the cultural policy of Russia and Germany in the West Belarusian region on the eve and during the First World War. A cultural policy focused on the development of non-peaceful forms of interaction of cultures is considered as a factor affecting the nature of the dynamics of cultures in the region and, as a result, the process of formation of a special local identity.

Keywords: region, cultural policy, national identity, education system, language, religion

В конце XIX – начале XX в. в России уже сложились определённые принципы правительственной политики на инкорпорированных территориях. В отношении западно-белорусского региона, куда, исходя из этносоциальных и конфессиональных особенностей, включаются Вилейский, Диснянский, Лидский, Ошмянский уезды Виленской губернии, Новогрудский и Слуцкий уезды Минской губернии, Гродненский, Волковысский, Слонимский уезды Гродненской губернии, а также Брестский, Пружанский и Кобринский уезды Гродненской губернии («Западное Полесье»), эта политика отличалась своеобразием. Население региона должно было стать частью русской нации, поэтому долгое время за ним не признавалось этнических отличий. Главным препятствием на пути поставленной задачи было мощное влияние польской культуры. При том, что цель политики России оставалась неизменной – «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах» [6, с. 39], способы её реализации менялись. После восстания 1863 г. отме-

чается ужесточение правительственного курса, особенно в отношении поляков и полонизированных белорусов (вытеснение польского языка из сферы образования, делопроизводства, попытки «русификации» костёла и т. д.).

В конце XIX в., чтобы заблокировать процесс полонизации, руководство региона меняет курс, начиная искусственно культивировать «белорусскость». Основанием для этого становится новая ситуация, связанная с ростом национального самосознания белорусов, о чем свидетельствовали данные Первой Всеобщей переписи 1897 г., в процессе проведения которой национальная принадлежность определялась по родному языку. Официально в России существовало представление о белорусском и украинском языках, как о белорусском и малороссийском наречиях русского языка, что нашло отражение в переписных листах: после указания количества русских в скобках указывается, сколько из них было малороссов и белорусов. Перепись показала безусловное преобладание в регионе белорусско-язычного населения, за исключением

Брестского и Кобринского уездов, где соответственно 64,3 и 79,5 % из общего числа населения составляли малороссы. Процент польско-язычного населения колебался от 1,39 % в Пружанском уезде до 5,66 % в Гродненском уезде, еврейского – от 9,52 % в Вилейском уезде до 20,78 % в Брестском уезде (подсчитано автором по данным Первой Всеобщей переписи 1897 г.) [7, с. 11, 13, 17]. Новый Виленский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904) отказался от устоявшегося подхода определять этническую принадлежность по вероисповеданию. Действительно, в Гродненской губернии значительная часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5 %), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [2, с. 50]. Учитывая, что рождающееся белорусское национальное движение, ввиду своей слабости, не угрожало целостности империи, руководство края сделало ставку на развитие у белорусов национального самосознания, пытаясь ввести в белорусских католических приходах богослужение на родном языке. Препградой на пути реализации этой идеи стало то, что большинство католических священников были поляками. Так, в Гродненской губернии по переписи 1897 г. родным языком польский признали 170 католических священников, белорусский же – 38 [8, с. 103].

Рассматривалась также возможность использования «местных наречий» в образовательных учреждениях, в частности, для преподавания Закона Божьего. Данное нововведение не получило распространения по указанной выше причине, а также из-за сложности определения родного языка учащихся (белорусы-католики разговаривали дома по-белорусски, а молились по-польски). Заметим, что эти послабления не распространялись на «украинское наречие». Вопрос об ограниченном использовании в Брестском и Кобринском уездах, где преобладали малороссы, «украинского наречия» даже не поднимался, так как украинский национальный проект (создания украинского государства) в империи набирал силу. Напротив, Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г. поставили заслон на пути издания и распространения литературы на украинском языке. В регионе продолжали официально действовать только русскоязычные школы, так как правительство понимало роль начальной школы в ассимиляции местного населения и консолидации русской нации. В начале XX в. были значительно увеличены государственные ас-

сигнования на школьное образование, что имело огромное значение для западно-белорусского региона при отсутствии здесь земств (до 1911 г.). С 1896 по 1900 г. расходы государства на начальную школу удвоились, а к 1907 г. произошло очередное удвоение расходов. С 1907 по 1914 г. они выросли в 4 раза [5, с. 152]. При этом значительная часть населения региона получала начальное образование в тайных польских и малочисленных (в Лидском уезде) белорусских школах. По утверждению некоторых историков, нелегальное польское школьничество на Виленщине и Гродненщине, по численным показателям, не уступало официальной российской школе, а по идеологическому влиянию имело преобладание [4, с. 34].

С началом Первой мировой войны практически весь западно-белорусский регион, за исключением Диснянского и Слуцкого уездов, был оккупирован немецкими войсками. Культурная программа немецких властей была ориентирована на то, чтобы изолировать оккупированные земли от культурного влияния России и усилить влияние Германии и немецкой культуры. На всей территории Обер-Ост, куда вошли оккупированные уезды Виленской и Гродненской губерний, было запрещено преподавание на русском языке. Выполнение задачи облегчалось тем, что на восток эвакуировали не только население, промышленные предприятия, но и значительную часть учебных заведений. В Конституции Обер-Ост, провозглашенной 25 июня 1916 г., было заявлено об отказе от политики онемечивания местного населения, об одинаковом отношении ко всем местным национальностям и религиозным обществам [Там же, с. 77]. Заявленная линия в области культурной политики призвана была оказать определённое идеологическое воздействие на местное население, обеспечив его лояльность по отношению к новым властям. В частности, оккупационные власти развернули формирование школ по конфессионально-национальному принципу: в одной школе могли учиться только дети одного вероисповедования и национальности. «В генеральном округе Белосток-Гродно руководство Обер-Ост с конца 1916 г. стало организовывать белорусские начальные школы. Впервые со времён Великого Княжества Литовского белорусский язык был признан как один и официальных и равноправных языков края, что имело не только культурное, но и политическое значение» [Там же, с. 85].

Однако стремление белорусов к созданию своей государственности немецкими вла-

стями не поддерживалось. Заключая соглашение с Украинской Народной Республикой, германская сторона согласилась на то, чтобы вся территория от Брест-Литовска до Гомеля была передана УНР. «Вследствие того, что Беларуси в восприятии немецкой стороны переговоров как бы не существовало, вовсе не удивляет тот факт, что северную границу УНР без серьезных конфликтов зафиксировали в договоре от 9 февраля 1918 г. по линии Высоко-Литовск – Камене́ц-Литовск – Пружаны – Выгоновское озеро» [3, с. 51]. И если с политической точки зрения такое решение территориального вопроса содействовало разжиганию белорусско-украинских противоречий, с другой стороны, оно представлялось вполне логичным в контексте культурной политики. Напомним, что по данным Всеобщей переписи 1897 г., «Западное Полесье» (Брестский, Кобринский и отчасти Пружанский уезды) в языковом плане определялось как украинская территория. Таким образом, в отличие от российской, германская культурная политика удовлетворила в некоторой степени и интересы украинской части населения западно-белорусского региона. Несмотря на то, что УНР до ухода германских войск не имела реальной силы на территории, отошедшей к ней по договору, на Брестчине уже в 1918 г., как утверждают некоторые исследователи, было создано около 50 украинских школ» [1].

Проявляя лояльность по отношению к местным национальностям и позволяя им удовлетворять свои культурные потребности, немецкая администрация, так же, как в своё время российское правительство, прилагала усилия с тем, чтобы ослабить польское влияние на регион, стараясь не допустить проникновения польской литературы и финансовых средств. Тем не менее, пользуясь поддержкой костёла и получая некоторые финансовые средства из этнической Польши, польские учебные заведения, как легальные, так и нелегальные, продолжали доминировать в регионе.

Таким образом сложная ситуация конца XIX – начала XX в., связанная с Первой мировой войной, миграцией населения, изменением государственных границ, сопровождалась изменением культурной политики в регионе. На протяжении небольшого отрезка времени радикально менялись и доминирующие культуры. Однако преобладали не мирные формы взаимодействия культур, насильственное доминирование одной культуры над другой в политических целях при категорическом отрицании одних и допущении ограниченного развития других культур под контролем властей. В конечном счете, эти факторы стали определяющими в формировании особой локальной идентичности в западно-белорусском регионе.

Источники и литература

1. Барановский И., Мисиюк В. Кому принадлежал Брест в 1918 году // Брестская газета. – 2011. – 24 марта.
2. Ганчар А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.). – Гродно: ГГАУ, 2008. – 276 с.
3. Зиберт Д. Карта из приложения к Брест-Литовскому мирному договору: причины неопубликования и ошибки в интерпретации текста документа в немецкоязычной историографии // Журнал белорусского государственного университета. История. – 2018. – № 2. – С. 47–56.
4. Ляхоўскі У. Школьна адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг. Навуковае выданне. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. – 340 с.
5. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). – СПб.: Алетей, 2000. – 260 с.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 583 с.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 7. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Паровая Типо-Литография Н. Л. Ныгина, 1905. – 38 с.
8. Табунов В. В. Влияние римско-католического духовенства на формирование национально-государственного самосознания населения белорусских земель в конце XIX – начале XX в. // Копытинские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Могилев, 17–18 мая 2018 г.). – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 102–104.

УДК 94(4+7):929
ББК 63.3(4)

Эдуард Валентинович Костяев,

*Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия*

Отношение Ф. И. Дневницкого к Первой мировой войне

В статье впервые в отечественной историографии дан специальный анализ теоретических взглядов такого малоизвестного деятеля отечественной социал-демократии и одного из ближайших сподвижников «отца русского марксизма» Г. В. Плеханова, как Фёдор Исаевич Дневницкий (Цедербаум), на отношение населения тогдашней России вообще и рабочего класса, в частности, к участию страны в Первой мировой войне. Сделан вывод, что его воззрения имели не только социалистическую, но и патриотическую направленность, связанную с «оборонческой» позицией Ф. И. Дневницкого по отношению к Первой мировой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, РСДРП, меньшевизм, интернационализм, «оборончество», Ф. И. Дневницкий

Eduard V. Kostyaev,

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, Russia*

Relation of the Th. I. Dnevitsky to the First World War

For the first time in Russian historiography, the article provides a special analysis of the theoretical views of such a little-known figure in Russian social democracy and one of the closest associates of the «father of Russian Marxism» G. V. Plekhanov, like Fyodor Isaevich Dnevitsky (Cederbaum), on the attitude of the population of the then Russia in general and the working class in particular to the country's participation in the First World War. At the same time, it is concluded that his views had not only a socialist, but also a patriotic orientation, connected with the «defensive» position of F. I. Dnevitsky in relation to the First World War.

Keywords: First World War, RSDLP, Menshevism, internationalism, «defencism», Th. I. Dnevitsky

В историографии отсутствует специальная научная работа, посвящённая отношению к Первой мировой войне 1914–1918 гг. «последователя и верного оруженосца Плеханова» [1, с. 35]. Пантелеймона Дневницкого (Фёдора Исаевича Цедербаума) (1883–1937). Секретарём и сподвижником основателя отечественной социал-демократии он стал ещё в революционные 1905–1907-е. В 1917 г., вернувшись на Родину, Дневницкий стал членом плехановской группы «Единство» и работал в газете «Единство» до её окончательной ликвидации большевиками в 1918 г.

В начале войны в письме из Италии от 3 февраля 1915 г. столичной группе «Единство» Ида Исааковна Аксельрод, Дневницкий и Георгий Валентинович Плеханов указали цель агрессора в мировом конфликте: «Она заключается в том, чтобы создать таможенный союз... и навязать остальной Европе выгодные для Германии торговые договоры. Навязать другим странам такие договоры значило

бы сделать их предметом... эксплуатации... Германии». «Говоря... о России, мы обязаны иметь в виду, – отмечалось в письме, – что её эксплуатация Германией остановит её экономическое развитие, а следовательно, освободительное движение пролетариата». Разговоры о том, что у нашей страны в войне тоже имелись агрессивные-захватнические намерения, авторами письма не воспринимались серьёзно. Предельно очевидно, были убеждены они, что Россия вследствие своей неразвитости «не в состоянии наложить экономическое иго на Германию или на другую капиталистическую страну» [5, с. 342–343].

Цитируемый документ ярко демонстрирует и антимилитаристскую сущность воззрений Дневницкого и его соратников. Отечественный рабочий класс, подчёркивали они, «не имеет права стремиться к эксплуатации других народов, но он обязан сопротивляться попыткам всякого другого народа наложить на него экономическое иго». Поскольку мировая

бойня была развязана германской буржуазией в союзе с юнкерством и «немецкими социалистическими оппортунистами», как резюмировали авторы письма, «не подлежит... сомнению право... русского пролетариата защищать свою страну» [5].

На ходившие в то время среди радикалов разговоры, что, обороняя государство, рабочие таким образом будут защищать самодержавие, Дневницкий и его соавторы указывали, что эффект случится как раз обратным: «В процессе самозащиты России неизбежно обнаружится несостоятельность русского царизма, – замечалось в письме. – Задача агитации в том и заключается, чтобы содействовать обнаружению этой несостоятельности». В приписке к данному письму от 4 февраля, реагируя на вопрос однопартийцев о втировке военных кредитов, авторы писали думской фракции РСДРП: «Мы очень... советуем фракции, ...голосуя против соответствующих кредитов, мотивировать такое голосование тем, что, хотя мы и считаем... необходимой оборону страны, но, к сожалению, это... дело находится в слишком ненадёжных руках... царского правительства» [Там же].

Летом того же года группой «Единство» был издан во Франции сборник «Война», где увидела свет статья Дневницкого «Из области экономики». 200 лет выбиралась Россия на европейский путь, 50 лет развивалась её промышленность, а «сейчас ей угрожает новое иго... немецкого капитализма, которое, – подчёркивал автор, – ...повернуло бы страну вспять, остановив её экономическое развитие, а вместе с ним и развитие... передовых общественных сил, во главе с пролетариатом...». Угрозу превращения России в германскую колонию типа британской Индии он отнюдь не расценивал как фантазию. В 1917 г. Дневницкий добавлял к ранее написанному, что мировой пожар зажгла Германия и, воспользовавшись неподготовленностью России, в стремлении через Балканы и Багдад к Индии и Египту, «обнажила меч и поставила Европу перед угрозой войны», а Россия просто «вынуждена была поднять брошенную ей перчатку» [4, с. 3–4, 10–11].

Выпущенное Дневницким, Идой Аксельрод, Алексеем Любимовым, Валентином Фоминым и Георгием Плехановым зимой 1915 г. воззвание гласило, что народ и пролетариат «должны помнить, что, сражаясь против немецкой... армии, они не только обороняют... страну от чужеземного ига, ...но... защищают также... независимость всех европейских стран...». Им нужно помнить, что бри-

танские, российские, бельгийские и французские социалисты не желают уничтожения Германии и «ведут войну не с народами Германии и Австрии, а только с правительствами, угнетающими эти народы»: «Они должны настаивать, – читаем мы в нём, – чтобы... от Эльзаса-Лотарингии и до Балкан население насильно присоединённых местностей получило право располагать своей судьбою по своей... воле» [Там же, с. 29–30].

Весьма гневной была реакция П. Дневницкого на случившееся в Брест-Литовске. Для него «гибельный для страны» договор, подписанный большевиками в Бресте, являлся финальным аккордом «губительной» политики, освящённой ещё в начале мирового конфликта указанием В. И. Ленина на желательность поражения России в революционных целях. Брестский договор, подчёркивал он, «не только открывает для Германии возможность получать недостающее снабжение в потребном количестве. Он претворил эту возможность в действительность. Совершенно даром – за счёт голодной... России – он отдал в руки Германии неисчислимую добычу: много хлеба, сахара... и, сверх того, металла, военного снаряжения, амуниции» [2, с. 6–7].

Крайне важен был «похабный» мир и в военно-стратегическом плане, поскольку Германии в результате его подписания предстояло вести боевые действия на одном фронте вместо двух: «Теперь Германия, – писал Фёдор Исаевич, – застрахована от каких бы то ни было неприятельских покушений на крайнем правом фланге, где она властвует на всём побережье и островах Балтийского моря. На... юге для неё открывается возможность широких операций в пределах Малой Азии, побережий Архипелага и Адриатики с вероятностью сбросить в море союзную армию с Балканского полуострова, захватить Албанию, Грецию с угрозой поражения Италии и обхвата правого фланга противника» [Там же, с. 7].

Не менее важно, как полагал он, и политическое значение Брест-Литовского мирного договора, ибо этот мир означал установление полной «германско-прусской гегемонии над европейским югом, востоком и севером»: «Достаточно Германии кончить войну на западе вничью или хотя бы с лёгким уроном, – указывал Дневницкий, – чтобы обеспечить себе возможность самостоятельного... решения всех политических вопросов, касающихся указанных частей Европы» [Там же].

Совершенно отрицал он расхожий тезис, что для перспектив социализма были опасны как германо-австрийский, так и франко-ан-

глийский и американо-японский империализмы. Экспансионистский характер немецкого империализма был очевиден «даже глухим и слепым»: «Полное экономическое порабощение побеждённых... стран, – писал Дневницкий, – т. е. большей части Европы; таможенная стена, отделяющая эти страны от всего мира...; жестокая политическая реакция в государствах побеждённых точно так же, как и в государствах победителей; повсюду торжество монархий и империя, ...надзирающая за ними – вот программа, ...которой не скрывают опьянённые успехом... германские капиталисты». Противостояли же этой «всемирной реакции» «величайшие в свете демократические страны» – Соединённые Штаты, Англия и Франция, добивавшиеся искоренения пережитков феодализма, пропагандировали свободу торговли, защищали провозглашённый ещё Французской революцией лозунг невмешательства во внутренние дела чужих народов, защищали права аннексированных Сербии и Бельгии, настаивали на соблюдении интернациональных соглашений, публично заявляли, что «ни в каком случае не допустят... унижения России, раздела Польши и Румынии, не признают... Брестского мира»: «Реакция, деспотизм – на одной стороне; свободное развитие народов, демократия – на другой. Неужели для демократа, для революционера, для социалиста то и другое – всё равно?» [2], – задавался вопросом Фёдор Исаевич.

На «встречении казённых перьев» о том, что не идеалистические побуждения заставляли союзников России стремиться к достижению их демократической программы, а реальные экономические интересы, П. Дневницкий отвечал: «...если в экономических интересах... Германии поработить мир, а в... интересах... союзников дать простор свободному развитию, то демократия должна сказать: вместе с союзниками против германского империализма! А если это так, то политика Бреста – не... ошибка, а... преступление против... международного социализма» [Там же, с. 7–8].

Откликнулся П. Дневницкий и на произошедшую 5 апреля 1918 г. высадку японского десанта во Владивостоке и последовавший за этим большевистский ультиматум об оставлении российской территории японскими оккупантами. Он предполагал, что, делая это, Советская власть рассчитывала на помощь германских империалистов. Тогда не случайно,

полагал Дневницкий, в газетах было напечатано известие, что в случае непринятия Японией ультиматума Германия, вопреки Брестскому договору, разрешит России мобилизовать войска. Если Япония поставила целью захватить Сахалин и значительную часть Сибири, то война, по его мнению, развязала бы ей руки, а связь советского правительства с Германией исключила бы возможность протеста союзников: «Германия же, занятая на западе, фактически не сможет, – писал Дневницкий, – оказать нам существенную помощь». Он прекрасно понимал, что союзники и враги одинаково смотрели тогда на Россию, «как на мёртвое тело, неспособное самостоятельно двигаться или отстаивать своё положение». Но из двух зол выбирал всё-таки меньшее – союзников, ибо считал, что и Англия, и Франция, и Соединённые Штаты могли в любой момент заключить мир «за наш счёт», но всё же не хотели этого делать: «Помощь союзников, – полагал Дневницкий, – весьма пригодится нам и на мирном конгрессе, где будут закреплены условия дальнейшего существования всего земного шара, в том числе Европы и России. Конечно, нашей стране необходимо позаботиться о том, чтобы самой выступить на этом конгрессе в качестве действующего лица, а не объекта чужеземного воздействия. Но опять-таки без сильных союзников нам этого не достигнуть. Германия не только с Россией, но даже с Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией обращается, как с вассалами». При таких обстоятельствах становиться во враждебные отношения к державам Соглашения и грозить им войной Дневницкий считал «величайшим безумием». По его мнению, не война с Японией диктовалась тогда положением дел, а борьба с антинациональной политикой Ленина «как необходимое предварительное условие борьбы за восстановление независимости государства российского...» [3, с. 1–2].

Политическая позиция П. Дневницкого, занятая им в годы Первой мировой войны, ярко свидетельствовала о том, что среди руководящих деятелей российской социал-демократии данного периода были люди, являвшиеся примерами успешного сочетания социалистических идеалов с патриотизмом в отношении Родины, на которую вероломно напал внешний агрессор и которую в обстановке угрозы порабощения и потери суверенитета он призывал защищать с оружием в руках.

Источники и литература

1. Дан Л. О. Семья (из воспоминаний) // Мартов и его близкие: сборник. – Нью-Йорк: [б. и.], 1959. – С. 3–37.
2. Дневничкий П. Всемирно-историческое преступление // Дело. – 1918. – № 2. – 7 апр. (25 марта). – С. 6–8.
3. Дневничкий П. Горькие плоды // Дело. – 1918. – № 3. – 14 (1) апр. – С. 1–2.
4. Дневничкий П. Чем грозит русскому народу победа Германии? – Петроград: Единство, 1917. – 32 с.
5. Baron S. H. Plekhanov in war and revolution, 1914–1917 // International Review of Social History. – 1981. – Vol. XXVI. – Part. 3. – P. 325–376.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Виктор Владимирович Кузнецов,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

И. Сталин и формирование единого национального фронта в Китае

Статья подготовлена на основе документов и свидетельств современников и содержит материал о выработке позиций советского руководства, прежде всего И. В. Сталина, по формированию единого национального фронта в Китае в 1920–1930-е гг. В ней особо акцентировано внимание на роли Сталина в «Сианьском инциденте».

Ключевые слова: единый национальный фронт, И. В. Сталин, партия Китая, Мао Цзэдун, Гоминьдан, Чан Кайши, «Сианьский инцидент»

Viktor V. Kuznetsov,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

I. Stalin and the Formation of the United National Front in China

The article is based on documents and testimonies of contemporaries and contains material on the development of the positions of the Soviet leadership and, above all, I. V. Stalin on the formation of a United National Front in China in the 1920–1930s. It particularly focuses on the role of Stalin in the “Xian incident”.

Keywords: United National Front, I. V. Stalin, Communist Party of China, Mao Zedong, Kuomintang, Chiang Kai-shek, “Xian incident”

В победе Великой Октябрьской социалистической революции и образовании первого в мире Советского государства многие сторонники идей марксизма видели начальный пункт всемирной революции рабочих и крестьян. Если рабочие выступления в Германии, Венгрии и некоторых других европейских странах на первом этапе служили подтверждением этой теории, то события в азиатских колониальных и полуколониальных государствах данного периода отличались своей спецификой. Во многих зависимых государствах капиталистические отношения были на начальном уровне своего развития, рабочий класс был малочислен, а крестьянство было в

полуфеодальной зависимости. Основной целью для таких стран было завоевание независимости. Таким образом, классовые интересы и цели логично отходили на второй план. Именно об этом – о правильном определении приоритетов в борьбе народов Востока, и говорил В. И. Ленин, выступая на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. в Москве [3, с. 244–245]. Главным оппонентом вождя российского пролетариата был лидер индийских коммунистов М. Н. Рой, считавший главной задачей коммунистических и рабочих партий стран Востока – классовую борьбу и завоевание власти. В той дискуссии индийского коммуниста поддерживали и два российских соратника Лени-

на – А. В. Луначарский и И. В. Сталин, хотя и вынуждены были подчиниться ленинской резолюции конгресса. Именно такой была изначально позиция Сталина и по вопросу компромисса рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, и национальной буржуазии – с другой, в странах Востока в целом, и формирования единого национального фронта в Китае – в частности. После создания в Китае партии Гоминьдан и начала китайской революции 1920-х гг. точка зрения Сталина несколько изменилась, что он и продемонстрировал, выступая перед студентами и преподавателями Коммунистического университета трудящихся Востока 18 мая 1925 г. «В странах, вроде Египта или Китая, национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии..., говорил он, – и коммунисты не могут ставить себе целью образование единого национального фронта..., а должны перейти к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять форму единой партии, вроде «Гоминьдан» [8, с. 146].

Таким образом, Сталин одобрил решение китайских коммунистов войти в состав Гоминьдана. Однако при этом, с точки зрения «вождя народов», необходимо было не только избежать процесса «растворения коммунистических элементов в рядах буржуазии», но и как можно быстрее установить гегемонию КПК в «рабоче-крестьянском Гоминьдане» [Там же, с. 147]. При осуществлении последнего условия в исполкоме Коминтерна даже рассматривался вопрос о включении Гоминьдана в Коммунистический Интернационал.

Однако стремление форсировать процесс выполнения установок Коминтерна по активизации деятельности китайских коммунистов в Гоминьдане привело к совершенно противоположному результату. Понимая явную угрозу роста влияния КПК на народные массы, преемник Сунь Ятсена и лидер «партии национального единства» Чан Кайши летом 1926 г. совершил переворот, объявив КПК вне закона [6, с. 217–219]. События в Китае 1926–1927 гг. получили в Совнаркоме однозначную характеристику – «контрреволюционный переворот». Однако в оценке их причин и последствий мнения руководства Советской страны были не столь однозначны. Л. Д. Троцкий в своём обращении к «китайской левой оппозиции» писал: «Вступление компартии в Гоминьдан – было ошибкой с самого начала», обвиняя при этом во вмешательстве «русскую оппозицию». И хотя имена членов оппозиции им названы не были, всем было понятно, что

это группа, в которую входили К. Радек, Д. Мануильский, член ИККИ Г. Маринг, имевшая изначально сильное влияние на формирование взглядов И. В. Сталина на китайскую проблему [7, с. 150–151]. Карл Радек всю вину возлагал на предательскую крупную буржуазию: «В эти дни части крупной буржуазии, которые шли до этого вместе с национально-освободительным движением, повернули против пролетариата и крестьян, повернули против национальной революции и перешли на путь сделки с мировым империализмом» [5, с. 115]. Исходя из этого, Радек настаивал на жёстком и немедленном переходе к классовой борьбе в Китае. Н. Бухарин, а за ним и И. В. Сталин признавали факт предательства китайской крупной буржуазии и осуждали разгон и расстрел гоминьдановским правительством рабочих демонстраций, однако долгое время не хотели отказываться от разработанной ими концепции «коммунизации» Гоминьдана [9, с. 232–238].

Китайский вопрос в 1927 г. явился одним из острейших в партийных дискуссиях ВКП (б), которые в итоге привели к исключению из партии Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого. Начавшаяся в 1927 г. гражданская война заставила на некоторое время забыть о едином национальном фронте в Китае. И только японская агрессия и захват огромной территории северо-восточного Китая вновь актуализировали тематику единого фронта. Образование у восточных границ нашей страны про-японского марионеточного государства Маньчжоу-Го в сочетании с агрессивным внешнеполитическим курсом милитаристской Японии заставили советское руководство в очередной раз пересмотреть свои позиции по китайскому вопросу. Этому способствовало и изменение отношения к формированию единого национального фронта со стороны лидеров КПК. Мао Цзэдун ещё в 1933 г. заявлял «о своей готовности заключать с любыми частями гоминьдановских войск соглашения о совместной борьбе против японских захватчиков» [4, с. 47]. К моменту создания единого антияпонского национального фронта советское руководство прекрасно понимало, что главную силу в Китае, которая могла бы противостоять японским захватчикам, представлял именно Гоминьдан. Чан Кайши располагал армией численностью более 2 млн чел., тогда как войска коммунистов с трудом насчитывали 50 тыс. штыков. Под контролем гоминьдановского правительства были все экономически развитые районы страны. Кроме того, Чан Кайши поддерживал отношения со всеми ве-

дущими странами мира [2, с. 222]. Исходя из этого, Сталин неоднократно убеждал китайских лидеров возобновить процесс формирования единого национального фронта теперь уже с новой характеристикой – антияпонский. Так, 15 августа в телеграмме Мао Цзэдуну он настоятельно советовал изменить отношение к Чан Кайши, взяв «курс на прекращение военных действий» между Красной армией и армией Гоминьдана. «Мы думаем, – писал он, – что неправильно ставить Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, ... ибо главным врагом китайского народа является японский империализм, борьбе с которым на данном этапе должно быть подчинено всё» [1, с. 266–269]. Мао не мог тогда послушаться «старшего брата». «Суть нашей политики – единение с Чан Кайши для сопротивления Японии», – объявил он китайским коммунистам [4, с. 243]. Однако соглашательскую позицию лидера китайских коммунистов чуть было не перечеркнул так называемый «Сианьский инцидент».

Одного стремления коммунистов сформировать единый фронт было недостаточно. Чан Кайши готов был идти на переговоры с Советским Союзом, но не с КПК. Главной своей задачей лидер Гоминьдана тогда считал не сопротивление японским агрессорам, а разгром Советских районов в Китае, окончательное объединение страны и завершение реформ, основанных на трёх принципах Сунь Ятсена. Решая внутривнутриполитические задачи, Чан Кайши ошибочно посчитал японскую агрессию рядовым территориальным конфликтом, надеясь на заступничество Лиги Наций. Однако, когда Квантунская армия захватила весь северо-восток Китая, реальной международной помощи он так и не получил. Осложняла ситуацию внутри страны и позиция главы маньчжурской группировки маршала Чжана Сюеляна, который был вытеснен японскими войсками с подконтрольной ему территории. Не найдя поддержки со стороны

руководства Гоминьдана в стремлении вернуть утраченную территорию, маршал Чжан пошёл на сепаратные переговоры с коммунистами. Узнав об этом, Чан Кайши 4 декабря 1936 г. срочно вылетел в ставку Чжана Сюеляна – г. Сиань. Переговоры проходили в чрезвычайной нервной обстановке, осложнённой постоянными демонстрациями студентов сианьских вузов, и быстро зашли в тупик. В ответ на отказ подписать документы о создании единого антияпонского национального фронта Чжан Сюелян арестовал своего главнокомандующего. Лидеры КПК, и прежде всего Мао Цзэдун, узнав об этом, требовали немедленно расстрелять Чан Кайши [6, с. 423–424]. Сталин отреагировал на эти события резко и неожиданно для Мао. Понимая, что смерть лидера партии национального единства обострит и без того сложные отношения в китайском обществе, Сталин через главу Коминтерна Г. Димитрова практически потребовал от руководства КПК добиться освобождения Чан Кайши. Однако конфликт разрешился и без вмешательства коммунистов после того, как глава Гоминьдана согласился на основные требования Чжана Сюеляна.

После мирного разрешения Сианьского конфликта гражданская война в Китае была прекращена. Начался новый этап переговоров в формировании единого антияпонского национального фронта. Таким образом, основная цель была достигнута. В итоге долгих и непростых переговоров было выработано неофициальное соглашение о прекращении военных действий, о реорганизации Советов в районах подконтрольных коммунистам в демократические органы власти, а Красной армии в 8-ю армию НРА. Однако мнение И. В. Сталина для КПК и его руководства по-прежнему оставалось приоритетным. Несмотря на некоторые обиды и недовольства «окликами из Москвы», Мао Цзэдун ещё долго был «послушным учеником» «вождя народов».

Источники и литература

1. Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы. – М.: Изд-во ин. лит., 1986. – 572 с.
2. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая: документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 334 с.
3. Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля – 7 августа 1920 г. // Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1981. – Т. 41. – С. 213–267.
4. Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. – М.: Изд-во ин. лит., 1953. – Т. 2. – 474 с.
5. Панцов А. В. Карл Радек о Китае (документы и материалы). – М.: Северо-Принт, 2005. – 304 с.
6. Панцов А. В. Мао Цзэдун. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 867 с.
7. Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). – М.: Муравей-Гайд, 2001. – 456 с.

8. Сталин И. В. О политических задачах Университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. // Сочинения: в 13 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. – Т. 7. – С. 133–152.

9. Сталин И. В. К вопросам китайской революции. Ответ т. Марчулину // Сочинения: в 13 т. – М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1948. – Т. 9. – С. 232–238.

УДК 94(5+41/99)

ББК 63.3(5)

Алексей Николаевич Гребенкин,
Среднерусский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Орёл, Россия

Военно-учебные заведения русской эмиграции в Китае

В статье рассмотрена эвакуация Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов в Шанхай в 1922 г., дана характеристика их учебной и культурной деятельности в 1922–1924 гг. Сделан вывод, что тяжелейшие условия не мешали кадетским корпусам успешно справляться с возложенными на них задачами, а воспитанники, даже младших классов, продемонстрировали мужество, отвагу и самообладание, высокую готовность преодолевать трудности.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, эмиграция, беженцы, кадетские корпуса, Шанхай

Alexey N. Grebenkin,
Central Russian Institute of Management –
branch of RANEP, A,
Orel, Russia

Military Educational Institutions of Russian Diaspora in China

This article discusses the evacuation of the Siberian and Khabarovsk cadet corps to Shanghai in 1922, and describes their educational and cultural activities in 1922–1924. The author comes to the conclusion that the most difficult conditions did not prevent the cadet corps from successfully coping with the tasks assigned to them, and the pupils, even the younger classes, demonstrated a high readiness to cope with difficulties, courage, bravery and self-control.

Keywords: Russian Diaspora, emigration, refugees, cadet corps, Shanghai

Многие кадеты и юнкера, принимавшие активное участие в борьбе с большевиками, в ходе противостояния и после его окончания нашли приют на чужбине. Воспитанники 1-го Сибирского императора Александра I и Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетских корпусов в 1922–1924 гг. находились в Шанхае, являвшемся важным центром русской эмиграции.

Сибиряки и хабаровцы отправились в Шанхай в конце октября 1922 г. До этого они в течение трех лет находились во Владивостоке (на о-ве Русский), где, несмотря на тяжелейшие условия, продолжалось проведение учебных занятий. После ухода японцев из Приморья и возникновения угрозы захвата кадетских корпусов частями РККА по настоятельной просьбе директоров корпусов генерал-майоров Е. В. Руссета и А. А. Корнилова

командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Г. К. Старк в октябре 1922 г. помог осуществить эвакуацию сибиряков и хабаровцев. Корпуса отправились в путь далеко не в полном составе. Почти все преподаватели Сибирского корпуса остались во Владивостоке. Большая часть сибиряков-младшеклассников по решению Педагогического комитета была отдана на попечение родителей. Тех, кто не имел родных и близких, поместили в приюты. Примечательно, что воспитанники младших классов Хабаровского корпуса были взяты на борт перегруженных судов лишь благодаря настойчивости директора, генерал-майора А. А. Корнилова [1, с. 120]. Почти все имущество пришлось оставить на берегу.

Сначала флотилия прибыла в Корею, в порт Гензан, расположенный на северо-восточном побережье полуострова. В Гензане ко-

рабли простояли около месяца. Из-за протеста со стороны японцев, не желавших пускать военных на берег, флотилию пришлось разбить на две части. Некоторые офицеры были вынуждены покинуть корабли, а вместе с ними «сошли на берег и их сыновья, кадеты 3-й роты, всего человек 15, которые лишь в начале апреля 1923 г. соединились с корпусом в Шанхае» [3, с. 326]. В конце ноября кадеты были перевезены в южнокорейский порт Фузан, а оттуда через несколько дней проследовали в Шанхай. По пути из Фузана в Шанхай флотилия попала в сильную бурю. Во время стихии кадеты самоотверженно помогали матросам, таская уголь и вычерпывая воду. Большая часть взятых с собой вещей была утрачена. Один из кораблей – вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов» – погиб вместе со всем своим экипажем и находившимися на нем кадетами (19 хабаровцами и 14 сибиряками). Суда изрядно потрепанной флотилии добрались до Шанхая и встали на внешнем рейде. Последний корабль прибыл в Шанхай к 18 декабря.

Младшие кадеты 2-й роты Хабаровского корпуса, находившиеся на пароходе «Взрыватель», из Гензана были отправлены японцами в Мукден, где разместились в железнодорожных казармах. Жить приходилось в тесноте и в грязи, кормили кадет плохо. Однако воспитанники не были деморализованы. Один из них вспоминал: «Несмотря на тяжелые условия жизни, кадеты внешне всегда были на высоте и не роняли имени своего корпуса... Занятия начались сразу по прибытии и устройстве в бараках. Так продолжалось до июля 1923 г., когда японцы перевезли всех в несколько приемов в Шанхай» [6, с. 373].

Из-за препонов, чинимых китайской администрацией, сразу высадиться в Шанхае не получилось. Российские представители отнеслись к приезду кадет равнодушно и бездействовали. Консул Гроссе даже предложил закрыть корпус и выслать кадет назад во Владивосток. Однако местные благотворительные комитеты (одним из них был вновь образованный «Комитет помощи сиротам Великой войны») помогли руководству корпусов арендовать пустовавший особняк. Помещение было тесным и непригодным ни для проживания, ни для проведения занятий. Спать приходилось сначала вповалку на полу, а затем на грубо сколоченных общих нарах. В классах отсутствовали не только наглядные пособия, но и парты со скамейками. Учебников не было, поэтому готовиться приходилось по составленным на основе учительских лек-

ций конспектам. Поскольку почти все преподаватели остались в России, учительские должности были заняты педагогами из числа русских колонистов в Шанхае. Однако воспитанники мужественно преодолевали эти трудности, ни на что не жалуясь и прилежно занимаясь. В конце 1923 г. сибиряки переехали в новое здание, которое было более просторным. Кроме того, к нему прилегал обширный парк, где кадеты могли гулять. Хабаровцы были размещены отдельно, на французской концессии.

Жизнь заведения постепенно возвращалась в нормальное русло. Обучение было организовано по старым программам, которые претерпели определенные изменения. Так, кадеты стали обучаться английскому языку, владение которым было необходимо для общения с жителями колонии и последующего устройства на работу. Достаточно активно велись занятия спортом. В программу физических занятий вошли бокс и футбол, которые не были распространены в дореволюционной России, зато пользовались популярностью в Шанхае. Широкую известность получил кадетский хор, певший в расположенной неподалеку от корпуса русской церкви. Многие жители Шанхая приходили на богослужения специально для того, чтобы послушать стройное пение кадет. Великолепным был и кадетский оркестр, дирижером которого по собственной инициативе стал талантливый музыкант Шанхайского муниципального оркестра Персю. Кадеты играли на местном ипподроме в дни скачек и тем оказывали посильную помощь скудному бюджету родного заведения. Заметным событием в культурной жизни города стало совместное исполнение оркестрами обоих корпусов и местным симфоническим оркестром увертюры «1812 год». Существенное развитие, как и во всех кадетских корпусах Русского Зарубежья, получили занятия ремеслами. Если до революции они организовывались в целях продуктивного заполнения досуга воспитанников и развития у них уважения к физическому труду, то теперь столярные, портняжные, кожевенные, переплетные и прочие мастерские преследовали вполне утилитарную цель – снабжать корпуса всем необходимым, а излишки продавать. В Соколов отмечал, что в Шанхае кадет кормили лучше, чем на Русском острове [4, с. 349].

Весной 1923 г. 1-му Сибирскому корпусу удалось сделать очередной, 96-й по счету выпуск в составе 42 человек. По свидетельству В. Соколова, «выпускной бал был роскошным, в одном из лучших “Ball Room” в городе –

“Carlton”, с очень хорошей программой... Себя мы показали отличными кавалерами и танцорами» [4, с. 349]. 19-й выпуск 39 хабаровцев состоялся летом того же года. Кадеты, окончившие корпуса, жили в родных заведениях до тех пор, пока их при содействии благотворительных организаций не удавалось устроить на работу. Кроме того, во французской колонии с разрешения генерального консула Вильдена два раза в месяц в пользу корпусов проводились лотереи. Находились и предприиматели, предоставлявшие корпусам льготные кредиты, содействовавшие заключению договоров с администрацией ипподрома и т. п. Это способствовало укреплению материальной базы заведений, хотя на многом по-прежнему приходилось экономить. В. А. Гурковский отмечал: «Все полученные средства немедленно передавались в кадетские корпуса. Удалось перевести корпуса в более удобные здания, улучшить питание. Было пошито новое обмундирование. Для сокращения расходов шинели были заменены бушлатами, мундиры остались как парадная форма, и кадеты их бережно хранили» [2, с. 312]. Постановка учебных занятий, как и прежде, страдала от нехватки пособий.

Однако нехватка средств не помешала 1-му Сибирскому кадетскому корпусу 19 декабря 1923 г. организовать торжества по случаю корпусного праздника. Как и до революции, программа праздничных мероприятий включала богослужение, парад и бал. Праздник стал важным мероприятием в жизни не только корпуса, но и города: «Многочисленные зрители с интересом и нескрываемым любопытством наблюдали за кадетами. Вечером этого же дня во французском клубе состоялся большой бал. Перед началом бала зрителям была представлена инсценировка стихотворения кадета Морозовича «Возрождение России». Во время представления корпусной оркестр исполнил национальный гимн «Боже, Царя храни!», при первых звуках которого публика, заполнившая зал, встала и слушала его стоя. Бал привлек массу международной публики и прошел исключительно успешно» [Там же, с. 313].

Примечательно, что в Шанхае в полной мере сохранились не только официальные, но и неофициальные традиции. Так, хабаровцы отпраздновали свой 19-й выпуск традиционным ночным парадом, который соответствовал всем дореволюционным канонам,

выработанным в стенах Николаевского кавалерийского училища. Вместе с тем празднество сопровождалось тостами, которые резко отличались по своему содержанию от шутильной обстановки парада: «...пили за страждущую Россию, за русский народ, за Веру православную и за наших попечителей...» [5, с. 60]. Выпускные кадеты обращались к своим младшим товарищам с прощальными речами, в которых призывали их быть честными, сплоченными, проникнутыми искренней любовью к России и родному корпусу.

Изменилась и сама Звериада, став более серьезной. Некоторые из ее новых пунктов были отражением смутной эпохи, губящему воздействию которой кадеты противостояли по мере сил. Так, в 1923 г. в Звериаду Сибирского кадетского корпуса был включен запрет употребления наркотиков. В. Соколов отмечал, что «это было вызвано тем, что 2 кадета, имевшие родителей во Владивостоке, пристрастились к наркотикам. К ним кадеты применили телесные наказания, и они были вынуждены уйти из корпуса» [Там же, с. 352].

К концу 1923 г. над сибиряками и хабаровцами начали сгущаться тучи: местные власти настойчиво требовали либо ликвидировать корпус, либо покинуть Шанхай. Единственным выходом из сложившейся ситуации являлась эвакуация кадет в Югославию. Из-за организационных и финансовых затруднений она растянулась на весь 1924 год: первая партия убыла в феврале, последняя – в ноябре.

«Шанхайская одиссея» сибиряков и хабаровцев весьма поучительна. Кадеты, заброшенные на чужбину, продемонстрировали свои лучшие качества – самоорганизацию, находчивость, инициативность, тягу к знаниям, желание серьезно учиться, способность являться не только носителями, но и трансляторами высокой культуры. Таким образом, плоды трудов великого князя Константина Константиновича, в 1900–1910 гг. возглавлявшего военно-учебное ведомство, и его соратников не пропали даром. Созданная в начале XX в. система кадетского образования оказалась не только эффективной, но и стойкой. Ее не сумели уничтожить ни годы беженских скитаний, ни потеря родных и близких, ни низведение выпускников корпусов на положение чернорабочих. Напротив, именно во время тяжких испытаний она стала более цельной и согласованной во всех своих частях, чем прежде.

Источники и литература

1. Гурковский В. А. Кадетские корпуса в Шанхае. 1922–1924 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 1. – С. 112–123.
2. Гурковский В. А. Российские кадетские корпуса за рубежом. – М.: Белый берег, 2009. – 242 с.
3. Марков С. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 316–347.
4. Соколов В. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 347–352.
5. Тучков А. Описание ночного парада 19-го выпуска 1923 г. в г. Шанхае (Китай) // Кадетская переписка. – 1977. – № 17. – С. 59–60.
6. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус в годы Гражданской войны // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 352–388.

УДК 94(5+41/99)
ББК 63.3(5):86.29

Максим Александрович Юйшин,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Харбинская епархия

В статье описана православная жизнь Харбина, церковно-богослужebные стороны знаменательных событий в жизни епархии: деятельность настоятелей Иверского храма, Казанско-Богородицкого мужского монастыря и их благотворительная работа; иконопись Скорбященского храма Камчатского подворья; епархиальная библиотека храма Софии Премудрости Божией, открытие Богословского факультета; Успенское кладбище и Храм Успения, где нашли для себя место упокоения тысячи русских людей; братские могилы воинов, павших в войну 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Харбинская епархия, православные праздники, соборы Харбина, русское православное кладбище, богословие

Maxim A. Yuuyshin,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Diocese of Harbin

This article describes the Orthodox life of Harbin, the church and liturgical aspects of significant events in the life of the diocese. Rectors of the Iversky Church, Kazan-Mother of God Monastery and their charity work. Iconography of the Grieving Church of the Kamchatka Compound. Diocesan Library of the Church of Sofia the Wisdom of God, opening of the Theological Faculty. The Assumption Cemetery and the Church of the Assumption, where thousands of Russian people have found a resting place for themselves. Mass graves of soldiers who fell in the war of 1904–1905.

Keywords: Harbin diocese, Orthodox holidays, Harbin cathedrals, Russian Orthodox cemetery, theology

Епархия в г. Харбин (КНР) основана в 1922 г. Архиереем и основоположником был высокопреосвященный Мефодий (Герасимов), впоследствии митрополит Харбинский и Маньчжурский. В г. Харбин построены 21 храм, 60 приходов со 100 служителями. Храмам и приходам были свойственны свои

особенности, по месту расположения, укладу и жизненным условиям прихожан.

На главной улице Нового города располагался главный храм Харбинской епархии – Свято-Николаевский кафедральный собор, почитаемый всеми церквями епархии. Все знаменательные церковно-богослужebные

события в жизни епархии и города отмечались в этом соборе.

Следует отметить благотворительные мероприятия, заключавшиеся в поддержке денежными средствами многих нуждающихся. Братством проводились «Нечаянные радости» при соборе.

Изначально Благовещенский храм, входящий в состав Пекинской духовной миссии, располагавшийся на Полицейской улице, в районе Пристани, перешедший с 1942 г. под начало Харбинской епархии, был отреставрирован на средства верующих харбинцев. Претерпело изменения и внутреннее расположение. Был сооружен иконостас и придел в честь преподобного Сергия Радонежского, образ Благовещения Пресвятой Богородицы, чудесным образом непострадавший от пожара в 1918 г.

Благовещенский храм являлся отправной точной крестного хода на праздник Крещения Господня. В этот день все православное население города и прихожане ближайших церквей выходили на лед реки Сунгари для совершения великого освящения воды.

Колокола Благовещенского храма торжественно освещали шествие общегородского водоосвящения (самый большой колокол весил более 3,5 т). Святитель опускал крест в прорубь, произнося заветные слова: «Во Иордане крещася Тебе, Господи...». В воздух взмывали голуби, кружились над местом освящения, они служили знаком о наступлении священного момента. Верующие наполняли сосуды, некоторые совершали омовения, опускаясь в освященную воду, веруя в ее укрепляющие и исцеляющие действия.

Первым из харбинских храмов можно смело назвать Иверский. Единственный семиглавый храм, украшенный иконами-мозаиками, построенный в память погибшим воинам, участвовавшим в русско-японской войне. Имена героев вписаны на сводах и колоннах. В храме в период настоятельства первого викария Хайларского (впоследствии архиепископа) Дмитрия (Вознесенского) был организован приют для детей и престарелых при полном содержании. Находящиеся при храме воспитанники обучались богослужению и получали должное воспитание. Также при храме располагалась благотворительная столовая, где каждый мог получить питание бесплатно.

Мужской монастырь Казанско-Богородицкий стал местом несения службы епархии епископа Цицикарского Ювеналия (Калинина). Монастырь был построен и благоустроен силами монастырской епархии. Со временем

вокруг монастыря образовалось поселение, и в обязанности священников вошла необходимость обслуживания религиозных нужд проживающих в этом районе верующих. На территории монастыря располагались кельи для братии и насельников. На территории также находилась типография, в которой печатались книги и журнал церковного содержания, можно было купить иконы и крестики, религиозную литературу.

В честь благодарности со стороны населения Харбина на благотворительной основе при монастыре была создана больница имени доктора В. А. Казем-Бека, отдавшего жизнь ради спасения юной пациентки. При больнице действовала аптека и бесплатная амбулатория.

Под руководством преосвященным Камчатским и Петропавловским Нестором (Анисимовым) создан Скорбященский храм Камчатского подворья, на территории которого был организован приют, также известный своей благотворительной деятельностью. Была воздвигнута часовня в память убиенной царской семьи. Также подворье широко известно своим иконописным мастером игуменьей Олимпиадой, ставшей впоследствии наставником для многих учеников. Подворье имело свою типографию.

Жителями Харбина внесен большой вклад в строительство храмов. Одним из примеров является храм Софии Премудрости Божией, построенный владельцем чайной фирмы И. Ф. Чистяковым. Храм отличался величием и архитектурными особенностями. При нем располагалось благотворительное приходское похоронное бюро, которое осуществляло погребение безродных или неимущих людей.

Располагавшаяся на территории храма библиотека поражала многообразием представленных книг и направлений, редкими трудами ученых-богословов. Со временем была закрыта для общественного пользования.

Официальным епархиальным печатным изданием являлся журнал «Хлеб небесный», в котором помимо церковной хроники размещались статьи по древнерусской церковной словесности и церковному быту.

Важным событием в жизни харбинцев стал Богословский факультет, преобразованный из Пастырско-богословских курсов. Педагогический состав главным образом состоял из лиц с академическим образованием российских академий или окончивших Харбинский богословский факультет. Среди студентов были лица как духовные, так и светские.

Некоторые из них имели светское высшее образование.

При факультете осуществлялось издание журнала «Вестник Братства», кураторство осуществляло Братство имени святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в задачу которого входила помощь студентам в прохождении богословского образования.

Наиболее многолюдным считался храм святителя Алексия, митрополита Московского, находившийся в Модягоу.

При храме в 1939 г. была образована духовная школа – Харбинская духовная семинария, просуществовавшая до 1946 г. Срок обучения составлял шесть лет, два года из них считались подготовительными, а последующие четыре – основными. Направленность

программы обучения Духовной семинарии включала как богословские предметы, так и общеобразовательные. За все время школа насчитывает более 60 выпускников.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, находившийся на территории старого русского кладбища, позже был назван украинским в силу сосредоточения жителей прилегающих районов – в большинстве украинцев.

Другое русское кладбище, расположенное на территории храма Успения, называлось Новым или Успенским. Там нашли для себя место упокоения десятки тысяч русских людей. Примечательно, на территории кладбища располагался свечной завод, который снабжал свечами, маслом, кадильным углем все церкви епархии.

Источники и литература

1. Анташкевич Е. М. Харбин. – М.: Центрполиграф, 2013. – 783 с.
2. Падерин Н. Церковь Твою утверди: из воспоминаний о церковной жизни Харбина. – Сан-Паулу: [б. и.], 1967.
3. Русский Харбин / сост. Е. П. Таскина. – М.: МГУ, 1998. – 272 с.

УДК 94(5+41/99)
ББК 63.3(5):86.29

Сергей Владимирович Карасёв,
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Русский спорт в Маньчжурии (1930-е годы)

В статье рассматривается вопрос продолжения спортивных традиций русскими эмигрантами, оказавшимися на территории Маньчжоу-Го. Отмечено, что 1930-е гг. были периодом наибольшего прогресса в достижении высоких спортивных результатов, а спортивные соревнования на территории этого государства продолжались вплоть до 1942 г. Приведён ряд фамилий русских спортсменов, которые достигли наилучших результатов в истории спорта на территории Маньчжоу-Го.

Ключевые слова: бокс, волейбол, лёгкая атлетика, Маньчжурия, теннис, Харбин, Япония

Sergey V. Karasev,
*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

Russian Sport in Manchuria. The 1930s

The article considers the issue of continuing sports traditions by Russian emigrants who found themselves on the territory of Manchukuo. The 1930s were the period of the greatest progress in achieving high sports results, and sports competitions on the territory of this state continued until 1942. A number of surnames of Russian athletes who achieved the best results in the history of sports in the territory of Manchukuo are given.

Keywords: Boxing, volleyball, athletics, Manchuria, tennis, Harbin, Japan

Как мы ранее отмечали, русские (под определением «русские» мы понимаем выходцев из России всех национальностей), оказавшись на территории Маньчжурии, не растворились в местном населении. Они организовывали различные учебные заведения, создавали торговые компании, магазины и др. (например, харбинские музыкальные курсы, проводили уроки пения; чайная фирма «Михаил Зловер» в г. Харбине, компания «Г. Р. Винокуров и К^о» по производству и оптовой продаже кожаных и меховых изделий, «Русский магазин Е. П. Поскотиновой» по продаже дамских нарядов, меха и готового платья).

Занимались сельским хозяйством, птицеводством. Так, например, в 1917 г. братья Воронцовы создали завод по разведению рысаков Орловской породы, в 1924 г. они в Хайларе оборудовали винокуренный и водочный заводы (как писалось в газетах в тот период – производительностью 100 тыс. вёдер в год), в 1929 г. построили на станции Якэши электростанцию, а в 1933 г. в Хайларе – мукомольню [Великая Маньчжурская империя..., с. 382].

Не остались без внимания русских эмигрантов и вопросы участия в различных спортивных мероприятиях, да и просто занятия спортом. Однако подобные мероприятия были затруднительны до 1935 г., вплоть до создания Спортивного подотдела, который и взял на себя ответственность за возрождение спортивных мероприятий в Маньчжоу-Го [Там же, с. 367]. Это была и лёгкая атлетика, и велоспорт, и теннис, волейбол, баскетбол, городки. Спортивным центром русской эмиграции был Харбин.

Для занятий легкой атлетикой были привлечены учащиеся школ – их разбивали по возрастным группам. Привлекалось к соревнованиям и старшее поколение. Нужно вспомнить таких спортсменов-легкоатлетов, как В. Афиногенов, Н. Миронова, В. Шатрова и др. Так, Л. Талер установил рекорд того периода Маньчжоу-Го в метании копья, толкании ядра и метании диска. Начиная с 1936 г. легкоатлеты г. Харбина принимали участие в соревнованиях Маньчжоу-Го и выступали весьма успешно.

Что касается велосипедного спорта, то он берёт начало с 1907 г. [Там же, с. 367], но только в 1935 г. начинает развиваться на государственном уровне. Однако на тот период из высококвалифицированных спортсменов-велосипедистов можно выделить только А. Китлица, А. Бледных и А. Обрезкова, которые показывали хорошие результаты в соревнованиях. Эти велосипедисты в 1939 г. соревновались с велосипедистами из Японии, и результаты были

весьма впечатляющими. В четырех гонках они заняли два третьих и три вторых места. В этих соревнованиях А. Бледных установил три рекорда Маньчжоу-Го.

Осенью 1939 г. Харбинская команда велосипедистов (большая часть команды состояла из русских эмигрантов) приняла участие в соревнованиях, организованных в г. Мукден. Из пяти заездов спортсмены из Харбина взяли верх в четырех. После 1939 г. увлечённость велоспортом и соревновательный процесс стихли.

Теннис всегда привлекал внимание широкого круга людей. В Харбине он появился в 1909 г., когда организовалось Харбинское общество Теннисного и Конькобежного спорта. Первый турнир по теннису проведен в Харбине в 1915 г., чемпионом стал В. Коровай. С 1928 г. организуются регулярные турниры под эгидой Междуклубного теннисного комитета, центр которого находился в Харбине.

Отметим такого теннисиста, как В. Рыков, который в 1932 г. выиграл первенство Харбина по теннису, но в 1933 г. проиграл новому молодому чемпиону В. Дризуль (он в период с 1934 по 1936 г. становится чемпионом Харбина и вплоть до 1942 г. остаётся чемпионом). Кстати, В. Дризуль выигрывал турниры у таких теннисистов, как Нуной (Япония), Генкеля (Германия). Сильнейшей женщиной в теннисном спорте долгое время оставалась Е. Веселовская.

Волейбол, наверное, во все времена оставался самой популярной игрой. Такая ситуация наблюдалась и в Маньчжоу-Го. В волейбольных соревнованиях имелась весьма интересная составляющая, когда команды иногда состояли из девяти игроков каждая. В чемпионатах Маньчжоу-Го, где команда волейболистов из русских эмигрантов принимала участие дважды, особых успехов не добивалась. В период 1936–1939 гг. смешанная команда волейболистов, в состав которой входили и русские эмигранты, на соревнованиях в Харбине добились побед. Только в 1935 г. первенство выиграла команда «Орёл», состоящая исключительно из русских эмигрантов.

Деятельность Христианского союза молодых людей внесла значимый вклад в развитие баскетбола в Маньчжоу-Го в 1920-е гг., однако широкого распространения этот вид спорта в государстве не получил, а вот в 1942 г. начала распространяться игра в городки.

Что касается футбола, то особого распространения в Маньчжоу-Го он не имел. Даже усилия «Нового спортивного общества», на-

правленные на популяризацию этого вида спорта, особого успеха не принесли. Футбольные сезоны 1941–1942 гг. были практически сорваны. За этот период можно вспомнить только несколько товарищеских встреч между командами русских эмигрантов и корейскими футболистами.

Среди русских эмигрантов на территории Маньчжоу-Го оказался и ряд боксёров. Здесь можно вспомнить имя чемпиона Харбина Северной Маньчжурии Константина Яковца, который около десяти лет показывал высокие результаты на рингах Харбина и Шанхая. Здесь опять прослеживается положительная роль Христианского союза молодых людей, который сумел сохранить лучшие кадры тренеров по боксу.

Первым чемпионом по боксу в Маньчжоу-Го был В. Абкович (псевдоним – Валло-Спид) [Великая Маньчжурская империя..., с. 372]. Почему Валло, предположить трудно, наверное, что-то связанное с именем, но все отмечали его скорость ударов и реакции. Это был период наивысших достижений по боксу в Маньчжоу-Го. Другой весьма успешный боксер, прибывший в Харбин из Шанхая – В. Голдобин, был инструктором в клубе «Союз Мушкетеров». О нем отзывались как о выносливом и трудолюбивом спортсмене с сильным ударом, но слабой техникой [Там же, с. 372].

Наибольшей спортивной славы достиг 19-летний спортсмен по фамилии Шиляев, который приступил к тренировкам в 15-летнем возрасте. Он имел хорошо поставленную ударную технику. В день, когда ему исполнилось 19 лет, состоялся его последний бой на ринге. От последствий, полученных на ринге, травм он умер. Похоронен на русском кладбище в г. Сан-Франциско [Там же, с. 373].

Отметим и спортсменов-хоккеистов. Русские хоккейные команды всегда показывали высокие результаты. Среди спортсменов-хоккеистов были М. Антушевич, В. Рыков, В. Gladченко, Л. Рудченко и др. Зимой 1933 г. состоялась встреча команд русских хоккеистов и хоккеистов из Японии (именно эта японская команда только что выиграла первенство по хоккею в Японии). Счёт в этой встрече был непредсказуемый. Команда русских хоккеистов выиграла у японской со счётом 4:1. Зимой 1940 г. в ходе тура по Японии харбинские хоккеисты проиграли две встречи, но и несколько выиграли.

Таким образом, можно отметить, что спорт на территории Маньчжоу-Го поддерживался исключительно за счёт русских спортсменов-эмигрантов. Это было не просто поддержание спортивной формы среди спортсменов, но и в некотором виде форма выживания, продолжения традиций, памяти.

Источники и литература

Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. – Харбин: Изд. Гос. орг. Кио-ва-кай: Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. – 514 с.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(4/8)

Томас Вайраух,
*Министерство внутренних дел Германии,
г. Хойхельхайм, Германия*

Преступники, сообщники, жертвы: немцы в Китае, китайцы в Германии (1933–1945)

Отмечено, что в эпоху нацистской диктатуры жертвы политической системы, в первую очередь немецкие евреи, видели свой единственный шанс избежать преследований в эмиграции в Китае. В оккупированном японцами Шанхае они все еще находились под угрозой экстрадиции в Германию, учитывая наличие германо-японского союза и местных нацистских организаций. В 1941 г., китайцы, живущие в Германии, были депортированы в тюрьмы или концентрационные лагеря.

Ключевые слова: Германия, Япония, Маньчжоу-Го, Национал-социалистическая рабочая партия, расизм, Китайская республика, Ван Цзинвэй, Вторая мировая война

Thomas Weyrauch,
German Ministry of the Interior,
Heuchelheim, Germany

Perpetrators, Accomplices, Victims: Germans in China, Chinese in Germany (1933–1945)

In the era of the Nazi dictatorship, the victims of the political system, primarily German Jews, saw their only chance to escape persecution by emigrating to China. In the Japanese-occupied Shanghai, they still were in danger of being extradited to Germany given the German-Japanese alliance and the local Nazi organizations. When the Republic of China entered war in 1941, Chinese living in Germany were deported to prisons or concentration camps.

Keywords: Germany, Japan, Manchukuo, National Socialist Workers Party, racism, Republic of China, Wang Jingwei, World War II

До того как Германия присоединилась к империалистическим государствам и основала колонию в Китае в 1898 г., используя при этом военную силу, обе страны, и Германия и Китай, были равноправными торговыми партнерами. В конце XIX в. в Германии поселились китайцы, прибывшие из провинции Гуандун в качестве мореплавателей. Судоходные компании "Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft" (HAPAG) в Гамбурге и "Lloyd" в Бремене завербовали молодых людей из фермерских семей для тяжелой работы кочегарами или угольщиками агентами в Гонконге. Как и другие рабочие из Африки или Индии, именуемые «цветными людьми», они получали более низкую заработную плату, чем европейские моряки. Поскольку европей-

ские моряки отвергали стирку белья как «слишком женственную», китайские моряки также взяли на себя эти обязанности на борту судов. Китайцы, работающие на европейских маршрутах, пришли в европейские портовые города через эти трудовые отношения и поселились в Лондоне, Ливерпуле, Роттердаме и Гамбурге. Популярный квартал развлечений (другими словами – «район красных фонарей») «Санкт-Паули» в гаванях был первым способом найти жилье и открыть магазины, рестораны или прачечные в 1920-х гг. Юридически германо-китайский мирный договор 1921 г. был благоприятен для переселенцев, молодые республики Германия и Китай обеспечили экономическую активность своих граждан в другой стране [1, с. 290; 2].

Фото 1. Источник: <https://pbs.twimg.com/media/ESbzzYrXQAE6EBm?format=png&name=small>
(дата обращения: 09.07.2020)

Купцы из Германии открыли Китай с его 350-миллионным населением в качестве торгового партнера в XIX в. и с 1842 г. призвали прусское правительство поддержать германо-китайскую биржу. В 1847 г. два немецких государства, Пруссия и Саксония, назначили купца Рихарда фон Карловица первым консулом в Китае, базирующимся в Гуанчжоу. С 1860 по 1862 г. прусская делегация под руководством графа Фрица фон Эйленбурга совершила поездку в Японию, Китай и Сиам (Таиланд) с целью «изучения местности в научных и коммерческих отношениях». В 1861 г. Пруссия подписала первый договор от имени всех государств германской таможенной ассоциации с Китаем. Этот договор уже был одним из «неравноправных договоров» в ущерб Китаю. Это стало следствием неблагоприятных для Китая действий, результатом которых явилась немецкая колонизация Циндао в 1897 г. и участие в подавлении боксерского восстания. С этого момента и до 1930-х гг. сформировалось разнородное немецкое сообщество торговцев, дипломатов, миссионеров, врачей и солдат [9, с. 23].

С началом Первой мировой войны Германия потеряла свою китайскую колонию Циндао и другие привилегии, так что в 1921 г. оба государства, теперь республики, возобновили свои отношения «сначала». Семь лет спустя, после окончания правления военного диктатора и установления центрального правительства в Нанкине, Германия дипломатически признала Китайскую Республику и направила военных советников к китайскому правительству [18, с. 77; 20, с. 68, 83, 166].

После прихода Гитлера и его Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) к власти в Германии в 1933 г. отношения между двумя странами первоначально поддерживались. Восхищение китайского руководства Германией было основано на антикоммунистической и милитаристской позиции национал-социалистов. После попытки переворота со стороны коммунистов правящая партия Гоминьдан разорвала отношения с ними и Советским Союзом, так что можно было найти общий язык в сотрудничестве с Германией. Милитаризация Германии также стала образцом, потому что Китай был ослаблен империализмом и расчленен правлением военного диктатора, так что только сильная армия могла обеспечить будущее Китая. Германия, в свою очередь, надеялась на антикоммунистического союзника с централизованным руководством и предлагала выступить посредником против-

нику Китая в конфликте, с Японией [18, с. 77; 20, с. 166].

То, что китайское правительство не признавало или игнорировало в то время, было целями расовой идеологии и нацистскими военными планами руководства. В этом отношении нацистские организации, такие как «Гитлерюгенд» и «СС», могли формироваться в немецких общинах в Китае. При экономическом и военном сотрудничестве число немцев в Китае постоянно росло [4, с. 128].

В Германии за китайскими общинами наблюдала тайная государственная полиция («Geheime Staatspolizei», гестапо). Это происходило, с одной стороны, из-за расистской ориентации политики, а с другой, из-за китайских оппозиционеров, которые контактировали с левыми немцами. Тот факт, что последние стали мишенью немецких властей, был даже положительно оценен китайским правительством. Например, китайское посольство обратилось к германскому Министерству иностранных дел и Министерству внутренних дел Прусского государства за административной помощью в отношении 13 китайских граждан, которые поддерживали контакты с товарищами в Китае через немецких коммунистов. Вскоре после этого студент Ху Ланци (Hu Lanqi, 胡兰畦), друживший с писательницей Анной Сегерс и тесно сотрудничавший с Германской коммунистической партией, был взят под стражу и приговорен к трем месяцам тюремного заключения [22, с. 72].

Жилые районы китайских общин в Германии были гораздо меньше по размеру, чем «китайские кварталы» Юго-Восточной Азии или США. В Гамбурге он существовал только на части улиц Шмукштрассе, Талсаштрассе и Гроссе Фрайхе. Старейший китайский ресторан в городе с 1930-х гг. под названием «Вонг Фу» («Wong Fu») располагался на Шмукштрассе [Hamburger].

Ответственные органы, такие как «тайная государственная полиция» (гестапо), классифицировали китайских ритейлеров как политически радикальных. Эта оценка была основана на китайцах, живущих в Гамбурге, которые работали на транспортную компанию «Нараг Ллойд», участвовали в международном трудовом и профсоюзном движении и вели кампанию среди китайских моряков [Там же, с. 73].

Немецкие евреи, наиболее пострадавшие от преследований под властью национал-социалистов, пытались покинуть свою страну и найти безопасность за границей. Некоторые из них достигли Харбина в Северном Китае в 1936 г.,

города, где уже существовала еврейская община. Однако большинство стран не желало принимать еврейских эмигрантов. Если они уже подали прошение о предоставлении убежища за границей, их в основном интернировали, чтобы побудить их выехать за границу. Только Доминиканская Республика согласилась на Эвианской конференции, созванной президентом США Т. Рузвельтом, принять евреев. Критики выступили против этого предложения, Доминиканская диктатура Трухильо хотела «пристроить гуманитарный фиговый листок», а в реальности преследовала расистские цели за счет увеличения эмиграции «белых». США ежегодно принимали только 27 370 эмигрантов из Германии и Австрии [12, с. 63; 14, с. 37].

Погромы в ноябре 1938 г. усилили давление еврейской эмиграции. Это сопровождалось драматическими изменениями в Китае. Китайская республика была оккупирована Японией в два этапа: Маньчжурия и часть северного Китая в 1931 г. и значительные территории остальной территории в 1937 г. В зонах оккупации японская военная администрация создавала марионеточные государства или правительства. В их числе была и Маньчжурия, дипломатически признанная Германией в 1938 г., в ней обосновались немецкие евреи. Япония даже защищала их статус от немецких преследований. Гене-

рал-майор Хигучи говорил немецкому послу о том, что, поскольку беженцы были изгнаны из Германии, немцы больше не могут распоряжаться ими. Вместе со своим командиром Тодзе он ясно дал понять, что Япония не является немецким вассальным государством. Маньчжоу-Го было независимым от Японии и имело право свободно принимать решения о предоставлении доступа и проживания [12, с. 95, 99].

Китайский портовый город Шанхай стал пунктом назначения, куда можно было попасть без визы. Хотя Шанхай был в значительной степени оккупирован Японией в 1933 г., британские, французские и американские концессии продолжали существовать наряду с японской концессией. Поэтому эмиграция евреев из Германии, Австрии и оккупированных немцами районов Европы в Шанхай была в духе национал-социалистического руководства Германии, поскольку Япония считалась союзником. Чтобы усилить давление на евреев, вынуждая их покинуть Германию, до 22 декабря 1938 г. 11 тыс. преимущественно богатых евреев были отправлены в концентрационный лагерь Дахау, 9 800 – в концентрационный лагерь Бухенвальд и от 6 до 10 тыс. – в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Евреи, имущество которых ранее было разграблено в погромах, имели лишь небольшую часть финансовых средств для эмиграции [Там же, с. 107].

Фото 2. Еврейские мужчины с повязками на рукавах в Шанхайском гетто

Японский вице-консул Сугихара Чиуне (Sugihara Chiune, 杉原 千畝) много сделал для спасения еврейских беженцев в Литве. После немецкого вторжения в Польшу около 10 тыс. польских евреев бежали в нейтральную Литву, из которых 4 700 пробрались на Дальний Восток по «Сибирскому маршруту». Среди них было также более 2 000 польских евреев, которым Сугихара выдал визу [Там же, с. 113].

Также принимали участие в спасении преследуемых нацистами евреев и другие дипломаты. Хэ Фэншань (He Fengshan, 何鳳山), дипломат Китайской Республики в Вене, выдал тысячи виз для своего государства тысячам преследуемых евреев в Австрии, которая принадлежала Германии с 1938 г. [13, с. 72].

Ван тифу (Wang Tifu, 王替夫), дипломат японского марионетного государства Маньчжоу-Го, выдал 12 тыс. виз для своего государства немецким евреям [Там же].

Жизнь эмигрантов в Шанхае сопровождалась серьезными проблемами. Прежде всего, беженцы должны были быть где-то размещены. Благотворительные организации в разрушенном войной районе Шанхая Хункоу построили жилье с большими общежитиями, которые были разделены по полу и предлагали первое место для проживания. Кроме сна в тесных жилищах и питания, жители не могли ничего ожидать. Часто 10 человек жили в одной комнате, постоянно страдали от голода, вынуждены были терпеть катастрофические гигиенические условия и едва имели возможность зарабатывать на жизнь трудом. В некоторых случаях это относилось и к коренным китайцам. Поэтому спасенные пытались избежать тяжелых условий жизни, прежде всего, используя все возможные способы, чтобы заработать деньги и снять квартиру [11].

Евреи, ранее проживавшие в Шанхае, и Американский еврейский Объединенный распределительный комитет пытались помочь беженцам, чтобы те смогли построить собственные функционирующие общины. Новоприбывшие держали свои школы, издавали газеты и даже устраивали театральные представления, кабаре и спортивные соревнования [15; 16].

Поездка из Германии, экономически означала, что евреи должны были нести большие транспортные расходы и им разрешалось перевозить с собой только 10 рейхсмарок [11].

Преследуемые эмигранты из Германии или из оккупированных Германией государств не могли иметь там реального чувства безопасности до тех пор, пока немцы, живущие в Шанхае или других китайских городах, суще-

ствовали в иностранных организациях НСДАП и выступали открыто. Кроме того, эмиссары НСДАП и гестапо пытались повлиять на японских союзников, чтобы те приняли участие в преследовании евреев. В основном это касалось начальника отделения связи гестапо в Токио Йозефа Альберта Мейзингера [4, с. 354].

Фото 3. История Берлина. Источник: <https://www.diegeschichteberlins.de/geschichteberlins/persoennlichkeiten/persoennlichkeitennot/736-rabe-john.html> (дата обращения: 09.07.2020)

Как это ни парадоксально, но связь между нацистской Германией и Японией сделала что-то хорошее во время начала второй китайско-японской войны, когда Джон Рабе, глава немецкой компании *Siemens* в Нанкине, действовал как член НСДАП против японских нападений, используя флаг со свастикой для защиты имущества *Siemens*. Это позволило ему спасти китайцев в районе Сименса, который он объявил «зоной защиты» во время

«Нанкинской резни» в 1937 г., в ходе которой японские солдаты убили сотни тысяч китайцев. Число спасенных китайцев составляет от 200 до 250 тыс. чел. Джон Рабе, который полностью обнищал после войны, был обеспечен деньгами и едой благодарными гражданами Нанкина в 1948 г. и умер в 1950 г. Сегодня он известен в книгах и фильмах как «добрый немец из Нанкина» [21, с. 251].

Радикальное событие изменило положение как китайцев, живущих в Германии, так и немцев, живущих в Китае. Нападение Японии на Перл-Харбор в 1941 г. привело к тому, что Соединенные Штаты Америки вступили в войну, что, в свою очередь, побудило Китайскую Республику объявить войну Японии и Германии. Это привело к разрыву дипломатических отношений между Китаем и Германией, которая в то же время не только поддерживала дипломатические отношения с Маньчжоу-Го, но и начала отношения с фашистской системой при Ван Цзинвэе (*Wang Jingwei*) в июле 1941 г. [10, с. 45; 17, с. 402, 437, 467, 469, 475].

Теперь гестапо могло реализовать свою заинтересованность в преследовании двумя способами. Во-первых, граждане Китайской Республики (правительство Чай Кайши – *Jiang Jieshi*), проживавшие в Германии, были арестованы и депортированы в концентраци-

онные лагеря. Во-вторых, полицейское управление оказало большее влияние на японских союзников, чтобы начать преследование евреев. Однако, поскольку японское военное руководство не было антисемитским, не было предпринято никаких попыток убить шанхайских евреев или выдать их Германии. В итоге гестаповец Мейзингер заставил японцев интернировать евреев в гетто до конца войны как лиц, подозреваемых в шпионаже [4, с. 418].

Система китайского фашистского лидера Ван Цзинвэя не только приблизилась к репрессиями против собственного населения, но и взяла на себя агитацию против евреев из нацистской Германии. Евреи были названы разрушительной расой, которая хочет завоевать Китай. Пропаганда добавляла, что богатые евреи были на стороне Гоминдана Чай Кайши и воевали с Японией [3, с. 399; 19, с. 202; 23, с. 141].

После 1945 г. в Германии из арестованных китайцев, вынужденных выполнять принудительные работы в тюрьмах и концентрационных лагерях, выжили лишь немногие. Немецкие евреи в своей ссылке в Шанхае все еще переживали ужасы конца войны, но большинство из них смогли эмигрировать в недавно основанное государство Израиль или в другие страны. Некоторые из них вернулись в Германию [8; 22, с. 76].

Perpetrators, Accomplices, Victims: Germans in China, Chinese in Germany (1933–1945)

Before Germany joined the imperialist states and founded a colony in China from 1898 by using military force, both countries were equal trading partners. At the end of the 19th century, Chinese settled in Germany who came from the Guangdong province as mariners. The shipping companies “Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft” (HAPAG) in Hamburg and “Lloyd” in Bremen have recruited young men from farming families for heavy work as stokers or coal trimmers by agents in Hong Kong. Like other workers from Africa or India referred to as “colored people”, they received lower wages than European seafarers. Since European sailors rejected laundry washing as “too feminine”, Chinese seafarers also took on these duties on board. The Chinese working on the European routes came to European port cities through this employment relationship and settled in London, Liverpool, Rotterdam and Hamburg. The popular pleasure quarter (in other words: red light district) “Sankt Pauli” at the harbor was the first way to find accommoda-

tion and to open shops, restaurants or laundries in the 1920s. Legally, the German-Chinese peace treaty of 1921 was favorable for the settlers, in which the young republics Germany and China secured the economic activity of their nationals in the other country [1, P. 290–304; 2].

Merchants from Germany discovered China with its 350 million inhabitants as a trading partner in the 19th century and from 1842 called on the Prussian government to support the German-Chinese exchange. In 1847 the two German states of Prussia and Saxony appointed the merchant Richard von Carlowitz the first consul in China, based in Guangzhou. From 1860 to 1862, a Prussian delegation under the Earl Fritz von Eulenburg made a trip to Japan, China and Siam (Thailand) in order to “explore the terrain in a scientific and commercial relationship”. In 1861, Prussia signed the first treaty on behalf of all states of the German Customs Association with China. This contract was already one of the “unequal treaties” to the disadvan-

tage of China. This started a consequence of adverse actions for China, which resulted in the German colonization of Qingdao in 1897 and participation in the suppression of the Boxer Re-

bellion. From these beginnings until the 1930s, a heterogeneous German community of merchants, diplomats, missionaries, doctors and soldiers was formed [9; P. 23].

Photo 1. <https://pbs.twimg.com/media/ESbzzYrXQAE6EBm?format=png&name=small> (date accessed: 09.07.2020)

Merchants from Germany discovered China with the outbreak of the First World War, Germany lost its Chinese colony Qingdao and other privileges, so that in 1921 both states – now republics – renewed their relations at the same level. Seven years later, after the end of warlord rule and the establishment of a central government in Nanjing, Germany diplomatically recognized the Republic of China and dispatched military advisers to the Chinese government [20; P. 68, 83, 166; 18, P. 77].

After Hitler and his National Socialist Workers Party (NSDAP) came to power in 1933, relations between the two countries were initially maintained. The Chinese leadership's admiration for Germany was based on the National Socialists' anti-communist and militaristic stance. After an attempted coup by the Communists the ruling party Guomindang had broken off relations with them and the Soviet Union, so that one saw a common ground in cooperation with Germany. The militarization of Germany also became a model, because China had been weakened by imperialism and dismembered by warlord rule, so that only a strong military could secure China's future. Germany, in turn, hoped for an anti-com-

munist ally with a centralist leadership and offered to act as a mediator to China's opponent of the conflict, Japan [20; P. 166; 18, P. 77].

What the Chinese government did not recognize or ignore at the time was the goals of racial ideology and the Nazi war plans. In this respect, it was possible for Nazi organizations such as Hitler Youth and the SS to form in the German communities in China. With economic and military cooperation the number of Germans in China grew [4, P. 128].

In Germany, however, the Chinese communities were observed by the Secret State Police ("Geheime Staatspolizei", Gestapo). This happened on the one hand due to the racist orientation of politics, and on the other hand because of Chinese opposition figures who were in contact with left-wing Germans. The fact that the latter were targeted by the German authorities was even positively assessed by the Chinese government. For example, the Chinese legation asked the German Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of the Interior of the Prussian state for administrative assistance against 13 Chinese citizens who maintained contacts with comrades in China through German Commu-

nists. Shortly afterwards, student Hu Lanqi (胡兰畦), who was friends with the writer Anna Seghers and worked closely with the German Communist Party, was taken into protective custody and sentenced to three months in prison [22, P. 72].

In fact, residential areas of Chinese communities in Germany were much smaller in size than the "Chinatowns" of Southeast Asia or in the USA. In Hamburg it only existed in parts of the streets "Schmuckstrasse", "TalstraÙe" and "GroÙe Freiheit". The oldest Chinese restaurant in the city from the 1930s called "Wong Fu" was located in the Schmuckstrasse [6].

The responsible authorities, such as the "Secret State Police" (Gestapo), classified the Chinese retailers as politically radical. This assessment was based on the Chinese living in Hamburg, who worked for the transport company Hapag Lloyd, were involved in the international labor and trade union movement and campaigned among Chinese sailors [22, P. 73].

German Jews most affected by persecution under the rule of the National Socialists tried to leave their country and find security abroad. Some of it reached Harbin in northern China in 1936, where there was already a Jewish community. However, most of the nations were unwilling to accept Jewish immigrants. If they had already applied for asylum abroad, they were mostly interned to urge them to travel abroad. Only the Dominican Republic agreed at the Evian conference convened by US President Roosevelt to accept Jews. Critics opposed this offer, the Dominican Trujillo dictatorship wanted to attach a humanitarian fig leaf and in reality pursue racist goals through the increased immigration of "whites". The USA, however, remained with an annual admission rate of only 27 370 immigrants from Germany and Austria [12, P. 63; 14, P. 37].

The pogroms of November 1938 increased the pressure of Jewish emigration. This development was accompanied by the dramatic changes in China. The Republic of China was occupied by Japan in two stages, namely Manchuria and parts of northern China in 1931 and large areas of the rest of the territory from 1937. In the zones of occupation the Japanese military administration set up puppet states or governments. Those included Manzhouguo, diplomatically recognized by Germany in 1938, in which German Jews settled. Japan even protected their status against German persecution requests. Major General Higuchi told the German ambassador that since the refugees had been expelled from Germany, the

Germans could no longer dispose of them. In accordance with his commander Tojo he made it clear that Japan was not a German vassal state. Manzhouguo was independent of Japan and had free decisions in which to grant access and residence [12, P. 95, 99].

The Chinese port city of Shanghai finally offered a destination without a visa. Although the Shanghai metropolitan area had been largely occupied by Japan since 1933, the British, French and US concessions continued to exist alongside the Japanese concession. The emigration of Jews from Germany, Austria and German-occupied areas of Europe to Shanghai was therefore in the spirit of the National Socialist leadership of Germany, since Japan was considered an ally. In order to increase the pressure on Jews to leave Germany, up to December 22, 1938, 11 000 predominantly wealthy Jewish men were sent to the Dachau concentration camp, 9 800 to Buchenwald concentration camp and between 6 000 and 10 000 to Sachsenhausen concentration camp. However, the Jews who had previously been plundered in pogroms only had a small part of the financial means to emigrate [12, P. 107].

The Japanese Vice Consul Sugihara Chiune (杉原 千畝) earned great merits in the rescue of Jewish refugees in Lithuania. After the German invasion of Poland, around 10,000 Polish Jews had fled to neutral Lithuania, of which 4 700 made their way to the Far East via the Siberian route. Among them were also over 2 000 Polish Jews, to whom Sugihara had issued a visa [12, P. 113].

Other diplomats also took part in the rescue of Nazi-persecuted Jews: He Fengshan (何鳳山), diplomat of the Republic of China in Vienna, issued thousands of visas for his state to thousands of persecuted Jews in Austria, which had belonged to Germany since 1938 [13, P. 72].

Wang Tifu (王 替 夫), diplomat of the Japanese puppet state Manzhouguo, issued 12,000 visas for his state to German Jews [13: vii].

The trip from Germany economically meant that Jews had to bear the high amount of the transport costs and were only allowed to carry 10 Reichsmarks with them [11].

The life of the emigrants in Shanghai was accompanied by major problems. First of all, the refugees had to be accommodated. Aid organizations in the war-torn Hongkou district of Shanghai built accommodation with large dormitories that were separated by gender and offered a first place to stay. Apart from sleeping in the narrow dwellings and catering, the residents could not expect anything. Often 10 people lived in one

room, suffered constantly from hunger, had to endure catastrophic hygienic conditions and hardly had the opportunity to make a living by working. In some cases, this also applied to the native

Chinese. The rescued therefore tried to escape the precarious living conditions by first using all job opportunities to earn money and rent an apartment [11].

Photo 2. Jewish men with armbands in the Shanghai ghetto

Jews who had previously lived in Shanghai and the American Jewish Joint Distribution Committee tried to help the refugees so that the refugees were able to build their own functioning communities. The newcomers ran their own schools, published newspapers, and even held theater plays, cabarets, and sports competitions [15; 16].

Persecuted immigrants from Germany or from the German-occupied states could not have a real feeling of security there as long as Germans living in Shanghai or other Chinese cities existed in NSDAP foreign organizations and appeared openly. In addition, NSDAP emissaries and the Gestapo tried to influence the Japanese allies to participate in the persecution of the Jews. This was largely the case for the head of the Gestapo liaison office in Tokyo, Josef Albert Meisinger [4, P. 354].

Paradoxically, the liaison between Nazi Germany and Japan did something good during the outbreak of the Second Sino-Japanese War when John Rabe, the head of the German Siemens company in Nanjing, acted as a NSDAP member against the Japanese attacks using a

swastika flag in order to protect the Siemens estate. This allowed him, to rescue Chinese at the Siemens area he declared as “protection zone” during the “Nanjing Massacre” in 1937, in which Japanese soldiers killed hundreds of thousands of Chinese. The number of Chinese saved is between 200 000 and 250 000. Rabe, who was completely impoverished after the war, was provided with money and food by the grateful citizens of Nanjing in 1948 and died in 1950. He is known in books and films today as the “Good German of Nanjing” [21, P. 251].

A drastic event changed the situation of the Chinese living in Germany and the Germans living in China alike. Japan’s attack on Pearl Harbor in 1941 led to the United States entering the war, which in turn prompted the Republic of China to declare war on Japan and Germany. This brought about the breaking off of diplomatic relations between China and Germany, which in the meantime not only enjoyed diplomatic relations with Manzhouguo, but had also started relations with the fascist system under Wang Jingwei in July 1941 [17, P. 402, 437, 467, 469, 475; 10, P. 45].

Photo 3. Die Geschichte Berlins, <https://www.diegeschichteberlins.de/geschichteberlins/persoennlichkeiten/persoennlichkeitennot/736-rabe-john.html> (date accessed: 09.07.2020)

The Gestapo was now able to implement its interest in persecution in two ways: First, the citizens of the Republic of China (Jiang Jieshi government) living in Germany were arrested and deported to the concentration camps. Second, the secret police office had a greater impact on the Japanese allies to initiate the persecution of the Jews. However, since the Japanese military leadership was not anti-semitic, there was no attempt to kill the Shanghai Jews or to extradite them to Germany. After all, Gestapo man Meisinger caused the Jews to be interned in a ghetto until the end of the war by the Japanese as persons suspected of espionage [4, P. 418].

The system of Chinese fascist leader Wang Jingwei not only approached the partners by repression against its own population, but also took over the agitation against Jews from Nazi Germany. Jews were labeled to be a destructive race that wants to conquer China. The propaganda added, rich Jews were on the side of Jiang Jieshi's Guomindang and were fighting Japan [23, P. 141; 3, P. 399; 19, P. 202].

After 1945 in Germany, only a few survived from the arrested Chinese who had to do forced labor in prisons and concentration camps. The German Jews in their exile in Shanghai still experienced the horrors of the end of the war, but most were able to emigrate to the newly founded state of Israel or to other countries. Some of them returned to Germany [22, p. 76; 8].

Literature (Источники и литература)

1. Amenda Lars. Metropole, migration, imagination: chinesenviertel und chinesische gastronomie in Westeuropa 1900–1970 // Leibniz-Zentrum für Zeithistorische Forschung: Zeithistorische Forschungen. – 2007. – No. 3. – S. 287 ff.
2. Amenda Lars. Geheime Tunnel unter St. Pauli? – Gerichte über das "Chinesenviertel" in den 1920er Jahren. Unter Hamburg von 2006. – URL: <https://www.unter-hamburg.de/index.php?id=344> (дата обращения: 11.04.2020). – Текст: электронный.
3. Eber Irene. Jewish refugees in Shanghai 1933–1947: a selection of documents. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018.
4. Frey Eisen Astrid. Shanghai und die Politik des Dritten Reiches. – Würzburg: Künigshausen & Neumann, 2000.
5. Fritz-Bauer-Institut (Hg.). Völkermord und Kriegsverbrechen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. – Frankfurt; New York: Campus, 2004.
6. Hamburger Abendblatt vom 26.07.2008. – URL: <https://www.abendblatt.de/hamburg/article107432143/Mitten-in-Hamburg-eine-Zeitreise-nach-Chinatown.html> (дата обращения: 11.03.2020). – Текст: электронный.
7. Institut für Bürgerrechte & öffentliche Sicherheit e. V.: Bürgerrechte & Polizei/CILIP (Zeitschrift). – Berlin, 1978. – Heft 1.
8. Jüdische Allgemeine, June 11, 2019. – URL: <https://www.juedische-allgemeine.de/juedische-welt/kofferpacken-nach-dem-exil> (дата обращения: 17.03.2020). – Текст: электронный.
9. Leibniz-Zentrum für Zeithistorische Forschung. Zeithistorische Forschungen (Zeitschrift). – Potsdam Heft 1, 2004.

10. Leutner Mechthild, Mьhlhahn Klaus. Deutsch-Chinesische Beziehungen im 19. Jahrhundert: Mission und Wirtschaft in interkultureller Perspektive. – Mьnster: LIT, 2001.
11. Lohfeld Wiebke, Hochstadt Steve. Die Emigration jьdischer Deutscher und Цsterreichischer nach Shanghai als Verfolgte im Nationalsozialismus. – Wuppertal: Else Lasker-Schьler-Gesellschaft e. V., ohne Jahresangabe. – URL: <http://www.exil-archiv.de/grafik/themen/exilstationen/shanghai.pdf> (дата обращения: 12.03.2020). – Текст: электронный.
12. Maul Eberhard. Japan und die Juden. Studie ьber die Judenpolitik des Kaiserreiches Japan wdhrend der Zeit des Nationalsozialismus 1933–1945. – Bonn: Dissertation der Rheinischen Friedrich – Wilhelms – Universit, 2000.
13. Pan Guang. A study of Jewish Refugees in China (1933–1945): history, theories, and the chinese patterns. – Singapore: Springer, 2019.
14. Perl W. R. The holocaust conspiracy: an international policy of genocide. – New York: Shapolsky, 1989.
15. RenminRibao. November 11, 2005. – URL: http://en.people.cn/200511/11/eng20051111_220515.html (дата обращения: 15.03.2020). – Текст: электронный.
16. Ron Gluckman website. – URL: <http://www.gluckman.com/ShanghaiJewsChina.html> (дата обращения: 12.02.2020). – Текст: электронный.
17. Spence Jonathan. The search for modern China. – New York; London: Norton, 1990.
18. Taylor Jay. The generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for modern china. – Cambridge; Massachusetts; London: Harvard University Press, 2009.
19. Weyrauch Thomas. Chinas demokratische traditionen vom 19. Jahrhundert bis in Taiwans Gegenwart. – Longtai: Heuchelheim, 2014.
20. Weyrauch Thomas. Chinas unbeachtete republik: 100 Jahre im Schatten der Weltgeschichte. Bd. 1. 4. – Longtai: Heuchelheim, 2015.
21. Wickert Erwin. John Rabe und das Massaker von Nanking // Fritz-Bauer-Institut, Vцlkermord und Kriegsverbrechen in der ersten Hдlfte des 20. – Jahrhunderts. – S. 245 ff.
22. Ё-Dembски Dagmar. Chinesenverfolgung im nationalsozialismus– ein weiteres kapitel verdrdngter geschichte // Institut fьr Bьrgerrechte & цffentliche Sicherheit, Bьrgerrechte & Polizei/CILIP. – 1997. – No. 58. – S. 70 ff.
23. Zhou Xun. Chinese perceptions of the ‘Jews’ and Judaism: a history of the Youtai. – Richmond: Curzon, 2001.

УДК 94

ББК 63.3(0):88.52

Алексей Станиславович Тимощук,

*Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Россия*

Наталья Николаевна Трофимова,

*Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Россия*

Вторая мировая война: границы памяти, забвения, перекодирования

Отмечено, что народный подвиг в военную годину и послевоенный рывок остаются осью, вокруг которой продолжает вращаться евразийский мир народов бывшего СССР. Общая историческая судьба, взаимная поддержка в тяжёлую минуту – эти точки опоры нужны и сегодня, спустя 75 лет. Цель статьи – поставить вопрос о границах коммеморативных потоков, когда они превращаются в перекодировку памяти, когда трансформируются в пропаганду, а когда выражают народную боль трагедии войны.

Ключевые слова: фальсификация истории, границы памяти, эстафета поколений, образ ВОВ, вахта памяти, часовые памяти, историческая память

Alexey S. Timoschuk,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

Natalia N. Trofimova,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

Second World War: Boundaries of Memory, Oblivion, Coding

The feat of arms during the war years and the postwar breakthrough remains the axis around which the Eurasian world of the peoples of the former USSR continue to remain. A common historical fate, mutual support in a difficult moment – these points of support are still in demand today, after 75 years. The purpose of the paper is to raise the question of the boundaries of commemorative flows, when they turn its coding, when they transform into propaganda, and not express the national pain of the tragedy of the War.

Keywords: falsification of history, boundaries of memory, relay race of generations, image of the Second World War, memory watch, clock memory, historical memory

Можно выделить несколько этапов меморизации войны и Победы в национальном самосознании, что отражалось в статусе дня 9 мая. Его первое восприятие было действительно серьёзным и молчаливым: с 1947 по 1965 гг. был обычным днем. Существовал также трёхлетний период до 1947 г., когда не только 9 мая, но 3 сентября, 3 сентября 1945 г., когда завершилась война с милитаризованной Японией победой СССР. Почему же Сталин отменил эти выходные? В своей аскетической манере Сталин считал, что праздников должно быть немного, а страна вдов и сирот нуждается не в праздниках, а в восстановлении промышленности и городов. Нерабочими с 1947 г. были 22 января (Кровавое воскресенье), 8 марта, 1–2 мая, 7–8 ноября, 5 декабря (День Конституции СССР). Для сравнения: в 1916 г. в Российской империи было 42 неприсутственных дня (православные и дни царской фамилии), но не было отпусков. Сейчас же у нас 14 праздничных дней, включая День Победы 9 мая, который возобновлён как нерабочий день в 1965 г. Л. И. Брежнев. Генсек сам был фронтовиком и любил праздники. Страна входила в период развитого социализма и легитимизация Победы как триумфа советской власти началась именно тогда.

Советская идентичность – это аксиологическое измерение. В первые годы советской власти были преодолены многие проблемы коллективными усилиями советских граждан: 50 народов получили письменность, была достигнута всеобщая грамотность. Медики ехали и организовывали борьбу с инфекционными заболеваниями. Впервые было организовано Министерство здра-

воохранения, преодолены массовые социальные болезни.

Строительство промышленных предприятий, организация систематического управления кадрами, – всё это важнейшие системообразующие достижения. Великая отечественная война усилила мобилизационный характер индустриализации. Тысячи предприятий были эвакуированы на Восток страны, усилив его промышленный, научный, образовательный потенциал.

75 лет Великой Победы подняли новую волну дискуссий о причинах Второй мировой, об ответственности за её развязывание, о вкладе в Победу. 27 января 1945 г. советскими войсками был освобождён концентрационный лагерь *Auschwitz-Birkenau* (Освенцим), где общее число жертв оценивается в 4 млн чел. В Израиле, США, Польше, России и во всём мире помнят про это событие. В этом году состоялись памятные мероприятия в честь освобождения, которые посетил Президент Украины В. А. Зеленский. Он представил освобождение узников как национальный подвиг. Дивергенция мемориальных потоков не имеет темпоральных границ, Польская народная армия может стать «солдатами Пилсудского», советские войска – украинцами. Несомненно, в составе Украинского фронта преобладали украинцы, т. к. он формировался на территории, на которую напал враг, однако принцип его сбора был географический, а не национальный. Степной фронт составляли не степняки, Волховской – не волхвы. 100-я стрелковая Львовская дивизия формировалась призывниками Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР и получила почётное название за освобождение Львова. На

всех фронтах воевали военнослужащие всех национальностей. Советская идентичность – это коллективное социальное образование, которое помогло республикам осуществить грандиозные планы по модернизации промышленности, созданию инфраструктуры и обеспечить коллективную безопасность. Современные стыдливые конъюнктурные игры с памятью не могут принести долгосрочный результат, т. к. основаны на подмене и манипуляциях [3; 6].

Негативные коммеморативные процессы – это гламуризация, десакрализация, политизация Великой Победы. Одним из таких токсичных примеров является гротескный роман М. Кононова «Голая пионерка», десакрализующий образ Евдокии Афанасьевны Мухиной, 16-летней девушки, которая вступила добровольно в ряды Красной Армии. Обучившись радиоделу, она десантировалась за линию фронта и помогала советским войскам в тылу врага [7].

У Кононова девочка-подросток Мария Мухина добровольно уходит на фронт, скрыв свой настоящий возраст, переживает взросление, становится объектом сексуальных отношений с офицерским составом своей части; поднимаются темы людоедства в блокадном Ленинграде, показательных мотивирующих расстрелов офицеров. Первоначальное название позорного романа – «Эх, бляха-муха! или Секретный приказ генерала Жуйкова». В кощунственном произведении война становится эротическим действием, образ Богородицы символизирует летающая голая пионерка. По мотивам очерняющего Победу романа в театре «Современник» К. Серебренниковым был поставлен одноимённый спектакль с Чулпан Хаматовой в главной роли, который обсуждался во многих сетевых изданиях, защищавших его как «национальное достояние».

Границы дозволенного стали размытыми, они сместились. Кощунственное, маргинальное неожиданно вторгается в повседневность. Брутальное становится обыденным, затираясь в потоке новостей. Чёрствость – это повседневность причащения к низменному, катарсис наоборот. Отсутствие сострадания – это фактор прорывающегося лингвоцинизма публичных спикеров: «одна актриса жалуется на то, что у неё «холодок по спине пробежал», на что другая ответила, что это «замёрзший дух генерала Карбышева», который «подошёл сзади и приобнял»; владелец фирмы «Владыка морей» торгующей морепродуктами: «При заморозке мидия погибает как генерал Карбышев с плотно стиснутыми зубами.

Если створки приоткрыты она замерзла уже дохлой». В обыденной речи можно услышать про «подвиги селфи» с обливанием холодной воды «Карбышев-стайл». Патриот – тот тот, кто знает и помнит. Дмитрий Михайлович Карбышев, военный специалист, генерал, который был контужен и попал в плен. Когда его не смогли завербовать («Я совестью и Родиной не торгую!»), то отправили на работы в концлагерь, а в феврале 1945 г. он был замучен до смерти обливанием на морозе ледяной водой.

Хайп используется как метод политической интервенции [1]. Не случайно на 70-летие Великой Победы была произведена художественная провокация, вышел британско-французский политико-сатирический фильм «Смерть Сталина», где вождь умирает, прочитав записку от православной пианистки Марии Юдиной, желающей ему смерти. Тот заходится в хохоте, падает в судорогах и пускает мочу. Это спланированная политическая провокация в духе постмодернистской деконструкции, аналогичная карикатурам *Charlie Hebdo* на пророка Мухаммеда или на теракт ИГИЛ к аэробусу Когалымавиа А321 над Синаем («Российская авиация усилила свои бомбардировки в Сирии»).

Мир стал скоростным, насыщенным и децентрированным, бессердечным. Потребительское общество холодных контактов. Шоу. Нет ничего святого. Масса видеопродукции со смещёнными ценностными ориентациями: насилие, нарушения общественной морали, издевательства, натурализация зла. Хотя по сценарию подобные проявления могут осуждаться, они делаются эстетично, со вкусом. Для людей со слабой рациональной рефлексией достаточно смакования образов для образования девиантных паттернов. Когда-то религия занималась цензурой культуры, она отбраковывала любовное пороками, воспитывала эмпатию. В секулярную эпоху практически не осталось ни одной тёмной стороны человеческого поведения, которое бы ни стало предметом эстетизации. Постмодернизм дестабилизировал понимание зла, оно стало серым, нюансированным. Произошла деконструкция традиционных оппозиций: добро и зло, праведники и злодеи, герои и подлецы. Скандальное прочтение нарративов о войне не является патриотизмом, а игрой на могилах предков.

Модные режиссёры заявляют, что порнографическими постановками они очищают Победу от политического гламура. Для этого не нужно собирать деньги с помощью краудфандинга на чёрную комедию «Праздник».

Сюжет псевдопроблемный, поднимающий руку на святое, на память о подвиге блокадников, преследующий конкретную цель – вбросить в общественное сознание мем «Пока рядовые граждане умирали, начальство пировало». Другой «движ», либеральная газета проводит опрос: «стоило ли сдать Ленинград, чтобы спасти его жителей?». Таким образом, под видом политического гламура продвигается пропаганда врага [2].

Конечно, нам необходима перезагрузка 9 мая, очищение его от ложных политических мотивов. А. А. Ананьев, Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев, В. П. Некрасов, Б. Л. Васи-

льев, В. В. Быков, Н. Н. Никулин, П. А. Михин и другие литераторы в окопах уже создали образ другой, неофициальной, «солдатской» войны [5]. Как Великая Отечественная война была подлинно народной, так и 9 мая – это общий праздник долга, самопожертвования и героизма. В нём как бы сливаются в единый хор голоса воинов на Ледовом побоище и на поле Куликовом, Северной войне и Отечественной войне 1812 г., Крымской и Японской, Первой мировой и Великой Отечественной, голоса новых героев. 9 мая – это праздник идентификации себя с воинами, отдавшими свои жизни ради нашей свободы.

Источники и литература

1. Галиева Ю. А., Тимошук А. С. Великая Победа как фактор международного права в современных геополитических условиях // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 10. – С. 310–316.
2. Гузенко А. Ю. Блокада Ленинграда сквозь призму информационной войны // Участие войск НКВД СССР в обороне Ленинграда: материалы межвуз. науч.-практ. конф. к 75-летию полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады. – СПб.: Санкт-Петербургский воен. ин-т войск нац. гвардии РФ, 2019. – С. 52–54.
3. Захарова Е. М. Фальсификация событий великой отечественной войны в представлениях петербургской молодежи // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Ин-т стратегических исследований: Перо, 2015. – С. 341–345.
4. Кафтан В. В. Современные социальные технологии духовно-ценностной компрометации Великой Победы // Педагогическое образование и наука. – 2015. – № 4. – С. 109–114.
5. Киличенков А. А. Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки (рецензия на книгу: Михин П. А. Артиллеристы, Сталин дал приказ!: мы умирали, чтобы победить. М.: Эксмо, 2006. 574 с.) // Новый исторический вестник. – 2013. – № 1. – С. 124–131.
6. Козлов Н. Д. Современные западные историки и средства массовой информации о роли СССР в разгроме Германии // Клио. – 2019. – № 12. – С. 30–38.
7. Мухина Е. А. Восемь сантиметров. – М.: Воениздат, 1975. – 271 с.

УДК 94(41/99):331
ББК 63.3(2)622-2

Владимир Владимирович Линьков,
Витебская ордена «Знак Почёта» государственная
академия ветеринарной медицины,
г. Витебск, Беларусь

Особенности профессиональной деятельности специалистов ветеринарного дела в годы Великой Отечественной войны

Проведёнными исследованиями 2001–2020 гг. установлено, что среди отличительных, важных и правильно сформулированных направлений профессиональной деятельности специалистов ветеринарного дела в годы Великой Отечественной войны выделяются – организация и управление ветеринарной отраслью, умение направить все силы практической ветеринарии на реализацию качественно новых подходов в ветеринарной работе. Беззаветное служение Родному Отечеству – главная составляющая гражданственности и патриотизма, непосредственная реализация которых позволяет обеспечить устойчивое, безопасное и прогрессивное развитие государства.

Ключевые слова: профессиональная ветеринария, организация ветеринарного дела, Великая Отечественная война, гражданственность и патриотизм

Vladimir V. Linkov,
Vitebsk Order "Badge of Honor" state
Academy of Veterinary Medicine,
Vitebsk, Belarus

Features of Veterinary Activities During the Great Patriotic War

Conducted by research in 2001–2020 it was established that among the distinctive, important and correctly formulated areas of professional activity of veterinary specialists during the Great Patriotic War, the organization and management of the veterinary industry, the ability to direct all the forces of practical veterinary medicine to the implementation of qualitatively new approaches to veterinary work stand out. Selfless service to the Motherland is the main component of citizenship and patriotism, the direct implementation of which allows for the sustainable, safe and progressive development of the state.

Keywords: professional veterinary medicine; veterinary organization; the Great Patriotic war; citizenship and patriotism

Великая Отечественная война является сложным для осмысления историческим событием, сочетающим в себе трагедии сотен тысяч и миллионов людей различной национальности, различного вероисповедания, различного уровня образования и культуры, и одновременно с этим именно тяжёлые годы военного лихолетья в очередной раз показали, как должны и могут быть проявлены беззаветное мужество и героизм служения родному Отечеству, как можно любить свою Землю, родных и близких людей, с каким невероятным усердием и настойчивостью надо верить и добиваться Победы над врагом [1–15].

Представленная на обсуждение работа является изучением одного из элементов (факторов) такого вклада в общую Победу советского народа в Великой Отечественной войне, показывающего отдельные организационные и исполнительские особенности профессиональной деятельности ветеринаров в 1941–1945 гг.

Цели и задачи исследований. Цель исследований заключалась в определении разграничений организационно-управленческой и производственно-управленческой деятельности специалистов ветеринарного профиля в годы Великой Отечественной войны, изучении вклада ветеринарии в Победу. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: проводилось тщательное изучение различных источников информации, способствующее раскрытию исторической вехи и участия ветеринарных специалистов на пути к Победе в Великой Отечественной войне; использовалось личное общение с ветеранами, участниками событий в Великой Отечественной войне (ВОВ); осуществлялся анализ полученных данных и их интерпретация.

Материалы и методы исследований. Исследования проводились в 2001–2020 гг. при

изучении отдельных документов и других источников (аудио-, видеоинформация, осуществление личных контактов с ветеранами ВОВ), касающихся участия ветеринарных специалистов в ВОВ. Использовались различные элементы методологического инструментария, включающие методы анализа, синтеза, дедукции, сравнений, логический.

Результаты исследований. Установлено два больших направления осуществления профессиональной ветеринарной деятельности ветеринарных специалистов (военветспециалистов) в годы ВОВ: фронтовая (прифронтовая) ветеринарная деятельность (вблизи и в условиях военных действий) и тыловое обеспечение ветеринарной деятельности (гражданско-тыловое и военно-тыловое обеспечение) [3; 4; 9; 15].

Дополнительно известно, что стоявший у руля всего ветеринарного дела в годы ВОВ, выдающийся военачальник, начальник Ветеринарного управления РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) В. М. Лекарев и его соратники, специалисты-организаторы ветеринарного дела Г. М. Градюшко, Н. М. Власов, Б. А. Левадный, Н. Г. Сипко, Н. И. Степанов, Н. И. Титов, Ф. А. Шустовский и другие внесли неоценимый вклад в становление и развитие ветеринарии военных лет [1–4].

Дополняя представленные элементы организации ветеринарного дела в ВОВ, необходимо отметить, что при осуществлении ветеринарного обеспечения войск действующей армии ветеринарная служба имела ряд следующих подразделений – войсковой тыл, армейский тыл и фронтовой тыл, в распоряжении которых действовали ветеринарно-фельдшерские пункты, полковые и дивизионные ветеринарные лазареты, полевые походные ветеринарные лаборатории, фронтовые и полевые армейские ветеринарные склады. Такая

организационная работа в совокупности с профессиональной ветеринарной деятельностью конкретных военврачей ветеринарной службы приносила исключительно полезные результаты. По свидетельству очевидцев и документам, в период ВОВ военно-ветеринарная служба осуществила очень большой объём выполненных работ и в целом справилась с поставленными перед ней задачами, так как ветеринарная служба возвращала в строй сотни тысяч лошадей, выбываемых из частей вследствие ранений и по причинам различных заболеваний. Этому способствовала правильная организация лечено-эвакуационной работы, при которой лечение раненых и больных животных сочеталось с их эвакуацией в расположение тыловых ветеринарных лазаретов [3; 5; 9; 15]. За проявленное мужество, героизм и за самоотверженную работу по ветеринарному обеспечению войск в ВОВ награждено орденами и медалями 7 211 офицеров ветеринарной службы [3]. Среди имён и фамилий, отмеченных наградами Родины в этом большом списке есть и выпускники Витебского ветеринарного института (ныне УО «Витебская ордена «Знак Почёта» государственной академии ветеринарной медицины»), а также специалисты ветеринарной медицины, связавшие судьбу с ветакадемией в довоенное и послевоенное время; это майоры ветеринарной службы в отставке – А. А. Акулинин (участник прорыва блокады Ленинграда), В. Г. Амалицкий (участник боёв на Центральном и Волховском фронтах), А. П. Герветовский, П. Я. Конопелько; Я. Г. Губаревич – начальник эвакуационного лазарета; капитаны ветеринарной службы в отставке –

Н. Н. Щеглов, Д. П. Трояновский (воевал в частях Волховского, 2-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, А. А. Королева (в запасе); полковник ветеринарной службы в отставке В. Н. Якубов; ветеринарный врач стрелкового полка Ф. А. Касько; начальник дивизионного ветеринарного лазарета И. В. Лазовский; начальник эвакуационного лазарета Я. Г. Губаревич; начальник полкового лазарета П. В. Каймаков; начальник ветеринарного 79-го стрелкового полка 123-й дивизии А. Н. Чередкова и др. Все они вместе и каждый в отдельности внесли толику собственных знаний, умений и практических навыков своей высокопрофессиональной ветеринарной деятельности в копилку Великой Победы. При этом установлено, что каждый шестой ветеринарный специалист (16,7 %), участник Великой Отечественной войны отдал жизнь во имя Великой Победы.

Заключение. Неразрывная связь поколений показывает, что ветеринарная медицина, специалисты ветеринарного профиля – это не просто профессия, это наполненный особыми свойствами мир духовного единства и братства ветеринаров.

Сегодня, как и былые времена, только самоотверженный труд на благо своего Родного Отечества, присущая высококультурным и образованным людям абсолютная готовность мужественно и беззаветно защищать его свободу и независимость – это и есть именно такие качества личности, национального самосознания, твёрдой гражданской позиции и патриотизма, практическая реализация которых позволяет обеспечить безопасное и прогрессивное развитие государства [3; 5; 7; 8; 10; 14].

Источники и литература

1. Алексеева Л. В. Государственная ветеринарная служба в СССР: 1940–1980-е годы (на материалах Курганской области). – Нижневартовск: Нижневартовский гос. ун-т, 2018. – 193 с.
2. Боев Ю. Легендарные лица военной ветеринарии. Военно-ветеринарная служба в годы Великой Отечественной войны. 12 марта 2010. – URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/ЛЕГЕНДАРНЫЕ-ЛИЦА-ВОЕННОЙ-ВЕТЕРИНАРИИ> (дата обращения: 12.01.2020). – Текст: электронный.
3. Витебская ордена «Знак Почёта» государственная академия ветеринарной медицины: история и современность (к 90-летию со дня основания) / ред. А. И. Ятусевич [и др.]. – Витебск: ВГАВМ, 2014. – 575 с.
4. Военно-ветеринарная служба в годы Великой Отечественной войны / В. А. Ермилина, Т. В. Безбородова, Л. М. Севастьянова, Н. И. Телегина // Наука и образование: новое время. – 2015. – № 3. – С. 63–67.
5. Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / авт.-сост. М. В. Пищуленок [и др.]. – Витебск: Белорусский НИИ документоведения и архивного дела, 2005. – 92 с.
6. Дроботушенко Е. В. Динамика обрядов зарегистрированной организации Русской православной церкви в Читинской области в конце 1960-х – середине 1980-х годов // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 8–13.
7. Думнова Э. М. Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 12–18.
8. Ковригина Г. Д. Социокультурный контекст современной философии патриотизма // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 44–51.

9. Курбанов Ж., Шуаев Г. Честь им и слава! Ветеринарной службе в годы Великой Отечественной войны посвящается. – Текст: электронный // Черновик. – 2010. – № 17. – URL: <https://chernovik.net/content/sredniy-klass/chest-im-i-slava-veterinarnoy-sluzhbe-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 11.01.2020).

10. Линьков В. В. Духовно-нравственное воспитание специалистов сельскохозяйственного производства – одно из важнейших направлений создания высокоэффективных агросистем // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Чита: ЗабГУ, 2019. – С. 130–134.

11. Линьков В. В. Закономерность в духовно-нравственном воспитании тружеников сельскохозяйственного производства // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 136–140.

12. Линьков В. В. Исторический и социокультурный аспекты взаимодействия пограничных территорий // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. – Чита: ЗабГУ, 2019. – Ч. 2. – С. 21–25.

13. Линьков В. В. Новая концепция теории и практики агроменеджмента // Актуальные проблемы менеджмента в АПК: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Горки: Белорус. гос. сельхоз. акад., 2018. – С. 82–84.

14. Миронова Н. В. Культура и цивилизация в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 20–26.

15. Шершнева И. И., Романова П. В., Заходнова Д. В. Ветеринария в годы Великой Отечественной Войны // Вопросы нормативно-правового регулирования в ветеринарии. – 2015. – № 3. – С. 285–288.

УДК 37:94

ББК 63.3(2)622-2:74

Лариса Александровна Королева,

*Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
г. Пенза, Россия*

Илья Денисович Вазеров,

*Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
г. Пенза, Россия*

Алексей Александрович Королев,

*Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
г. Пенза, Россия*

Перестройка системы образования на начальном этапе Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области)

В статье рассматриваются изменения в работе школ Пензенского региона, обусловленные военными условиями. Характеризуется планирование школьной сети в области в 1941 г. Изучается организация и содержание учебного и воспитательного процесса в школах в военное время. Рассматривается участие школьников области в сельскохозяйственных работах. Особое внимание уделяется вопросу военно-физической подготовки учащихся.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, система образования, школа, Пензенская область

Larisa A. Koroleva,
Penza State University
of Architecture and Construction,
Penza, Russia

Ilya D. Vazero,
Penza State University
of Architecture and Construction,
Penza, Russia

Alexey A. Korolev,
Penza State University
of Architecture and Construction,
Penza, Russia

Restructuring of the Education System at the Beginning of the Great Patriotic War (on the Materials of Penza Region)

The article explores changes in the work of schools in the Penza region due to military conditions. The planning of the school network in the region in 1941 is characterized. The organization and maintenance of the educational and educational process in schools in wartime is studied. The participation of schoolchildren of the region in agricultural works is considered. Special attention is paid to the issue of military and physical training of students.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, education system, school, Penza region

Военные условия, определившие изменение вектора всей работы на военный лад, потребовали этого и от советской школы. Ключевая задача состояла в том, чтобы работа школ была организована таким образом, чтобы в сложных обстоятельствах военного времени обеспечить нормальное функционирование школ для обучения и воспитания подрастающего поколения. Заведующий облотделом народного образования П. Мальцев подчеркивал, что долгом чести учительства выступает осуществление полностью всеобщего обязательного обучения детей, задача добиваться большевистского порядка, четкости, дисциплинированности в работе, поднятие на высшую ступень работу с учащимися по физическому воспитанию и военно-оборонной подготовке [4, с. 84].

Война поставила под угрозу решение задач всеобщего обучения. В связи с этим руководство страны приняло решения, направленные на безусловное выполнение закона о всеобщем обучении. Особенно большое значение имели постановления СНК СССР и РСФСР по вопросам всеобщего обучения, принятые в июне и июле 1942 г., в которых подчеркивалось, что «осуществление всеобщего обучения детей остается одной из главных задач и в условиях войны» [7, с. 7].

Серьезную трудность представляло планирование школьной сети. Особенность планирования состояла в том, что при подготовке

к каждому новому учебному году контингенты детей, подлежащие обучению, с трудом поддавались учету в связи с их большим передвижением. Данное обстоятельство ежегодно вызывало изменение дислокации школьной сети Пензенской области, которая, несмотря на особенности военного времени, оставалась относительно стабильной (две тысячи школ всех типов с контингентом учащихся в 220–250 тыс.). Несмотря на это, народнохозяйственный план школьного обучения выполнялся успешно. Если накануне войны в школы всеобщего обучения было вовлечено детей 87 % к плану, в 1941 г. 73 %, в 1944 г. – 87,5 %, в 1945 г. – 97 % [6, с. 427].

Однако, в отличие от предвоенных лет, в годы войны, особенно в первые два года, наблюдался значительный отсев учащихся из школ, в частности из V, VII, VIII и X классов, что создавало особые трудности в осуществлении закона всеобщего обучения. Местные власти постоянно контролировали состояние всеобщего обучения, систематически обсуждали эти вопросы и принимали по ним практические решения. Они создавали фонды всеобщего обучения, из которых оказывалась материальная помощь школьникам из семей военнослужащих, а также семей, временно впадших в нужду, организовывали пошив детской обуви и одежды, налаживали подвоз учащихся к школам из отдаленных населенных пунктов.

В военные годы существенно изменился и характер образования. Учителя стремились выделить круг навыков, которые в дальнейшем помогали бы школьникам легче и быстрее овладеть профессией, легче и быстрее найти свое место в общественном производстве: чтение и выполнение ряда чертежей, простейших радиотехнических и электротехнических схем, обращение с различными инструментами, простейшими машинами и механизмами. На августовской конференции учителей Пензы обсуждались вопросы учебы и воспитания детей в школе в 1941–1942 учебном году. Выступавшие в прениях по докладу заведующего горно Кутепова преподаватели говорили, что учеба должна отвечать требованиям военного времени. Изучение физики, химии, географии, математики и других дисциплин необходимо увязывать с вопросами военной подготовки учащихся, обороны родины. Учителя предложили в процессе внеклассной кружковой работы знакомить учащихся с теоретическими и практическими вопросами военной химии. На методических объединениях обсуждались методы преподавания отдельных предметов. Учителя русского языка средней школы № 2 поделились своими планами работы по внеклассному чтению учащихся. Произведения, особенно актуальные в данный момент, – с образами героев советского народа, планировалось изучать в кружках. На методическом объединении историков учительница средней школы № 14 Матвеева рассказывала об организации работы исторического кружка. В 1941–1942 учебном году в кружках планировалось заслушивать лекции о военных подвигах и великих полководцах Суворове, Чапаеве, Щорсе, изучать военную историю СССР [2].

Во многих школах области неплохо работали технические кружки. В этих кружках, углубляя знания, дети изготавливали оборудование для кабинетов, пособия, приборы.

Особенно много школы поработали в деле привития учащимся агротехнических знаний в связи с практической работой школьников на колхозных и совхозных полях. Этому в значительной степени содействовали полученные в то время указания Наркомпроса и разработанные им специальные программы.

По вопросам физического воспитания учащихся в рассматриваемый период также была проделана значительная работа. Мобилизация в Советскую Армию подавляющей части физруков ослабила в первый период войны постановку физвоспитания в школах. Органы народного образования организовали

краткосрочную подготовку физруков. К третьему году войны кадры физруков были значительно укреплены, и вообще внимание к вопросам физвоспитания было повышено. Особое значение для учащихся 8–10-х классов приобретали практические работы военно-прикладного характера, в ходе которых каждый юноша должен был изучить мотор и винтовку, научиться владеть пулеметом, гранатой, штыком; каждая девушка подготовиться к военно-санитарной службе. На военно-физкультурную подготовку школьников старших классов отводилось от 3 до 5 часов в неделю.

Практически во всех школах были подготовлены стенды, плакаты, выставки о Великой Отечественной войне. Например, в средней школе № 2 Пензы учащиеся Нульман и Лифанов под руководством учительницы Л. Н. Буренковой составили плакат «Герои Отечественной войны»; у входа в школу был вывешен плакат «Учиться так, чтобы отцы на фронте гордились нашими успехами». На стенах комнат Пензенской начальной школы № 28 была размещена фотовыставка «Отечественная война советского народа» [8].

В годы Отечественной войны учителя и школьники города и деревни старались оказывать помощь промышленности и транспорту, совхозам и колхозам, помощь фронту и пострадавшим районам. Летом 1941 г. школьники Пензы, Кузнецка, Сердобска и Нижнего Ломова под руководством учителей помогали содержать в порядке железнодорожные пути и т. д. 102 т. черного и цветного металла собрали для нужд обороны пионеры Пензы. В воскресенье 17 августа 1941 г. 200 учащихся и 17 педагогов средней школы № 2 г. Пензы собрали 12 т металлолома [3].

Особенно большую помощь школьники оказывали совхозам и колхозам в полевых работах. Так, летом 1941 г. ученики средней школы № 4 Пензы пропололи и промотыжили посевы на площади в 150 га, связали рожь на 5 га и отсортировали 30 т зерна. Учащиеся Земетчинской средней школы выработали за июль и август 11314 трудодней. Школьники Пачелмы проложили 500 м² дороги к ссыпному пункту [1]. В колхозе им. И. В. Сталина Николаевского района ученики пропололи 100 га проса. На полевых работах в колхозах только 26 районов области в августе было занято более 2 тыс. учителей и 52 тыс. учащихся [5]. В течение сентября на уборочных работах, в частности, на скирдовании хлеба, в Каменском районе было задействовано более 1 500 школьников.

Таким образом, Великая Отечественная война определила необходимость перестройки всех сфер жизнедеятельности советского общества на военный лад, в том числе и системе образования. Обычные задачи и функции школы – осуществление всеобщего обу-

чения, учебно-воспитательная работа, деятельность учительства – приобрели в годы войны новое значение, встали в совершенно новом свете, потребовали при их разрешении особой оперативности, большой энергии, целеустремленности.

Источники и литература

1. Боевые задачи советской школы // Сталинское знамя. – 1941. – 28 авг. – С. 1.
2. Васильев Ю. Конференция учителей Пензы // Сталинское знамя. – 1941. – 30 авг. – С. 2.
3. Востоков И. Учащиеся собирают металлолом // Сталинское знамя. – 1941. – 29 авг. – С. 2.
4. Королев А. А., Королева Л. А. Советская школа в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области) // E-Scio. – 2018. – № 6. – С. 83–89.
5. Мальцев П. Навстречу новому учебному году // Сталинское знамя. – 1941. – 31 авг. – С. 3.
6. Пензенская область за сорок лет советской власти. – Пенза: Пензенское кн. изд-во, 1957. – 544 с.
7. Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. – М.: НКП РСФСР, 1942. – 96 с.
8. Степанова Н. Добро пожаловать // Сталинское знамя. – 1941. – 31 авг. – С. 3.

УДК 94(5+41/99):930
ББК 63.3((0)62+5)

Юрий Васильевич Кузьмин,
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Маньчжурская стратегическая операция советских войск 1945 г.: вопросы историографии и концептуального обоснования¹

Советско-японская война 1945 г. – важная часть Второй мировой войны, героическая страница военной истории России. Маньчжурская стратегическая операция августа 1945 г. активно изучается в российской и мировой исторической науке, опубликовано значительное число исторических источников и мемуаров. Однако теоретическое и геополитическое изучение советско-японской войны 1945 г. нуждается в дополнительном исследовании. Место войны в отечественной и мировой истории, причины и последствия боевых действий, дипломатическая история нуждаются, по нашему мнению, в дальнейшем осмыслении и обобщении. Основное внимание в статье уделяется дискуссионным проблемам в изучении советско-японской войны 1945 г.

Ключевые слова: советско-японская война 1945 г., Маньчжурская стратегическая операция, СССР, Япония, Квантунская армия, Маньчжурия, российская историография, Китай

Yurii V. Kuzmin,
*Baikal State University,
Irkutsk, Russia*

The Manchurian Strategic Operation of the Soviet Forces in 1945: Questions of Historiography and Conceptual Justification

The Soviet-Japanese war of 1945 is an important part of the Second world war, a heroic page in the military history of Russia. The Manchurian strategic operation of August, 1945 is actively studied in the Russian and world historical science, the considerable number of historical sources and memoirs is published. However, the

¹ Исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ «18-514-94002 МОН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии»; Гранта РФФИ «20-59-44008 Монг_а Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

theoretical and geopolitical study of the Soviet-Japanese war needs additional research. The place of war in the national and world history, the causes and consequences of hostilities, diplomatic history need, in our opinion, further understanding and generalization. The main attention is paid to the discussion problems in the study of the Soviet-Japanese war of 1945.

Keywords: Soviet-Japanese war of 1945, Manchurian strategic operation, USSR, Japan, Kwantung army, Manchuria, Russian historiography, China

Исторические события на Востоке очень часто находятся «в тени» мирового исторического процесса, современной российской и мировой историографии. Вторая мировая война началась и завершилась на Востоке 2 сентября 1945 г. подписанием Акта о капитуляции Японии. Завершающим аккордом Второй мировой войны стала советско-японская война в августе 1945 г., короткая, но чрезвычайно напряженная и героическая война СССР против милитаристской Японии (9 августа 1945 г. – 2 сентября 1945 г.). Маньчжурская стратегическая наступательная операция показала вооруженному противнику и всему миру боевые возможности, блестящую военную тактику и стратегию лучшей армии мира, имеющей талантливых полководцев, опытных и выносливых воинов, совершенную на тот период военную технику, а также советско-монгольское боевое содружество и взаимодействие с китайской народно-освободительной армией и Китайской коммунистической партией.

Разгром мощной и крупной по численности Квантунской армии, ликвидация марионеточного государства Маньчжоу-Го и его вооруженных сил, восстановление независимости Китая открыли новую страницу в истории стран и народов Азии. Монгольская Народная Республика – участница этой войны, получила возможность обрести полный суверенитет после проведенного в стране плебисцита. Условием участия СССР и Красной армии в данной Стратегической операции 1945 г. являлось признание союзниками и китайскими властями независимости Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии). Многие народы и страны Юго-Восточной Азии получили независимость и возможность самостоятельного развития. СССР выполнил взятые на себя ранее в 1943 и 1945 гг. союзнические обязательства.

Российская историческая наука проделала серьезную работу по публикации исторических документов, воспоминаний участников исторических событий, изданию фундаментальных исторических работ обобщающего характера, издано значительное число научно-популярных работ по данной теме, сняты документальные фильмы [1–3; 5; 7; 8;

11–12; 15; 19; 20]. Интерес к теме не исчезает, а только растет. Наряду с серьезными исследованиями появляются также либо поверхностные работы, либо намеренно искажающие историческую правду. В этой связи одной из задач современной исторической науки является, по нашему мнению, критический анализ основных концепций советско-японской войны 1945 г. и преодоление различных мифов и фальсификаций военной истории нашей страны и мирового исторического процесса на этапе завершения Второй мировой войны.

В статье представлена попытка выделить основные подходы и некоторые дискуссионные проблемы современной российской исторической науки по изучению советско-японской войны и Маньчжурской наступательной операции 1945 г.

Во-первых, это проблема места и роли советско-японской войны в национальной и мировой истории. Несмотря на относительную простату вопроса, имеются серьезные расхождения и не только терминологического характера. Красноярский профессор-китаист В. Г. Дацышен в монографии «Советско-японская война 1945 г. Взгляд на события и проблемы через 70 лет» (2015) отметил противоречивость оценки исторического места военных действий против Японии в августе 1945 г.: является или нет, она частью Великой Отечественной войны? [5, с. 8–12]. Исторические труды советских и российских историков и энциклопедии дают противоречивый и неоднозначный ответ на данный вопрос. В фундаментальных обобщающих трудах и энциклопедиях, посвященных Великой Отечественной войне, данные военные события включается как завершающий этап этой войны. С другой стороны, 9 мая – День Победы советского народа, отделяет события на Востоке в отдельный этап войны, что также логично и закономерно.

Представляется, что большинство авторов рассматривает эти военные действия как отдельный этап войны либо отдельную войну, в меньшей степени – как завершающий этап Великой Отечественной войны. По нашему мнению, это завершающий этап Второй мировой войны, который не является частью Вели-

кой Отечественной войны, которая завершилась 9 мая 1945 г.

Во-вторых, широкое распространение в исторической литературе получило использование двух понятий: «советско-японская война 1945 г.» и «стратегическая наступательная операция 1945 г.». Это отражается и в названии трудов [5] и энциклопедических статьях [17]. Представляется, что эти понятия несут различную смысловую нагрузку и отражают различное научное содержание. Термины «советско-японская война 1945 г.» и «стратегическая наступательная операция» несут различную смысловую нагрузку и разное содержание. Понятно, что термин «война» более объемное понятие, а термин «операция» более локальное и менее значимое событие в истории, ставить знак равенства между ними не представляется возможным. Это была чрезвычайно высокоорганизованная операция, готовившаяся не один месяц и проведенная за полмесяца боевых действий, хотя отдельные боевые операции продолжались в целом в течение целого месяца. Блестящие военные десанты в городах Харбин, Чанчунь, Мукден, порт Дальний. Боевые операции советских войск показали решительность, расчетливость советско-монгольского политического и военного командования и умение беречь воинов и побеждать умением, а не количеством.

Современные историки В. П. Зимонин, В. Г. Дацышен, С. В. Карасев определяют боевые действия как «советско-японскую войну» [5–6; 10], другие исследователи – как «наступательную стратегическую операцию» (Б. Г. Родиков, А. В. Соловьев) [17], «Маньчжурскую операцию» (Н. В. Гордеев, С. А. Жданов) [4], а некоторые – как «дальневосточную военную операцию» (Х. Шагдар) [22, с. 71–74]. Значительное число исторических и научно-популярных работ избегает в названии работ этих терминов и определяет их более нейтрально: как «освободительная миссия на Востоке», «поражение милитаристской Японии», «поражение империалистической Японии», «разгром японского милитаризма во Второй мировой войне». Представляется, что концептуальный вопрос сущности военных действий в августе 1945 г. нуждается в дополнительном и специальном исследовании и коллективном научном обсуждении. Назрела также необходимость подготовки специальной научной энциклопедии, посвященной этому историческому событию.

В-третьих, дискуссионным вопросом в российской и мировой историографии остается вопрос дипломатической истории данной

войны, который возник еще во время Токийского Международного военного трибунала в 1946–1948 гг. Важным аспектом данной проблемы является оценка советско-японского Пакта о нейтралитете 1941 г., его денонсации и роли в начале войны.

Как известно, накануне Великой Отечественной войны, 13 апреля 1941 г., был подписан советско-японский пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Договор был подписан по инициативе японской стороны, но отвечал и национальным интересам СССР. Япония предложила заключить Пакт о ненападении, но советская сторона предложила свой вариант – Пакт о нейтралитете, который и был принят. По характеристике профессора В. Г. Дацышена, «это ослабило напряженность на восточных границах Советского Союза, позволило сосредоточить внимание на подготовке войны с Германией. Уже в мае 1941 г. из Забайкалья была направлена на запад 16-я армия, сформированная в г. Борзя в 1940 г.» [5, с. 36]. Тем не менее данный Пакт не гарантировал от нападения Японии на СССР, особенно в период наиболее напряженных боевых сражений на советско-германском фронте в 1941–1942 гг.: Битвы под Москвой 1941 г. и Сталинградского сражения 1942 г.

В 1941 г. генеральный штаб Японии тайно готовил военный план войны против СССР с кодовым названием «Контокуэн», который был утвержден японским правительством, и начало военных действий планировалось на август 1941 г. Срыв молниеносного плана войны Германии с СССР, а также полученный ранее негативный опыт и военные поражения японских войск на Хасане 1938 г. и на Халхин-Голе 1939 г. сдерживали начало японской агрессии. Кроме того, Япония основным направлением военных избрала движение на юг и войну на море против США и союзников. В военном планировании Японии победило направление войны на южном направлении («морское командование») и захвате Юго-Восточной Азии, богатых месторождений нефти, металлов, угля и руд цветных металлов, столь необходимых для японской промышленности и экономики Японии, а также наличия значительных людских ресурсов региона.

5 апреля 1945 г. советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете, за год до истечения данного договора, что предусмотрено соглашениями сторон. В заявлении советского правительства утверждается, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помога-

ла последней в ее войне против СССР...при таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого пакта стало невозможным» [5, с. 41–42]. Это был переломный момент советско-японских отношений и переход отношений в новое качество.

Оценки денонсации пакта и начала войны с Японией серьезно различаются в российской и японской исторической науке. Российские историки считают, что СССР на законных основаниях денонсировал Пакт о нейтралитете, а 8 августа 1945 г. заявил о состоянии войны с Японией. По мнению московского востоковеда А. А. Кошкина, опубликовавшего целый ряд монографий по внешней политике Японии, денонсацией пакта советское правительство «фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии с целью скорейшего завершения Второй мировой войны» [11, с. 168].

Японская сторона считает, что СССР нарушил договор и вступление в войну является противозаконным. «Однако советская и современная российская трактовка событий отталкивается от того, что Советский Союз не разорвал пакт, а не продлил его. Сделано это было в полном соответствии с буквой настоящего документа» [5, с. 42].

Заместитель советского обвинителя на Международном военном трибунале в Токио Л. Н. Смирнов в книге «Суд в Токио» (1978) посвятил специальную главу дискуссии японской защиты на процессе по данной проблеме. По мнению Л. Н. Смирнова, японская сторона постоянно нарушала Пакт о нейтралитете, задерживала 178 советских судов, 9 судов было потоплено японскими вооруженными силами [18, с. 269], закрыло для мореплавания Сангарский пролив – кратчайший путь в Тихий океан. По данным показаний трибуналу генерал-лейтенанта Торасиро Кавабэ, все секретные документы и дела японского генерального штаба были сожжены в Токио 13 августа 1945 г., в том числе планы войны с СССР – «Оцу», «Контокуэн» [Там же, с. 255]. Нейтралитет Японии в годы войны был в основном соблюден благодаря успешным действиям Красной Армии на советско-германском фронте. Япония постоянно подчеркивала приоритет оси Рим – Берлин – Токио и соглашений над советско-японским Пактом о ненападении.

Время начало военных действий и официальное объявление войны с Японией в исторической литературе трактуется также по-разному. Профессор Иркутского государ-

ственного университета, японовед С. И. Кузнецов считает, что «Советский Союз фактически начал войну с Японией одновременно или несколькими минутами позже официального заявления Молотова. Изменить что-либо японское правительство, ни генеральный штаб были не в состоянии. Квантунская армия приняла бой на всех направлениях» [14, с. 14]. В 90-е гг., в период пересмотра советских точек зрения и их ревизии, некоторые российские исследователи (А. А. Кириченко, С. И. Кузнецов) и журналисты (В. Дунаев) стали считать, что наступление произошло даже несколько часов раньше, чем официальное объявление войны с Японией.

Специального углубленного изучения, по нашему мнению, заслуживают отдельные переговоры Японии с США и Великобританией о достижении перемирия или условиях мирной капитуляции, которые велись с февраля 1945 г. Япония рассчитывала на возможность компромиссного мира в надежде на раздел сфер влияния в Китае и определенных уступок США, а также в надежде усиления противоречий между СССР и США, Великобританией и совпадения интересов в антисоветской политике. Зондаж о возможности проведения переговоров велся японскими дипломатами через неофициальных посредников в Швеции, Швейцарии и Португалии. Разведка США имела точную информацию, что «Япония не готова принять безоговорочную капитуляцию» [8, с. 709], поэтому ведение переговоров не имело смысла.

С другой стороны, Япония рассчитывала на противоречия между союзниками и надеялась, что СССР может выступить посредником для заключения компромиссного мира, поскольку имел серьезный политический и военный потенциал и авторитет в мировой политике, влияние на западных союзников. Необходимо дополнительно изучить архивные документы по проблеме японских предложений СССР неучастия ее в стратегической операции против Японии. Японская дипломатия рассчитывала на роль СССР как посредника в переговорах между воевавшими на Тихом океане сторонами: Японией и США и Великобританией. Видимо, японская сторона надеялась найти определенный компромисс в советско-японских отношениях и определенными территориальными уступками исключить участие СССР и Красной Армии в военной операции в Китае и на Тихом океане.

В-четвертых, в исторической литературе определяется несколько различных причин участия СССР в советско-японской войне

1945 г. Основной акцент в работах сделан на выполнении СССР своих союзнических обязательств. Как известно, еще в декабре 1941 г. обсуждался вопрос о присоединении СССР к войне против Японии, что для нашей страны тогда было невозможным. Вопрос о реальном участии СССР в войне на Дальнем Востоке был поднят в 1943 г. на конференции союзнических держав в Тегеране. На Потсдамской конференции союзников были согласованы сроки вступления в войну на Дальнем Востоке Советского Союза.

Согласно оценке авторов фундаментального советского исследования «История США» в четырех томах (1985), «американские военные руководители, считали, что «ни блокада, ни бомбардировки сами по себе не смогут обеспечить безоговорочной капитуляции Японии», что война потребует больших жертв и может быть завершена только осенью 1946 г. Объединенный комитет начальников штабов представил Трумэну и Черчиллю меморандум, в котором говорилось о необходимости всемерно «поощрять вступление России в войну против Японии». Советская делегация заявила о готовности СССР выполнить свой союзнический долг, строго придерживаясь достигнутой в Ялте договоренности и руководствуясь необходимостью скорейшего разгрома японского агрессора и установления мира на Дальнем Востоке» [9, с. 450].

Союзное командование планировало осуществить десант на территорию собственно Японии, на остров Кюсю только в ноябре 1945 г., а в марте 1946 г. намечалось вторжение на самый крупный японский остров Хонсю. Почти три месяца (1 апреля – 21 июня 1945 г.) понадобилось американским войскам, чтобы захватить небольшой японский остров Окинава.

К августу 1945 г. Япония имела около 270 дивизий, на японских островах находилась двухмиллионная армия, в Маньчжурии, Корее, Сахалине и на Курильских островах – более 1,2 млн, 800 тыс. в Китае и около 1 млн в Юго-Восточной Азии. Это была внушительная и боеспособная сила, которая могла оказать длительное и решительное противодействие американским и британским вооруженным силам. Война без участия Красной Армии могла продолжаться еще не один год.

В мемуарах У. Черчилля «Вторая мировая война» присутствует совершенно другая версия исторических событий. По его мнению, западные страны и США уже не нуждались в участии СССР и его армии в войне в Китае,

боясь, что это усилит коммунистическое движение в Китае и ослабит движение Гоминьдана. США и Великобритания считали, что использование атомной бомбы в Японии позволит сломить японское военное сопротивление и подписать мирный договор. У. Черчилль вспоминает: «Президент и я больше не считали, что нам нужна его помощь (Сталина) для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. Мы считали, что эти войска вряд ли понадобятся и поэтому у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте» [20, с. 665].

Японская дипломатия с весны 1945 г. вела закулисные переговоры в нейтральных странах с предложением СССР стать посредником в переговорах США и Японии. Япония также рассчитывала не противоречия между союзниками, чтобы не допустить участия СССР в войне на Дальнем Востоке. Советский Союз отверг все предложения о посредничестве нашей страны.

26 июля 1945 г. США, Великобритания и Китай приняли Потсдамскую декларацию и призвали Японию капитулировать, предупредив, что дальнейшее сопротивление приведет к полному ее разгрому. Японские дипломаты были готовы принять Декларацию, но японские военные были против капитуляции, и она была отвергнута.

По данным мемуаров советских военачальников, в частности А. М. Василевского, «то, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 г. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 г., когда возвратилась советская делегация во главе с И. В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне тогда было сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие в войне против Японии» [3, с. 238–239].

В-пятых, несколько в «тени» в российской историографии, по нашему мнению, остается вопрос о собственно национальных интересах СССР участия в данной войне. Помощь нашей страны союзникам является важным, но не единственным мотивом участия в ней.

Возврат Курильских островов, второй половины Сахалина, контроля над КВЖД и портом Дальний, утраченных в русско-японской войне 1904–1905 гг. – важнейший интерес СССР.

Ликвидация очага японской военной угрозы СССР на Дальнем Востоке довольно часто отмечается в трудах военных историков А. М. Василевского, Н. Г. Кузнецова. Важным фактором является также помощь освободительному движению Китая в борьбе против японских захватчиков, освобождение Кореи, а также Сахалина и Курильских островов. СССР был заинтересован в расширении стран, избравших путь социалистического развития. Представляется, что национальные интересы нашей страны также заключались в усилении позиций СССР в регионе Северо-Восточной Азии, укреплении экономических позиций и контроле над КВЖД и ЮМЖД, возвращении совместного контроля над китайским морским портом Дальний. Геополитические интересы СССР также не предполагали полного доминирования США в данном стратегически важном регионе мира, которые усиливали свои позиции в ходе войны на Тихом океане.

В-шестых, в 90-е гг. появилась историческая версия, с привлечением исторических документов и материалов переговоров о возможном союзе Германии, Японии и СССР. В это время «либеральные» и «демократические» историки сравнивали тоталитарные режимы Германии и СССР, видели черты сходства между ними. Поиски исторической сенсации, открытие закрытых ранее архивов и некритический подход к ним, изучение западных исследовательских подходов, коммерческая выгода издателей вели к появлению и публикации подобных работ. Это не было изобретением этих историков, а своеобразным копированием и заимствованием из западной и японской историографии, где такие подходы уже давно распространялись. Искажение и прямая фальсификация истории Второй мировой войны, лишение СССР победы в этой войне, принижение ее решающей роли в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии – постоянный и усиливающийся фактор американской, западной и японской историографии.

В книге известного япониста В. Э. Молодякова «Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио» (2004) рассматривается данная концепция. По мнению В. Э. Молодякова, концепция «континентального блока» Германии, Японии и СССР был возможна не в силу «сговора диктаторов» и «единства тоталитарных идеологий», а в силу общности глобальных интересов участников, но не состоялась из-за позиции А. Гитлера [16].

В-седьмых, опубликованные мемуары отражают различные периоды данной военной операции, разные театры боевых действий Красной Армии, а также различный уровень видения исторических событий мемуаристами. Широко привлекаются в исторических исследованиях мемуары маршала А. М. Василевского «Дело всей жизни» (раздел «На Дальнем Востоке»), наркома Военно-морского флота СССР Н. Г. Кузнецова «Курсом к победе» (раздел «И тихоокеанцы сказали свое слово»), генерала А. П. Белобородова «Прорыв на Харбин», генерала И. И. Людникова «Через Большой Хинган», И. А. Плиева «Через Гоби и Хинган», И. Т. Артеменко «Забайкальцы за Хинганом» и др. В российской историографии накоплен значительный мемуарный материал, который нуждается в специальном и глубоком анализе и изучении противоречий и неточностей данного пласта исторического материала [1; 3; 13; 18; 20–21].

В 2020 г. отмечается 75-я годовщина победы СССР, советского народа в Великой Отечественной войне и 75-летие августовской наступательной операции. На празднование Победы в Москве приглашены лидеры многих стран мира, разделяющих наши ценности и понимание роли СССР и Красной Армии в разгроме немецкого фашизма и японского милитаризма. Приглашены также наши союзники и партнеры для участия в военном параде на Красной площади. Это наш ответ западным и американским фальсификаторам военной истории, которые принижают либо искажают роль освободительной миссии СССР во Второй мировой войне, показ единства народов и государств бывшего СССР и стран, позитивно оценивающих решающую роль СССР в разгроме немецкого фашизма в Европе и японского милитаризма на Азиатском континенте.

Источники и литература

1. Артеменко И. Т. Забайкальцы за Хинганом. – Чита: Экспресс-изд-во, 2016. – 100 с.
2. Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол. – М.: Весь мир, 2019. – 568 с.
3. Василевский А. М. Дело всей жизни. – 6-е изд. – М.: ИПЛ, 1988. – Кн. 2. – 303 с.

4. Гордеев Н. В., Жданов С. А. Забайкальский фронт в Маньчжурской операции. Август 1945 г. – Чита: Экспресс-изд-во, 2018. – 122 с.
5. Дацышен В. Г. Советско-японская война 1945 года. Взгляд на события и проблемы через 70 лет. – Чита, 2015. – 180 с.
6. Зимонин В. П. Победная точка во Второй мировой войне: советско-японская война 1945 г. Происхождение, ход, итоги. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. – 345 с.
7. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. – М.: Воениздат, 1973–1982.
8. История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны / под ред. А. А. Громыко. – М.: Политиздат, 1975. – 752 с.
9. История США: в 4 т. Т. 3. 1918–1945 / под ред. Г. Н. Севостьянова. – М.: Наука, 1985. – 672 с.
10. Карасев С. В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945–1956 годы). – Иркутск: ИрГТУ, 2006. – 354 с.
11. Кошкин А. А. Крах стратегии «Спелой хурмы». Внешняя политика Японии в отношении СССР (1931–1945 гг.). – М.: Мысль, 1989. – 271 с.
12. Кошкин А. А. Россия и Япония. Узлы противоречий. – М.: Вече, 2010. – 475 с.
13. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. – М.: Воениздат, 1975. – 510 с.
14. Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956). – Иркутск: ИГУ, 1997. – 262 с.
15. Лота В. И. За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. – М.: Кучково поле, 2008. – 656 с.
16. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М.: Вече, 2004. – 480 с.
17. Родиков Б. Г., Соловьев А. В. Маньчжурская стратегическая наступательная операция // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3. – С. 233–234.
18. Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. – М.: Воениздат, 1978. – 544 с.
19. Соловьев А. В. Тревожные будни Забайкальской контрразведки. Говорят архивы спецслужб Забайкальского края. – СПб.: Русь, 2019. – 720 с.
20. Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. – М.: Военное изд-во, 1991. – Кн. 3. – Т. 5–6. – 702 с.
21. Чойжилсурэн Л. Токио 48. Баримтат тууж (Токио 1948. Документальная повесть). – Улан-Батор, 2015. – 76 с.
22. Шагдар Х. Дальневосточная военная операция // Монголия во Второй мировой войне: фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 71–74.

УДК 322.24:94

ББК 63.3(2):666.3(0):86.29

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Материалы к истории деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР на рубеже 1960–1970-х годов

В статье, на основе малоизвестных архивных документов, характеризуются отдельные аспекты деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР в период рубежа седьмого-восьмого десятилетий XX в. Автор отмечает, что приведенные данные на сегодняшний день не нашли широкого освещения и оценки в научной литературе. Говорится о том, что приводимые факты значительно дополняют имеющуюся историю деятельности Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Итоговым выводом является замечание о необходимости дальнейшей работы по проблематике.

Ключевые слова: религия, религиозная ситуация, религиозная политика, законодательство о культах, духовенство, власть, Совет по делам религий при Совете Министров СССР, В. А. Куроедов

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University
Chita, Russia

Materials for the History of the Council for Religious Affairs Under the Ussr Council of Ministers at the Turn of 1960–1970-ies

The article, based on little-known archival documents, describes certain aspects of the activities of the Council for religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR during the turn of the seventh-eighth decades of the XX century. The author notes that the given data, to date, have not been widely covered and evaluated in the scientific literature. It is said that these facts significantly supplement the existing history of the Council for religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR. The final conclusion is a comment on the need for further work on the issue.

Keywords: religion, religious situation, religious policy, legislation on cults, clergy, government, Council for religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, V. A. Kuroedov

Изучение истории религий в советский период в целом и истории Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) и Совета по делам религиозных культов при Совете Народных комиссаров (позже при Совете Министров СССР), а затем объединенного Совета по делам религий, в 90-е гг. XX – начале XXI в., приобрело массовый характер. Предметом научного анализа становились самые разные аспекты. Основу публикаций в значительной степени составили архивные документы.

В то же время, на сегодняшний день, однозначно сказать, что названная выше история воссоздана полностью, обнаружены и охарактеризованы все ее составляющие, нельзя. Работа в архивах дает исследователю все новые и новые, ранее не известные или малоизвестные данные. Они позволяют заполнить пустые страницы или дополнить уже имеющуюся информацию.

Такие новые материалы встречаются в архивных хранилищах и по истории Совета по делам религий при совете Министров СССР.

Хронологические рамки исследования определены следующими обстоятельствами. В 1965 г. В. А. Куроедов, бывший с 1960 по 1965 гг. Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви, возглавил объединенный (с Советом по делам религиозных культов) Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В. А. Куроедов был достаточно деятельным человеком, о чем, среди прочего, говорит издание написанных им книг «Религия и закон» и «Религия и церковь в советском обществе» [4; 5]. Интересно оценить, как строилась деятельность нового Совета, а к рубежу седьмого-восьмого десятилетий

XX в. уже можно сделать определенные выводы после первых лет работы.

Деятельность Совета по делам религий мы будем рассматривать через отдельные аспекты, которые нашли отражение в переписках и которые дают представление о направлениях работы совета. Иными словами, речь пойдет о проблемах в религиозной политике советских властей на уровне отдельных административно-территориальных единиц, которые, в целом, были свойственны всей стране.

В начале 1970-х гг. серьезно встал вопрос о правильности, в соответствии с законом, образования религиозных объединений и исполнительных органов при них. Всем уполномоченным Совета были разосланы письма с разъяснениями норм советского законодательства, регламентирующих названный аспект [1, л. 13–15].

Среди прочего, поднятию вопроса об образовании и деятельности религиозных объединений и их исполнительных органов способствовало нарушение ими законодательства. В одном из писем заведующий юридическим отделом Совета по делам религий при Совете министров СССР Г. Гольст писал, что «За последнее время выявлен ряд фактов, когда исполнительные органы религиозных объединений и служители культа, под видом проведения молитвенных собраний и организации музыкальных кружков и оркестров, проводят обучение детей религии.

Трудность разоблачения в том, что чаще всего обучение происходит в скрытых формах, со ссылкой на то, что инициатива принадлежит родителям» [Там же, л. 59].

Следует сказать, что уполномоченные Совета по делам религиозных объединений в

административно-территориальных единицах зачастую имели слабое представление, во-первых, о нормах советского законодательства о культах, во-вторых, об их правильном исполнении, в-третьих, в целом, об управлении религиозными процессами в рамках советской антирелигиозной и атеистической политики. Об этом свидетельствует множество запросов от них в Совет с просьбой разъяснить тот или иной аспект. Таковым являлось и привлечение детей и подростков к деятельности религиозных организаций. С учетом основ религиозной политики советской власти вроде бы все выглядело относительно просто, детей не должно быть в деятельности религиозных сообществ. На практике же ситуация была иной.

Так, в 1971 г. в Совет по делам религий поступил ряд запросов от уполномоченных по вопросу: «... является ли нарушениями законодательства вовлечение религиозными объединениями и служителями культа несовершеннолетних в хоры и оркестры, привлечение их к участию в церковных службах, обрядах и других церемониях культа, а также проведение в каких-либо скрытых формах занятий по обучению детей религии» [2, л. 7].

Описанная проблема была столь серьезна, что было принято Постановление Совета Министров от 13 марта 1972 г. № 3с «О применении законодательства о религиозных культах, касающегося детей и подростков». В общем-то, ничего нового в нем не было. Оно основывалось на Декрете Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Постановлении ВЦИК и СНК № 18 от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», согласно которым, детей и подростков привлекать для названной деятельности религиозных объединений было нельзя.

Обучение религии разрешалось только частным образом, верующие родители могли по обоюдному согласию сами обучать своих детей религии при отсутствии какого-либо принуждения [Там же].

В одном из писем Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова от 1971 г. в адрес уполномоченных Совета в регионах отмечалось, что «За последнее время участились случаи хищения и продажи икон, произведений декоративно-прикладного искусства, рукописей, находящихся в молитвенных домах». В связи с этим Совет ставил следующую задачу: «... оказать помощь в выявлении памятников истории и культуры Управлениям культуры,

усилить контроль за соблюдением порядка учета, обеспечить сохранность» [1, л. 1–2].

Отдельная большая проблема, на которую обратило внимание руководство Совета по делам религий – это реставрационные работы. В одном из писем в адрес уполномоченных Совета В. А. Куроедов писал, что в ноябре 1969 г. Министерством Культуры СССР был установлен порядок проведения реставрационно-консервационных работ по живописи памятников архитектуры, которые занимают религиозные объединения. Однако со стороны религиозных сообществ были постоянные нарушения названных правил. Без согласия с Уполномоченными (Министерствами) они приглашали лиц, не имеющих квалификации, заключали с ними договоры. Итогом стала ситуация, когда живопись местами испорчена, проведение работ ничего общего не имело с научной реставрацией. Уполномоченные должны были заняться данной проблемой [2, л. 9].

В 1971 г. появляется письмо В. А. Куроедова относительно деятельности религиозных сообществ на кладбищах страны, в котором говорится, что «... во многих местах кладбища ухаживаются религиозными объединениями и верующими. В отдельных районах религиозные общества практически хозяйствуют на кладбищах, которые должны находиться в ведении отделов коммунального хозяйства горисполкомов или райисполкомов, сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся.

В ряде мест работники советских органов выделяют религиозным организациям места под кладбища» [Там же, л. 3].

Описанное представлялось советским властям недопустимым. От уполномоченных Совета в регионах требовалось провести анализ ситуации. Изучить положение дел на местах и, на основе полученных данных, совместно с местными органами власти разработать комплекс мер по исправлению ситуации [Там же].

Не меньшие вопросы у руководства Совета по делам религий СССР вызывали так называемые «святые места». В отдельных случаях паломничество к ним осуществляли десятки и даже сотни тысяч человек. Эта ситуация также требовала изучения и принятия каких-либо мер. При этом заниматься данной проблемой должны были также уполномоченные Совета вместе с местными органами власти [Там же, л. 5].

В 1971 г. Совет по делам религиозных культов поднимет вопрос о необходимости

анализа состояния монастырей в стране, а также об усилении контроля над деятельностью обитателей. Для посылки на места был разработан перечень вопросов для изучения:

«1. Состав монашествующих: по возрасту, сану, времени поступления в монастырь, образованию и т. п.

2. Характеристика монашествующих: их политическая настроенность, отношение к политике государства, законодательству о культах, мотивы приобщения к монастырской жизни.

3. Деятельность монастыря, его влияние на население, экономическое положение.

4. Состояние контроля за деятельностью монастырей, роль в этом деле уполномоченных, местных органов власти».

Обобщенную справку о деятельности монастырей требовалось предоставить в Совет по делам религиозных культов при совете министров СССР к 1 ноября 1971 г. При этом справка должна быть составлена отдельно на каждую обитель [1, л. 46].

Отметим, что нами на сегодняшний день не встречено справок по деятельности монастырей от 1971 г. ни в архивных документах, ни в имеющихся публикациях. Здесь следует сказать, что монастыри в рассматриваемое время были далеко не во всех административно-территориальных единицах СССР.

Проблема с отчетностью касалась не только деятельности монастырей, но в целом отчетности по деятельности религиозных объединений и институтов. В связи с этим Совет по делам религий вынужден был в начале восьмого десятилетия XX в. напомнить о необходимости сдачи отчетов о служителях культа не реже, чем раз в три года. Данные по духовным учебным заведениям и тем же монастырям должны были, по требованиям Совета, представляться каждый год. При этом статистические данные не позднее 20 января, а аналитический отчет к 15 февраля [Там же, л. 57].

Как показывают архивные документы, несмотря на попытки Совета по делам религий улучшить ситуацию с отчетностью с мест по религиозной ситуации, сделать это не удавалось. Точнее, возможно, по отдельным регионам она и улучшилась, также как возможно, что часть отчетов стала более полной и качественной. Однако, в целом, ситуация не получила кардинального изменения в лучшую сторону. Это подтверждается некоторыми архивными источниками. Так, к середине 1970-х гг. появилось очередное письмо совета в регионы относительно отчетности по религиозным процессам в стране. В нем говорилось, что

требуется работа по повышению своевременности представления отчетов и повышению их качества. Обобщающие сведения от уполномоченных Совета в регионах должны были поступать в совет ежегодно, к 1 марта, сводные отчеты к 20 марта [3, л. 9].

Оценка религиозной ситуации в стране как имеющей проблемы привела к активизации деятельности руководства Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Это видно как из приведенных выше фактов, так и из появления упоминавшийся книги В. А. Куроедова «Религия и закон», издание которой осуществлено в 1970 г. Она была разослана уполномоченным в регионах страны «...для использования в своей работе по пропаганде советского законодательства о религиозных культах...» [1, л. 8]. Помимо этого во все административно-территориальные единицы СССР, т. е. в Автономные и Союзные Республики без областного деления, а также в края и области республик с делением, издательство «Юридическая литература» разослало дополнительное издание сборника «Законодательство о религиозных культах». Не обошла данная рассылка и субъекты на территории Забайкалья, Бурятскую Автономную Советскую Социалистическую Республику и Читинскую область [Там же, л. 38, 42]. В дальнейшем заведующий юридическим отделом совета по делам религий при Совете Министров СССР Г. Гольст отмечал, что в случае потребности регионов в адрес их исполкомов могут быть высланы дополнительные экземпляры «Законодательства о религиозных культах» [Там же, л. 58].

Наличие значительного количества вопросов в деятельности Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных в регионах, помимо прочего, подвело руководство Совета к мысли о необходимости проведения совещания-семинара для уполномоченных с привлечением к его работе сотрудников научно-исследовательских институтов, занимавшихся вопросами религиозной и атеистической пропаганды. Такой семинар планировалось провести с 7 по 10 декабря 1971 г. с привлечением 270 участников. Затем он был перенесен на первую половину 1972 г. и проведен 25 апреля на базе Заочной высшей школы при ЦК КПСС. В его рамках обсуждался вопрос «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений XXIV съезда КПСС» [Там же, л. 54–56; 2, л. 13–14].

Приведенные факты дополняют историю деятельности Совета по делам религий при

Совете министров СССР. В то же время очевидно, что подобной информации, не известной или малоизвестной широкому кругу авторов, на сегодня, в архивных фондах, еще достаточно много, что подразумевает необходимость дальнейшей работы с источниками.

Источники и литература

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 364.
2. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 462.
3. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 624.
4. Куроедов В. А. Религия и закон. – М.: Знание, 1970. – 61 с.
5. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. – Изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1984. – 256 с.

УДК 94
ББК 63.3(2)86.29

Вадим Николаевич Якунин,
Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия

Православное церковное храмостроительство в Тольятти в 1989–2000 годах

В статье рассматривается церковная жизнь в Тольятти в 1989–2000 гг., ставшая периодом православного возрождения. С 1989 г. начинается процесс открытия новых приходов и строительства храмов. За рассматриваемый период были возведены или же восстановлены: Богородично-Казанский храм, Спасо-Преображенский собор с крестильным храмом св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, Храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Храм во имя Святой Троицы, Храм во имя святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, Домовой храм православной классической гимназии во имя Всех Святых в земле Российской просиявших, Свято-Воскресенский мужской монастырь и др.

Ключевые слова: храмы, соборы, церкви, духовенство, архиереи, благотворительность

Vadim N. Yakunin,
Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russia

Orthodox Church Plant-Building in Togliatti in 1989–2000

The article examines the Church life in Tolyatti in 1989–2000, which became a period of Orthodox revival. Since 1989, the process of opening new parishes and building churches has begun. During the period under review were built or restored: Church of the mother of God and Kazan, Spaso-Preobrazhensky Cathedral with the baptismal Church of St. Forerunner and Baptist of the Lord John, Church in honor of the Annunciation of the most Holy Theotokos, Church in honor of the assumption of the most Holy Theotokos. The Church of the Holy Trinity, the Church in the name of St. Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, chapel, Orthodox classical gymnasium in honor of All Saints resplendent in the Russian land, Holy resurrection monastery, and many others.

Keywords: temples, cathedrals, churches, clergy, bishops, charity

Перестройка, начавшаяся в 1985 г., коснулась и государственно-церковных отношений. Стала возможной реализация свободы совести, о которой так много говорили ранее православные правозащитники. В Тольятти перемены стали ощутимы уже в 1985 г., когда

на месте деревянного молитвенного дома во имя Казанской иконы Божией Матери, единственного в большом индустриальном городе, стало возможным строительство кирпичного большого храма. С 1989 г. в Тольятти начинается процесс открытия новых приходов и

строительства храмов, продолжающийся и в наши дни.

Богородично-Казанский храм. Богородично-Казанский храм прошёл несколько этапов реконструкции, от молитвенного дома, который разрешили построить при переносе Ставрополя-на-Волге на новое место, до большого кирпичного храма с колокольной. С 1981 г. настоятель храма – протоиерей Николай Манихин. В 1989 г. при Богородично-Казанской церкви построили крестильный храм во имя блаженной Ксении Петербургской. Певчие церковного хора имеют специальное музыкальное образование. От простого обиходного пения и знаменных распевов до исполнения хоровых концертов Д. Бортнянского, А. Ведала, М. Березовского, А. Архангельского и других композиторов – таков спектр богослужебных песнопений. В 1989 г. открылась воскресная школа. Первой учительницей в воскресной школе была Любовь Степановна Супрун. Занятия проводили преподаватели с педагогическим образованием. В 1990 г. при Богородично-Казанской церкви была построена книжная лавка, открылась библиотека. Регулярно сюда поступала периодическая литература – газеты, журналы, сформирован фонд видеозаписей духовного содержания, аудиокассет с духовной музыкой, проповедями, что способствовало формированию жизненного мировоззрения прихожан. С 1991 по 2005 г. при храме действовала Знаменская богадельня, рассчитанная на 15 мест. «Благодаря идее заведующего отделом по связям с религиозными организациями Владимира Сергеевича Власова построить отдельное здание, мы разместили на втором этаже богадельню, которая в 1991 г. была освящена архиепископом Самарским и Сызранским Евсевием. Он благословил, дал много полезных рекомендаций, как все организовать», – вспоминал впоследствии протоиерей Николай Манихин [1]. Первым комендантом богадельни была Нина Михайловна Рогожина, много сил положившая на обустройство богадельни.

Спасо-Преображенский собор с крестильным храмом св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. В 1989 г. вновь открытому Преображенскому приходу власти предоставили квартиру на первом этаже обычной 16-этажки, что на улице Юбилейной. Настоятелем храма стал протоиерей Валерий Марченко. За поддержкой в строительстве храма верующие решили обратиться к генеральному директору ОАО «АвтоВАЗ» Владимиру Васильевичу Каданникову и получили его согласие. Поддержка главы ОАО «АвтоВАЗ» сдела-

ло возможным строительство целого храмового комплекса, состоящего из Спасо-Преображенского собора, крестильного храма св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и административного корпуса. Спроектировал храмовый комплекс архитектор Дмитрий Сергеевич Соколов. В 1994 г. построили крестильный храм св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и административный корпус. В крестильном храме был сооружен баптистерий (купель для крещения взрослых), детей крестят в отдельном помещении. Кроме Закона Божьего, в воскресной школе изучают историю Русской Православной церкви и духовную музыку. Все строительные работы по сооружению храма вела с мая 1992 г. фирма АПСО «Гидромонтаж». Иконостас для Иоанно-Предтеченского храма был написан иконописцем А. В. Вахромеевым. Колокола были изготовлены в мастерской Н. Чернова в Москве.

В мае 1995 г. для Преображенского собора начали копать котлован пятиметровой глубины. Потом на дно было уложено около полутонны тысяч кубометров бетона. 500 т металла ушло на устройство арматурного каркаса. Для отлива толстых подвальных стен использовали специально изготовленную опалубку, общий вес которой составляет 200 т. На одном из бетонных заводов сделали нестандартные плиты перекрытия. После того как они были смонтированы, сверху соорудили ещё и монолитную плиту. Такой мощный цоколь гарантировал устойчивость собора. 14 октября 1999 г. на строительной площадке собора побывал патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Это самое старое сооружение Тольятти, построенное в 1846 г., является памятником истории и культуры. До революции 1917 г. причт церкви состоял из трех человек: священника, дьячка и пономаря. На содержание причта от государства выделялось: священнику 90 р., дьячку 36 р. и пономарю 34 р. Кроме того, помещик платил священнику 21 р., дьячку и пономарю по 7 р. в год. Дома для причта были построены на средства Н. Ф. Бахметева. Для причта им было выделено 33 десятины земли. До революции в Фёдоровке проживало 450 человек, находилось 62 крестьянских двора. В послереволюционное время церковь была закрыта, помещение приспособили под хозяйственные нужды. Возможно, благодаря этому храм и сохранился. Храм вернули РПЦ в 1989 г., тогда же началось его восстановление. Рядом с Благове-

щенской церковью в 1990 г. началось сооружение келейного корпуса. В нем размещён храм, трапезная, келии, хозяйственные помещения. Настоятелем храма стал протоиерей Владимир Новичков [2].

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Создание в Тольятти Успенской церкви связано с французенкой русского происхождения Катей Кауте. Её муж Даниил Кауте приехал в Тольятти в качестве директора французской фирмы «Данон». В начале 1994 г. у супругов возникла идея построить в Портпосёлке церковь [3]. 27 января 1995 г. состоялось общее приходское собрание, на котором был принят Устав православного прихода (религиозного общества) церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы. 6 июля 1995 г. Устав был утвержден епископом Самарским и Сызранским Сергием. 7 августа 1995 г. приход в честь Успения Пресвятой Богородицы был зарегистрирован отделом юстиции Самарской области за № 192. 28 августа 1995 г. в Портпоселке г. Тольятти на высоком склоне среди сосен был установлен крест. Благочинный Ставропольского округа протоиерей Николай Манихин освятил место под строительство храма и отслужил молебен. Было решено назвать церковь в честь затопленного при строительстве Волжской ГЭС храма с таким же названием – Успения Пресвятой Богородицы [9]. Настоятелем Успенского прихода стал иерей Иоанн Ермаков – потомственный священник.

Храм во имя Святой Троицы. Необходимость создания Троицкого прихода была вызвана отсутствием в этой части города на доступном для местных жителей расстоянии православного храма. Идея о возрождении Троицкого собора как символа г. Ставрополя принадлежала благочинному Ставропольского округа протоиерею Николаю Манихину. Вновь построенный, он должен возобновить прерванную связь прошлого и настоящего. Ещё в начале 90-х гг. XX в. отец Николай обратился в исполком города Тольятти с просьбой об отводе под Троицкий храм участка земли на пересечении улиц Мира и Голосова. Однако в то время власти предложили землю на выбор в других, расположенных на окраинах Центрального района местах. Только в 1999 г. ввиду приближающегося праздника 2000-летия христианства и приезда в Самарскую епархию патриарха Алексия II дело сдвинулось с мёртвой точки. Протоиерею Николаю весной 1999 г. мэрия г. Тольятти направила официальный ответ, в котором говорилось, что под Троицкий собор будет выделен уча-

сток земли на пересечении улиц Мира и Голосова. Мэрией г. Тольятти было дано задание начать работы по землеотводу. В августе 1999 г. был образован приход будущего собора и избраны органы управления: приходской совет и ревизионная комиссия. 14 октября 1999 г., будучи в нашем городе, патриарх Московский и всея Руси Алексий II, проезжая мимо креста на месте строительства будущего собора, благословил его из машины. В тот же день за торжественным ужином в заводоуправлении ВАЗа тольяттинским предпринимателем О. В. Чертановым патриарху был преподнесён эскиз будущего собора, который впоследствии был изменён.

Храм во имя святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси. В начале 90-х гг. XX в. остро встал вопрос о необходимости строительства церкви в Комсомольском районе. Жителям Комсомольского и Шлюзового районов приходилось ездить в Центральный район в Богородично-Казанский храм или в Федоровку в церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Группа верующих выступила с ходатайством об открытии церкви. В 1990 г. архиепископ Самарский и Сызранский Евсевий одобрил и благословил просьбу верующих и предложил назвать приход в честь святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, который 9 октября 1989 г. был причислен к лику святых. Под приход выделили полуразрушенный деревянный барак (бывшее здание музыкальной школы № 1), на тот момент уже пустовавший. Верующие начали ремонтировать и обустроить его своими силами, из домов приносили иконы, книги, посуду, покрывала, занавески, полотенца и многое другое. Первым настоятелем церкви стал протоиерей Олег Гаврилович Бильчук. 31 мая 1991 г. в церкви была совершена первая служба – Всенощное бдение накануне праздника Святой Троицы. Приход начал свою работу. На плечи настоятеля отца Олега были возложены заботы о выборе места под строительство храма, а затем и само строительство. Когда администрацией Комсомольского района было выделено место под строительство церкви на улице Чайкиной, начались строительные работы. 8 апреля 1994 г. епископ Самарский и Сызранский Сергей совершил водосвятный молебен с последующим освящением места под строительство будущего Свято-Тихоновского храма. Тогда же, в апреле, начались строительные работы. Заказчиками выступили администрация Комсомольского района и Свято-Тихоновский храм. Проект был разработан самарскими архитекторами

Юрием Астаховым и Владимиром Пшенниковым. Вместимость церкви была рассчитана на 700–800 человек. Строительные работы вели ТОО «Сиегла», ПСП «Соцкультбыт» и ООО «Отчий дом».

Храм во имя святого преподобного Серафима Саровского. В 1999 г. было решено открыть приход во имя святого преподобного Серафима Саровского в пос. Шлюзовой. 5 августа 1999 г. священник Димитрий Калагаев получил благословление архиепископа Самарского и Сызранского Сергия на начало работ по открытию прихода. 28 декабря 1999 г. приход получил в аренду помещение, расположенное на первом этаже 16-этажного дома по адресу: улица Железнодорожная, 23, секция 4 для осуществления уставной деятельности и проведения богослужений.

Храм во имя святого Архистратига Боргия Михаила. Приход образован в 1991 г. и первоначально располагался в помещении на втором этаже ДК «Истоки». В 1994 г. было благоустроено помещение на первом этаже, с отдельным входом, где приход располагается ныне. Его первым настоятелем стал отец Сергей Мысин (впоследствии принял монашеский постриг с именем Рафаил, затем схиму с именем Михаил).

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Православный приход церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тольятти создан организационно-учредительным собранием верующих 28 сентября 1995 г. и, получив благословение архиепископа Самарского и Сызранского Сергия, был зарегистрирован в отделе юстиции Самарской области 22 февраля 1996 г. В организации прихода активно участвовал священник Михаил Антипов [10]. Временный приход располагался в квартире на первом этаже шестнадцатиэтажного дома в 15 квартале (ул. 70 лет Октября, 59). Места было мало, тем более что количество прихожан все возрастало. С декабря 1996 г. по праздникам, субботам и воскресеньям службы стали проводиться регулярно. В дальнейшем количество служб увеличилось, а по просьбе верующих при церкви в 1996 г. была открыта воскресная школа для детей и взрослых. Первым настоятелем церкви указом архиепископа Сергия был назначен игумен Иларион (Алексей Дмитриевич Скачков). В 1997 г. церковь была отремонтирована и перепланирована. В том же году по благословению архиепископа Самарского и Сызранского Сергия было принято решение о постройке каменного храма на пересечении улиц Дзержинского и Ворошилова. 1 июня 1999 г. это место офици-

ально было выделено мэрией города Покровскому приходу под строящийся храм. Храм внёс разнообразие в серую панельную архитектуру города, связал воедино разрозненные строения и стал духовным центром близлежащих жилых кварталов. 5 мая 2000 г. архиепископом Самарским и Сызранским Сергием был заложен первый камень в основание возводимого храма, что послужило началом строительства храмового комплекса, состоящего из придела в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня, примыкающему к храму Покрова Пресвятой Богородицы, и крестильного храма в честь Богоявления Господня.

Храм во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. С 1994 г. по просьбе медицинского персонала городской клинической больницы № 5 «МедВАЗ» (медгородок), заместителя главного врача по детской службе Владимира Алексеевича Данилова и по благословению архиепископа Самарского и Сызранского Сергия началось духовное окормление этой больницы. Священники приглашались на встречи с врачами, причащали, крестили, служили молебны. В этой связи в 1995 г. была оборудована молельная комната в помещении детского корпуса медгородка с отдельным входом, вскоре получившая статус домового храма. Духовное окормление на первых порах осуществлял клирик Богородично-Казанской церкви архимандрит Герман (Пензин), в 1997 г. настоятелем прихода стал протоиерей Андрей Гриев [6]. 19 декабря 1997 г. домовая церковь была освящена архиепископом Самарским и Сызранским Сергием, а на территории медгородка отвели участок площадью 1750 м² под строительство храма. Архитектор – Вадим Семенович Артамонов. Проектировщик – Галина Анатольевна Щербакова. Основой деятельности больничного прихода является социальное служение. Приходом подписаны соглашения о сотрудничестве с департаментом здравоохранения мэрии г. Тольятти, городской клинической больницей № 5, детской многопрофильной больницей № 1, городской больницей № 2, городским психоневрологическим диспансером, детским медико-реабилитационным центром «Ариадна». В больницах совершаются молебны, а также крещение и причащение больных, беседы с медицинским персоналом [Там же].

Храм во имя Святителя Николая Чудотворца. 19 декабря 1999 г. группа жителей г. Тольятти Автозаводского района обратилась к архиепископу Самарскому и Сызранскому Сергию с просьбой открыть в Автоза-

водском районе ещё один православный приход. По благословению владыки Сергия в 2000 г. на учредительном собрании прихода было принято решение зарегистрировать местную православную религиозную организацию «Приход во имя святителя Николая Чудотворца» в 20-м квартале Автозаводского района г. Тольятти. Настоятелем был назначен священник Михаил Антипов.

Храм во имя святой блаженной Ксении Петербургской построен в 2000 г. Он расположен рядом с городской больницей № 1. В храме находится икона Феодосия Кавказского с частицей его мощей. До 2003 г. церковь находилась в ведении Воскресенского монастыря.

Часовня во имя Рождества Христова. В начале 1999 г. благочинный Ставропольского округа протоиерей Николай Манихин предложил городским властям возвести часовню на Центральной площади г. Тольятти. На это обращение был получен ответ, что строительство часовни силами городского бюджета невозможно. Правда, под часовню было обещано выделить участок земли на Центральной площади города. На том месте участниками крестного хода по рекам Волге, Днепру и Западной Двине в честь 2000-летия Христианства 16 июля 1999 г. был водружён памятный крест и с участием духовенства г. Тольятти отслужен водосвятный молебен. Прошло некоторое время, и инициатива протоиерея Николая Манихина о строительстве часовни нашла отклик у руководства города и АвтоВАЗа. Для реализации поставленной цели было решено создать благотворительный фонд «Тольятти Православный», куда бы поступали пожертвования. Особо следует отметить активную роль руководства г. Тольятти в финансировании строительства часовни. Руководство ОАО «АвтоВАЗ» взяло на себя финансирование главы с крестом, покрытых сусальным золотом. Прежде чем остановиться на проекте московского архитектора Д. С. Соколова, был проведён конкурс, на который представили свои работы девять архитекторов. В историю церковного строительства Христорождественская часовня войдёт не только в силу неповторимости архитектурного стиля и безусловной внешней красоты, но и благодаря небывало короткому сроку своего возведения. Создание её всего за три месяца – лучшее свидетельство того, что строить хорошо и быстро вполне реально. Христорождественская часовня представляет собой центричное в форме греческого креста здание с барабаном и луковичной главой. Три стены здания украшены аркатурой фигурными оконными

нишами и завершаются радиальными арочными закомарами, четвёртая – западная, со входным порталом и иконой Рождества Христова в киоте – завершается килевидным кошником. Скошенные углы подчёркивают монументальность и мемориальный характер часовни. Луковичную главу венчает ажурный крест из коррозионно-стойкой стали. Цоколь и отмостка выполнены из сибирского гранита. Главным инженером и конструктором проекта Христорождественской часовни был Сергей Радаев. Подрядчиком строительства выступила организация «Куйбышевболгарстрой», заказчиком являлся благотворительный фонд «Тольятти Православный». 18 июня 2000 г. в день Святой Троицы, на Центральной площади г. Тольятти при большом стечении народа состоялось торжественное открытие и освящение Христорождественской часовни. Построенная усилиями благотворительного фонда «Тольятти Православный», часовня стала замечательным подарком горожанам к великому празднику. На торжество пришло много людей, и это явилось доказательством тому, что часовня нужна тольяттинцам.

Домовые храмы. *Домовой храм православной классической гимназии во имя Всех Святых в земле Российской просиявших.* Строительство храма шло менее полутора лет при активной помощи Волжского автозавода, мэрии г. Тольятти и горожан, которых вдохновила идея создания первой в городе домовой церкви при учебном заведении. Большую помощь в возведении храма оказали гимназии многие коммерческие организации города. Проектировал храм Марк Васильевич Демидовцев. Первый этаж храма крестильный. Крещение взрослых совершается полным погружением в баптистерий. Учащиеся Православной гимназии живут полноценной литургической жизнью: посещают храм по воскресным и праздничным дням, регулярно исповедуются и причащаются. Гимназисты несут послушание в алтаре, в храме, поют в церковном хоре. По окончании богослужения все желающие могут посетить небольшое православное кафе. Настоятелем храма стал протоиерей Димитрий Лескин.

Храм Святого Архистратига Божия Михаила. 30 мая 1997 г. напротив главного корпуса департамента развития ОАО «АвтоВАЗ» началось возведение храма Михаила Архангела. Решение о его строительстве было принято советом директоров ОАО «АвтоВАЗ» в марте 1997 г. Строительство шло очень быстрыми темпами. Спустя два месяца после принятия решения о строительстве архиепи-

скоп Самарский и Сызранский Сергей освятил место для строительства, а уже 21 ноября, в день Архистратига Божия Михаила, храм был освящен. Идея строительства этого храма принадлежала Владимиру Васильевичу Каданникову. Проект храма был разработан вазовскими дизайнерами под руководством Марка Васильевича Демидовцева. В течение полугода строителям ПСО «Гидромонтаж» удалось воплотить прекрасный замысел архитекторов и проектировщиков. На редкость эстетичный архитектурный облик храма приятно радует взгляд среди строгих корпусов автогиганта. Несмотря на сложность сооружения, строители работали с большим энтузиазмом и профессионализмом, стремились ни в коей мере не снижать качество работ. Пол храма – мраморная мозаика. Пять окон храма – мозаичные витражи. Кровля сооружения выполнена из стойкого нержавеющей материала, покрытого специальной атмосферостойчивой краской. Три главы храма выполнены из нитрита титана и покрыты тонким слоем сусального золота. Шесть колоколов отлиты в Москве, на заводе церковных изделий. Священная обязанность служащих храма – молиться за тех, кто часть своей жизни отдал Волжскому автозаводу. На Волжском автомобильном заводе начали новую трудовую жизнь тысячи людей, оторвавшихся от родных корней. Прошло время, и многие из первостроителей ВАЗа стали уходить из жизни. Храм Святого Архистратига Божия Михаила стал святым местом памяти и прощания. Родственники, коллеги собираются здесь, чтобы почтить память своих близких. В храме хранится книга памяти, куда вносятся имена наиболее выдающихся вазовцев, ушедших в мир иной. Каждое богослужение возносится молитва и за ныне здравствующих тружеников автозавода. Храм открыт каждый день и никогда не бывает пустым. Каждый день, даже в обеденный перерыв, многие работники АвтоВАЗа приходят сюда, ставят свечи, заказывают обеды, записываются на крещения и на венчания.

Домовая церковь во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Идея обустройства домового храма на территории Тольяттинского военно-технического института возникла 8 апреля 1998 г., во время встречи архиепископа Самарского и Сызранского Сергия и благочинного Ставропольского округа протоиерея Николая Манихина с начальником института генерал-майором Виктором Петровичем Ивановым. Тогда же руководство института приняло решение подписать соглаше-

ние о сотрудничестве со Ставропольским благочинием Самарской епархии. 15 апреля 1999 г. было получено благословение архиепископа Самарского и Сызранского Сергия на строительство на территории института православной домового церкви во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Данное решение было принято в соответствии с просьбами руководства института. Начало строительства шло под руководством генерал-майора В. П. Иванова. Домовая церковь во имя святого великомученика Георгия Победоносца расположена в одном из помещений. Церковь изначально стала закрытой для «внешнего мира». Важным является также тот факт, что, несмотря на разнообразный профессиональный состав военнослужащих бригады, непосредственно на территории воинских частей разрешено строительство православных храмов, что подтверждено соглашением между Русской Православной церковью и Министерством обороны Российской Федерации.

Молельная комната во имя св. Феофана Затворника. В социальной гостинице, где находятся люди в тяжёлом духовном и физическом состоянии: бомжи, инвалиды, раковые больные, кому особенно нужна духовная помощь и поддержка, была оборудована молельная комната во имя св. Феофана Затворника, где один раз в неделю проводятся молебны, проходят беседы с людьми, совершаются таинства крещения, причастия, соборования. Священнослужители в социальной гостинице проводят не только церковные службы, но и ведут работу с различными категориями граждан, что, несомненно, даёт положительный результат в различных направлениях жизни людей и каждого человека в отдельности: семейно-брачных отношений, воспитании детей, преодолении кризисных ситуаций, помогает жить с проблемой болезни, инвалидности, безработицы и др.

Свято-Воскресенский мужской монастырь. Предтечей Свято-Воскресенского мужского монастыря стал Воскресенский храм в Портпосёлке. Его эскизы разрабатывали Александр Петров, его отец Виктор Петров, преподаватель ПТИСа Владимир Надеин со своими студентами, художник Александр Шалыкин, столяр Александр Инюткин [4]. С момента основания монастыря в декабре 1997 г. до начала 1999 г. во главе монастыря был игумен Феокист (Александр Петров), затем его сменил иеромонах Дионисий (Чибов). Особенность монастыря в том, что он один из немногих в России, создаваемый заново.

Выводы. Итак, за период 1989–2000 гг. в Тольятти было открыто десять православных приходов, монастырь, часовня, четыре домовые церкви. Это стало возможным благодаря новой государственной церковной политике и изменению законодательства о свободе совести и религиозных объединениях. Процесс открытия храмов шёл и снизу – верующие стремились открыть храмы в определённой для себя доступности, и сверху – правящему архиерею надо было отчитаться об открытых храмах в Московскую Патриархию. Поэтому на местах процесс открытия храмов лоббиро-

вали благочинные, в Тольятти – благочинный Ставропольского округа протоиерей Николай Манихин. Он же определял кадровую политику в отношении священнослужителей в открытых приходах. Определёнными «драйверами» открытия храмов стало 2000-летие Рождества Христова и приезд в Тольятти патриарха Московского и всея Руси Алексия 14 октября 1999 г. При каждом храме ставилась задача открытия воскресной школы, которые были призваны способствовать приобщению к традициям русской культуры и православной вере.

Источники и литература

1. Беседа с протоиереем Николаем Манихиным // Архив В. Н. Якунина.
2. Годовой отчёт храма в честь Благовещения Божией Матери в Самарскую епархию за 2005 г. // Архив В. Н. Якунина.
3. Гуенко Л. Скандал в обители // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 17 мая.
4. Гуенко Л. Скандал в обители // Тольяттинское обозрение. – 1999. – 24 мая.
5. Майорова Ю. В память затопленного храма // Площадь свободы. – 2000. – 23 авг.
6. Письмо протоиерея Андрея Гриева В. Н. Якунину // Архив В. Н. Якунина.
7. Постановление администрации Тольятти от 18 октября 1996 г. // Архив В. Н. Якунина.
8. Протокол совещания по реставрации земской больницы г. Ставрополя и созданию духовного центра «Воскресение» от 15 июля 1996 г. // Архив В. Н. Якунина.
9. Степанов А. Восхождение к Покрову // Площадь свободы. – 1996. – 19 дек.
10. Тарасова О. Душа и плоть неразделимы... // Площадь свободы. – 1999. – 26 янв.

УДК 94

ББК 63.3(5+7)

Мария Сигизмундовна Клестова,

*Музей-архив русской культуры при Русском центре,
г. Сан-Франциско, США*

Лиге русских-американских женщин исполняется 90 лет

Статья посвящена истории и современному состоянию малоизвестной широкой общественной организации в Соединенных Штатах Америки. Это Лига русских-американских женщин. В исследовательской литературе можно встретить только отдельные упоминания по проблематике исследования. Работа основана на подходе автора, который подробно останавливается на разных страницах истории организации, описывает отдельных ее деятелей.

Ключевые слова: эмигранты, Лига русских-американских женщин, Китай, США, Сан-Франциско

Mara S. Klestoff,

*Museum of Russian Culture at the Russian Center,
San-Francisco, California, USA*

League of Russian-American Women Turns 90 Years Old

The article is devoted to the history and current state of a little-known public organization in the United States of America. This is the League of Russian-American women. In the research literature, you can only find individual references to the research issues. The work is based on the author's approach, which focuses in detail on various pages of the organization's history and describes its individual figures.

Keywords: emigrants, League of Russian-American women, China, USA, San Francisco

Среди множества общественных организаций русской общины г. Сан-Франциско существует так называемая Лига русских-американских женщин. Эта старейшая эмигрантская благотворительная и культурно-просветительная организация уникальна своей историей и непрерывным 90-летним существованием.

Лига русских женщин (ЛРЖ) основана в Китае, в Шанхае 2 ноября 1930 г., когда в зале Астор Хауз Отеля состоялось первое учредительное собрание. В Шанхае в те времена существовали женские клубы других национальностей, и группа энергичных русских эмигранток задалась целью создать большую женскую организацию, объединяющую всех русских женщин, в душах которых горела любовь к своей родине – России, и которые понимали, как важно передать эту любовь своим детям и сохранить её на чужбине.

Лига русских женщин, которая получила своё название «по аналогии с Лигой наций» [4, с. 227], начала своё существование без любых средств, но с глубоким желанием объединить русских женщин на чужбине и «быть равноправным членом международного общества Шанхая» [1]. Будучи «равноправным членом международного общества Шанхая», ЛРЖ не только входила в связь с иностранными женскими организациями города, но могла теперь получать вспомогательные средства для служения нуждам русских женщин и детей от «Шанхайского Международного благотворительного общества» и от “Ministering Children’s League” [2].

ЛРЖ была далеко не только клубом для игры в маджан (маджонг, мацзян). В Шанхае за годы после конца Гражданской войны поселились тысячи русских беженцев. Многие из них были одинокие женщины, вдовы с малолетними детьми или старыми родителями, а в некоторых случаях – с детьми и родителями. Видя их особенно тяжелую долю, Лига взялась за необходимую благотворительную работу.

Первая задача Лиги была находить подходящую работу для безработных женщин, многие из которых никогда не работали вне дома. При Лиге в 1932 г. было открыто бесплатное Бюро труда для женщин. Лига организовывала для них уроки английского языка, а также курсы для приобретения различных навыков – машинописи, стенографии, бухгалтерии, пошива одежды, парикмахерского дела. Для помощи рабочим матерям был открыт детский сад для малолетних детей, а со временем начальная школа и две детские площадки.

Благотворительная работа Лиги включала сильную денежную помощь нуждающимся. Некоторым Лига предоставляла продукты или одежду. Члены благотворительной секции навещали одиноких больных в госпиталях и на дому, оказывая помощь, где только они могли.

Одновременно работа Лиги развивалась и в других направлениях. Кроме благотворительной секции, у Лиги были секции литературно-музыкальной, рукодельной и хозяйственной деятельности. Талантливые члены Лиги устраивали театральные постановки, концерты, литературные вечера и лекции. По словам О. П. Дронниковой, председательницы ЛРЖ, «наши [Лиговские] литературно-музыкальные вечера всегда были на высоте по культурному замыслу и художественному выполнению их программ и, по справедливости, были украшением Лиги», пользуясь «большой популярностью не только среди членов Лиги, но также и среди широких кругов русского общества» [1], которое охотно платило умеренную цену за вход.

Рукодельницы и «хозяйки» Лиги трудились над изделиями для ежегодной выставки-базара, на которую приходили жители Шанхая со всех районов города. Лига также устраивала игры в лото и маджан, лотереи и предпраздничные базары. До начала Второй мировой войны ЛРЖ даже устраивала ежегодный бал. Все эти мероприятия давали Лиге нужный доход и возможность укрепить финансовое положение. Во время войны, когда «жизнь делалась всё трудней и трудней» [Там же], при Лиге возникли починочная мастерская и еженедельные распродажи случайных вещей.

Когда в сентябре 1933 г. Лига переехала в трёхэтажный особняк с большим садом, в нём открылась Женская гимназия и при ней маленькая часовня. Гимназия была средним учебным заведением для дочерей российских эмигрантов – единственная такая гимназия на Дальнем Востоке. Она возникла из слияния начальной школы Лиги Русских Женщин и «Очага», домашней школы С. Э. Дитерихс. Гимназия, которая состояла из детского сада, двух приготовительных классов и семи классов гимназии, работала по программе русских Мариинских гимназий и реализовывала одну из целей ЛРЖ – воспитание девушек «в чисто русском духе», в то же время готовя их к реальностям эмигрантской жизни [3]. Девушки, окончившие женскую гимназию ЛРЖ, могли поступать на курсы в высших учебных заведениях и легко находили работу в иностранных

фирмах Шанхая. Женская гимназия была гордостью ЛРЖ в Шанхае.

В своём докладе по случаю 15-тилетней годовщины существования ЛРЖ в 1945 г. О. П. Дронникова пишет: «Наконец, настал и долгожданный мир. Жизнь, однако, еще очень и очень туго налаживается и много еще лишений и трудностей ждет нас впереди. Но не будем унывать, мы верим в светлое будущее, нам удалось сохранить Лигу в тяжелые военные годы, будем надеяться, что мы, с Божьей помощью, с честью выведем ее и из затруднений мирного времени» [1].

Но «мирного времени», как такового, не настало, и трудности оказались отнюдь не простыми. Началась гражданская война в Китае. Политическая ситуация в стране быстро менялась, и русским пришлось снова бежать от коммунизма. Женская гимназия закрылась с окончанием 1947–1948 учебного года. 21 декабря 1948 г. состоялось общее собрание всех членов ЛРЖ, на котором было принято постановление: «ЛРЖ как организация не ликвидируется и деятельность ее, в случае эвакуации, переносится в Америку (Сан-Франциско), куда собирались переезжать большинство членов Лиги» [4, с. 227]. Всё имущество Лиги, включая дома, было продано, и вырученные деньги перевезены уполномоченным лицом в Сан-Франциско.

В США в 1949 г. для Лиги был куплен старинный особняк в районе Сан-Франциско, где к тому времени жило много русских эмигрантов, а 20 мая 1950 г. Лига русских женщин была инкорпорирована в штате Калифорния как благотворительная организация под новым названием «Лига русских-американских женщин» (ЛРАЖ), и дело Лиги началось в новой стране.

По приезде в Сан-Франциско члены ЛРАЖ снова взялась за благотворительную деятельность. Её цели были те же, как и в Шанхае. Новоприезжим в Америку женщинам помогали находить работу и жильё. Многим предоставлялось временное убежище во вместительном доме Лиги. Литературная и культурная деятельность скоро начала опять процветать. Лига устраивала лекции, литературные вечера и концерты. Большая библиотека Лиги привлекала много читателей. Благотворительные базары и обеды в доме Лиги были популярным и успешным сбором средств для организации. Как и в Китае, вся работа Лиги велась на добровольной основе, без всякой компенсации.

Ещё в Шанхае у Лиги были очень тёплые отношения с Его Высокопреосвященством Ар-

хиепископом Иоанном (Максимович) (теперь святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский). Владыка Иоанн уважал ЛРЖ и знал, что к новой ЛРАЖ также можно обратиться за помощью. По письмам, сохранившимся в архиве ЛРАЖ видно, что Лига пересылала не только деньги, но и большие посылки для нуждающихся русских в Европе, о которых Владыка Иоанн заботился будучи Архиепископом Брюссельским и Западно-Европейским.

После пятидесяти с лишним лет правлению Лиги стало очевидно, что столетний особняк нуждается в постоянном техническом обслуживании и большом ремонте, на которые у Лиги средств не было. В 2006 г. правление приняло тяжелое решение продать любимый дом. С выручки от продажи Лига смогла купить себе красивую новую квартиру в недавно построенном доме за углом от кафедрального собора Пресвятыя Богородицы Всех скорбящих Радости. Здесь Лига продолжила свою благотворительную и культурно-просветительную деятельность. Библиотека была перевезена и тщательно организована. Русские школы и широкая общественность приглашаются пользоваться ей. Лига устраивает литературные, исторические и религиозные лекции, показывает интересные русские фильмы, например, серия «Русские без России» Н. Михалкова, филиппинский документальный фильм о жизни русских на острове Тубабао, несколько фильмов о Св. Иоанне Шанхайском. Члены Лиги имеют возможность общаться на чаепитиях и праздничных встречах.

За многие годы жизни в Америке русские эмигранты и их дети, а также внуки стали плодотворными членами общества своей новой страны, но они продолжают ценить свои русские корни. В настоящее время благотворительная деятельность Лиги заключается в финансовой помощи и поддержке храмов Русской православной церкви за границей и других благотворительных организациях русского зарубежья.

Особенно дорога сегодняшней ЛРАЖ поддержка организаций и начинаний, связанных с русскими детьми, с русской молодёжью. Лига поддерживает русские приходские школы финансовыми пожертвованиями, оплатой обучения за детей из бедных семей, наградами окончившим медалистам, бесплатно предоставляет свою обширную библиотеку на пользование русским школам. Лига оказывает помощь старейшей русской иммигрантской организации в Америке – Обществу помощи русским детям, жертвует средства на ежегодный Свято-Германовский съезд молодежи. В

2019 г. ЛРАЖ помогала Конгрессу русских-американцев с устройством национального конкурса русских детских рисунков, посвящённого теме «Творчество и Басни Крылова». ЛРАЖ делает ежегодные пожертвования Свято-Троицкой семинарии, где обучается новое поколение священнослужителей Русской Православной церкви за границей.

Помимо названного Лига поддерживает мероприятия в пользу газеты «Русская жизнь» и состоит членом Русского центра, Конгресса русских-американцев (КРА) и Консервации Форты Росс. ЛРАЖ являлась одним из спонсоров Форума КРА – 200 лет русской крепости Св. Елизаветы на острове Кауаи в 2017 г., а также была одним из спонсоров и принимала участие в юбилейном форуме КРА «Русская Америка» в 2018 г. Периодически Лига проводит базары и лотереи в пользу той или иной организации или храма.

В 2016 г. долголетний директор Лиги Лариса Константиновна Крассовская получила награду от Фонда иммиграционной станции острова «Ангел» (“Angel Island”), которую за её неутомимую работу для сохранения русского наследия в русской общине района Сан-Франциско ей вручил мэр города.

ЛРАЖ не забывает свою первоначальную цель и остаётся отзывчива к обращениям за помощь. Последние годы своими пожертвованиями Лига оказывала помощь нуждающейся семье русского православного священника в Южной Америке, помогла молодому дьякону оплатить неотложную глазную операцию, ко-

торая спасла его зрение, а в 2017 и 2018 гг., во время калифорнийских пожаров, поддержала Русско-американскую организацию взаимопомощи пожертвованиями в пользу русских семей, потерявших дома или квартиры со всеми пожитками. Лига продолжает оказывать помощь семьям с тяжело болящими детьми или детьми-инвалидами, например через Фонд Дуни при КРА.

Недавно за правление Лиги взялось молодое поколение женщин, рождённых в Америке, но полностью русских душой. Члены Лиги ждут от них больших успехов в продолжении работы этой почтенной благотворительной организации, которая помогла стольким женщинам и детям с её основания в 1930 г.

Возвращаясь к докладу председательницы Лиги О. Дронниковой на «чашке чая» в ноябре 1945 г, когда члены ЛРЖ собрались справить свою 15-тилетнюю годовщину, нужно обратить особое внимание на её слова: «15 долгих лет вдали от Родины – это, действительно, срок не малый, особенно в жизни общественной организации. Но этот срок говорит много, он говорит о том, что цели нашей организации жизненны, что жизненно это объединение русских женщин для культурной и благотворительной работы». И вот 75 лет спустя Лига готовится справлять свою 90-летнюю годовщину, и слова О. Дронниковой также применимы к 90-летию ЛРАЖ, как они были на 15-летию Лиги русских женщин в Шанхае.

Источники и литература

1. Дронникова О. П. Краткий обзор деятельности Лиги Русских Женщин за период 1930–1945 гг. Шанхай, 1945 // Архив ЛРАЖ. – Сан-Франциско.
2. Отчет приходо-расходных сумм Лиги Русских Женщин в г. Шанхае (с 1 января по 1 ноября 1940 г.) // Архив ЛРАЖ. – Сан-Франциско.
3. Положение о Русской Женской Гимназии в Шанхае – Программа // Архив ЛРАЖ. – Сан-Франциско.
4. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2015. – 510 с.

РАЗДЕЛ 2. Сибирь, Дальний Восток и Забайкалье в исторической ретроспективе

SECTION 2. Siberia, the Far East and Transbaikalia in Historical Retrospect

---

УДК 94
ББК 63.3(2)

Роман Артурович Евтехов,

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Некоторые аспекты организации на территории Забайкалья Удинской провинции

Рассмотрены этапы становления новой модели управления Забайкальским регионом последней трети XVIII в. – Удинской провинциальной канцелярии. Автор, основываясь на архивных источниках, исследует предысторию учреждения провинции, факты создания провинциальной канцелярии, её функции, а также ход передачи дел от прежних воеводских учреждений к комиссарам. Приведены и прокомментированы списки имущества, поступившие в распоряжение провинциальных комиссаров, что позволяет восстановить интерьер помещений прежних воеводских канцелярий.

Ключевые слова: провинциальная канцелярия, провинциальный воевода, комиссар, Забайкалье, управленческий аппарат XVIII в., интерьер присутственных мест

Roman A. Evtekhov,

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Some Aspects of the Organization in the Transbaikalia of the Udinsk Province

The report reports on the stages of the formation of a new model for the management of the Trans-Baikal region of the last third of the XVIII century – Udinsk provincial office. The author, based on archival sources, explores the background of the establishment of the province, the facts of the creation of the provincial chancellery, its functions, as well as the progress of the transfer of cases from the previous voivode institutions to the commissioners. The author cited and commented on the lists of property that were put at the disposal of the provincial commissars, which made it possible to restore the interior of the premises of the former governor's offices.

Keywords: provincial chancellery, provincial governor, commissar, Transbaikalia, administrative apparatus of the 18th century, interior of public places

Забайкальский регион в ходе своей интеграции в систему управления Российской империи формировался как периферия. Выполняя роль транзитного коридора для продвижения русских на Амур [10, с. 27], в условиях трансграничного расположения, Забайкалье в значительно большей мере испытывало довлеющую роль государства в своём развитии. Политика формирования административно-управленческих институтов Забайкалья и моделей его управления на протяжении всего имперского периода имела ряд значительных отличий, в том числе от центральных Сибирских областей.

Система управления Забайкальем и в целом Восточной Сибири изучена крайне поверхностно. Многие исследователи повторяют укоренившиеся в историографии общие формулировки, а не редко и ошибки. Например, коллектив авторов во главе с А. А. Борисовым, в публикациях которых неоднократно повторяется, что «*в результате губернской реформы 1775 г. Иркутская губерния стала включать ...дистрикты*» [2, с. 107]. Напротив, дистрикты как раз и были реформированы и более не существовали. Все это говорит об острой необходимости изучения архивов и введения значительного количества архивных материалов в научный оборот. Думается, что делу может помочь введение даже ограниченных, но крайне информативных материалов региональных архивов, таких как материалы Государственных архивов Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области.

Система управления Забайкальем в XVIII в. крайне сложная, запутанная система – результат синтеза многочисленных и несистематичных административных нововведений времён Петра I и колониальной политики царского правительства. Изучение только лишь законодательных актов не даст полного представления об этой системе, так как при устройстве управления смотрели «*по местным условиям*». Нередко одна и та же должность в документах называется по-разному, одному чиновнику вверяются чрезвычайные полномочия, которые в прочих условиях он бы никогда не выполнял, при создании нового продолжало существовать прежнее учреждение и т. д.

В начале XVIII в. центром управления восточным Забайкальем был Нерчинск, возглавляемый воеводой. Вероятно, что западная часть Забайкалья управлялась Иркутским воеводой через приказчика в г. Селенгинске. Формально Нерчинский воевода был городовым воеводой, несмотря на то, что управлял и уездом с 1708 г. (создание Нерчинского уез-

да), и потому был на иерархической лестнице младше Иркутского воеводы. Полномочия воеводы были широчайшими, он исполнял судебно-полицейские, административно-хозяйственные, экономические, военные, а иногда даже дипломатические функции на вверенных ему территориях. Воеводе подчинялись, кроме приказчиков, осадные (острожные) головы – прообраз комендантов оборонительных крепостей и др. В 1719 г. начато деление Сибирской губернии на пять провинций, завершённое к 1724 г., в это время регион был разделен на дистрикты, возглавляемые земскими комиссарами. Тем самым была введена многоступенчатая территориальная система: губерния – провинция – дистрикт – слобода. Однако путаница только началась, в г. Селенгинск был назначен земский комиссар Ф. Бейтон, затем появилась должность коменданта, которую первым занял полковник И. Д. Бухгольц, которому поручены и функции воеводы. Накануне создания Удинской провинции в Селенгинске и Нерчинске существовали воеводства, а в Баргузине и, очевидно, Удинске управительские канцелярии приказчиков, подчиненных воеводам.

По предложению Иркутского губернатора А. И. Бриля (губернаторство 1767–1776 гг.), еще в 1768 г. необходимо было создание отдельной управленческой системы – Удинской провинции с центром в г. Удинске (в последствии Верхнеудинск – Улан-Удэ). Провинциальная система была уже достаточно устаревшей, если не сказать отжившей и постепенно сворачивалась в Европейской части России. 31 января 1775 г. императрица Екатерина II подписала указ «*О новом разделении Иркутской губернии...*».

С открытием 25 сентября 1775 г. [8, с. 156] провинциальной канцелярии Удинск стал центром провинции и резиденцией провинциального воеводы. Территориально Забайкалье продолжало входить в состав Иркутской губернии, а воевода напрямую подчинялся губернатору. В провинции были определены три комиссарства: Селенгинское, Нерчинское и Баргузинское. В первых двух и Троицкосавске сохранялись должности военных комендантов, которые занимались руководством местными полициями и воинским контингентом.

О сохранении в полномочиях комиссаров прежних воеводских и приказных обязанностей говорит, в частности, указ о переименовании: «*Указом ЕИВ из Удинской провинциальной канцелярии от 3 сентября 1775 № 120 повелено бывшей в Баргузинском остроге управительской канцелярии имено-*

ваться Баргузинским комиссарством...» [5, л. 98]. О функционале провинциальной системы управления говорит штатное расписание [Там же, л. 11–11 об]. Согласно этому документу провинциальная канцелярия делилась на повытья (отделения), каждое из которых ведало своей отраслью: 1) оборочное; 2) подушное; 3) ясачное, экономическое и солёное; 4) приходно-расходное; 5) питейное и провиантское; 6) судебное и розыскное.

Обязательным элементом передачи дел прежних руководителей новым было составление списков передаваемого имущества. В списках сохранились сведения о казённых строениях (домов чиновников, их имущества, домов воевод, крепостей, складов и т. д.). Крайне интересен набор предметов, составлявших интерьер присутственных мест того времени. Сохранился список [Там же, л. 29–30] переданных казённых вещей и мебели в бывшей воеводской канцелярии Селенгинска, который хотелось бы привести, и краткое описание самой крепости: «Селенгинская городская квадратная крепость с тремя башнями, в ней воеводская канцелярия с прирубной судебной палатой с сенями». Авторы списка еще по-старому называли судебную палату «судейской каморой», начиная список со «святых образов»:

1. Спаситель, по сторонам богоматерь с архангелами писанной красками на полотне, при ней лампада белого железа с шелковой кисью.

2. Пророка Ильи и угодника Прокопия праведного [Устюжского] ...лампада белого железа с кисью.

3. Крест деревянный восьмивершинной на коем распятие господа.

В подъяческой:

4. Николая чудотворца в серебряном окладе [икона].

5. Распятие господа.

После указания культовых предметов всегда следовало перечисление мебели и канцелярских принадлежностей, бывших в наличии:

В судейской каморе:

Стол на нем красное сукно мерой 2 аршина [в присутственных местах дореволюционной России стол начальника всегда покрывал отрез ткани красного цвета].

Печаль серебряная Селенгинской воеводской канцелярии.

Шкаф деревянный в котором содержатся разные документы [в списке было несколько указов] и печатное зеркало в раме, позолоченной [часто встречающийся предмет

интерьера любого присутственного места, обычно представлявший собой трехгранную призму с тремя указами Петра I, которые надлежало чиновникам постоянно повторять для памяти].

Две чернильницы оловянные в футлярах с песошницами [песошница – обязательный предмет любой канцелярии, представлявший собой маленькую емкость, больше похожую на современную солонку, которая наполнялась мелким песком, которым посыпали свеженаписанный текст для скорейшего высыхания].

Медный колокольчик.

Два стула деревянных под зеленой краской на них подушки красного сукна.

Подсвечник медный.

Три двойных подсвечника.

Железные ножницы.

Одна мера рекрутская присланная из губернии деревянная за печатями [вероятно, речь идет о мерной линейке для измерения роста и фигуры].

Один деревянный сундук с денежной казной.

Два стола подъяческих с ящиками [имеются в виду выдвижные ящики].

Один стол круглый с ящиком.

Один стул деревянный.

Три сундука в коих дела содержатся.

Два счетных стола на которых деньги считать.

Двое счет на которых всякие доходы и расходы располагаются.

В состоящей городской крепости цейхгауза: знамена, орудия, оружие, одежда и всякая рухлядь.

Относительно функционала провинциального воеводы нужно сказать, что воевода вовсе не являлся воинским начальником, его должность ограничивалась функциями гражданского управления. Среди важнейших функций провинциальной канцелярии были сбор и доставка разного рода налогов и сборов, стимулирование общества к выплатам и сбор недоимок. Они же контролировали реализацию «натуральных повинностей», организацию транспорта, доставку грузов, почту и правительственные делегации. В числе важнейших, учитывая аграрный характер империи, было регулирование земельных отношений. Сложность здесь составлял достаточно пестрый состав населения (казаки, инородцы, поселенцы-ссылные, свободные крестьяне), разные типы хозяйствования (хлебопашество, кочевое скотоводство, промыслы), малое число удобных пашенных земель. Для

решения возникающих споров не существовало особого аппарата, всем занималась провинциальная канцелярия [7, с. 64]. В ведении воеводы был судебный процесс, розыск и преследование преступников на территории всей провинции.

Исключение составили Селенгинск, Троицкосавск и Нерчинск, где полиция подчинялась комендантам, и собственно сам город Удинск, где полиция была передана в ведение воеводы на период 1776–1779 гг. Канцелярия воеводы организовывала поиск и поимку беглых, принуждая земские избы организовывать караулы и представлять задержанных в город, за ослушание или укрывательство беглых и беспаспортных крестьянам грозило в лучшем случае битье кнутом и ссылка на заводы. Кроме всего прочего, воевода исполнял различного рода постановления правительства, а также в условиях постоянных опасностей эпидемий и изотопий наблюдал за санитарным порядком в провинции [Там же].

Удинская провинция существовала недолго, в том числе и потому, что эта система устарела уже к моменту внедрения. Указом 6 марта 1783 г. было организовано Иркутское наместничество. Провинциальная канцелярия функционировала до начала 1784 г., когда согласно ЕИВ от 6 марта 1783 г. [4, л. 1] в Верхнеудинске 3 февраля 1784 г. был создан

городовой магистрат, а комендант превратился в городничего.

Таким образом, аппарат провинциального управления был малочисленным и неразветвленным. Такая схема управления имела свои существенные недостатки. Во-первых, это сосредоточение полномочий административной власти и суда в одних руках, что даже для конца XVIII в. уже было устаревшим явлением, так как, согласно новым узаконениям, государство постепенно отходило от этого принципа. Ратуши, которые также производили суд, но лишь в городском обществе, по сути, являлись независимыми органами самоуправления, но их действия существенно ограничивались воеводской властью. Могло ли городское общество противиться решениям деспота-воеводы, который по сути своей был не только главным начальником, но и одновременно высшей апелляционной инстанцией провинции? Отмечается также несовершенство законодательной регламентации, дублирование функций и полномочий, в целом характерное для XVIII в., что вполне проявлялось и в Забайкалье. Созданная автономная модель управления Забайкальем была необходима, но конкретная форма провинции не существовала и десять лет, что говорит об окончательном устаревании существовавших форм организации регионов.

Источники и литература

1. Бобров Д. С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 114–118.
2. Борисов А. А., Юрганова И. И., Архипова А. И. Особенные формы управления на окраинах Российской империи: Якутская область (конец XVIII – середина XIX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 4. – С. 107–115.
3. Гагиева А. К. Местное управление в Коми крае в XVIII веке // Историко-педагогические чтения. – 2013. – № 17. – С. 335–343.
4. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 238.
5. ГАРБ. – Ф. 88. – Оп. 1. – Д. 156.
6. Гирченко В. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. – Верхнеудинск: Изд-во Объединённого Прибайкальского Союза кооперативов, 1925. – 20 с.
7. Евтехов Р. А. «Буде нужда того требует, то губернию разделить на провинции...» (внедрение новой схемы управления Забайкальским трансграничьем 1775–1784 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 62–66.
8. Калашников Т. П. Жизнь незнаменитаго Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. – 1904. – № 10. – С. 147–183.
9. Майоров А. П. Из истории штатного состава Забайкальских канцелярий XVIII в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2008. – № 2/3. – С. 37–42.
10. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 13. – С. 26–33.
11. Пыкин В. М. Некоторые вопросы народонаселения Удинской провинции (1775–1782 гг.) // Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2009. – С. 148–153.
12. Пыкин В. М. Удинск – Верхнее-Удинск: статус и население во второй половине XVIII в. // Верхнеудинск: вехи истории: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. – С. 12–17.

УДК 94:929
ББК 60:63.3(2)

Цыригма Цыбенжабовна Мясникова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

К биографии совестного судьи Я. С. Яншина

В статье рассматриваются некоторые аспекты создания Совестного суда в Забайкалье через личность одного из его судей – Якова Самсоновича Яншина. Создание Совестного суда, нового органа в судебной системе Российской империи, стало попыткой внедрить процедуру примирения участников процесса. Успех такого примирения зависел и от личности судьи. Его моральные, нравственные качества, авторитет должны были способствовать разрешению спора так, чтобы обе стороны были удовлетворены результатом.

Ключевые слова: судебная система, реформа суда, суд, милосердие, воспитание, закон

Cyrigma C. Myasnikova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

To The Biography of the Conscientious Judge Ya. S. Yanshin

This article discusses some aspects of creating a Conscience court in Transbaikalia through the personality of one of its judges – Yakov Samsonovich Yanshin. The creation of the Conscience court, a new body in the judicial system of the Russian Empire, was an attempt to introduce a procedure for reconciliation of participants in the process. The success of this reconciliation depended on the judge's personality. His moral, moral qualities, and authority should have helped resolve the dispute so that both sides were satisfied with the result.

Keywords: judicial system, the reform of the court, the court, charity, education, law

Губернская реформа Екатерины II изменила судебную систему страны. Появились новые суды – Совестные. Сам принцип работы этих учреждений существенно отличался от других судов Российской империи. В основе работы Совестного суда, по замыслу его основательницы, должны были лежать принципы справедливости, гуманности, милосердия и примирения сторон. Возможно, что на учреждение подобных судов императрицу подвинули существовавшие в Англии в XV–XIV вв. суды Справедливости или суды канцлера, а также Палаты прощений [11].

Отметим, что на протяжении нескольких лет в России проводятся попытки внедрить систему примирения сторон в суде. В 2010 г. принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Так, впервые современное российское право законодательно определило, что одной из задач правосудия должно стать разрешение конфликтов с помощью примирения сторон. Летом прошлого года был принят еще один Федеральный закон № 197–ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который развил альтернативное разрешение споров и вывел в свет еще один новый институт – институт судебных примирителей.

Можно сказать, что Екатерина Великая в какой-то степени предопределила принцип судопроизводства почти за два столетия с лишним. Ее основной постулат о примирении сторон сегодня активно воплощается в российской судебной системе. Правда, если императрица, прежде всего, планировала такое судопроизводство в целях гуманности, что отвечало ее увлечению идеями просветительства, то современная инициатива в большей степени направлена на снижение нагрузки на суды.

В Забайкалье Совестный суд появился в 1784 г. и учрежден был в г. Нерчинске [5, л. 33]. В компетенции этого особого суда было «в гражданских делах примирять тех спорящих, как с просьбою прибегают к разбирательству Совестного суда; для примирения же Совестный суд требует от истца и от ответчика средств в силу узаконений и к их примирению и буде согласятся, то Совестный суд,

укрепив их согласие печатью или буде же не согласятся, то Совестьный суд требует от истца и ответчика назначения с каждой стороны по одному или по два посредника на месте живущих; быть посредником никто из живущих в обществе отказать не должен; когда же посредник назначен и объявлен Совестьному суду, тогда на второй или третий день посредник (от) общества с Совестьным судом рассматривают дело и потом изыскивают средство и к примирению истца и ответчика, и на чем посредники согласятся, то и предложит Совестьному суду, который, приложив печать, и в согласию посредников и истцов, и ответчиков теряют право возобновлять впредь о том просьбу во всяком судном месте; а буде предложению не согласятся, тогда Совестьный суд, предложив посредникам свое мнение как примирить без возражения, без тяжбы, без спора и ссор или ябеды истца и ответчика; мнение Совестьного суда основано быть долженствует на правилах: 1-е – доставить обеим сторонам законную, честную и безтяжебную жизнь, 2-е – злобы, распри и ссоры прекратить, 3-е – доставить каждому ему принадлежащее, 4-е – облегчить судебные места примирением спорящих лиц; буде же посредники и тогда согласятся, то Совестьный суд призовет истца и ответчика и предложит примирительные способы, и буде оные примут, то Совестьный суд укрепит печатью примирение их; буде же не примут, то Совестьный суд истцу и ответчику объявит, что Совестьному суду до той их распри дела нет, а пошли бы из суда по законам надлежит» [2, л. 217].

В 1790 г. в должность судьи Совестьного суда вступил Яков Самсонович Яншин [6, л. 148–149 об.]. В наши края надворный советник Яншин прибыл в августе 1784 г. и трудился в суде в должности дворянского заседателя. Как свидетельствуют архивные материалы, Яншин был человеком неравнодушным и весьма деятельным, что позволило ему не только занять должность судьи Совестьного суда, но и рассматривать дела, как и наказывала Екатерина Вторая, по совести.

К моменту прибытия в Иркутскую губернию Яков Яншин имел немалый послужной список. Сам он был из был из купеческого сословия. Родился в 1734 г. в городе Мосальске Калужской губернии [4, л. 1533 об.]. В жены взял дочь купца, Варвару Михайловну, из города Мещовска [3, л. 88 об.]. К моменту поступления в рекруты в 1769 г. у Яншиных уже было два сына – Александр и Василий. Позже они пойдут по стопам отца и станут купцами. Старший – Александр, на торговом поприще

достигнет значительных успехов и станет одним из видных купцов Российской империи.

До переезда в Забайкалье Яков Самсонович успеет повоевать в русско-турецкой войне, в том числе и под началом легендарного полководца Александра Суворова. Участвовал он в усмирении Запорожской сечи, ходил в Крымские походы против бунтующих татар, а в 1778 г. поступил на службу к князю Багратиону. В октябре 1778 г. ушел на гражданскую службу титулярным советником и был определен в Черниговскую казенную палату ассессором.

По окончании службы генерал-поручиком князь Иван Багратион подписал аттестат, с которым были такие слова: «Дан сей от меня Днепровского пикинерского полку поручику Якову Яншину в том, что он в команде моей в походный Болгарского гусарского полку эскадронах в 1777 и 1778 гг. находился в Крымском полуострове против бунтующих татар, а того 1778 г. с марта месяца поныне при мне дежурным и во всю ту ево бытность вел себя добропорядочно да и службу, возложенную на него, и в протчих случающихся нужных от меня указаниях исправлял с рачением и с усердием, а потому удостоаиваю его так как исправного и заслуженного обер-офицера к дальнейшему повышению; город Нежин октября 19 дня 1779 г.» [7, л. 395 об.].

Прибыв на новое место службы, Яков Яншин трудился также рачительно и усердно. В Государственном архиве Забайкальского края хранятся дела, свидетельствующие о его честности и совестливости. Помимо всего прочего имел он и собственный взгляд, и мнение.

В мае 1790 г. генералу-поручику и губернатору Иркутского наместничества Ивану Алферьевичу Пилю поступила жалоба от крестьян из Нерчинской области. Крестьяне жаловались «на самоуправство, притеснения и взяточничество со стороны управителя Кутомарского завода Казимилова и надзирателя Корнилова» [1, л. 6 об.].

Пиль поручил провести следствие по жалобе Якову Яншину. Тот к заданию подошел со всей добросовестною и тщательностью. В итоге в своем отчете он написал, что приписные к Нерчинским заводам крестьяне «до крайности притеснены разными на них налогами работ незаконных, удерживанием у них заработных денег, злоупотреблением при том происходящим и всем тем доведены до сущаго разорения» [Там же, л. 128 об.]. По мнению Яншина, бедою всего этого было заводское хлебопашество, которое и приводит к разоре-

нию крестьян. Но начальник Нерчинских заводов Барбот де Марни с выводом надворного советника не согласился и в свою очередь написал, что «истиной корень всей нынешней крестьянской бедности суть ленность и сластолюбие их» [1, л. 242 об.].

В этой словесной тяжбе весомей оказались слова Якова Яншина, который в дополнение своим доводам указывал следующее: «а за всеми вышеизъясненными обстоятельствами пришли до такого бедного состояния крестьяне, и ежели останутся на таковых же положениях, как ныне безо всякого об них внимания и призрении, то конечно в сугубое придут разорение» [Там же, л. 136].

Сенат согласился с выводами Яншина и потребовал от генерала-поручика и губернатора Иркутского наместничества Ивана Пиля принять меры «к удовлетворению обиженных крестьян, а с виновными поступить по законам» [Там же, л. 128 об.]. Казимилова же, на которого жаловались крестьяне, Барбот де Марни отстранил от командования заводом и отдал под суд.

В 1797 г., описывая свое видение состояния китайской границы, Яков Яншин напишет: «Сначала бывшего с Россией разграничения оной и постановления с китайцами в 726 году трактата, для охранения обоюдных пограничных маяков и удержания подданных от издревлего обычая друг у друга грабежа, содержат караул пришедшие до того задолго в рос-

сийское подданство из китайского владения монголы, или так называемые буряты или братские, а другие тунгусы... Из 18 родов бурят 4 казатских полка по 600 человек в каждом, а из тунгусов один казачий полк из 500 человек. Земской полиции члены обращаются с ними не только грубо, но и без всякого уважения... Сверх того обижаются они отнятием у них лучших сенокосных мест... Первейшие старшины их имеют происхождение свое в Монголии от владетельных князей и во всероссийской грамоте наименованы благородными, отметить почестию либо чинами российскими...» [9, л. 2, 2 об., 3]. Выказав свои мысли, надворный советник делает заключение: «Для наблюдения в хорошем присмотре за поведением селимых крестьян иль споров разрешения, определить для сего человека из чиновников благонадежнейшего, обычай и нрав их знающего, потому более, что те иноверцы хотя и богатыри, но больше мягкосерды и братолюбивы, нежели поселенные крестьяне, таковые средства могут подать надежные плоды размножения хлебопашества и укоренению сих народов в пределах России» [Там же, л. 2, 2 об., 3].

Рачительность и служебное усердие высшее начальство не упустит из виду. И в 1798 г. за «усердие в прибавлении казне больше выгод» [10, л. 17] Яков Самсонович Яншин получит из рук императора Павла I золотую табакерку.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 300.
2. ГАЗК. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАКО (Государственный архив Калужской области). – Ф. 86. – Оп. 3. – Д. 32.
4. ГАКО. – Ф. 221. – Оп. 2. – Д. 54.
5. Карчанова Л. М. Край, устремленный в будущее // Нерчинская область (1784–1805). – Чита: Экспресс-изд-во, 2011. – С. 29–43.
6. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). – Ф. 286. – Оп. 1. – Кн. 840.
7. РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Д. 121.
8. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Д. 1794.
9. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1374. – Оп. 1. – Д. 52.
10. РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Д. 1001.
11. Старикова Н. В. Совестьный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии). – Текст: электронный // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovestnyy-sud-v-sudebnoy-sisteme-ekateriny-ii-po-materialam-nizhegorodskoy-gubernii/viewer> (дата обращения: 29.04.2020).

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(23аб)

Анна Владимировна Волочаева,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Тюремные помещения Нерчинской каторги (из истории каторги второй половины XIX века)

В статье на основе анализа отчетной документации местных органов власти и тюремной администрации Нерчинской каторги, отчетов инспекторских проверок, а также записок путешественников второй половины XIX в. представлено исследование одного из аспектов каторжного режима – состояние тюрем. Исследование данных условий жизни уголовных преступников позволит определить различия между регламентированными требованиями к наказанию ссылкой в каторжные работы и реальным их положением.

Ключевые слова: ссылка в каторжные работы, Нерчинская уголовная каторга, каторжные тюрьмы, каторжный режим

Anna V. Volochaeva
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Prison Premises of Nerchinskaya Katorgi (from the History of Katorgi of the Second Half of the XIX Century)

The article is based on the analysis of the reporting documentation of local authorities and prison administration of the Nerchinsk penal servitude, reports of inspections, as well as notes from travelers of the second half of the XIX century presents a study of one of the aspects of the penal regime – the state of prisons. The study of these conditions of life of criminal offenders will help to determine the differences between the regulated requirements for punishment exile to hard labor and their real situation.

Keywords: link to hard labor, Nerchinsk Criminal Labour, hard labour prisons, hard labour regime

К каторжным работам в Забайкалье приговаривались люди, совершившие самые тяжкие и/или рецидивные преступления. Удаление из центра России опасного для общества и государства контингента людей, в большинстве случаев неспособных к исправлению, и особое их содержание на отдаленных территориях (окраинах империи) стали одним из важных направлений внутренней политики государства в условиях пореформенного времени второй половины XIX в. Кроме того, сами условия жизни заключенных в отдаленном регионе, а также организация тяжких работ должны были покарать этих преступников. Реальные же условия жизни часто отличались от декларативных требований, установленных нормами права и предполагаемых властью.

Цель данной статьи – исследование одного из важных условий быта уголовных каторжных на территории Нерчинского горного округа (т. н. Нерчинской каторги – самого крупного места отбывания наказания ссылкой в

каторжные работы) – состояния тюремных помещений. Исследование данного вопроса позволяет просмотреть регламентированные и реальные условия жизни каторжных, что позволит сделать вывод о важности данной проблемы на государственном и местном уровнях, а также о сущности данного вида наказания. Данное исследование опирается на отчеты представителей местной власти для Главного тюремного управления и других структур, инспекторов по результатам проверки каторги, а также воспоминания и записки путешественников.

По данным отчетов, Нерчинская каторга расположена на местности с большим количеством гор и болот, а климат здесь очень суровый: тепло бывает только летом – с середины июня до середины августа, земля даже не успевает прогреться (вечная мерзлота). Эти климатические условия пагубно влияют на здоровье преступников, сосланных на каторгу из Центральной России [6, л. 2–2 об.].

Еще более устрашающая характеристика условий жизни на каторге Забайкалье представлена Я. Пургиным (публицистом XIX в): «Там где Яблоновый хребет рельефами изрезал огромную нагорную площадь, где по болотистым узким ложинам бурлят мутные речки, где летом жгучее солнце не успевает прогреть насквозь промерзшую землю, а зимою леденящая пурга жутким воем наполняет ущелья, – там в тысяч верст по радиусу от человеческого жилья, в горных трещинах разбросаны каторжные поселения, в виде группы жалких лачуг-землянок или каменушек, вблизи которых на отлет неизменно высится точно мрачный страж Ада, неуклюжее серое здание, облеченное высокими стенами. То Нерчинская каторга с ее тюрьмами: Зерентуйской, Алгачинской, Кадаинской. Акатуевской, Кутомарской, Мальцевской и Александровской» [13, с. 28–29].

Тюремные помещения, в которых размещали преступников, представлены в воспоминаниях тоже ужасно. Путешественник С. В. Максимов, оставивший солидное произведение по итогам своего посещения каторги, так описывает тюрьму на Нижней Каре: «... очень древняя. Решетки ржавые, крыльцо прогнившее, крыша полинялая... Вопиющая, кричащая бедность и нагота кругом нас, бедность и несчастье, каторжные вдобавок еще замкнуты в гнилое жилье, окружены гнилым воздухом, дышат отравой его до цинги» [9, с. 92–93]. Антисанитарное состояние тюрем, связанных с затхлостью и грибок, было одной из основных обсуждавшихся проблем на протяжении всего периода реформирования каторги. Другой проблемой, которую пытались разрешить комиссии и комитеты по преобразованию пенитенциарной системы, была переполненность тюремных помещений и постоянная необходимость выделения средств на постройку новых зданий (для преступников, конвойной стражи и управления). Например, по данным Главного тюремного управления, в 1881 г. переполненность в тюрьмах составляла – 19 % (по отношению к общему числу арестантов) [12, с. 7], при том, что уже были построены новые здания и отремонтированы старые в предшествующее десятилетие. В архивах РФ обнаружено и исследовано достаточно большое количество документов по строительству и ремонту тюремных помещений на Нерчинской каторге [2; 3; 14–18]. В 1874 г. для руководства этими работами в Нерчинском горном округе был создан особый временный комитет, действовавший до 1885 г. [5, л. 253]. За это время в рудниках Алгачинском и Покровском были «устроены помеще-

ния при помощи капитального исправления существующих деревянных зданий.... Возобновлены имевшиеся постройки при Кутомарском заводе... При рудниках Зерентуйском и Кадаинском построены временные помещения для конвоя и назначаемых на работы каторжных....» [12]. Каменных зданий на каторге было три: Акатуйская тюрьма (построена в 1832 г.), Зерентуйская (в 1889 г.) и казармы Кадаинской воинской команды (в 1898 г.); также каменным было здание, в котором находилось управление каторгой (с конца 1880-х – в Горном Зерентуе) [4, л. 13–13 об.]. В отчете за 1892 г. указано на проведение строительных работ в тюрьмах – Зерентуйской, Мальцевской, Кадаинской, Алгачинской, Покровской, Акатуйской, а также в летних помещениях на Смирновском руднике и Кутомарском заводе. При этом не успели завершить работы только в Кадаинском руднике (планировалось окончить их к 1895 г.) [Там же]. Несмотря на такое большое число строительных работ, в отчете инспектора А. П. Саломона за 1900 г. было отмечено, что состояние тюрем на Нерчинской каторге очень плачевное: «материал плохого качества, сделано все небрежно, грубо... Полы уже во многих местах сгнили» [10, с. 472].

Чем больше строилось и ремонтировалось, выделялось денежных средств на это, тем чаще становились проверки. В конце XIX в. по итогам таких проверок большинство актов комиссий указывало на неудовлетворительные результаты. Среди причин несоответствия построенных и отремонтированных тюремных помещений существующим требованиям назывались следующие:

1) постройка зданий одновременно в нескольких пунктах каторги, а контролировать весь процесс строительства должен был один архитектор. Например, за 1897 г. было семь подобных мест, их объезд составлял 400 верст. Поэтому строительство производилось фактически под наблюдением смотрителей тюрем, часто совсем незнакомых с этим делом, а также они были заняты своими непосредственными обязанностями;

2) бесплатный и принудительный труд ссыльнокаторжных, которые в большинстве случаев не владели строительными навыками;

3) для построек использовался не подходящий материал – лиственница. Из лиственного леса, по мнению проверяющих, можно было строить только временные помещения (тюрьмы к этой категории не относились) [19, л. 3–4].

Современная литература по строительству опровергает этот последний комментарий отчета. Строители считают лиственницу

достаточно прочным древесным материалом, сравнимым с дубом. Причем, чем больше времени будет проходить, тем крепче будет здание («как камень»). Также этот материал устойчив к воде и к микробам, то есть в здании из лиственницы не будет грибка и гнили. Единственный отмечаемый недостаток – низкая теплопроводимость, значит, в доме из лиственницы будет холодно и нужно позаботиться о дополнительной внутренней отделке. Почему же тогда инспекторы тюремных комиссий писали это замечание? На наш взгляд, либо шла подмена материала и/или незнание самих инспекторов в деле строительства, либо неправильное хранение дерева или его длительное хранение (когда материал твердеет, вбить гвоздь в него практически невозможно, и усложняется его обработка).

Таким образом, чтобы строящиеся тюрьмы соответствовали предъявляемым требованиям, сами инспекторы второй половины XIX в. отмечали важность выделения дополнительных ставок архитекторов или постепенное строительство (сосредоточение сил и средств в одном месте, потом переход к следующему пункту). Также комиссии указывали на необходимость осуществления строительных работ наемными рабочими или ссыльнокаторжными, заинтересованными материальной выгодой, причем обе эти категории должны были обязательно владеть специальными умениями [1, с. 43–44]. Самое интересное, что в начале 1880-х гг. работа на постройке тюрем временно (на три года) была перенесена из общественных в категорию вознаграждаемых [11, с. 163–164]. Более подробно этот нормативный документ рассмотрен нами в другом научном исследовании [1, с. 131]. С конца 1880-х гг., возможно из-за нехватки денежных средств, строительство тюрем стало вновь неоплачиваемым

видом работ, несмотря на все просьбы местной власти [Там же, с. 133]. Наемных рабочих в регионе было недостаточно, поэтому труд каторжных часто применялся даже для постройки дорог, городов и других строительных работ, а также по частным соглашениям [Там же, с. 130–131]. Профессиональных мастеровых среди каторжников тоже было мало. Например, в отчете за 1881 г. числятся 217 человек, владеющих разными навыками, из всего количества каторжных около 3 000 [Там же, с. 132, 141]. Поэтому реальное ужасное состояние тюрем каторги, описанное еще Дж. Кеннаном (американским журналистом) в путевых записках 1885–1886 гг. [8, с. 214], сохранилось и в начале XX в. С. С. Хрулев в отчете по итогам очередной проверки в 1909 г. писал, что почти все тюремные помещения на Нерчинской каторге находятся в плохом состоянии, причем некоторые из них не подлежат ремонту из-за полной непригодности [7, с. 330].

Таким образом, количество и состояние тюремных помещений являлось одной из важных обсуждаемых проблем реформирования Нерчинской каторги. Ежегодно проводились ремонтные и строительные работы в разных местах каторги, но использовался для этого труд самих каторжников, не хватало архитекторов для контроля за проведением этих мероприятий. Тюремная администрация и комиссии по проверке тюрем постоянно составляли замечания по этому вопросу, но эта проблема до конца исследуемого времени так и не разрешилась. В реальности проживание в ужасных тюрьмах с гнилью и дырами, переполненной людьми, создавало основу, на которой строилось данное наказание. Несмотря на тяжелый физический труд в рудниках, нахождение там считалось для каторжника лучшим, чем отдых в затхлом помещении тюрьмы.

Источники и литература

1. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга: дис. .... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чита, 2009. – 227 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1 О. о. – Оп. 1. – Д. 529.
3. ГАЗК. – Ф. 28. – Оп. 2. – Д. 27.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 714.
5. ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д. 361.
6. ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 2593.
7. Исаев М. М. Предстоящее преобразование каторги // Право. – 1911. – № 6. – С. 321–332.
8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.): в 2 т. – СПб.: Русско-балтийский информационный центр Блиц, 1999. – Т. 2. – 400 с.
9. Максимов С. В. Каторга империи. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – 480 с.
10. Нерчинская каторга (из отчета бывшего начальника ГТУ А. П. Саломона) // Тюремный вестник. – 1900. – № 10. – С. 471–485.
11. О назначении вознаграждения каторжным, работающим при постройке тюрем при Нерчинских рудниках // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 48 т. Т. 1. 1 марта 1881 – 31 декабря 1881 г. – СПб.: Гос. тип., 1888. – № 278. – С. 163–164.

12. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. 1879–1889. – СПб.: [б. и.], 1890. – 197 с.
13. Пургин Я. В царстве каторги // Сибирские вопросы. – 1912. – № 5–6. – С. 28–35.
14. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 31.
15. РГИА ДВ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 33.
16. РГИА ДВ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 154.
17. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 17.
18. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 429.
19. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 481.

УДК 94(5)
ББК 63.3(2)5

Галина Петровна Камнева,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Сергей Александрович Сотников,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Андрей Александрович Сотников

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Дальневосточная политика России в 60–70-е годы XIX века Русско-китайские дипломатические отношения

В середине XIX в. Россия значительно расширила свои владения, присоединив Приамурье и Уссурийский край. В силу особого для Российской империи значения пространства, геополитические проблемы становятся актуальными в среде российских политиков и общественных деятелей, пытавшихся выстроить концепцию российского движения на Дальний Восток, которая удовлетворяла бы потребности государства в национальной идее и национальном самосознании. Россия, единственная из европейских держав, подписала с Китаем равноправный договор. Меры, предпринятые русскими дипломатами, позволили начать активное заселение правобережья Амура и обустройство границы. В 1858 г. был заложен город Благовещенск. Следующим шагом русского продвижения на Дальнем Востоке стало установление контроля над Уссурийским краем.

Ключевые слова: империя, теория официальной народности, идеологическая оппозиция, азиатский мессианизм, концессии, Пекинский договор, перспективы, Восточная Сибирь, идеология, территория

Galina P. Kamneva,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

Sergey A. Sotnikov,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

Andrey A. Sotnikov,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

Far Eastern Policy of Russia in the 60–70 Years of the XIX Century. Russian-Chinese Diplomatic Relations

In the middle of the XIX century. Russia significantly expanded its holdings, annexing the Amur Region and the Ussuri Territory. Owing to the special significance of space for the Russian Empire, geopolitical problems become relevant among Russian politicians and public figures who tried to build the concept of the

Russian movement in the Far East, which would satisfy the state's needs for the national idea and national identity. Russia, the only European power, has signed an equal treaty with China. Measures taken by Russian diplomats allowed to begin the active settlement of the right bank of the Amur River and the arrangement of the border. In 1858, the city of Blagoveshchensk was founded. The next step of the Russian advance in the Far East was the establishment of control over the Ussuri region.

Keywords: Empire, theory of official nationality, ideological opposition, Asian messianism, concessions, Beijing Treaty, prospects, Eastern Siberia, ideology, territory

Русско-китайские торговые контакты прослеживаются ещё с XIII в. Более близкое знакомство и освоение приграничных территорий началось в XVII в., а дипломатические контакты – с миссии казака Ивана Петлина «со товарищи» в 1618 г., установившего первые контакты с правящей династией Мин.

Определение границы и разграничение территорий по реке Аргуни впервые определено Нерчинским договором 1689 г., ставшим окончанием «Албазинской» войны, длившейся между Московским царством и маньчжурской династией Цин практически 40 лет.

Очередной всплеск интереса к Дальнему Востоку во всех слоях русского общества начался с заключением Парижского мира. Потерпев поражение в Европе, Россия вынужденно сосредоточила свои усилия на азиатском направлении [1].

При этом Россия рассматривала Китай как мирного соседа и старалась сохранить с ним торгово-дипломатические отношения. Но «опиумные войны» 1841–1842 и 1856–1860 гг., спровоцировавшие агрессивное проникновение в Китай европейских держав (Англии, Франции, Германии), заставили Россию озаботиться безопасностью дальневосточных границ, отдалённых от центрального региона, простиравшихся на тысячи километров, вдоль территорий с минимальной плотностью населения.

Русское правительство предприняло меры по более чёткому определению границ с Китаем. При этом планировалось:

– включить в состав русских территорий Приамурье и Приморье (что давало перспективу выхода к Тихому океану);

– выработать меры по противодействию усилению европейского влияния на правительство Китая;

– упрочнить и расширить масштабы сухопутной торговли через город Кяхту (преимущественно китайский чай, в обмен на меха, кожу, сукно);

– ограничить, а в перспективе – ликвидировать хищническую добычу китов, тюленей и рыбы в российских территориальных

водах американских промысловых судов [5, с. 132].

Большую роль в освоении Дальнего Востока сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал от инфантерии Н. Н. Муравьёв, пробывший на этой должности с 1847 по 1861 г.

Понимая всё значение развития этого края для России, Муравьёв иногда действовал в противовес мнению некоторых высших чиновников из Петербурга.

Ещё в 1853 г. он подал императору Николаю I записку, в которой предлагал заключить соглашение с Китаем о разграничении территорий, наделении местных российских властей большими полномочиями, укреплении береговой тихоокеанской линии, устья реки Амур и Сахалина, возведении системы пограничных береговых постов.

Записка была принята благосклонно, по её замыслу – в устье реки Амур было решено сосредоточить эскадру вице-адмирала Е. В. Путятина, а для обороны Охотского побережья скрытно сплавить к морю по Амуру войска и снаряжение. Во многом благодаря этим мерам, летом 1854 г. было отбито англо-французское нападение на Петропавловск-Камчатский.

В 1855 г. Н. Н. Муравьёвым были начаты переговоры с китайскими пограничными властями о разграничении территорий по реке Амур, мотивируя это совместными интересами по защите от английской экспансии. Пока китайская сторона отправила запрос в Пекин, на левобережье Амура были начаты работы по возведению поселений и укреплений «для необходимого и непрерывного летом и зимой сообщения войск и крепостей наших, на устье Амура находившихся, со внутренними областями нашими» [2, с. 133].

Возражения китайцев, считавших эту местность де-факто своей, запоздали: Россия закрепила в Приамурье, а начавшаяся в 1856 г. 2-я «опиумная война» (в которой Россия отказалась участвовать против Китая) отвлекла внимание Китая от дальневосточных границ.

Для окончательного урегулирования пограничного вопроса и наблюдения за ходом начавшейся англо-французской экспансии, в феврале 1857 г. в Китай выехал вице-адмирал, граф Е. В. Путятин, получивший от русского правительства следующие инструкции:

– скорейшее определение границы по Амуру;

– уточнение русско-китайской границы на западном участке (русскую сторону устраивала граница вдоль китайских пограничных постов, утверждённых Кульджинским договором 1851 г.);

– способствование дальнейшему расширению русско-китайской морской и сухопутной торговли (в том числе открыть русскую торговую факторию в Сяньцзяне); добиться предоставления для России режима наибольшего благоприятствования в торговле;

– добиться разрешения китайских властей на заход русских торговых судов в открытые порты Китая;

– сбор информации о стране и о действиях европейских государств на территории Китая.

Для показа своих благожелательных намерений в отношении китайской стороны Путятин был уполномочен предложить безвозмездную передачу 10 тыс. ружей и помощь русских офицеров в подготовке китайской армии [2, с. 135].

Из-за неблагоприятного отношения пекинского правительства к миссии Путятина ему пришлось прожить на русском корабле в Тяньцзине до мая 1958 г.

К этому времени потерпевшая поражение от англо-французских войск Циньская империя вынуждена была сесть за стол переговоров с российским дипломатом.

16 мая 1858 г. независимо от миссии Путятина генерал-губернатор Н. Н. Муравьев и амурский командующий И Шань подписали Айгунский договор о прохождении русско-китайской границы по фарватеру Амура. Этим договором был достигнут ряд целей: суда европейских держав не имели прав плавания по реке; не удалось столкнуть в конфликте Россию и Китай; была заложена основа для ведения дальнейших переговоров и решения спорных пограничных вопросов [Там же, с. 137–138].

1 июня того же года в Тяньцзине между Е. В. Путятиным и представителями Пекина, Гуй Лянем и Хуа Шаном, был подписан ещё один договор, в котором оговаривались следующие вопросы: личная безопасность и сохранность имущества русских в Китае; право направлять своих посланников ко двору импе-

ратора в Пекин, а консулов – во все открытые порты побережья; право захода в открытые порты военных судов; расширены объёмы сухопутной и морской торговли; покровительство императора православию и право открытия русской духовной миссии в Пекине; внесение дополнительных статей в договоры при решении вопросов пограничного разграничения территорий [5, с. 98–99].

Необходимо отметить, что Россия, единственная из европейских держав, подписала с Китаем равноправный договор.

Меры, предпринятые русскими дипломатами, позволили начать активное заселение правобережья Амура и обустройства границы. В 1858 г. был заложен город Благовещенск. Следующим шагом русского продвижения на Дальнем Востоке стало установление контроля над Уссурийским краем.

В марте 1859 г. посланником России в Китай назначается генерал-майор Н. П. Игнатьев. Его основными задачами, требующими решения в воюющем Китае, были:

– определение статуса земель от реки Усури до Тихого океана (Россия предполагала оставить эти земли целиком за собой);

– признание пекинским правительством статей Айгунского договора (подписанного Александром II, но не ратифицированного китайским императором Сяньфэном).

Для достижения этих целей Игнатьеву приходилось лавировать между представителями союзного англо-французского командования и императорскими чиновниками: «Приобретая значительное влияние на ход переговоров Элгина и Гро с цинским правительством, Игнатьев стремился, прежде всего, к разрешению своей основной задачи – подтверждению пекинским правительством Айгунского договора и признанию им Уссурийского края русским владением» [4, с. 791]. Таким образом, выступая посредником, он смог расположить к себе обе стороны.

Усилия генерала Игнатьева увенчались успехом. 14 ноября 1860 г. между ним и представителем императора – князем Гуном, был подписан договор, подтверждающий условия Айгунского договора, а также определяющий русско-китайскую границу по рекам Амур, Усури, Сунгача, озеру Ханко, рекам Беленхэ и Тумынцзян.

Кроме того, договор допускал беспешную торговлю по всей границе Приамурья и Южно-Уссурийского края и беспешную торговлю русским купцам в Кашгарии. Также сибирскому генерал-губернатору давалось право заключения с китайскими погра-

ничными властями соглашений о сухопутной торговле. Русским купцам официальным указом генерал-губернатора было запрещено ввозить в Китай опиум [4, с. 792].

В 1861 г. был завершён процесс разграничения территорий Южно-Уссурийского края с Китаем.

В период 1862–1864 гг. проводились работы по уточнению границ с Западным Китаем. По результатам этих переговоров 25 сентября 1864 г. был подписан Чугучакский протокол, который не только определил прохождение пограничной линии, но и уточнил статус территорий Киргизии и Казахстана (вместе с населением), отходивших к России [6].

В связи с несогласием китайских властей с этим решением, практические действия по решению вопроса о западной границе затянулись до 1869 г. В этот период китайские эмиссары неоднократно провоцировали казахов Старшего Жуза (группы казахских родов и племён) на вооруженные выступления против российской власти, которые были подавлены.

В 1862 г. подписывается русско-китайское соглашение о торговле, позволяющее русским купцам вести её на территории Западного Китая и определяющее количество ввозимых товаров и размеры налогов [Там же, с. 801].

По поводу приобретения новых земель Н. Н. Муравьев в письме от 27 ноября 1860 г. написал А. М. Горчакову: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Всё это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего» [2, с. 144].

В 1864 г. в провинции Сяньцзин (включавшей Илийский край и Джунгарию), находившейся в китайском Туркестане, вспыхнуло восстание мусульман против власти династии Цинь. Верные ей маньчжурские войска были разбиты, а в провинции началась резня, унёсшая жизни более 175 тыс. человек и вызвавшая потоки беженцев, в том числе на территории, подвластные Российской империи.

В Сяньцзине начался хаос, прекратилась торговля, процветал разбой, в том числе в отношении российских поданных (российские консульства и торговые фактории также были уничтожены).

В 1864 г. военачальник кокандского хана Якуб-бек, прибывший на помощь к местному ходже, претендовавшему на трон Сяньцзиня, Бзрук-хану, узурпировал власть, вначале отстра-

нив его от управления, а затем в 1869 г. и вовсе отправив из региона в паломничество в Мекку.

Якуб-бек возглавил это вновь созданное государство – Йеддишаар и вступил в дипломатические контакты с османским султаном Абдул-Азисом, получив от него титул эмира.

Необходимо добавить, что действиями турецкого султана руководили англичане. Летом 1873 г. к Якуб-беку прибыло официальное посольство от английских колониальных властей в Индии. Посланцы привезли узурпатору письма от английской королевы и вице-короля Индии и подарки: батарею артиллерийских орудий, партию винтовок, крупную сумму денег (формально, подарки прислал турецкий султан) [3, с. 62].

В ответ на это Якуб-бек заключил с англичанами кабальный договор об экстерриториальности англичан. Благодаря этому, английские эмиссары получили возможность ездить по стране, собирая разведанные о приграничных территориях и границе с Россией.

Английские специалисты помогли наладить на территории восставших провинций несколько оружейных заводов, рассчитывая в перспективе использовать Якуб-бек, в зависимости от политической ситуации, как против России, так и против Китая [Там же, с. 63]. При этом порядок в государстве так и не был наведён: продолжались набеги на русские территории и разбой.

В июне 1871 г. в Илийский край, по приказу генерал-губернатора Туркестана Кауфмана, вводятся русские войска, взявшие новоявленного султана в плен и начавшие процесс наведения порядка силами армии. Впоследствии он был отпущен, но, так как других реальных претендентов на власть не оказалось, остался правителем этой местности (до своей смерти в 1877 г.) [Там же].

В это же время продолжалось восстание местных беков в Джунгарию. В 1878 г. русские войска подавили его. Пекинское правительство осторожно вышло на русское командование с предложением о возвращении представителей своей администрации.

Получив согласие Кауфмана, циньцы, тем не менее, не смогли этого сделать, так как у них не было боеспособных войск для обеспечения безопасности своих чиновников. Результатом этой коллизии стало оставление русских военных отрядов на правах оккупационных войск.

В 1876 г. после обсуждения проблемы на Особом совещании под председательством военного министра Д. А. Милютина было принято решение возвратить Китаю занятые тер-

ритории взамен приобретения торговых преимуществ и территорий: части Илийского края, долины реки Текес и стратегически важного Музартского прохода из Илийской долины в Китайский Туркестан.

В 1879 г. с китайским послом был подписан договор, в котором, помимо вышеперечисленных пунктов, оговаривалась выплата Китаем России 5 млн р. Этот договор вызвал недовольство правительства Китая, едва не став причиной войны. Но в 1881 г. переговоры были возобновлены, и 24 февраля был подписан Петербургский договор, условиями отличный от первого.

Согласно его статьям, Илийский край возвращался Китаю. За Россией оставалась часть территории в верховьях Чёрного Иртыша, куда было разрешено переселиться из Поднебесной империи восставшим уйгурам и дунганам (60 % их покинуло Ильйский край после ухода русских войск) [2, с. 166].

Кроме того, были получены беспроцентные условия в торговле в приграничных областях Китая, порядок торговли в его внутренних областях, оговорено учреждение в Западном Китае семи русских консульств, увеличение выплаты Китаем России до 9 млн р. [Там же, с. 167].

В целом, можно сделать вывод, что за исключением эпизодических пограничных стычек российско-китайские отношения в 60–70-е гг. XIX столетия развивались мирно. И Россия (уделявшая в это время большое внимание решению восточного и польского вопросов) и Китай (оккупированный Англией и Францией, навязавшими ему свою политику) не были заинтересованы в силовом решении возникших вопросов. Напротив, стремление к мирному урегулированию вопросов позволило разграничить территории, установить границу, упрочить торгово-экономические и дипломатические связи.

Источники и литература

1. Бараболя Е. В. Российская политика на Дальнем Востоке в середине XIX в. – Текст: электронный // Россия и АТР. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-na-dalнем-vostoke-v-seredine-xix-v> (дата обращения: 29.06.2020).
2. История внешней политики России, вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / В. М. Хевролина, Ю. Ф. Субботин, Н. И. Хитрова [и др.]. – М.: Международ. отн., 1997. – 383 с.
3. История дипломатии: в 3 т. / под ред. А. А. Громыко [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 2. – 820 с.
4. История дипломатии: в 3 т. / под ред. В. А. Зорина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 896 с.
5. Международные отношения на Дальнем Востоке / ред. Е. М. Жуков [и др.]. Кн. 1. С конца XVI века до 1917 г. – М.: Мысль, 1973. – 323 с.
6. Чугучайский протокол о размежевании русско-китайской границы 1864, сентября 25. – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16814/16830.html> (дата обращения: 29.06.2020). – Текст: электронный.

**УДК 94(5)
ББК 63.3(0)**

Игорь Георгиевич Пешков,
г. Санкт-Петербург, Россия

«Трёхграничье» России, Китая и Монголии в развитии приграничных территорий Забайкальской области в XIX веке

Идея конкуренции территорий существует со времен освоения Даурской земли. Отметим, что нерчинская международная торговля 1680–1699 гг. превысила всю остальную российскую торговлю по товарообороту. Исторически сложившиеся очаги культуры не теряют своей уникальности до сегодняшних дней и присутствуют на нерчинской земле, в Даурии, в Приононье, как и трансграничные пути сообщений «Трёхграничья», проходящие по Забайкалью. Феномен забайкальского сознания существенно отличается от поведенческого характера жителей других регионов.

Ключевые слова: заграничный билет «пхё», Цицикар, Мэрген, Хайлар, Калган, Далай-Нор, Долоонор, Курулюнский Кошун на Мим-Бейсе, Иркутск, Верхнеудинск, поселения Забайкальской области, Нерчинская пограничная линия, Приионский край, торговые пути, товарный ассортимент

Igor G. Peshkov,
Sankt-Petersburg, Russia

“Three Boundaries” of Russia, China and Mongolia in the Development of the Border Territories of the Zabaykalsky Region in the XIX Century

The idea of territorial competition has existed since the development of the Daurian land. We know that the Nerchinsk international trade of 1680–1699 exceeded the rest of Russian trade in commodity circulation. Historically, the cultural centers from ancient times to the present day are present on the Nerchinsk land, in Dauria, in the Priionony region, as well as the cross-border communication lines of the “Three Boundaries” passing through Transbaikalia. The phenomenon of our Transbaikal consciousness is significantly different from the behavioral character of the inhabitants of other regions.

Keywords: Overseas ticket “PHE”, Qiqihar, Margin, Hailar, Galangal, Dalai-Nor, Dalainor, Curulewski the Cocuna at Mim-Bays, Irkutsk, Verkhneudinsk, settlements of Zabaykalsky region, Nerchinsk border line, Prynoski territory, trade routes, the product range

Идея конкуренции территорий существует со времен освоения Даурской земли. Мы знаем, что Нерчинская международная торговля 1680–1699 гг. превысила всю остальную Российскую торговлю по товарообороту. Исторически сложившиеся очаги культуры не теряют своей уникальности до сегодняшних дней и присутствуют на Нерчинской земле, в Даурии, в Приионье, как и трансграничные пути сообщений «Трёхграничья», проходящие по Забайкалью. Феномен нашего забайкальского сознания существенно отличается от поведенческого характера жителей других регионов. Мы всегда рассчитывали на собственные силы, где ценность личности и общественная оценка определялась по ценности работника. Поэтому идея конкуренции территорий в микромире и макромире сегодня как никогда для нас важна.

Забайкальская область в середине XIX в. составляла для всей России половину товарооборота с Китаем. В 1842 г. в торговле стали фигурировать золото и серебро. Русские купцы, зная, что находившемуся в состоянии войны с Англией Китаю нужны эти металлы, стали тайно приобретать китайские товары на золотую монету. Закуп китайских товаров увеличился на третью часть по сравнению с закупками при меновой торговле. С первой четверти XIX в. и до середины столетия ввоз китайских текстильных изделий уменьшился в несколько раз. Одновременно увеличивается вывоз чая и ассортимент. Русский текстиль

достигает половины экспорта в Китай и далее к середине XIX в. только увеличивается. Особенно много вывозилось сукна и шерстяных изделий, а затем хлопчатобумажных, льняных и шелковых товаров. Вельветы и плисы, сукно и шерсть, превосходя по качеству английские ткани, успешно конкурировали с ними в Китае. Русские хлопчатобумажные ткани пользовались большим спросом в Монголии. Этому способствовало Российское консульство в Урге, которое предпринимало активные меры для налаживания международных отношений и со временем только наращивало российское присутствие в регионе.

Российский консул в Урге (ныне Улан-Батор) по результатам 1864 г. сообщает о положительных результатах хода торговли с Монголией. Консульство сообщает, что общий денежный оборот достиг 600 000 р., в том числе: Ононском и Аргунском краях на 250 000 р. Кроме того, Енисейский караван не был учтен: «о ценности коих сведений нет». По сравнению с прошлым годом (1863) торговля увеличилась на 360 000 р. Приграничной торговлей занимаются казаки 2-й конной казачьей бригады Забайкальского Казачьего Войска (от Мензинского караула и почти до устья реки Аргуни).

Газета «Забайкальские областные ведомости» в 1864 г. писала: «Ононские торговцы действуют в “Долоннооре”, довольно значительном пункте Китайцев с Монголами, торгуют в монгольских улусах Цыцен-хана. Сбывают за границей разные русские товары, лоша-

дей и скот, вывозят оттуда кирпичный и байховый чай, китайские шелковые, полушелковые и бумажные материи, шелк, сахар-леденец, табак, соль, чугунные чаши, деревянную посуду и тому подобные предметы необходимые в обыденной жизни забайкальского края. Торговля с Монголией жителей Ононского края обещает развиваться довольно больших размеров. Кроме того, тамошние жители получают чай и китайский товар в половину дешевле из Урги чем в Долонноре могут снабжать Нерчинский и даже частью Амурский край» [1, с. 4].

Русский консул изучил караванный путь из Урги до Верхне-Ульхунского караула на реке Онон общим расстоянием 360 верст, удобный для караванного пути с местами водопоя животных и проезда телег. Второй путь от Ашингинского казачьего пикета до Урги менее удобен, однако признан годным для вьючного каравана с общим расстоянием в 300 верст. Отмечается, что до реки Онон от Урги всего 230 верст. Первые караваны встречали препятствия со стороны монгольских и китайских властей, однако ургинскими правителями при вмешательстве консульства проблемы были решены, а большей частью решались сами собой. В Урге на 1863 г. постоянно проживали 65 российских подданных и побывали 250 человек.

Исследователь Крopotкин пишет: «Зимой 1863/64 г. барон Фон Буксгевден, во время свидания с новым амбаном г. Хайлара, расспрашивает о дорогах в Китае, ...амбань прибавил, лишь бы были (торговые) билеты». Барон Фон Буксгевден, войсковой старшина, командир 2-й конной казачьей бригады Забайкальского Казачьего Войска, дислоцированной со штабом в Чиндантской станице Приононья, был заинтересован в увеличении международной торговли, всячески содействовал торговле, устройству торговых путей и дружил с местным населением. Так жена командира Мария Николаевна становится «крестной» у родившегося 2 октября 1859 г. Андрея, сына священника Чиндантской Георгиевской церкви Дмитрия Анисимовича Писарева. Первые караваны на Калган, Далай-Ноор или «Долонноор» и Монголию отправлял сам. Барон неумоимо и терпеливо налаживал контакты, сопровождал казачьи торговые караваны, принимал меры к поиску новых караванных дорог.

Крopotкин пишет: «... в последнее время для русских купцов открылась фактическая возможность самим ходить в Китай... наши (Нерчинские) казаки воспользовались этим и в прошлом 1863 г. около 15 караванов из 2-й конной (казачьей) бригады (Забайкальского

Казачьего Войска) отправилось за границу до реки Керулю(е)на».

В 1864 г. в мае, во 2-й же бригаде, было уже выдано 45 заграничных билетов «пхё», из которых несколько до г. Долоннора, лежащего в соседстве с Калганом. Некоторые караваны вели по несколько сот голов скота и табуны лошадей.

В 1865 г. на китайские и монгольские местные рынки были завезены русские товары: мануфактурные и кожевенные изделия, пушнина разная, хлеб разный, прочие русские изделия и произведения, металлические изделия. Из иностранных товаров представлены: выдры, кораллы, карлот гарусный. Драгоценных металлов: золота в русской монете, серебра в иностранной монете, серебра в русской монете. Российских государственных кредитных билетов. Осуществлялся привоз китайских товаров, в том числе для Приононья: чая байхового цветочного, чая байхового черного, чая байхового зелёного, чая кирпичного обыкновенного, чая кирпичного легковесного, сахара леденца, разных китайских изделий и произведений. Производилась обменная торговля монгольскими товарами «...масла и сала "скотских", скота, кож "скотских" и других прочих монгольских произведений». Европейские товары были представлены бумажными изделиями. Кроме того, вышеперечисленные китайские и монгольские товары привозились китайскими мелочными торговцами и расторговывались в Иркутске, Верхнеудинске и поселениям Забайкальской области [Там же, с. 6].

Наказной Атаман Забайкальского Казачьего Войска каждый текущий год утверждал приказ «О праве торговли в Забайкальском Казачьем Войске». В Забайкальском Казачьем Войске в 1866 г. в том числе были выданы свидетельства по 2-й гильдии следующим лицам: отставному подполковнику Хилковскому, нерчинскому купцу 2-й гильдии Петру Першину. Всего выдано 28 торговых свидетельств (билет) [4, л. 134].

В мае 1866 г. для продажи и обмена домашнего скота Долгокычинские казаки получили торговый билет от командира 2-й конной казачьей бригады (войсковой старшина Буксгевден). 17 мая под охраной казачьего караванного старшины (конный казак, послуживший одновременно переводчиком) перешли границу с Монголией. Торговый караван состоял: 50 лошадей, 30 быков, 15 юфтовых кож, до 500 аршин крестьянского сукна, до 200 черных и белых мерлушек. Всего товара на 1 300 р. Казаки рассчитывали произвести

обмен на прочные китайские ткани «применяемые в быту крестьянском и казачьем». Караван направился на реку Керулен к «Курулюнскому Кошуну на Мим-Бейс». Курулюнский Кошун на Мим-Бейсе имел несколько по своей величине замечательных домов и 4 кумирни, созданные из дикого камня и отлично оштукатуренные. Есть дома из кирпичей разных размеров и мазанки. Юрт более 600. Ярмарочная торговля производится на берегу реки Керулен с китайцами Долоноора, рядом с Кошуном. Недалеко от тех мест долгойчинские казаки нашли много казачьих караванов, принадлежавших «конным и пешим казакам из разных мест». Казак Большаков в своих записках сообщает о причинах обмена на товары: «Страшная дороговизна на все Русские товары и ткани ... и если бы не было китайских товаров, то многим бедным казакам и их семействам было бы очень дурно» [6].

Качество железных изделий из Петровского «железнодорожного» завода заинтересовало китайских мастеров, и они стали массово заказывать и скупать железо. Открыли свои мастерские и стали выпускать копии, которые имели меньше веса и были много хуже предыдущих. Поэтому 17 июня 1873 г. на Петровском «железнодорожном» заводе создано горнозаводское товарищество вспомогательного вида с ознакомлением торговых правил этого товарищества [5].

Наиболее прогрессивным документом для этнокультурных процессов среди местного населения «трёхграничья» России, Китая и Монголии стали Правила для сухопутной торговли 1881 г. В приложении Правил утвердили большой список пограничных пунктов для проезда русских подданных, отправляющихся для торговли в Китай. Один пункт в Приаргунье – это Старо-Цурухайтуйский караул напротив китайского караула Хубольдчжиху. В Прионье утвердили большой список пограничных пунктов: Цаган-Олоевский-Цзэринту; Ключевской-Моокгэдзэг; Кулусутаевский-Улянту; Ч(Ц)асучеевский-Доролок; Дурулгуевский-Хорин-нарасу; Тохторский-Хураца; без названия-Баяндарга; Ашингинский-Ашинга. По Западному Забайкалью и далее: Мендзинский-Миндза; Шарагольский-Уялга; Кударинский-Кудара; Кяхта-Кяхта; Боцийский-Харахучжир; Желтуринский-Чжиргэтэй; Харацайский-Ортохо; Хамнейский-Ирекчилам; Ключевской-Уюлет; Хангинский-Былытс; Окинский-Цзай-гооль; без названия-Чжинчжилик; без названия-Юстыть; без названия-Суок; Цаган-обо-без названия; Баргасутай-без названия; Хабар-усу-без названия; Бахты-без

названия; Каптагай-без названия; Перевал Кок-су-без названия; Хоргос-без названия; Перевал Бедель-без названия; Перевал Тэректы-без названия; Перевал Туругат-без названия; Перевал Суиок-без названия; Иркештам-без названия. Настоящий список может быть изменен по соглашению между российским посланником в Пекине и Китайским Министерством иностранных дел [2, с. 7].

По границе государств разрешается беспрошленная торговля на расстоянии 50 верст или 100 китайских ли [Там же, с. 8].

Поступило предложение по открытию международной ярмарки в Верхне-Ульхунской станции на реке Онон и дальнейшее развитие торговых отношений жителей Акшинского округа с монголами «существующих издавна и усиливающихся из года в год». Русское население сбывает монголам лошадей, преимущественно кобылиц, верблюдов, баранов, крупный рогатый скот, скотские, лисьи и волчьи шкуры, кредитные билеты, топоры, замки и некоторые другие предметы. Закупает у монголов кирпичный чай, различные китайские бумажные и шелковые материи, леденец, деревянные чаши, табак, китайскую крупчатку, частью монгольский скот. В 1881 г. продано монголам товара на сумму: 63 071 р. куплено у монголов на сумму 68 118 р. В 1882 г. продано монголам товара на сумму: 45 393 р., куплено у монголов на сумму: 176 876 р. В 1883 г. продано монголам товара на сумму: 51 402 р., куплено у монголов на сумму: 73 457 р. В 1884 г. продано монголам товара на сумму: 76 226 р., куплено у монголов на сумму: 119 045 р. Кроме того, торговые отношения по всей границе поддерживаются бесплатным пользованием монгольских пастбищ, их сенокосами и лесом. Такими преимуществами наше пограничное население может пользоваться лишь до тех пор, когда существуют дружеские отношения между двумя государствами, что и указывает на выгодность от нас на поддержание таковых отношений и необходимость для сей цели надлежащего устройства пограничной линии. Кроме того, через Кяхту в Забайкальскую область и Иркутскую губернию ввезено китайских товаров на сумму: 1 398 133 р. (менее против 1883 г. на 112 410 р.) [3, с. 11].

В сравнении: выданных 45 заграничных торговых билетов «пхё» на 1864 г. против 1884 г., (выдано) выявлено: торговых свидетельств 1-й гильдии – 104 билета и полугодовых – 10 билетов, по 2-й гильдий годовых билетов – 559 и полугодовых билетов – 16, по мелочной торговле годовых билетов – 738 и

полугодовых билетов по мелочной торговле – 94, половинного сбора годовых билетов – 42 и половинного сбора полугодических билетов – 6, на развозный торг взято годовых билетов – 60 и полугодических – 16, на разносный торг взято годовых билетов – 43 и полугодических билетов – 8, на мещанские промыслы взято 25 билетов, на промыслы взято 651 (4-го класса), 718 (2-го класса) и полугодических первой категории 54 и второй категории 72 билета, паспортов купеческих первой гильдии – 4, второй гильдии – 119, билетов первой гильдии годовых – 81 и полугодических – 8, второй гильдии годовых билетов – 771 и полугодических билетов – 41, годовых билетов на мелочном торге – 508 и полугодических – 89. Всего 4 886 документов на право торговли [3, с. 12].

Пекинский трактат от 2 ноября 1860 г. раскрыл статьи «Правила для сухопутной

торговли между Россией и Китаем» от 20 марта 1862 г., подтвержденные затем в 1869 г. Санкт-Петербургский договор от 12 февраля 1881 г. подтвердил все статьи о «Правилах русско-китайской торговли на Дальнем Востоке», которые были зафиксированы в прежних документах. Таким образом, «Трёхграничье» России, Китая и Монголии для территорий Прионюня Забайкальской области с Китаем и Монголией во второй половине XIX в. создаёт несомненное торговое преимущество. На всем протяжении освоения и развития Забайкальского края приграничная сухопутная торговля являлась основной формой экономических отношений всего населения Забайкальской области с Маньчжурией и Монголией, где продолжались уникальные, этнокультурные отношения между жителями этих территорий.

Источники и литература

1. Забайкальские областные ведомости. – 1865. – № 3. – 15 окт.
2. Забайкальские областные ведомости. – 1881. – № 40. – 8 окт.
3. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области в 1884 году // Забайкальские областные ведомости. – 1885. – № 1. – С. 9–12.
4. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1273. – Оп. 1. – Д. 264.
5. РГИА. – Ф. 468. – Оп. 23. – Д. 199.
6. Урядник Большаков. д. Долгокыча № 8 батальона. Поездка в Монголию // Забайкальские областные ведомости. – 1866. – № 27, 28. – 15 июля.

УДК 94(5)
ББК 63.3(2)52

Виктория Александровна Василенко,
*Иркутский филиал Всероссийского государственного
института кинематографии им. С. А. Герасимова,
г. Иркутск, Россия*

Роль Усинского пограничного управления в решении «Урянхайского вопроса» во второй половине XIX – начале XX века (к 135-летию со дня создания)¹

В статье на основании архивных документов, большинство из которых вводятся в научный оборот впервые, представлена оценка роли Усинского пограничного управления в период 1885–1913 гг. Дан анализ деятельности пограничных начальников, особенностей функционирования Управления в условиях колонизации края русским торгово-промышленным элементом и решении «урянхайского вопроса».

Ключевые слова: «Урянхайский вопрос», Тува, Урянхайский край, пограничный начальник

¹ Печатается в рамках гранта РФФИ 18-514-94002 «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

Victoria A. Vasilenko,

Irkutsk branch of the all-Russian state Institute of cinematography

named after S. A. Gerasimov

Irkutsk, Russia

The Role of the Usinsk Border Management in Solving the “Uriankhai Issue” in the Second Half of the XIX–Early XX Centuries (to the 135th Anniversary of Its Creation)

This article presents an assessment of the role of the Usinsk border management in the period from 1885 to 1913 based on archival documents, most of which are being put into scientific circulation for the first time. The article analyzes the activities of border chiefs, the peculiarities of the Management functioning in the conditions of colonization of the region by the Russian commercial and industrial element and the solution of the “Uriankhai question”.

Keywords: “Uriankhai question”, Tuva, Uriankhai region, border chief

В этом году исполняется 135 лет со дня учреждения официального русского представительства на границе с Тувой – Усинского пограничного управления. Высочайшим повелением от 30 декабря 1885 г. в южной части Енисейской губернии, на границе с Халха-Монголией был создан Усинский пограничный округ. В его состав вошла часть Минусинского уезда. Вновь созданной структуре предстояло решать важные задачи, связанные с пребыванием русских на территории Урянхайского края и граничащей с ним Енисейской губернии. Заселение Танну-Урянхая (ныне республики Тыва – В. В.) русскими поселенцами стало главной причиной, по которой российские власти вынуждены были поднять так называемый «урянхайский пограничный вопрос», возникновение которого относится к 1772 г. В западной и отечественной историографии история решения «урянхайского вопроса» представлена в трудах Латтимора, Оуэна, Квестид, В. И. Дулова, Е. А. Белова, Ю. В. Кузьмина, Н. М. Моллерова, В. Г. Дацышена, О. М. Хомушку, Г. А. Ондар и других исследователей [5, с. 71–75]. В статье представлен краткий анализ деятельности Усинского пограничного управления с конца XIX в. до 1914 г. – активного периода решения «урянхайского вопроса» в дипломатии России, Китая и Монголии.

Комплекс противоречий, связанный с возникновением «урянхайского вопроса», его активным обсуждением в российской общественности, обусловлен наличием «особого» статуса Тувы в составе Цинской империи. В период с 1755 г. до 1903 г. территория края находилась за пределами китайских (монгольских) пограничных караулов и была закрыта для въезда из Китая. Торговля китайскими товарами была строго запрещена. Подписание в 1860 г. пекинского договора и «Правил сухо-

путной торговли» в 1862 г. создали выгодные условия для проникновения русского торгово-промышленного элемента в край, фактически узаконив порядок беспроходной торговли на границах с Урянхией и Внешней Монголией. По мере освоения края русскими возникали противоречия, которые требовали решения со стороны китайских, тувинских и русских властей. Именно по этой причине было учреждено Усинское пограничное управление. Согласно инструкции 1886 г., Усинский пограничный начальник фактически разделял с тувинскими чиновниками функции по управлению Урянхайским краем, в его введении оказалось все русско-подданное население региона. Он же исполнял обязанности окружного исправника, заведовал горными промыслами, осуществлял надзор «за сохранением общественного порядка и безопасности на приисках, наблюдение за ходом торговли в Урянхайской земле и ведение пограничных сношений.

Наделение пограничного начальника правом вступать в дипломатические переговоры с гражданами другого государства уравнивало его в полномочиях с пограничным комиссаром. Тем не менее по объективным политическим причинам официально он так не назывался. В Усинском пограничном управлении были учреждены также должности помощника пограничного начальника и переводчика монгольского языка. Первым пограничным начальником в Усинском округе Енисейской губернии стал А. М. Африканов. Всего за историю существования пограничного округа должности начальников занимали пять человек, биография большинства из них малоизвестна. Первые пограничные начальники, А. М. Африканов и Н. Ф. Талызин, наряду с исполнением обязанностей чиновников, проявляли непосредственный научный интерес к краю. Труды А. М. Африканова «Урянхайская

земля и ее обитатели», «Русская торговля в Урянхайском крае» до сих пор являются ценными источниками по изучению этнологии и особенностей хозяйственного уклада тувинцев второй половины XIX в. [2, с. 34–58]. Н. Ф. Талызин, приемник А. М. Африканова, был членом Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Он занимался сбором этнографических материалов, выполнил маршрутно-глазомерную съемку всего пути от с. Усинского до Гадан-Хурэ на р. Тес. О следующем пограничном начальнике, статском советнике А. Харченко, сведения фактически отсутствуют. Известно лишь, что он состоял в родстве с Василием Михайловичем Харченко купцом II гильдии в г. Енисейске, потомственным почетным гражданином. Предпоследним пограничным начальником стал бывший полицмейстер Красноярска В. А. Александрович. Биография последнего пограничного начальника, А. Х. Чакирова, в отличие от его предшественников, представлена в публикациях его внука [7]. Отчеты, рапорты А. Х. Чакирова в документах российских архивов представлены в большем объеме, в сравнении с документами предыдущих пограничных начальников. Именно в период исполнения обязанностей пограничного начальника А. Х. Чакировым решение «урянхайского вопроса» вступило в активную фазу. Причин этому было несколько: стремление российской дипломатии укрепить свои позиции после поражения в русско-японской войне, Синьхайская революция в Китае и последующее решение «монгольского вопроса» в дипломатии России и Китая. Последний, в свою очередь, стремился к упрочению своих позиций на дальних рубежах. В этой связи в 1903 г. границы Урянхайского края были открыты для въезда китайских торговцев. С этого момента начинается период столкновения интересов китайского и русского торгово-промышленного капитала, а решение «урянхайского вопроса» становится объектом пристального внимания со стороны России, Китая и Монголии [5, с. 102].

Руководство Усинского пограничного управления располагало скромными возможностями. К началу XX в. в составе Усинского пограничного Управления состояли собственно пограничный начальник, его помощника, переводчик с монгольского языка, врач, фельдшер и ветеринар. Вооруженных сил в крае не было, ближайший взвод располагался в Минусинске, и функции охраны русского населения возлагались на полицейский участок. Сложившаяся ситуация требовала от Погра-

ничного начальства максимальной отдачи, умения оперативно реагировать на все проблемные ситуации. Пограничный начальник был хорошо образован, свободно владел китайским языком. Опыт прохождения службы в Харбине помог довольно быстро вникнуть в особенности политической и экономической ситуации в крае. Сам А. Х. Чакиров был сторонником активных действий по включению края в политико-правовое пространство Российской империи, в рапортах и отчетах на имя иркутского генерал-губернатора предлагал различные варианты сценариев решения «урянхайского вопроса» [2, л. 460–473]. Особый интерес представляет создание секретной агентуры в Тану-Урянхайском крае пограничным начальником из числа русского населения. Агенты, согласно секретной инструкции А. Х. Чакирова, должны были объяснять местным жителям, что их край русские не считают китайским; необходимо «приучать и подготавливать урянхайцев к той мысли, что в их интересах несравненно выгоднее быть в теснейшей связи и подчинении России, а не Китаю» [5]. Иначе говоря, главным «козырем» секретных агентов в Урянхае и Внешней Монголии было психологическое воздействие, формирование в сознании тувинцев и русских поселенцев устойчивого мнения о том, что в скором времени тувинцы и русские станут «братскими народами», входящими в состав могущественного государства – Российской империи.

Синьхайская революция и последующее объявление Монголией независимости сыграли решающую роль в политических настроениях тувинцев. В январе 1912 г. все китайские торговцы были изгнаны с Урянхая. Во время погромов большинство купцов искало защиты у пограничного начальника. Сама администрация Управления в конфликт не вмешивалась, но оказывала содействие китайским купцам в деле их эвакуации [3].

К началу 1913 г. российское правительство окончательно определило курс на постепенное вхождение Урянхайского края России и приняло решение учредить должность пограничного комиссара. В отличие от пограничного начальника, комиссар наделялся консульскими полномочиями. Пограничный начальник назначался ближайшим помощником пограничного комиссара и замещал в период его отъезда [7]. Дальнейший процесс становления институтов русской представительной власти был связан с рядом определенных трудностей, в частности, в результате сложившихся с «точки зрения служебных интересов»

сложных отношений между заведующим пограничными делами, усинским пограничным начальником, переселенческим чиновником и мировым судьей. Сам А. Х. Чакиров продолжил работу в рамках своих прежних обязанностей, подчеркивая тот факт, что установление контроля над его действиями со стороны пограничного комиссара «является не только незаконным, но и оскорбительным», поскольку сам претендовал на эту должность [3]. В октябре 1915 г. А. Х. Чакиров подал в отставку. В своем обращении к населению Усинско-Урянхайского края, благодаря всех за совместную работу, он писал: «Плоды моей совместной с вами работы – налицо. Никто не в силах будет уничтожить памятники нашей собственной – государственной – деятельности. ... главный фундамент нами заложен, а потому поворота ждать нельзя, напротив, на процветание края надеяться надлежит... От души желаю Усинско-Урянхайскому краю благополучия» [6, с. 167]. Усинское пограничное управление было упразднено.

Таким образом, на Усинское пограничное управление до момента учреждения пограничного комиссариата были возложены задачи, направленные на поддержание авторитета русской власти в Урянхайском крае. Руководство Управления проводило комплекс мероприятий, предваряющих включение края в политико-правовое пространство Российской империи, что, в конечном итоге, отвечало национальным интересам. Находясь в сложных условиях, связанных с территориальной удаленностью от вышестоящих властей, располагая ограниченным объемом материальных ресурсов, при фактическом отсутствии вооруженной силы, руководство Усинского пограничного управления фактически выполняло весь объем функций, которые были возложены впоследствии на Пограничный комиссариат Усинско-Урянхайского края. Вопрос о роли Пограничного управления в решении «урянхайского вопроса» представляет несомненный исторический интерес и заслуживает более детального анализа.

Источники и литература

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). – Ф. 137. – Оп. 475. – Д. 226.
2. Африканов А. М. Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – 1896. – Т. XXI. – С. 34–58.
3. Василенко В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние. – Текст: электронный // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 4. – URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 20.04.2020).
4. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 25. – Оп. 11. – Д. 26.
5. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – 232 с.
6. На перекрестке времени: сборник документов / Государственный архив Республики Тыва. – Новосибирск: Сиб. кн. изд-во, 2014. – 479 с.
7. Чакиров А. Х. Александр Чакиров. Усинский пограничный начальник. – Текст: электронный // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 1. – URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7796-chakirov.html (дата обращения: 20.04.2020).

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)53

*Лилия Владимировна Кальмина,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Купеческие инициативы в освоении монголо-китайского рынка на рубеже XIX–XX веков¹

В статье анализируются инициативы забайкальского купечества в двух отраслях экономики – торговле и транспортном строительстве, проявленные в решении задачи освоения монголо-китайского рынка. Показано, как купеческое сообщество, долгое время паразитировавшее на государственной поддержке, под влиянием внешнеполитических обстоятельств проникается госу-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, № АААА-А17-117021310269-9).

дарственными интересами и проявляет готовность финансировать государственные проекты.

Ключевые слова: купечество, Китай, Монголия, государственный протекционизм, чайная торговля, Кяхтинская железнодорожная ветка

Lilia V. Kalmina,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Merchants' Initiatives in Opening Up of Mongolian-Chinese Market at the Edge XIX–XX Centuries

The article analyses the initiatives of Transbaikal merchants in two economic branches – trade and transport ways construction appeared in the course of Mongolian-Chinese market targets development. The author demonstrates how the merchant's community for a long time, having parasitized on the state support and being influenced with extra political circumstances, begins to follow state values and display their eager to finance imperial projects.

Keywords: merchants, China, Mongolia, state support, tea trade, Kyakhta's railway branch

В российских проектах «встраивания» в монгольско-китайскую систему отношений и усиления собственных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе немалую роль сыграло забайкальское купечество – полноценное действующее лицо мирной экспансии империи на Восток. Современники не всегда замечали эти усилия. Несимпатизировавшая купечеству демократическая пресса постоянно обвиняла его в корыстолюбии и стремлении только к личной наживе. «Наши капиталисты вообще туги на подъем, – писала газета «Сибирь», – они раскошеляются только тогда, когда видят в этом или непосредственную денежную выгоду, или возможность удовлетворить своему тщеславию» [10]. «Наш фабрикант, сколачивающий капиталы под сенью протекционной политики, очень мало заботится о новых рынках, и его не смущает то обстоятельство, что английские фабрикатy не только проникли в Монголию, но и вытесняют русские изделия оттуда, где в сравнительно недавнее время они занимали исключительное положение», – вторило ей «Восточное обозрение» [2].

Разумеется, в своих планах деловые люди не руководствовались чистым альтруизмом. Все их инвестиции преследовали в первую очередь личный коммерческий интерес. Однако в погоне за его соблюдением они иной раз упреждали государственные усилия и вкладывали деньги в долгосрочные стратегические проекты, призванные удовлетворить геополитические амбиции империи. В данной статье мы остановимся на двух направлениях купеческих инициатив, имевших целью мирную экспансию в восточном направлении: торговля и железнодорожное строительство.

«Экономический посланник». Тот факт, что в последней четверти XVIII в. Кяхта стала единственным пунктом легального русско-китайского торгового обмена, предопределил для кяхтинского купечества роль первопроходца, проложившего России путь в Китай. Практиковавшаяся поначалу меновая торговля изменила свои формы в середине XIX в., когда российское правительство дало разрешение к использованию серебряных изделий и золотых монет в качестве платежного средства, а позже позволило вывоз в Китай золота и серебра в неограниченных количествах. Два обстоятельства нанесли ощутимый удар кяхтинской торговле. Первый – открытие ряда морских портов Китая для торговли и разрешение ввоза чая через западную границу, что было несравненно дешевле караванной доставки через Кяхту. Второй – проведение КВЖД, после чего провозная плата чая на всем огромном расстоянии стала намного меньше, чем при доставке гужевым способом через Кяхту. К тому же повысилась скорость его доставки, лишившая город чайных грузов. В первом случае российское правительство амортизировало удар, приняв решение о разнице пошлин для искусственной поддержки кяхтинской торговли: пошлины на чай, ввозимый морем, устанавливались более высокие, чем на доставленный через азиатскую сухопутную границу, чтобы последний был конкурентоспособным. Нами выдвинуты несколько версий причин такого нестандартного решения [5, с. 123], позволившего Кяхте без особых усилий со стороны местного купечества оставаться главными «воротами» чайной торговли, хотя торговый баланс определенно складывался не в пользу России: она вывозила

товаров гораздо меньше, чем ввозила. При этом вывоз год от года падал, что опять стало поводом для обвинений в адрес купечества, которое не торопилось заполнить емкий монгольский рынок русской мануфактурой [2]. Следует отметить, что дело здесь было не только в нерасторопности русского купечества. Значительная доля русских товаров (около 3/5) отправлялась в Китай морем для снижения транспортных издержек, а после их сбыта закупленный там чай ввозился в Россию через Кяхту [6, с. 194], поскольку считалось, что именно «кяхтинский» чай обладает высоким качеством, в то время как ввозимый через западную границу «кантонский», переходя от англичан к остальным потребителям, «упрочивается в своей дешевизне не в малой степени и от различных фабрикаций» [8, с. 6].

Исследователи считают открытие морского пути для ввоза товаров через порты не единственной причиной упадка кяхтинской торговли. Не менее важным фактором, как полагают они, стали медлительность и дороговизна доставки товаров и сосредоточение оборотов в немногих руках, что сделало кяхтинскую торговлю, по сути, монополией феодального типа [1, с. 67; 9, с. 220]. Однако именно кяхтинское купечество, «проникнув в сердце Китая», положило там прочное начало русскому торговому влиянию [4, с. 5] и фактически стало «экономическим посланником» России в Поднебесной. Рассуждая о перспективах развития чайного транзита, Кяхтинский пограничный комиссар Генке заметил, что местное купечество «разработало» его на собственные деньги [12, с. 251]. Заслуги регионального купечества в деле завоевания далекого рынка в условиях долгого оборота капитала и жестокой иностранной конкуренции [4, с. 26–27] были замечены, что, собственно, и стало одной из причин государственной поддержки. Развращенное государственным протекционизмом, купечество откровенно на ней паразитировало. Но с проведением железной дороги, «убившей» кяхтинскую торговлю, стало ясно: в дальнейшем рассчитывать на него не приходится. Тогда купечество и озаботилось спасением своего города, став автором смелых инициатив и радетелем государственных интересов. Это в особенности проявилось при проектировании Кяхтинской железнодорожной ветки как средства завоевания монгольского рынка, которая должна была, пройдя через Кяхту, одним концом соединиться с Транссибирской магистралью, а другой протянуться по Монголии до Урги.

Соревнование инициатив. В большинстве своем забайкальское купечество осознавало важность строительства железнодорожной линии, соединяющей Кяхту с Монголией. Увидев, что правительство, сосредоточившись на Маньчжурии, не проявляет особого интереса к монгольскому направлению, купечество уже не ограничивалось ролью участника дискуссии о необходимости строительства железных дорог, как это было при обсуждении перспектив строительства ветки от Сретенска до Байкала [3, л. 6, 8–9, 11, 13–14, 17, 21–22, 24], а проявило готовность финансировать и изыскательские работы, и само строительство. Именно от кяхтинского купеческого сообщества на совещании у Иркутского генерал-губернатора исходило предложение о привлечении к постройке частных капиталов [7, с. 1].

Региональным купечеством было предложено несколько вариантов соединения Кяхтинской ветки с Транссибирской магистралью. Первым из «соревнования инициатив» вышло купечество Западной Сибири, настаивавшее на ее траектории через Бийск: в этом случае шансы Кяхты сохранить хоть какую-то торговлю с Монголией свелись бы к нулю [12, с. 222–223]. Второй вариант – от Мысовска – предложил кяхтинское купечество, подавшее прошение о проведении изысканий на собственные средства. В своих инициативах оно руководствовалось двумя мотивами. Во-первых, ветка давала городу шанс на возрождение центра чайной торговли, который был утрачен после начала доставки чая по железной дороге. Во-вторых, кяхтинские купцы не без основания опасались конкуренции китайских торговцев, позиции которых усиливались при предполагающемся проведении железной дороги из Пекина в Монголию, в то время как Кяхта осталась в стороне от рельсового пути. В общей записке, описывающей проект железной дороги Мысовая – Кяхта, акцентировалось внимание на важности возрождения сухопутной торговли с Китаем через Кяхту и емкости монгольского рынка. «Вековые добрые отношения между кяхтинцами и монголами, – указывалось в записке, – и опыт Кяхты в ведении торговых дел в Монголии окажутся неоценимыми в деле укрепления за русскими монгольского рынка, разумеется, если Кяхта будет связана с Сибирской магистралью рельсовым путем» [4, с. 1]. Кяхтинское купечество, ранее не желавшее рисковать капиталами для сохранения торгового значения своего города [11, с. 186], сейчас уже не скупилось на проведение изысканий

на мысовском направлении, которые обогнали ему в 20 тыс. р. [7, с. 1]. Считая главной целью проведения дороги коммерческую, кяхтинские купцы, по-видимому, уже просчитали возможную прибыль, хотя понимали и стратегическое назначение ветки [4, с. 3; 28–29]. «Симметричный ответ» кяхтинскому купечеству дало верхнеудинское, также показавшее готовность поучаствовать в проекте проведения ветки своим капиталом. Лоббируя свой вариант – соединение Кяхты рельсовым путем с Верхнеудинском, «по издревле проложенному пути, идущему по правую сторону реки Селенги», как имеющему большие преимущества перед вариантом Кяхта – Мысовая [7, с. 1], – верхнеудинское купечество летом 1911 г. организовало экспедицию для рекогносцировки проектируемой железнодорожной линии.

В своем заключении оно настаивало на том, что проведение дороги по густонаселенному району «с обилием всякого рода продовольствия в виде скота, хлеба, сена», с надежным тылом в виде большого города, «который естественно явится центром в случае возникновения войны в юго-западном Забайкалье», будет иметь существенные преимущества по сравнению с мысовским вариантом, где в тылу останутся «болотистые и малые по площади берега Байкала в районе г. Мысовска», препятствующие доставке провианта. В отличие от соперников, не скрывающих стремления получения коммерческой выгоды, верхнеудинское купечество в своем обосновании в первую очередь показало себя блюстителем государственных интересов, го-

товым ради них пожертвовать собственной прибылью. «Там, где вопрос идет о лучшей защите русской территории, коммерческий расчет должен безмолвствовать» [Там же, с. 9], – выдвигает оно решающий довод.

В данном контексте не столь даже важны аргументы в пользу того или иного варианта и мотивы, которыми руководствовало государство при принятии решения. Важно другое: купечество, ранее заботившееся только о соблюдении собственного интереса, стало партнером государства в реализации его имперских планов, не рассчитывая на средства казны. Идея о предоставлении концессии дороги «частным людям» диктовалась убежденностью, что именно они «прежде других способны осуществить оживление торговли на Кяхте». «Только в руках этих людей, – утверждалось в обосновании кяхтинцев, – постройка и эксплуатация новой дороги будут умело направлены на служение целям огромной государственной важности» [4, с. 3]. Мнение о «кахтинских людях», «отличавшихся сплоченностью, инициативой, предприимчивостью и широким пониманием государственных интересов», можно с полным основанием отнести и к «верхнеудинским». Сибирь, вступившая в стадию капитализации производства, потребовала и нового поколения предпринимателей – не избалованного откупной системой, умевшего вести дела в динамичной конкурентной хозяйственной среде. На смену купечеству, уютно жившему в тени государственного патернализма, пришли предприниматели, умевшие за собственными коммерческими целями разглядеть интересы государства.

Источники и литература

1. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. – 146 с.
2. Восточное обозрение. – 1897. – № 50. – 27 апр.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1(о). – Оп. 1. – Д. 2257.
4. Изыскания железной дороги на Кяхту от станции Мысовой Забайкальской железной дороги до Кяхты. Общая записка. – СПб.: Знаменская тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1910. – 86 с.
5. Кальмина Л. В., Курас Л. В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 442. – С. 122–125.
6. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) // Власть. – 2016. – № 7. – С. 193–198.
7. Котов А. С. Общая записка, составленная на основании рекогносцировочных данных по обследованию железнодорожного пути Верхнеудинск – Кяхта. – Верхнеудинск: Тип. А. К. Кобылкина, 1911. – 11 с.
8. Огородников [Б. и.]. Несколько слов о Кяхтинской торговле. Приложение к Историко-статистическому обозрению торговых сношений России с Китаем. – Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. – 35 с.
9. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. – 328 с.
10. Сибирь. – 1883. – № 6. – 6 февр.

11. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2003. – 308 с.

12. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири: в 2 т. Т. 2. Материалы / под ред. В. Попова. – Иркутск: Издание канцелярии Иркутского Генерал-губернатора, 1908. – 479 с.

УДК 94(5)
ББК 63.3(2)53

Юлия Николаевна Ланцова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

«Син-Хан Мин-Бо» – основной печатный орган корейской национальной организации «Кук-Мин-Хой»

Статья посвящена изучению истории создания и работы основного печатного органа корейской организации «Кук-мин-хой» в начале XX в. на российском Дальнем Востоке и в Забайкалье. Это было периодическое издание, среднего газетного формата в четыре страницы, издавалось на корейском языке. Посвящено было национальным интересам корейцев, основная цель – формирование патриотизма и антияпонская пропаганда.

Ключевые слова: корейская национальная организация «Кук-мин-хой», Забайкалье, Дальний Восток, Корея, Япония, пропаганда, газета, печатный орган

Yuliya N. Lantsova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

“Sin-Han Min-Bo” – Main Press Korean National Organization “Kuk-Min-Hoi”

The article is devoted to the study of the history of the creation and operation of the main printing body of the Korean organization “Kuk-min-Hoi” at the beginning of the XX century in the Russian Far East and Transbaikalia. It was a periodical, a medium-sized of four pages newspaper, published in Korean. It was dedicated to the national interests of the Koreans, the main goal – the formation of patriotism and antijapanese propaganda.

Keywords: Korean national organization “Kuk-min-hoi”, Transbaikalia, Far East, Korea, Japan, propaganda, newspaper, print body

На протяжении всего исторического развития, с момента появления первых печатных изданий и до средств массовой информации, в современном понимании, они имеют колоссальное значение. В дореволюционный период периодическая печать также имела огромное влияние на население. Естественно, что для пропаганды своих идей ее использовали различные политические и национальные организации.

Одной из таких организаций на рубеже XIX–XX вв. было национальное корейское общество (изначально известное под названием “The Korean National Association”). Создано оно было 1 февраля 1909 г. в США на базе двух общественных организаций «Северо-Американской Корейской Общественной

Ассоциации» («Пук-ми Хан-ин кон-л/ нип хеп-хой») (в Сан-Франциско) и «Корейской Соединенной Ассоциации на Гавайских островах» («Хаваи Хан-ин Хап-Сен хеп-хой») (в Гонолулу). К 1909 г. общество насчитывало в общей сложности до 4 тыс. человек. После выработки устава общество получило название «Корейское национальное общество» («Та-хан-ин Кук-мин-хой») [5, с. 301].

В дальнейшем корейские эмигранты стали организовывать отделения общества и на территории российской империи, прежде всего, в г. Владивостоке, которой уже на протяжении многих лет был центром корейской эмиграции.

Таким образом, уже к концу 1909 г. было открыто 12 отделений общества в Иркутске,

Никольск-Уссурийске, Владивостоке, Сретенске, Хабаровске, Благовещенске, Тюмене, Красноярске, Верхнеудинске и др. [3, с. 331].

К 1910 г. было организовано главное Сибирское общество, в состав которого вошло 12 отделений Восточной Сибири, так как его деятельность строилась по территориальному принципу. Располагалось общество в г. Чите. Председателем общества стал Ликанг, его помощником – Пан-Дек-по, прокурором – Коо-Шен-Саами, судьей – Гон-Хва-Шуни, кассиром – Ким-Таги [2, с. 37].

В соответствии с Уставом общество ставило своей задачей «способствовать поднятию достоинства своих собратьев путем насаждения среди них просвещения и развития их трудовой деятельности на основах равенства и свободы в целях славного восстановления своего отечества» [7, л. 12]. В действительности Общество стремилось к освобождению Кореи от иностранной оккупации и восстановлению ее независимости.

Членами общества могли стать проживающие в Корее и за границей корейцы мужского пола, достигшие 15 лет, которые были обязаны вносить вступительные, месячные и вспомогательные взносы.

Деятельность общества была достаточно хорошо организована как с точки зрения структуры, так и в вопросе распространения своих идей. У организаций, на базе которых было создано общество «Кук-мин-хой», уже были собственные печатные издания. В Сан-Франциско с 1905 г. выходила газета «Конъ-л/– ни син-бо» («The United Korean») и Гонолулу с 1907 г. «Хап-сён син-бо» («The United Korean News») [6, с. 351]. В 1909 г. они были переименованы, и так как основной информационный центр был в г. Сан-Франциско, то и печатным органом нового общества, стала газета «Син-хан мин-бо» («Новая Корея. Народная газета («Национальная газета»)). Также давалось английское название «The New Korean». Это было периодическое издание, среднего газетного формата в четыре страницы на корейском языке, выходила еженедельно, тиражом от 700 до 1000 экземпляров. За семь лет существования (по данным на 1914 г.) было выпущено более 250 номеров.

Финансирование издание формировалось из нескольких статей. Прежде всего, это была оплата за подписку, она составляла 2 доллара за год, в розницу продавалась за 5 центов, и также оплата за объявления. Особой статьей были субсидии от общества и пожертвования читателей.

По данным Г. В. Подставина, вся помещаемая в газету информация распределялась по шести отделам: передовые статьи; телеграфные известия; хроника; известия из Кореи; статьи научного содержания; различные справочные сведения и объявления [3, с. 331].

В газете преобладающий объем был посвящен, прежде всего, национальным интересам корейцев. Проповедовалась идея патриотизма, антияпонская пропаганда, говорилось о необходимости объединения в такую организацию, которая сможет уничтожить японское владычество в Корее, постоянно критиковалось политика японского правительства, деятельность японской администрации в Корее, а также корейцев, сотрудничавших с ней. Пропагандировалась борьба корейских партизанских отрядов «Армии справедливости» («Ый-бен»).

Уделялось большое внимание вопросам просвещения широких народных масс, которые призывались к содействию в развитии корейских торговых и промышленных предприятий.

Через рубрику «Справочные сведения» можно было проследить деятельность самого общества «Кук-мин-хой», так как в них печатались извлечения из протоколов и донесений комитетов и отделов, в том числе и на территории Российской империи.

В каждом номере газеты «Син-хан мин-бо» список основных отделов общества, с указанием точного адреса, для почтового сообщения:

«I. В Северо-Американских Соединенных Штатах:

а) в Калифорнии:

1. San Francisco – 232, Perry St.
2. Los Angeles – 2, Olive Court.
3. Riverside – 152, Pachappa Ave.
4. Rendlands – P. O. Box 448.
5. Sacramento – 1224, 4 St.
6. Stockton – 9, E. Sonata St.
7. Oxnard – P. O. Box 52.
8. Ydria – San Benito County.

б) в Иллинойсе:

1. Chicago – 3235, S. Calumet Ave.

II. В Мексике:

1. Yucatan – Meridu – P. O. Box 229.
2. Tabasco – Apartodo – 18 Yonuta.

III. В Маньчжурии:

1. Харбин (по-корейски: Хаб-и-бин) – Harbin, Manchuria.

IV. В Приамурском крае:

1. Хабаровск (по-корейски: Хао-баль-пхо) – Россия. Приморская область, Хаба-

ровск. (Habarovsk. Primorskaia (Oblast), Russia).

2. Владивосток (по-корейски: Ха-сам-уй-хан) – Владивосток. Почтовый ящик № 137 (Р. О. Вох 137. Vladivostok).

3. С. Николаевка Сучанской волости (по-корейски: Су-чхен Син-ен-дон) – Россия. Приморская область. Владимиро-Александровское. Сучан (*Vladimiro-Alexandrovskaie. Suchan. Primorskaia (Oblast), Russia*)» [5, с. 305–306].

Во все отделы высылались инструкции, и даже на российский Дальний Восток для получения информации о реальной работе отделов из США приезжал г. И Ган, хотя результаты его поездки не неизвестны.

Общество испытывало определенные сложности с набором новых членов. Те, кто прибыл давно в Российскую империю, уже имел свое дело, стабильный доход, не высказывали желания вступать в тайные общества. Максимально, что от них могли получить, это небольшие денежные средства, зачастую через угрозы или же взывая к патриотическим чувствам. Также не способствовало активному привлечению в общество разобщенность корейцев, неграмотность большинства. Тем не менее первый тираж газеты в 1 000 экземпляров оказался недостаточным, и было заказано еще 5 000 экземпляров [Там же, с. 304].

Более охотно вступали в общество вновь прибывшие, которые видели, в каком положении были корейцы на Родине. Такие переселенцы из мести готовы были вести различную подрывную деятельность против оккупантов своей страны.

Несмотря на достаточно благовидный характер деятельности общества “Кук-мин-хой” с благородными задачами (например, просвещение), очень часто члены общества попадали в неприятные ситуации.

Полиция постоянно держала под наблюдением корейцев, это объяснялось и выполнением их прямых обязанностей, а также это напрямую было связано с российско-японскими отношениями. Правительство России, чтобы не обострять отношения с Японией, взяло на себя обязательство пресекать любую анти-японскую деятельность, проводимую корейцами в наших пределах. В рамках этой политики в 1914 г. в Чите было арестовано несколько корейцев. В конце ноября 1914 г. помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления Забайкальской области ротмистр Буланов в секретном донесении прокурору Читинского окружного суда сообщил, что им получены сведения, основан-

ные на документальных данных, о существовании в больших городах Дальнего Востока тайного политического корейского общества “Кук-мин-хой” [1, л. 21].

Было арестовано 15 человек по обвинению в агитации против японской политики в Корею, и 30 ноября 1914 г. началось предварительное следствие по делу о тайном обществе “Кук-мин-хой”. Исследование изъятых писем, квитанций, записных книжек, журналов, газет и книг не дало никаких прямых указаний на существование тайного общества, его целей, задач, руководителей и др. Также не удалось получить данных о существовавшем при этом обществе партизанского отряда. Но из показаний группы свидетелей, допрошенных на предварительном следствии, выяснилось, что вскоре после открытия корейской школы в 1910 г., ставшие во главе ее корейцы Ким-Сегай, Се-ян-вонн и другие организовали отдел корейского патриотического общества “Кук-мин-хой”.

В 1915 г. было освобождено 8 человек, но главные подозреваемые (Абраам Ликанг, Роман Пон-Дек-по, Алексей Когой, Дмитрий Кон, Савелий Ким-Том, Константин Ли, Михаил Тень) оставались под стражей. Им было предъявлено обвинение по ст. 124 Уголовного Уложения, и следствие было продолжено.

Предварительное следствие было окончено 19 марта 1916 г., а 24 марта того же года было отослано мировому судье первого участка г. Петропавловска для предъявления обвинения по ст. 124 Уголовного Уложения. Затем направлено судебному следователю первого участка г. Самары для предъявления обвинения Ли-он-хану, Ким-тхайну, т. к. остальным обвинение было уже предъявлено [Там же, л. 41]. Однако секретное дело о судебном преследовании корейцев в Чите было ликвидировано в ходе Февральской революции – «на основании 277 статьи Устава уголовного судопроизводства, дело корейских подданных: Ликанга, Константина Кима, Пан-дек-по и других, по обвинению в анти-японской пропаганде, подлежит прекращению силою указа Временного правительства от 6 марта 1917 г.» [Там же, л. 50].

На Дальнем Востоке японские представители также были очень хорошо осведомлены о настроениях местных корейцев, и, когда они стали выражать недовольство из-за аннексии Кореи Японией, частично были выдворены за пределы края, частично временно заключены в тюрьму [5, с. 309].

Также в газете «Син-хан мин-бо» анализировалась деятельность американских учре-

дителей общества, говорилось, что они руководствовались не только соображениями идейного характера, но и преследовали чисто материальные интересы. Так, в № 130 опубликован устав «Велико-Восточного Промышленного товарищества на паях», в нем говорилось, что целью товарищества являлось «извлечение выгоды путем регулярного развития

сельско-хозяйственной и торгово-промышленной деятельности в пределах русского Уссурийского края» [5, с. 310].

Конечно, в обществе «Кук-мин-хой» распространялась не только газета «Син-хан мин-бо», но и другая литература, в том числе и миссионерская, например, «Та-до» («Великий Путь»), «Православие» и др.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 50. – Оп. 1. – Д. 569.
2. Гордеев Н. В. К истории тайного корейского политического общества «Кук-мин-хой» в Чите // Материалы XIX научной конференции, посвященной 50-летию Советской власти. – Чита: ЧГПИ, 1967. – С. 37–38.
3. Доклад чиновника Щербакова и Ульяницкого о корейских обществах в Амурской области // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая пол. XIX – нач. XX в.). Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 327–344.
4. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 251 с. – URL: <https://www.rulit.me/books/ocherki-po-istorii-sovetskih-korejcev-read-586795-1.html> (дата обращения: 08.04.2020). – Текст: электронный.
5. Подставин Г. В. Краткие сведения о корейских обществах в Приамурском крае // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая пол. XIX – нач. XX в.). Документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 300–314.
6. Примечания // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая пол. XIX – нач. XX в.). Документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 348–353.
7. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 515.

УДК 94:930.2

ББК 63.3(2)53:72.3

Наталья Евгеньевна Жукова,

*Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Россия*

Елизавета Николаевна Палхаева,

*Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Россия*

Дневники М. Н. Хангалова как источник истории повседневности начала XX века¹

В статье рассмотрены фрагменты ранее неопубликованных дневников бурятского этнографа Матвея Николаевича Хангалова, которые содержат не только ценный этнографический материал, но и сведения о повседневной жизни педагогов Бильчирского училища, где преподавал М. Н. Хангалов. Рассмотрение подробностей повседневной жизни ученого позволило полнее представить историческую эпоху, в которой творил ученый, сделать исторический контекст объектом научного изучения. В своих дневниковых записях М. Н. Хангалов, кроме собственно этнографических сюжетов, описывает учебный быт, морально-этические стороны обучения, проблему освоения русского языка бурятскими детьми, празднование Рождества и Нового года. Сделан вывод об уникальности дневника М. Н. Хангалова как исторического документа, раскрывающего процесс обучения в национальном училище в начале XX в.

Ключевые слова: история повседневности, личные дневники, М. Н. Хангалов, Бильчирское училище

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова «Исследовательская обработка материалов этнографического характера: дневники М. Н. Хангалова как источник по истории Бурятии начала XX в.».

Natalia E. Zhukova,

*Buryat State University after Banzarov,
Ulan-Ude, Russia*

Elizaveta N. Palkhaeva,

*Buryat State University after Banzarov,
Ulan-Ude, Russia*

M. N. Khangalov's Diaries as a Source of History Everyday Life of the Early XX Century

The article presented for publication examines fragments of previously unpublished diaries of Buryat ethnographer Matvey Nikolaevich Khangalov, which contain not only valuable ethnographic material, but also information about the daily life of teachers of the Bilchir school, where M. N. Khangalov taught. Consideration of the details of the daily life of the scientist allowed us to fully imagine the historical epoch in which the scientist worked, to make the historical context the object of scientific study. In his diary entries, M. N. Khangalov, in addition to the actual ethnographic subjects, describes the educational life, moral and ethical aspects of education, the problem of mastering the Russian language by Buryat children, the celebration of Christmas and New year. In conclusion, the author concludes that the diary of M. N. Khangalov is unique as a historical document that reveals the process of education at the national school in the early twentieth century.

Keywords: history of everyday life, personal diaries, M. N. Khangalov, Bilchir school

Интерес современных историков к проблематике частной жизни и так называемой истории повседневности очевиден и закономерен. Обращение гуманитарных наук к человеку и всему тому, что его окружает, определило гуманизацию и гуманитаризацию современного этапа приращения научных знаний. Вместе с тем новые подходы к сущности гуманитарных исследований вызвали к жизни разработку новой методологии и расширили спектр изучаемых тем.

М. Н. Хангалов – выдающийся педагог, этнограф, исследователь бурятского шаманизма начала XX в. Его вклад в процесс накопления и обобщения этнорелигиозных представлений бурятского народа обширен и разнообразен. Научное наследие ученого известно далеко за пределами республики, а собрания его работ сконцентрированы в музеях и архивах Улан-Удэ, Иркутска, Санкт-Петербурга и к настоящему времени достаточно хорошо изучены.

Однако частью огромного творческого наследия ученого являются дневниковые записи, которые в большинстве своем остаются неизученными, несистематизированными и неатрибутированными. Несмотря на широкую известность личности М. Н. Хангалова, его деятельность относится к числу малоизученной в современной региональной историографии. Так, если в советский период о нем писали такие ученые, как В. И. Андреев [1], Е. М. Залкинд, П. Т. Хаптаев [4], В. В. Манта-

тов, Х. Д. Болотов [5], М. П. Хамаганов [8], то среди современных исследователей наследия М. Н. Хангалова можно выделить лишь работы И. А. Дамбуевой [2]. Дневниковое наследие бурятского этнографа так и не стало предметом отдельного исследования.

Данные записи являются именно дневниками, а не воспоминаниями, поскольку события фиксировались непрерывно и каждодневно. Например, записи дневника 1902 г. с зарисовками велись каждый день. Каждая новая запись начинается с даты, и далее идет описание всего, что происходит в этот день [6, с. 16].

Дневники – это уникальный исторический документ, содержание которого несет значительный личный отпечаток, фиксированное личное отношение автора дневника к происходящим событиям. Дневники контекстны, принадлежат времени их написания, содержат множество деталей, которые при написании автором воспоминаний могут стать несущественными.

По мнению Ю. Л. Троицкого, для дневника характерны три основные тематические линии:

1) фиксирование и описание внешних событий, свидетелем которых стал автор дневника: дорожных впечатлений, различных коллизий и происшествий, разговоров и сплетен;

2) описание «внутренних» событий – пришедших идей, душевных состояний, меч-

таний, переживаний своих отношений с близкими людьми и др.;

3) прямые обращения к самому себе с целью самоизмениться. В этой ипостаси дневник превращает автокоммуникацию в программу собственных будущих действий [7, с. 14].

Дневники Матвей Николаевич Хангалов вел практически ежедневно, начиная с 1902 г., датируя сделанные записи. Естественно, что содержание дневниковых записей отражает главные занятия ученого – педагогическую деятельность и этнографические исследования. Между тем дневники М. Н. Хангалова включают разнообразные сведения, позволяющие реконструировать повседневную жизнь сельского учительского сообщества начала XX в. Следовательно, целью представленной статьи станет выявление, описание и анализ элементов повседневной жизни в дневниках М. Н. Хангалова.

Одним из основных сюжетов, описываемых в дневниках Хангалова, стали учебные будни Бильчирского училища, где долгие годы вел педагогическую деятельность этнограф. В своих записях М. Н. Хангалов поднимает острые проблемы, сопутствующие процессу обучения, такие как опоздания педагогов и применение физических наказаний учащихся. Так, например, Хангалов пишет, что опоздания «это обыкновенная и хроническая болезнь наших учителей и отца Никанора, которые такие поступки не считают особенным грехом, а считают обычной вещью и оправдываются, что если опоздают минут на 15 или 20 не большая беда» [3, л. 255]. Далее автор рассматривает для себя возможность сказать о регулярных опозданиях инспектору народных училищ, но решает, что «это не хорошо» и настаивать против себя коллектив «не ладно» [Там же].

Еще одной распространенной «педагогической» проблемой являлся вопрос применения к детям физических наказаний и грубого обращения с учениками. Нужно отметить, что использование телесных наказаний, естественно, не было характерно только для бурятской школы, а являлось неременным атрибутом дореволюционной системы образования. В той же дневниковой записи Хангалов пишет о проблеме «грубых» учителей Балаганского уезда, например, об учителе Шоболдо, который «отличался особенными скандалами. У учителя Шоболдо в начале учебного года было более 30 учащихся, а теперь [они] разбежались, потому что Шоболдо грубо обращается с детьми, которых бьет [Там же, л. 257].

Интересно, что обсуждая проблему внутри педагогического коллектива, коллеги Хангалова «ни к чему не пришли». Причины, по которым педагогическая общественность вынуждена «мириться с этими драчунами» с подобным положением дел, ученый видит в отсутствии «подготовленных учителей». Высоко характеризует самого автора дневников описанная им последующая рефлексия: «Я вечером долго думал обо всех учителях и ни чего не придумал, что делать, посмотреть хладнокровно нельзя и недопустимо. Что делать! Бог поможет и дело наладим» [Там же, л. 257].

Еще один сюжет повседневности, описанный в дневниках Хангалова, касается празднования Рождества, которое автор назвал «праздником Рождения Бога-человека». Именно к дате празднования Рождества детей отпускали по домам, учителя готовили отчеты, а сам Матвей Николаевич занимался составлением итогового отчета для Инспектора Народных училищ. «Сегодня со стены сметают пыль и от потолка паутины; в училище пыль, шум и гам, а потом будут чистить все печи», – писал Хангалов 21 декабря 1910 г. [Там же, л. 264].

Рождество 1910 г. не было частным, семейным праздником, а отмечалось семьей Хангалова в кругу членов местной инородческой управы. Празднование сопровождалось обильными застольями, с богатой закуской и выпивкой, а также традиционными хождениями «из дома в дом». Дом Хангаловых в эти дни был особенно гостеприимен, а Матвей Николаевич отметил, что «хороший хозяин должен угощать гостей всеми мерами, а в противном случае скажут скупой и жалеет» [Там же, л. 268]. Празднование Рождества продолжалось три дня, и характерно, что жены членов управы приняли в нем участие только в последний день.

Также широко, с участием всех членов семейств, был отмечен Новый 1911 год, который проводился по подписке, по два рубля за вечер, у учителя Бильчирского училища отца Никанора. «Около 5 ч начали собираться; когда все собрались, тогда зажгли елку, во круг которой дети пели и говорили стихи. Когда все свечи сгорели, тогда все елочные украшения раздали детям, которые были очень довольны» [Там же, л. 274].

После елки начался вечер больших, которые плясали, танцевали, пели и выдумывали разные святочные игры; вечер прошел довольно весело; народу собралось довольно много. Мужчины не забывали выпивку и закуску и под конец не хватило вина; сделали новую раскладку и собрали денег, на которые купили 1/4 ведра вина» [Там же]. В полночь

собравшиеся помолились, пропели «Царю небесный», «Коль славен» и «Боже царя храни». Затем гости стали поздравлять друг друга с новым годом, поужинали и разошлись по домам.

Большое место в дневниковых записях Хангалова занимали, естественно, проблемы обучения детей, в том числе языкового, их межкультурного взаимодействия. Вот что ученый писал по этому поводу: «...трудно заниматься с бурятскими детьми, которые поступают в училище не умеющие говорить по-русски». «Русский учитель, – продолжает Хангалов, – не знает по-бурятски, и потому “как он должен объясняться со своим учеником бурятом” и постоянно иметь переводчика очень неудобно и невозможно». Хангалов считал, что это и есть самое трудное не преодолимое препятствие, «пока ученики буряты научатся кое-что понимать; а когда научатся понимать, это трудно определить. Ученик бурят мучиться и мириться и бросает училище» [3, л. 246]. Очевидно, что Матвей Николаевич не относился к данной проблеме формально и схоластически, о чем можно судить по всему контексту дневника. Для него взаимодействие русских и бурятских детей в процессе обучения стало личной болью.

Характерное беспокойство Хангалов высказывал и в отношении бурятского народа, которому «не дают ни света и ни воздуха, а хотя закупить совсем». Состояние народа исследователь оценивал как борьбу на грани жизни и смерти: «тяжела жизнь – нет выхода, жизнь и смерть борются ..., кто из них одержит победу – трудно сказать. Смерть поддерживают и поощряют, а жизнь глушат и не дают сильно развернуться на жизненном пути, идти вперед для борьбы. Страшно и холодно на душе за родной народ» [Там же, л. 284]. Безусловно, этнографические сюжеты привлекали Хангалова не только с точки зрения их научной значимости, но и как средство сохранения этнорелигиозного наследия и передачи его последующим поколениям.

Таким образом, дневники Матвея Хангалова – это ценный и уникальный исторический источник, дающий представление не только об этнографии бурят, их обычаях и традициях, но и о повседневной жизни ученого исследователя. Рассмотрение подробностей повседневной жизни ученого позволило полнее представить историческую эпоху, в которой творил ученый, сделать исторический контекст объектом научного изучения.

Источники и литература

1. Андреев В. И. Выдающиеся учителя и просветители Бурятии. – Улан-Удэ: [б. и.], 1961. – 92 с.
2. Дамбуева И. А. Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах гг. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 1. – С. 190–194.
3. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. // Фонды музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. – ОФ–4137.
4. Залкинд Е. М., Хаптаев П. Т. М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 116 с.
5. Мантатов В. В., Болотов Х. Д. К вопросу о мировоззрении М. Н. Хангалова: [этнограф-фольклорист, 1858–1918] // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. – С. 129–140.
6. Палхаева Е. Н., Ангархаев Б. Б. Музейная коллекция предметов М. Н. Хангалова национального музея Республики Бурятия как исторический источник // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2019. – № 3. – С. 12–18.
7. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург: АСПУр, 2014. – С. 14–32.
8. Хамаганов М. П. М. Н. Хангалов как этнограф-фольклорист (1858–1918) // Советская этнография. – 1959. – № 5. – С. 98–108.

УДК 94(41/99)
ББК 63.392)53:86.37-3

Евгений Викторович Дроботушенко,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Вопросы истории православия в Сибири на страницах журнала «Сибирский Архив» («Сибирская Летопись»)

В статье анализируются публикации, содержащие данные по истории православия в Сибири, сложного периода отечественной истории – второго десятилетия XX в., журнала «Сибирский Архив» (впоследствии «Сибирская Летопись»), издававшегося в городах Иркутске и Минусинске. Автор указывает, что, несмотря на простоту предмета исследования, заявленная в названии статьи проблематика изучена не достаточно. Отмечается, что в общем количестве статей названного издания работ по православной истории Сибири было не много. При этом данных, к примеру, по истории православия в Забайкалье, несмотря на значительный хронологический и территориальный охват тематики статей, нет.

Ключевые слова: православие, духовенство, священнослужитель, церковь, «Сибирский Архив», «Сибирская Летопись», Сибирь, Забайкалье

Evgeny V. Drobotushenko,
*Transbaikal State University
Chita, Russia*

Questions of the History of Orthodoxy in Siberia on the Pages of the “Siberian Archive” (“Siberian Chronicle”) Magazine

The article analyzes publications containing data on the history of Orthodoxy in Siberia, a complex period of Russian history – the second decade of the XX century, the journal “Siberian Archive” (later “Siberian Chronicle”), published in the years of the Russian Empire in Minusinsk and Irkutsk. The author notes that, despite the simplicity of the research subject, the problems stated in the title of the article have not been studied enough. It is noted that in the total number of articles of this publication, there were not many works on the Orthodox history of Siberia. At the same time, there is no data, for example, on the history of Orthodoxy in Transbaikalia, despite the significant chronological and territorial coverage of the subject of articles.

Keywords: Orthodoxy, clergy, priest, Church, “Siberian Archive”, “Siberian Chronicle”, Siberia, Transbaikalia

Одним из интереснейших и значимых источников по истории православия являются публикации периодической печати досоветского времени. Они, несомненно, носят публицистический характер. Исследователь, работая с ними, должен учитывать, с одной стороны, ненаучность подхода авторов, а с другой, возможность значительной субъективной составляющей, не дающей реальной картины происходившего. В то же время названные публикации являются важнейшим дополнением к более достоверным источникам – архивным документам.

Более того, называть статьи в средствах массовой информации разного времени источником, очевидно, является не совсем верным. Автор использует данный термин в целом, подразумевая в этом конкретном слу-

чае под источником все, что дает какую-либо информацию.

Хронологические рамки работы определены желанием автора проанализировать отражение истории православия в Сибири в одном из сибирских периодических изданий, в первом сибирском историческом журнале в достаточно сложный переходный период отечественной истории. К началу второго десятилетия XX в. в России сложилась относительно благополучная социально-экономическая ситуация. В общем-то, прижились нововведения и в политической сфере. Речь идет о введении в начале столетия представительного органа власти на национальном уровне. Однако в дальнейшем произошла череда событий, значительно повлиявших на ход отечественной истории. Убийство П. А. Столыпина, затем эрц-

герцога Франца Фердинанда и начало Первой мировой войны, а затем и революционные события 1917 г. Все это не могло не наложить отпечатка на жизнь общества в целом и на средства массовой информации, в частности.

Объектом анализа является журнал «Сибирский Архив» (с середины 1916 г. – «Сибирская Летопись»), предметом – отражение на его страницах истории православия в Сибири.

Журнал «Сибирский Архив» издавался в г. Иркутске с 1911 до конца 1913 г. в типографии М. П. Окунева, позже в электро-типографии Товарищества «М. П. Окунев и Ко», в 1916 г. – в типографии Товарищества «М. П. Окунев и Ко», номера 1917 г. печатались в Типо-Литографии Окружного Штаба. В конце 1913 – середине 1916 г., в связи с тем, что там некоторое время находился издатель и редактор, журнал из печати выходил в Минусинске, сначала в типографии А. Ф. Метелкина, затем в электро-типографии Е. Л. Метелкиной. Журнал являлся ежемесячным. Публикации были посвящены вопросам археологии, истории, этнографии и культурного развития Сибири, а также макрорегионов Средняя Азия и Дальний Восток. Начиная с «шестой-седьмой-восьмой книжки» (номера) за 1916 г. журнал назывался «Сибирская Летопись». Издавался под редакцией известного иркутского историка, преподавателя Иркутского учительского института, Девичьего института, а позже директора Сретенской учительской семинарии в Забайкалье Александра Ивановича Линькова. Секретарем редакции некоторое время был Петр Чечин (по крайней мере, в 1913 г.). Перестал журнал издаваться в связи с отъездом А. И. Линькова из Иркутска в Забайкалье на новую работу [11; 18; 30, с. 168].

Формат номеров журнала был разным. Отдельные номера не имели оглавления, начинаясь с какой-либо публикации. К примеру, с «Молитвы сибиряка» в № 1 за 1913 г. [20, с. 1]. Отличительной чертой журнала «Сибирский Архив», а затем и «Сибирская Летопись» была нумерация их страниц, которая являлась сквозной по всем номерам в течение года. Известно, что журнал «Сибирская Летопись» распространялся по подписке. В 1917 г. подписная плата на год составляла 6 р. [22, с. 79].

Авторами статей, печатавшихся в журнале, выступали одни и те же люди, отсюда и общая идейная составляющая журнала не менялась со временем. Авторы – это известный иркутский ученый, будущий Министр продовольствия во Временном сибирском правительстве, а затем деятель российской эмиграции в Китае И. И. Серебренников, историк,

публицист, социал-демократ В. А. Ватин, ссыльный революционер, редактор ряда изданий Н. Чужак (Н. Насимович-Чужак) и некоторые иные.

Издание журнала – это всецело заслуга А. И. Линькова. Именно поэтому он издавался в тех местах, где оказывался издатель-редактор и прекратил свое существование с момента, когда А. И. Линьков приступил к новой, большой работе.

Пожалуй, наиболее полными на сегодняшний день являются описание биографии А. И. Линькова, а также характеристика журнала «Сибирский Архив», представленная А. С. Ковалевой [11]. Однако их полнота относительна. Если биографические данные представлены достаточно полно, то по журналу встречаем только некоторые упоминания.

Сам А. И. Линьков известен, помимо издательской деятельности, рядом своих статей (в его же журнале), которые были посвящены самым разным вопросам, однако основным предметом его исследований было образование в Сибири [12–14; 16; 17].

Следует сказать, что в трудах А. И. Линькова нашли отражение и отдельные аспекты истории православия в Сибири. Так, он рассуждал о роли православного духовенства в заключении браков на территории Сибири в большой по объему статье «К истории брака в Сибири (По архивным данным)». Автор рассуждает о мерах правящих архиереев и духовных консисторий по пресечению незаконных браков, по «побуждению» к вступлению в брак чтецов и причетников православных храмов Сибири и т. д. [15, с. 510, 513].

Теперь перейдем непосредственно к предмету данной статьи, а именно: к вопросам истории сибирского православия на страницах журнала «Сибирский Архив» («Сибирская Летопись»).

Специальных, больших статей по истории православия в Сибири, которые бы содержали разностороннюю характеристику той или иной ее страницы, в «Сибирской Летописи» не было вообще, а в «Сибирском Архиве» они были единичным.

Наиболее интересной и самой большой по объему за все годы издания журнала является, пожалуй, статья Н. С. Путилова «Летопись Усинской миссии, находящейся на реке Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушинской волости близ Китайской границы». Данная публикация, на наш взгляд, является важнейшей для воссоздания истории православия на территории современной Тувы (Тывы) [25, с. 452–474].

Одним из немногих примеров достаточно серьезных публикаций по рассматриваемой проблематике является труд Н. Е. Олейникова «К истории распространения христианства в Якутской области (Деятельность миссионеров Слепцовых)». Автор отмечает, что на момент написания им статьи документальные данные по распространению христианства среди коренного населения Якутии были редкостью. Все, что имелось по данному вопросу, было уничтожено пожаром в духовном ведомстве Якутска в 1815 г. Представленные материалы характеризуют деятельность миссионеров иеромонаха Слепцова и его сына Григория [21, с. 203]. В тексте иных данных о них не приводится, однако современные исследователи говорят о протоиерее Григории Слепцове [34, с. 121]. Иеродиакон Иоанн Калугин говорит о иеромонахе Иоанникии (Слепцове), настоятеле Якутского Спасского мужского монастыря в период около 1740 г., а также игумене Георгии (Слепцове) – настоятеле той же обители в 1816–1817 гг. [10, с. 151].

Н. Е. Олейников негативно характеризует деятельность миссионеров Слепцовых. Он пишет, делая ссылку на их постоянную торговлю с коренными жителями: «С такими торгашескими наклонностями, отцы проповедники Слепцовы, конечно, мало сослужили православию...» [21, с. 205].

Еще одной статьей, посвященной целиком вопросам истории православия в Сибири, является материал Ив. Чибизова по особенностям обучения некоторых священнослужителей Енисейской губернии в XIX в., содержащий списки детей для обучения и др. [33, с. 517–519].

Характеристика истории и деятельности братства Св. Иннокентия г. Иркутска нашла отражение в статье с продолжением протоиерея Д. Гагарина [23, с. 647–656; 24, с. 309–318].

Среди иных специальных публикаций по истории сибирского православия можно назвать работы А. Савельева «Из жизни сибирского духовенства в первую половину XIX века», И. И. Серебренникова «Поездка арх. Георгия в Бухтарминскую крепость», священника Б. Герасимова «О старинных домах и церквях в Иркутской губернии» [27, с. 849–855; 28, с. 620–623; 29, с. 273–295].

В двух номерах, сначала «Сибирского Архива» (в 1916 г.), а затем и «Сибирской Летописи» (в 1917 г.), напечатана статья Е. Гонсович (известна как автор книги «История Амурского края») с ее взглядом на бытие духовен-

ства на Амуре. Материал носил достаточно критичный характер, говорилось о пьянстве священнослужителей и заинтересованности в получении мехов от коренного населения. В то же время в некоторых случаях автор хвалит отдельных священнослужителей, называя их «добрыми пастырями» [4–6].

Отметив, что специальных работ не много, отдельные же факты упоминаются разрозненно в самых разных статьях. В целом количество таких публикаций значительным также не назовешь, но определенное количество назвать можно. Так, в № 9–10 за 1913 г. уже «Сибирской летописи» в большой статье Н. Романова «Периодическая печать г. Иркутска» дается краткая характеристика «Иркутских епархиальных ведомостей», их содержания, авторов и т. д. [26, с. 405–406].

В заметке «По Тункинскому краю (Путевые замечания и заметки от поездки в июле 1914 г.)» упоминается Нилова пустынь. Кратко говорится о посещении минеральных источников «Туранские воды», где позже пустынь и появилась, архиепископом Иркутским и Нерчинским Нилом (Исаковичем) в 1845 г. [8, с. 181–182].

О крещении «инородцев» читаем в обобщающих отчетах по Иркутской губернии. Такой отчет за период с 1806 по 1812 г., на основании неизданного отчета Иркутского губернатора Н. И. Трескина, представил в статье «Восточная Сибирь в начале XIX века» В. А. Ватин [1, с. 57–58].

Упоминание о православии в Сибири можно встретить в отдельных библиографических заметках. Так, в заметке В. А. Ватина «Новая книга об Урянхайском крае» в журнальном разделе «Сибирская библиография» говорится об отношении «урянхайцев» к православным храмам. Отмечается, что коренные жители стекаются к ним, поскольку те «... представляют из себя центры для обмена и торговли...» [2, с. 487].

Определенный интерес представляют опубликованные в журнале письма частных лиц. Некоторые из них содержат информацию по православию, к примеру, характеризуя нравы духовенства в разное время [9].

В одном из номеров 1916 г. опубликовано письмо крестьян Богурдацкой деревни исправнику земского суда г. Минусинска с жалобой о том, что духовное ведомство не предоставляет им священнослужителя [3, с. 172].

Как отдельный вид публикации представлены «Донесения иерея Сергия». Это краткие заметки по конкретным событиям, связанные с православием [7, с. 879–886].

Нетрадиционными для журнала являлись заметки, в которых очень кратко характеризуются какой-то факт. В номере 11 от 1915 г. данный раздел назван «Мелочи церковной жизни» и, в общем, мелочами приведенное и являлось. Приведем пример одной из заметок: «... Протоиерей Фортунат Петухов предписывает “Ачинского города священно-церковно-служителям со старостой из прикладных материй шить набедренник”, которого не было» [19, с. 540]. Для чего в серьезном историко-этнографическом журнале напечатана данная заметка, остается вопросом.

Можно назвать и ряд иных немногочисленных публикаций, так или иначе касавшихся отдельных страниц православной истории Сибири. Так, краткие заметки из жизни духовенства представлены за авторством «И. Ч.» как выдержки из архива Курганской церкви и др. [32, с. 516].

Несколько слов следует сказать об отражении на страницах «Сибирского Архива» («Сибирской Летописи») первой половины второго десятилетия XX в. истории и современного на тот момент состояния православия в Забайкалье.

В 1894 г. была, путем выделения из Иркутской епархии, создана самостоятельная Забайкальская епархия. Чуть позже, в 1900 г., началась печать собственного периодического издания – «Забайкальские епархиальные ведомости».

Очевидно, что с появлением своего печатного органа у Забайкальского православия интерес к нему и его истории в бывшем епархиальном центре – г. Иркутске, стал меньше. Тем более что существовало свое епархиальное периодическое издание – «Иркутские епархиальные ведомости». На этом фоне ожидать большое внимание к истории и современному состоянию православия в Забайкалье в светских периодических изданиях не приходится. В то же время с учетом заявленных тематических направлений журнала «Сибирский Архив», а затем и «Сибирская Летопись» можно ожидать наличие в нем материалов и по истории православия в большом регионе Забайкалье, тем более что по право-

славую на территории по течению Амура информация встречается.

Анализ статей показал, что данных по Забайкалью нет. Как отмечалось выше, в одном материале упоминалась Нилова пустынь. Географически она не совсем за Байкалом, однако располагалась на территории современного Тункинского района Республике Бурятия. Республика же Бурятия традиционно рассматривается как Забайкалье.

Журнал «Сибирская Летопись» прекратил существование в 1917 г., и, как отмечалось, причиной этого стали не революционные события, как это свойственно для 1917 г., а отъезд из Иркутска издателя и редактора журнала.

Таким образом, можно констатировать, что журнал «Сибирский Архив» (в дальнейшем «Сибирская Летопись»), выходящий из печати в Иркутске, Минусинске и снова Иркутске во втором десятилетии XX в, сегодня не имеет полной истории. Краткие упоминания в некоторых публикациях затрагивают только отдельные, в общем-то, достаточно широко известные факты, к примеру, годы и города издания. Очевидно, что требуется работа по воссозданию названной истории, так же как и исследование в плане дополнения биографии редактора названного издания.

Вторым выводом станет замечание о том, что до настоящего времени не проведено серьезного контент-анализа публикаций журнала, т. е. содержательного анализа. Данная статья – это, с одной стороны, попытка акцентировать внимание на интереснейшем историческом журнале первой четверти XX в., который, на первый взгляд хорошо известен, с другой, показать, что его публикации проанализированы не в должной мере.

Следующий вывод касается непосредственно предмета исследования и заключается том, что история православия в Сибири нашла отражение на страницах журнала «Сибирский Архив» («Сибирская Летопись») в незначительной степени. Это отдельные публикации самого разного характера, не дающие представления о картине в целом, а посвященные какому-либо конкретному аспекту названной истории.

Источники и литература

1. Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX века. Отчет Губернатора Трескина об управлении Иркутской губернией с 1806 по 1812 год (продолжение) // Сибирская Летопись. – 1917. – № 1–2. С. 48–59.
2. Ватин В. А. Сибирская библиография. Новая книга об Урянхайском крае // Сибирская Летопись. – 1916. – № 9–10. – С. 487–490.
3. В. В-нь. Духовенство и паства // Сибирский Архив. – 1916. – № 3–4. – С. 172.
4. Гонсович Е. История Амурского края (как русские завладели Амуром и как на нем утвердился). – Благовещенск: Т-во «Шалонин и Ко», 1914. – 197 с.

5. Гонсович Е. Мелочи из жизни старинного Амурского духовенства (продолжение) // Сибирский Архив. – 1916. – № 5. – С. 229–234.
6. Гонсович Е. Мелочи из жизни старинного Амурского духовенства (продолжение) // Сибирская Летопись. – 1917. – № 1–2. – С. 15–19.
7. Донесение Иер. Сергия // Сибирский Архив. – 1912. – № 11. – С. 879–886.
8. Загорский В. По Тункинскому краю (путевые замечания и заметки от поездки в июле 1914 г.) // Сибирский Архив. – 1916. – № 3–4. – С. 173–187.
9. Из консисторских нравов недавнего прошлого (два письма члена Тобольской духовной консистории, кафедрального протоиерея Никиты Розанова к епископу Березовскому Ефрему, управляющему Тобольской Епархией) // Сибирская Летопись (Сибирский Архив). – 1916. – № 6–8. – С. 337–341.
10. Калугин Иоанн, иеродиакон. Настоятели Якутского Спасского мужского монастыря // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. – Якутск: Якутская духовная семинария Якутской епархии Русской Православной Церкви, 2016. – С. 151–160.
11. Ковалева А. С. А. И. Линьков и его журнал «Сибирский архив». – Текст: электронный // Сибирский архив. – 2000. – № 1. – С. 4–9. – URL: http://irkipedia.ru/content/i_linkov_i_ego_zhurnal_sibirskiy_arhiv (дата обращения: 24.06.2020).
12. Линьков А. И. Деятельность по народному образованию в Сибири // Сибирский Архив. – 1912. – № 4. – С. 224–230.
13. Линьков А. И. Из жизни Иркутской Гражданской школы // Труды Иркутской ученой архивной комиссии: в 3 вып. – Иркутск: Электро-тип. т-ва «М. П. Окунев и Ко», 1913. – Вып. 1. – С. 1–14.
14. Линьков А. И. Из истории народного образования в Забайкальской области до 1872 г. // Сибирский Архив. – 1912. – № 3. – С. 166–169.
15. Линьков А. И. К истории брака в Сибири (по архивным данным) // Сибирская Летопись. – 1916. – № 11–12. – С. 508–515.
16. Линьков А. И. Первый печатник в Восточной Сибири // Сибирский Архив. – 1912. – № 6. – С. 439–442.
17. Линьков А. И. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский Архив. – 1912. – № 7. – С. 505–543.
18. Линьков Александр Иванович. – Текст: электронный // ИРКИПЕДИЯ RU. – URL: http://irkipedia.ru/content/linkov_aleksandr_ivanovich (дата обращения: 24.06.2020).
19. Мелочи церковной жизни // Сибирский Архив. – 1915. – № 11. – С. 540.
20. Молитва сибиряка // Сибирский Архив. – 1913. – № 1. – С. 1.
21. Олейников Н. Е. К истории распространения христианства в Якутской области (деятельность миссионеров Слепцовых) // Сибирский Архив. – 1916. – № 5. – С. 203–206.
22. Принимается подписка на ежемесячный журнал «Сибирская Летопись» // Сибирская Летопись. – 1917. – № 1–2. – С. 79.
23. Прот. Д. Гагарин. Деятельность братства Св. Иннокентия // Сибирский Архив. – 1912. – № 8. – С. 647–656.
24. Прот. Дм. Гагарин. Деятельность Иркутского церковного братства во имя Св. Иннокентия // Сибирский Архив. – 1912. – № 4. – С. 309–318.
25. Путилов Н. С. Летопись Усинской миссии, находящейся на реке Усу, Енисейской губ., Минусинского округа, Шушинской волости близь Китайской границы // Сибирский Архив. – 1915. – № 11. – С. 452–474.
26. Романов Н. Периодическая печать г. Иркутска // Сибирская Летопись. – 1913. – № 9–10. – С. 389–449.
27. Савельев А. Из жизни сибирского духовенства в первую половину XIX века // Сибирский Архив. – 1912. – № 11. – С. 849–855.
28. Свящ. Б. Герасимов. Поездка арх. Георгия в Бухтарминскую крепость // Сибирский Архив. – 1912. – № 8. – С. 620–623.
29. Серебренников И. И. О старинных домах и церквах в Иркутской губернии // Сибирский Архив. – 1912. – № 4. – С. 273–295.
30. Сибирский Архив. – 1913. – № 3. – С. 168.
31. Сибирский Архив. – 1916. – № 31. – С. 48.
32. Чибизов Ив. Мелочи из жизни старинного духовенства Енисейской губернии // Сибирский Архив. – 1915. – № 11. – С. 516.
33. Чибизов Ив. Грамотность старинного духовенства Енисейской губернии // Сибирский Архив. – 1915. – № 11. – С. 517–519.
34. Юрганова И. И. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Якутии (XVII – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2014. – № 3. – С. 117–128.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2Чит)

Елена Васильевна Севостьянова,
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Национальные общественные объединения в досуговой сфере Читы в период смены политических режимов и гражданской войны (1917–1920)

Рассматриваются формы участия общественных объединений некоренных этносов Забайкальской области в расширении сферы досуга жителей Читы в период политических потрясений и экономического кризиса. Выявлено, что диаспоры инициировали открытие национальных обществ, несмотря на трудности повседневного быта, открывали библиотеки, устраивали лекции, общедоступные благотворительные вечера, народные гуляния, национальные шествия. Для национальных общественных ассоциаций организация культурного досуга была способом сохранения идентичности и национальной культуры, для досуговой сферы города – одним из способов противостояния архаизации культуры.

Ключевые слова: Гражданская война, досуг, Чита, общественная инициатива в сфере культуры, национальные объединения

Elena V. Sevostyanova,
Chita Institute (branch)
of Baikal State University,
Chita, Russia

National Public Associations in the Leisure Sphere in Chita During the Change of Political Regimes and the Civil War (1917–1920)

The article considers the forms of participation of public associations of non-indigenous ethnic groups of the Transbaikalian region in expanding the sphere of leisure for residents of Chita during the period of political turmoil and economic crisis. It was revealed that the diasporas, despite the difficulties of everyday life, opened libraries, organized lectures, public charity events, folk festivals, and national processions. For national public associations, the organization of cultural leisure was a way to preserve identity and national culture, and for the leisure sector of the city, it was one of the ways to resist the archaization of culture.

Keywords: Civil War, leisure, Chita, public initiative in the field of culture, national associations

Исторически Забайкальская область и ее областной центр Чита имели гетерогенный национальный и конфессиональный состав. Разнообразные миграционные потоки (ссылка, рабочая миграция, движение беженцев в период Первой мировой и Гражданской войн) с разной степенью интенсивности меняли этническую мозаику. Некоторые некоренные этнические группы внесли заметный вклад в развитие разных сфер городской жизни Читы.

Численность горожан в начале XX в. была подвижной. К 1913 г. население Читы выросло до 85 458 человек. Из них русских было 80,2 %, евреев – 7,5 %, поляков – 6,1 %, немцев – 2,5 %, татар – 2,4 %, китайцев и корейцев – 0,7 %, «прочие» национальности (латы-

ши, литовцы, эстонцы, армяне и др.) составляли 0,7 % [12, с. 102]. Этот многонациональный спектр усложнился в годы революций и Гражданской войны, когда в Забайкалье хлынул поток беженцев. В 1920 г., по данным В. И. Василевского, среди них особенно много оказалось башкир [1, с. 91]. В октябре 1918 г. газеты констатировали, что ежедневно из желающих уехать к коменданту города выстраиваются «хвосты» за пропусками на Запад и Восток [21]. По мнению корреспондентов, среди ожидающих в очереди «по крайней мере, третью часть составляли китайцы».

После Февраля 1917 г. межэтническая ситуация в городе оставалась стабильной. Недовольство отдельными некоренными этниче-

скими группами было связано с усложнившимися условиями быта: повышение цен, антисанитария. К примеру, горожане через прессу и в личных заявлениях в городскую управу требовали обратить внимание на «безобразия, творимые китайскими ассенизаторами», которые «во время перевозки нечистот намеренно разбрасывают последние по улицам, чем заражают воздух зловонием» [20]. Осенью 1917 г. по городу ходили слухи, что расхищением леса вокруг Читы «особенно усердно занимаются китайцы». В декабре китайцы-водозы стали просить «особых приплат», а возмущенные жители жаловаться городским властям на «издевательское отношение» китайцев. В начале октября 1917 г. обывателя удивлял скачок цен на картофель [13], а затем столь же «чудесное» исчезновение его с рынков. Обыватель и в этом обвинял китайцев, хотя среди крупных арендаторов огородов были корейцы, евреи, появившиеся в период Первой мировой войны беженцы разных национальностей [2, л. 410]. «Еврейский вопрос» в Забайкалье, как и в Сибири в целом, имел меньшую остроту; хотя случаи проявления антисемитизма были, но в погромное движение не выливались. Еврейская диаспора была интегрирована не только в экономическую, но и в культурно-досуговую жизнь г. Читы. Так, в январе 1916 г. корреспондент газеты «Забайкальская новь» отмечал в Чите аншлаги на концертах еврейской музыки, проводившихся местным еврейским обществом. Хотя в декабре 1917 г. на домах евреев появились надписи «здесь живут жиды», «бей жилов», однако дальше надписей дело не пошло [5]. И причина не только в том, что начальник милиции срочно потребовал провести совместное заседание КОБа и Совета солдатских и рабочих депутатов и принять экстренные меры к недопущению погромов.

Затянувшийся «самый больной» [13] продовольственный кризис заставлял горожан большую часть досуга тратить на стояние в очередях. Как нередко писали в газеты современники, в очередях за продуктами тратится уйма времени, калечится здоровье, копится озлобление, портятся нравы. В этих условиях диаспоры были вынуждены заниматься вопросами снабжения. В Чите появились Польское общество потребителей (устав утвержден 4 декабря 1918 г.) и мусульманское торгово-промышленное продовольственное товарищество, открывшее собственный магазин.

Как отметила И. В. Нам, Первая мировая война, революции, Гражданская война активизировали национально-культурную и обще-

ственно-политическую деятельность диаспор, переместив центр тяжести жизни диаспор от церкви к светским организациям [15]. Отмена после Февраля 1917 г. сословных, вероисповедных, национальных ограничений стимулировала процессы создания национально-культурных объединений. Так, было образовано «Читинское общество кавказцев». С осени 1918 г. поляки Иркутска инициировали создание польских гмин – низовых структур национального самоуправления, сеть которых должна была объединять польские диаспоры разных городов Сибири и Дальнего Востока. В мае в Чите прошли выборы в члены правления гмины. В числе прочих задач гмины должны были заниматься культурно-просветительной работой: устраивать лекции, концерты, спектакли, литературные вечера [14; 15, с. 327–328].

Конкретные формы расширения диапазона досуговых практик горожан были различными. Так, уже в марте 1917 г. вновь возникшее в Чите объединение еврейской молодежи «Кадина» объявило о начале издания журнала «Даркэйну» [10]. Летом 1917 г. активно действовал еврейский спортивный клуб «Маккаба». Польское республиканско-демократическое общество летом 1917 г. открыло национальную библиотеку. Некоторые формы деятельности, по сути, решали сразу несколько задач: общественно-политические, культурно-досуговые, благотворительные. Так, 4 июля 1917 г. состоялась платная публичная лекция Л. С. Цыбина «Мировая война и евреи», сбор с которой предназначался в пользу семьи погибшего Гуревича и Читинской сионистской организации.

«Удачный в материальном отношении» благотворительный «польский» вечер в пользу Польского военного союза прошел 30 ноября 1918 г (торжественное открытие Польской военной лиги состоялось 3 ноября) [22]. В программе были: доклад председателя союза кс. Медушевского «Политическое положение Польши», народные песни и танцы. Как писали газеты, «особенно понравилось зрителям лихое исполнение польской мазурки». Польское республиканско-демократическое общество стало устраивать «вечерние беседы на современные общие политические темы и об отношении поляков к теперешним событиям» [8]. Такие же беседы проходили на окраине Читы – Дальнем Вокзале в здании польской школы. На беседы приглашались не только поляки, но и «все сочувствующие». В «Польском доме» каждую субботу с октября 1917 г. устраивали семейные вечера с танцами [6].

Крупной национальной диаспорой в Забайкалье была украинская, проживавшая компактными группами в Чите, Верхнеудинске, Хилке, Оловянной. По данным В. И. Василевского, украинцев в области было не менее 10 тыс., а после Февральской революции численность их значительно выросла за счет беженцев. После революции была создана «Украинская громада за Байкалом», важной целью которой было сохранение идентичности: обучение на родном языке, сохранение традиций. В культурно-досуговой сфере украинцы в основном устраивали концерты и «народные гуляния». Так, 20 июля 1917 г. в саду Жуковского громада организовала общегородское доступное (35 коп. со взрослого и 25 коп. с детей) «украинское гуляние» с исполнением национальных песен и танцев, с продажей блюд украинской кухни [19]. Образовавшееся кооперативное товарищество украинцев решило часть своих доходов направлять на культурно-просветительные нужды: читальни, библиотеки, национальные школы, поддержание «живой связи» с исторической родиной.

Одной из насущных задач национальных диаспор была помощь беженцам. Так, в ноябре 1919 г. в г. Чите количество нуждавшихся в помощи евреев было определено в 200 человек [15, с. 322]. Всего в Чите действовали три национальных общества помощи беженцам: польское, литовское и еврейское. Забайкальское литовское общество за 1917 г. сумело собрать 7 646 р. 79 коп. (общий расход составил 6 997 р. 15 коп., на беженцев было потрачено 4 019 р. 73 коп.) [18]. За счет общества были устроены 20 беженцев-литовцев, которые бесплатно пользовались квартирой, отоплением, освещением. Ежемесячно детям и старикам выдавались продовольственные пайки (от 20 до 35 пайков в месяц).

На содержание школы для детей литовских беженцев и местных литовцев было потрачено 1 228 р. 67 коп. Активную благотворительную деятельность вели национальные меньшинства, исповедовавшие ислам (татары, башкиры). По сообщению национального управления мусульман, к мусульманскому празднику 17 июня 1920 г. для угощения солдат-мусульман, бедных и мусульман, содержащихся в тюрьмах, было по подписным листам получено от 24 коллективных и индивидуальных жертвователей 662 402 р.: от товарищества Иктисад (100 тыс. р.), Богатиева (50 тыс.), мусульманского торгово-промышленного товарищества (50 тыс.), Г. Исмагилова (36 тыс.), Ч. Рахматуллина (25 тыс.), столо-

вой «Петроград» (15 тыс.), ресторана «Эдем» (15 тыс.), С. Ахтямова (10 тыс.) [16]. Другим способом сбора пожертвований была организация благотворительных вечеров, которые расширяли сферу досуга горожан. Так, 28 февраля 1920 г. в театре Штаба Забайкальского военного округа мусульманский кружок устроил благотворительный вечер, чистый сбор с которого был предназначен для инвалидов и детей: 75 % – в пользу инвалидного дома им. атамана Семенова, 25 % – в пользу учащихся сирот-мусульман. В программе были пьеса на татарском языке «Ревнивый муж», «Живая картина» «Окоп» и национальные танцы [17].

Проводились в городе и «многонациональные» мероприятия. Так, в сентябре 1917 г. по инициативе Читинского отделения Союза городов в Мариинском театре был устроен благотворительный «большой разнохарактерный общенациональный вечер» с концертом, лотерей-аллегри, танцами. Средства предназначались в пользу больных и раненых воинов. В ноябре 1918 г. была намечена широкая общегородская программа (с литературно-музыкальными утрами, спектаклями, театральными миниатюрами, «большим концертом», танцами, благотворительными мероприятиями) в честь «Дня Иркутского университета» [4].

Среди трансграничных диаспор самой крупной была китайская. Читинский окружной суд 20 ноября 1918 г. зарегистрировал новое национальное товарищество «Восточно-Сибирский областной китайский национальный союз» и его устав [3]. Союз имел сеть местных отделений (по данным В. Г. Дацышена, в 1919 г. – 9). Среди форм культурно-просветительной работы были заявлены лекции, чтения, библиотеки и читальни, курсы языков, издание учебников и книг на китайском и русском языках.

Китайская диаспора и Восточно-Сибирский китайский национальный союз стали инициатором крупного городского события, не типичного для Читы – торжественного национального шествия с флагами, плакатами и музыкой. Поводом для шествия 22 декабря 1918 г. было заключение перемирия с Германией [7]. К этой дате Союз приурочил и свое официальное открытие. Плакаты для шествия подготовили отделы Союза в Верхнеудинске («Да здравствует единение народов!»), Сретенске (Люди мира, протяните друг другу руки!), Чите («Да будет вечны мир среди народов!»), Нерчинске («Мир – залог преуспеяния народов!»), станции Куэнга («Раз и навсег-

да конец войне!»), от Черновского («Народы мира – братья!»), Ксениевского («Братья, не должно больше быть вражды!»), Тарбагатайского («Да здравствует содружество народов!»). На плакате китайского союза было написано «Мир для мира!», монгольского союза – «Слава союзникам!». Корреспондент газеты «Забайкальская новь» писал: «по этим плакатам можно судить, как о составе союза, так и о том, насколько серьезный акт увидел миролюбивый и жаждущий всеобщего мира китайский народ в заключении перемирия между воюющими государствами» [11]. По дороге шествие останавливалось, чтобы выслушать приветствия от штаба японской 3-й дивизии, от представителя американских войск, от польского военного комитета, областного комиссара, от штаба армии атамана Семенова. У пасажа Второва шествие закончилось произне-

сением речей представителями японской, американской и других миссий [23]. Затем состоялся торжественный обед национальной китайской кухни для гражданской и военной власти.

Таким образом, в условиях смены политических режимов, затянувшихся кризисов (продовольственного, коммунального, энергетического), угрозы эпидемий, роста преступности и разных форм девиантного поведения, стремительной архаизации быта в деятельности национальных общественных объединений прослеживалась тенденция сохранения, актуализации и развития этнической целостности и идентичности. Открытие школ и библиотек, проведение семейных вечеров и лекций, постановка спектаклей на родном языке, благотворительные практики не только способствовали этнической консолидации, но и расширяли сферу досуга горожан.

Источники и литература

1. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. – Чита: Поиск, 2000. – 182 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 226. – Оп. 1. – Д. 55.
3. Дацышен В. Г. История Восточно-Сибирского китайского национального союза // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46, № 1. – С. 653–661.
4. День Иркутского университета // Забайкальская Новь. – 1918. – № 3024. – 2 нояб.
5. Забайкальская Новь. – 1917. – 14 дек.
6. Забайкальская Новь. – 1917. – 21 окт.
7. Забайкальская Новь. – 1918. – 18 дек.
8. Забайкальский рабочий. – 1917. – 9 июня.
9. Забайкальский рабочий. – 1917. – № 120.
10. Известия Комитета общественной безопасности. – 1917. – 26 марта.
11. К. В. Открытие Восточно-Сибирского китайского национального союза // Забайкальская Новь. – 1918. – 24 дек.
12. Кискидосова Т. А. Национально-конфессиональный состав города Читы во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 99–103.
13. Колобов М. Продовольственное «совещание» // Забайкальская новь. – 1917. – 10 сент.
14. Нам И. В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2014. – Т. 10. – С. 34–49.
15. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск: Изд. Томск. ун-та, 2009. – 496 с.
16. Пожертвования к празднику // Восточная окраина. – 1920. – 8 июля.
17. Севостьянова Е. В. Досуговые практики жителей Читы в период политического режима атамана Семенова: частные и общественные инициативы в организации культурного досуга // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири / отв. ред. Д. И. Петин. – Омск: ОмГТУ, 2019. – С. 211–216.
18. У литовцев // Забайкальская Новь. – 1917. – 21 дек.
19. Украинское гуляние // Забайкальская Новь. – 1917. – 20 июля.
20. Хроника // Забайкальская Новь. – 1917. – 3 янв.
21. Хроника // Забайкальская Новь. – 1918. – 3 окт.
22. Хроника // Забайкальская Новь. – 1918. – 3 дек.
23. Хроника // Забайкальская Новь. – 1918. – 24 дек.

УДК 94
ББК 63.3(2)

Владимир Григорьевич Дацышен,
Институт востоковедения Российской академии наук,
г. Москва, Россия,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Японоведы и японоведение в Забайкалье в годы Гражданской войны. На пути к трагедии¹

Статья посвящена проблемам истории пребывания японоведов в Забайкалье в годы гражданской войны и развитию японоведения в Чите. Восстанавливается деятельность японистов, как служивших в белой армии (В. Н. Крылов и М. П. Григорьев), так и перешедших на службу сторонников – большевикам (К. А. Харнский, Н. П. Овидиев, А. Н. Петров, Н. А. Спешнев). Показано развитие японоведческого образования и научные достижения японистов. Работа написана на основе архивных документов, материалов периодики, научных работ японоведов и публикаций исследователей. История японоведов и японоведения в Забайкалье в годы гражданской войны остаётся интересной страницей местной истории и неотъемлемой составляющей российской японистики.

Ключевые слова: японоведение, Чита, японская военная интервенция в Забайкалье, В. Н. Крылов, М. П. Григорьев, К. А. Харнский, Н. П. Овидиев, А. Н. Петров, Н. А. Спешнев

Vladimir G. Datsyshen,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia,
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia

Japanese Studies and Japanese Studies in Transbaikalia During the Civil War. On the Way to Tragedy

The article is devoted to the problems of the history of Japanese studies in Transbaikalia during the civil war and the development of Japanese studies in Chita. The activity of the Japanese, both those who served in the white army (V. N. Krylov and M. P. Grigoriev), and those who joined the service of supporters of the Bolsheviks (K. A. Harnsky, N. P. Ovidiev, A. N. Petrov, N. A. Speshnev), is restored. The article shows the development of Japanese studies education and scientific achievements of the Japanese. The work is based on archival documents, periodical materials, scientific works of Japanese scholars and publications of researchers. The history of Japanese studies and Japanese studies in Transbaikalia during the civil war remains an interesting page of local history and an integral part of Russian Japanese studies.

Keywords: professional activities of Japanese studies, Chita, Japanese military intervention in Transbaikalia, V. N. Krylov, M. P. Grigoriev, K. A. Harnski, N. P. Ovidiev, A. N. Petrov, N. A. Speshnev

Российское японоведение зародилось в Восточной Сибири и в Санкт-Петербурге в начале XVIII в., когда привезенные с Дальнего Востока японские моряки начали преподавать японский язык. Однако в России до конца XIX в. не появилось ни профессиональных японистов, ни собственной японоведческой школы. Как отмечают исследователи: «Петербургская школа в 1753 г. была переведена в Иркутск... В Петербурге и Иркутске японская школа име-

ла выпускников, известны имена некоторых из них, но никто из них никак себя профессионально не зарекомендовал... В 1816 г. школа в Иркутске была закрыта» [1, с. 16–17]. Ситуация не изменилась и после начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете во второй половине XIX в. В Сибири, в том числе и в Забайкалье, до начала XX в. не появилось даже ни одного переводчика японского языка.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017).

Начало современному российскому японоведению было положено открытием в 1899 г. во Владивостоке Восточного института с китайско-японским отделением. К началу русско-японской войны 1904–1905 гг. на востоке России уже имелось около десяти человек, овладевших основами японского языка и культуры. По данным японского исследователя М. Икута, во время войны на фронте было задействовано 11 переводчиков японского языка, 8 из которых были направлены Восточным институтом [24, с. 73]. Правда, в прифронтовом Забайкалье к началу войны по-прежнему японистов не было. Во время русско-японской войны японисты в Забайкалье периодически бывали. В числе студентов Восточного института, направленных в качестве переводчиков в армию, был Леонид Алексеевич Богословский, который, по причине плохого здоровья, попал не на фронт, а сопровождал военнопленных японцев, направленных через Забайкалье на запад [25, с. 163].

Во время русско-японской войны первое высшее учебное заведение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке переехало на время из Владивостока в Забайкалье. В Верхнеудинск Восточный институт прибыл в специальном поезде в начале февраля 1905 г. Вместе с директором, первым русским ученым японоведом Д. М. Позднеевым, были профессор японской словесности Е. Г. Спальвин и лектор японского языка З. А. Маеда. В Забайкалье переехали 77 студентов и слушателей [20, с. 30]. Однако в условиях войны наладить нормальную работу этого учебного заведения в Забайкалье так и не удалось, и осенью 1905 г. Восточный институт вернулся во Владивосток.

До революции 1917 г. Восточный институт во Владивостоке по японскому отделению закончили несколько десятков студентов и офицеров-слушателей, благодаря чему японоведы появились не только и в штабе Приамурского, но и в штабе Иркутского военного округа. Например, 1917 г. Иркутскую школу прапорщиков закончил выпускник японского отделения Восточного института и будущий преподаватель Восточного факультета Дальневосточного университета Зотик Николаевич Матвеев.

Ключевым периодом в истории России XX в. стала Гражданская война 1918–1922 гг. До настоящего времени существуют разные взгляды на это событие, в том числе исследователи предлагают и разные периодизации. Мы полагаем, что начало гражданской войне было положено силовым захватом власти

большевиками. Эта политическая партия, проиграв выборы в Учредительное собрание, вооруженным путем захватила власть, сделав невозможным мирное завершение процесса создания легитимных органов власти Российской Республики. Окончанием Гражданской войны следует считать 1922 г., когда завершился процесс установления советской власти на Дальнем Востоке и когда после введения НЭП в РСФСР пошла на спад борьба российского крестьянства против большевиков. Для Забайкалья рубежным событием следует считать ликвидацию в конце 1922 г. Дальневосточной республики.

Вопрос присутствия японоведов и японоведения в Забайкалье в 1918–1922 гг. обусловлен тем фактом, что в годы гражданской войны Чита сначала была центром японского военного присутствия в Восточной Сибири, а затем – столицей Дальневосточной республики, созданной большевиками для мирного вытеснения японских интервентов с востока России. Но в литературе, посвящённой истории гражданской войны в Забайкалье, при рассмотрении русско-японских взаимоотношений проблема русского японоведения не затрагивается, и даже в публикациях документов о русско-японских переговорах нет намеков на присутствие русских переводчиков. Если и вспоминают современные историки гражданской войны японоведов в Сибири, то обычно упоминают лишь имя воспитанника Окружной подготовительной школы переводчиков при Восточном институте Алексея Николаевича Луцкого. Этот офицер не прошел полный курс японоведческого образования для офицеров, так как после начала Мировой войны прекратил свое обучение в Японии и начал службу в Иркутске. После революции 1917 г. в России, он, как и большинство офицеров-тыловиков, поддержал лево-радикальные антивоенные силы, вступил в партию эсеров, и стал первым председателем Иркутского Совета солдатских депутатов. Этот японоведа получил широкую известность в связи с тем, что был арестован японцами и погиб вместе с одним из лидеров большевиков Сергеем Лазо. Таким образом, вопросы, связанные с деятельностью русских японоведов в Забайкалье в годы гражданской войны, до сих пор остаются неизученными. В трудах по истории японоведения лишь изредка упоминается о том, что некоторые японисты работали какое-то время в Чите.

Сообщество российских японоведов в условиях Гражданской войны, как и все российское общество, оказалось расколотым. Но

раскол произошел не по классовому или сословному принципу, люди оказались по разные стороны баррикад отчасти в силу особенностей мировоззрения или по воле случая. Большинство японоведов, как и значительная часть российского населения, во время гражданской войны успели послужить и в белых, и в красных воинских формированиях. Участие японоведов в гражданской войне, как и их судьбы в будущем, во многом определялись фактом японской военной интервенции на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, а также активностью японской дипломатии и разведки на востоке России.

Остается непреложным тот факт, что на советско-японских переговорах в Забайкалье коммуникация осуществлялась на русском языке, многие японские чиновники владели русским, в других случаях в качестве посредников выступали переводчики-японцы. У белых в Забайкалье были свои японоведы, но их деятельность осталась незамеченной в общественно-политической среде. Такая ситуация была обусловлена тем, что японцев, изучавших и выучивших русский язык, было гораздо больше, чем русских японистов. Верхнеудинская газета писала: «...за исключением студентов японского отделения Восточного института число русских, знакомых с японским языком, крайне ограничено, что представляет большое неудобство ввиду развивающихся русско-японских отношений» [30]. То же самое отмечала томская газета: «в настоящее время японцев, знающих русский язык, гораздо больше, чем русских, знающих японский» [32].

Годы японской интервенции стали временем активизации японской русистики. Газета «Прибайкальская жизнь» в начале 1919 г. сообщала: «Русско-японским обществом в городе Владивостоке решено открыть...школу русского языка... Среди владивостокских японцев заметно стремление к изучению русского литературного языка и одиночками японцы занимаются у русских учителей. К сожалению, того нельзя сказать о русских» [30]. В Забайкалье японцы также проявляли интерес к русскому языку. В читинских газетах во время гражданской войны встречались такие объявления: «Японскому офицеру нужна учительница по русскому языку, знающая английский язык» [11].

Японские русисты в годы гражданской войны проявляли большой интерес к России, не обошли они своим вниманием и Восточную Сибирь. Читинская газета «Восточный Курьер» в августе 1919 г. писала: «На днях в Читу из Иркутска прибыла группа студентов

Токийского Института иностранных языков под руководством профессора этого института г. г. Судзуки и Ясуги, цель экскурсии – ознакомление с Дальним Востоком России. Третьего дня, 31 июля, состоялся ужин, устроенный Начальником Штаба 3-й Японской дивизии капитаном Мацamura, на который были приглашены приехавшие профессора, прибывший с ними издатель и редактор журнала “Тай-ио” г. Цубоя офицера штаба 3-й японской дивизии и редактор нашей газеты С. Г. Гортинский... Профессор Судзуки, окончивший в Петроградском университете историко-филологический Факультет и великолепно владеющий русским языком, сказал: я очень люблю Россию и жил в Сибири. Дай Бог, чтобы крепки дружественные отношения между нами и русскими... Профессор Ясучи в разговоре с г. Гортинским интересовался постановкой дела в русских учебных заведениях и вообще делом образования в России. Профессор Ясучи тоже великолепно владеет русским языком, который и преподает в Токийском институте» [6].

В столице Восточной Сибири японский язык начали преподавать для военных еще до революции 1917 г. В Забайкалье же к этому времени еще не существовало какого-либо японоведческого образования. Именно в период гражданской войны в столице Забайкалья появились разные проекты, реализованные или так и оставшиеся на бумаге, учебных курсов японского языка для местного населения. Первое учебное заведение, где было введено преподавание японского языка, – открытая в 1918 г. Читинская военная школа, вскоре преобразованная в военное (юнкерское) училище. Газета «Восточный Курьер» писала: «Японские офицеры предполагают организовать в Читинском Военном Училище курсы изучения японского языка. Согласие начальствующих лиц русского командования на введение этого предмета уже давно получено» [7]. В 1919–1920 гг. в газетах регулярно публиковалось объявление за подписью воспитанника Восточного института подполковника В. Н. Крылова: «Даю уроки японского языка, теория и практика. Групповые на особых льготных условиях. При усвоении первоначального курса грамматики разговорного языка, к услугам учащихся приходящий на лекции японец для практических занятий» [5; 12; 13].

Во время гражданской войны на востоке России не было каких-либо государственных учреждений или общественных организаций, объединявших русских японоведов и интересующихся связями с Японией представителей

общественности. Русско-японское общество с центром в Петрограде имело, например, отделения лишь во Владивостоке, Харбине и Николаевске-на-Амуре [3, с. 33–46], его деятельность не распространялась на Сибирь. Правда, в 1919 г. МИД колчаковского правительства проявляло инициативу создания Русско-японского общества с центром в Омске по образцу активно действовавшего тогда в Японии, Маньчжурии и на Дальнем Востоке России Японо-русского общества [17, л. 16]. Следует отметить, что членами Японо-русского общества, созданного в Токио в 1912 г., были и русские, например, японоведы П. Ю. Васкевич, Г. А. Розен, В. Н. Осипов, И. Я. Блонский и др. В Сибири же отделений этой организации зафиксировано не было.

Забайкалье с 1918 г. стало центром японской военной интервенции в Сибири, а лидер белого движения в этом регионе атаман Г. М. Семенов имел тесные связи с Японией и имел в своих войсках японских добровольцев. Это обусловило появление в Чите в этот период русских японистов.

Наиболее ярким и активным японоведом в годы Гражданской войны в Сибири был подполковник Василий Николаевич Крылов. Этот офицер, воспитанник Восточного института и школы переводчиков при штабе Приамурского военного округа, еще до революции стал крупнейшим в России специалистом по японской армии. Служа в штабе Заамурского округа Пограничной стражи, опубликовал серию работ о японской армии. В 1914 г. в Харбине вышло сразу четыре публикации «военно-академического характера», в том числе «Вопросы японской конницы. Справочник современной организации конницы в Японии с приложением общих сведений о японских сухопутных силах» и «Краткие сведения о японских сухопутных войсках. С приложением географических и статистических данных о Японии. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко (1914)» [27, с. 196].

В 1917 г. ротмистр В. Н. Крылов вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров), а затем служил в частях армии атамана Г. М. Семенова в Забайкалье, дослужившись в 1919 г. до должности исполняющего обязанности начальника контрразведывательного отделения штаба округа. Исследователи пишут: «Исходя из наших стереотипов о Гражданской войне и колчаковской контрразведке, трудно представить себе службу, менее совместимую с наукой. Тем не менее, в указанный период у нашего героя выходят новые книги: “Библия японского солдата и матроса. К

познанию японской армии” (1919); “Очерки японской армии” (1919); “Русско-японские практические разговоры. Вып. 1. Приветствия – айсацу. Разговоры, подстрочный словарь к ним и сведения из грамматики японского разговорного языка” (1920); “Русско-японские разговоры. С кратким русско-японским словарем” (1921). Поистине фантастическая плодovitость для автора, существующего в условиях Гражданской войны с двумя маленькими детьми на руках, и, как сказано в его следственном деле, все это время ведшего «активную борьбу с Советской властью в районах Восточной Сибири!» [Там же, с. 197].

Действительно, в условиях революции и войны В. Н. Крылов показал удивительную результативность своего японоведения. В 1918 г. в Харбине была издана работа ротмистра Крылова «Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооруженных сил» [26]. Интересным представляется введение к работе, написанное японоведом В. Н. Крыловым во время начала японской военной интервенции в России. Ротмистр Крылов писал: «Выпуск предлагаемого Справочника вызван тем обстоятельством, что на книжном рынке в настоящее время замечается полное отсутствие каких-либо изданий, дающих верные сведения о современной Японии и ознакомиться с устройством ее армии. Говорить о необходимости изучения в данное время Японии для тех, кто имеет к ней какое-либо отношение, и ее военных сил, конечно, не приходится; разница лишь в том, что раньше мы изучали японцев как наших вероятных противников – теперь мы должны изучать их как наших союзников, друзей: ведь знать необходимо как врага, так и друга» [Там же, с. 3]. Что касается самого издания, то японовед писал: «К сожалению. Издать настоящую работу в том объеме и виде, в каком она задумана и приготовлена к печати, не удалось. Недостаточность отпущенных (заимообразно) на издание Справочника средств... заставила значительно сократить объем книжки... выпустить ее в урезанном виде... В декабре месяце предполагается выпустить особое “Дополнение” к Справочнику...”» [Там же].

В Чите В. Н. Крылов не прервал своей работы по изучению японской армии, а также активно популяризировал свои труды и японистику вообще. В читинской газете «Восточный Курьер» за 25 ноября 1919 г. была напечатана большая статья В. Н. Крылова «Священные сокровища Японии». Работая в штабе войск атамана Семенова, подполковник В. Н. Кры-

лов публиковал на страницах местной газеты свой «Русско-японский словарь» и главы из книги «Очерки японской армии». Уже летом 1919 г. в читинской газете «Восточный Курьер» начали печатать «Очерки японской армии» [4; 8–11]. В январе 1920 г. в читинской газете печаталось объявление «поступили в продажу новые книги и брошюры, составленные подполковником Крыловым: 1. Очерки Японской армии. 2. Библия японского солдата и матроса. 3. Японо-русский алфавитный военный словарь. 4. Пригодный для солдат (транскрипция, перевод и иероглифические обозначения военных терминов)» [13].

В Чите в 1919–1920 гг. В. Н. Крылов преподавал японский язык. В местных газетах размещались его объявления следующего содержания: «Даю уроки японского языка, теория и практика. Групповые на особых льготных условиях. При усвоении первоначального курса грамматики разговорного языка, к услугам учащих приходящий на лекции японец для практических занятий» [5; 12; 13].

После вывода японских войск и отступления армии атамана Г. М. Семенова В. Н. Крылов выехал во Владивосток. После установления на Дальнем Востоке советской власти японоведу выехал в Харбин, где продолжил свою японоведческую работу. Но в 1934 г. В. Н. Крылов вернулся на родину, но в Москве ему уже не дали возможности полноценно работать, а вскоре вместе с другими советскими японоведами расстреляли как «японского шпиона».

Во время Гражданской войны начал свой путь в японоведение выпускник Читинской гимназии 1918 г. Михаил Петрович Григорьев. По окончании гимназии он поступил в Читинскую военную школу, вскоре преобразованную в военное (юнкерское) училище, где преподавался японский язык. М. П. Григорьев был назначен переводчиком японского языка в японской военной миссии в Чите и дослужился в войсках атамана Г. М. Семенова до поручика. Вместе с отступающими интервентами М. П. Григорьев выехал в Японию, где создал семью и связал свою жизнь с преподавательской работой и научным японоведением [28, с. 333]. Составитель первого в России издания работ М. П. Григорьева в 1996 г. написала: «Есть переводчики, мастерство которых ошеломляет... Выпускник читинского военного училища, двадцатилетним поручиком он оказался в Японии, где нашел вторую родину, женился на японской девушке, получил японское гражданство. За сравнительно небольшой срок – с 1935 по 1943 г. – он познако-

мил русскую эмиграцию на Дальнем Востоке с творчеством всех японских писателей первой половины XX в.» [29].

С участия в Гражданской войне начал свой путь в японоведение иркутянин, будущий японист-разведчик Владимир Михайлович Константинов. Приняв участие в военных действиях в составе Народно-революционной армии Дальневосточной республики, в 1921 г. он поступил на восточное отделение Иркутского университета [33, с. 22]. Участие в гражданской войне на территории Восточной Сибири, без сомнения, оказало влияние на выбор будущей профессии В. М. Константинова, но пока трудно сказать, начал ли он изучать японский до своей службы в Забайкалье.

Среди известных офицеров-японоведов, оказавшихся в Восточной Сибири в 1920 г., был родной дед выдающегося российского Китаевода Николая Алексеевича Спешнева – бывший офицер колчаковской армии Николай Алексеевич Спешнев. В конце 1919 г. Н. А. Спешнев попал в плен к красным в Ново-Николаевске. В начале 1920 г. его освободили из заключения и прикомандировали к отделу снабжения в Красноярске, а затем перевели в штаб 5-й армии в Иркутске. Китаевед Н. А. Спешнев писал о своем деду: «ему было поручено организовать преподавание японского языка в Иркутском университете. С трудом он нашел несколько учебников... но заняться преподавательской деятельностью так и не пришлось, так как в начале августа его назначили сопровождать миссию комиссара В. С. Шатова во Владивосток для переговоров с японским генералом Такаяначи. По окончании этой миссии 20 сентября Николай Алексеевич был откомандирован в распоряжение агентства Дальта... во Владивостоке» [34, с. 21].

После победы советской власти в Иркутске в 1920 г. столица Восточной Сибири на некоторое время становится одним из центров нового советского японоведческого образования. Иркутские исследователи пишут: «В 1920 году народный комиссар просвещения “признал желательным” при факультете открыть курсы японского языка» [23, с. 316]. Более ста человек записались на курсы японского языка, среди которых был и будущий великий писатель Ярослав Гашек. В Иркутске стали печатать листовки и пропагандистскую литературу на японском языке. Но Дальневосточная республика с центром в Чите также нуждалась в японоведах.

В начале 1921 г. в Читу из Китая приезжает на работу Константин Андреевич Харнский.

Штабс-капитан К. А. Харнский с 1912 по 1914 г., после предварительной подготовки в Восточном институте, учился в Японии, но затем был отозван на фронт, где поучил несколько боевых орденов и тяжелое ранение. Этот японоведа после возвращения с фронта, как и большинство российских дворян, с 1917 по 1922 г. служил во всех правительствах на Дальнем Востоке, был и депутатом Хабаровского Совета, и переводчиком Дальзохраны колчаковского правительства, и помощником начальника разведывательного отделения штаба войск Земской управы [16, л. 4]. Из Владивостока капитана К. А. Харнского в начале 1921 г. направили в Читту, и с марта 1921 г. он возглавил информационный отдел МИД ДВР. Исследователи пишут, что с марта 1921 г. он «занимается изданием газеты «Дальневосточный путь» и журнала «Вестник ДВР»... В 1922 г. становится заведующим Дальневосточного бюро печати при ЦК РКП(б). Одним из результатов его политико-просветительской деятельности стала книга «Япония», изданная в Чите в 1923 г.» [19, с. 214].

В воспоминаниях советского историка А. Т. Якимова говорится: «С Константином Андреевичем Харнским мне довелось встречаться и сотрудничать в 1921 г. в Чите и затем в 1930–31 гг. во Владивостоке. Мне помнятся встречи с Константином Андреевичем на заседаниях и совещаниях в бюро комфракции Учредительного собрания Дальневосточной республики в период февраль-апрель 1921 года в Чите... Тов. Харнский приглашался на заседании комфракции как специалист по Японии и Китаю в качестве консультанта при разработке комфракции выступлений и проектов постановлений по вопросам взаимоотношений ДВР с Японией и Китаем, вносимых комфракцией на пленарные заседания Учредительного собрания. Консультации Константина Андреевича были полезны и высоко ценились комфракцией. Позднее, после окончания работы Учредительного собрания, я работал с мая по декабрь 1921 года в Военно-Политическом Управлении Народно-Революционной армии Дальневосточной республики начальником отдела, и мне доводилось довольно часто встречаться с тов. Харнским, как по вопросам политработы в частях НРА, так и особенно по организации пропаганды среди войск японских интервентов... тов. Харнский проявил себя не только как крупный ученый, но и как активный политический деятель, поставивший свои научные знания на службу задачам Дальневосточной Парторганизации и политорганов НРА» [15, л. 11–12]. Другие со-

ветские исследователи писали: «По возвращении в 1922 году заведовал Бюро печати Дальбюро ЦК РКП в г. Чите, много писал о Китае, Японии и обстановке на Дальнем Востоке в большевистских читинских газетах, участвовал в политпросветительской армейской работе. Итогом этой работы явилась книга «Япония», без указания автора, изданная в Чите в мае 1923 г. Книга написана в форме популярных бесед-лекций, видимо, читавшихся К. А. Харнским для военнослужащих дальневосточной армии. Книга делится на 22 беседы... этой небольшой книжке с предельно простотой он старался передать свои разнообразные знания, личные наблюдения во время пребывания в Японии, свой опыт» [Там же, л. 4–5]. Таким образом, будущий ведущий советский востоковед К. А. Харнский, которого называют первым историком-марксистом в части истории Востока, в гражданскую войну занимался почти исключительно политико-пропагандистской работой, но именно в Чите в 1923 г. начался его путь в научное японоведение.

В сентябре 1922 г. в Читту приехал из Владивостока выпускник японского отделения Восточного института Аркадий Николаевич Петров [14, л. 24]. Этот японоведа с 1917 г. работал в Восточном институте по кафедре экономики и кооперации, выезжал в командировки в Японию и в Китай, а с декабря 1921 по август 1922 г. был уполномоченным владивостокского Комитета Помгола, работая одновременно консультантом Внешторга. В Чите японоведа А. Н. Петров в течение года работал профессором Института народного образования и инспектором внешней торговли ДВР. Кроме того, в 1923 г. он занимал должность секретаря ЭКОСО Дальревкома, был членом Президиума Дальплана, а затем заведовал отделением нормативов Дальневосточной Рабоче-крестьянской инспекции (ДальРКИ).

В 1922 г. в Читту приехал молодой, но уже опытный японист Николай Петрович Овидиев. Исследователь Э. В. Ермакова пишет: «Весной 1918 г. по окончании Восточного института отправился в качестве корреспондента... в Японию... Осенью 1922 г. ...прибыл во Владивосток и поступил преподавателем японского языка в Коммерческое училище... Однако был вызван на работу в Министерство иностранных дел Дальневосточной республики в г. Читту. Когда прибыл на место, ДВР была уже упразднена и Николай Петрович поступил в распоряжение Секретариата Дальревкома в качестве информатора-японоведа и одновременно был прикомандирован к разведыва-

тельному отделу штаба 5-й армии для выполнения секретных поручений» [21, с. 9]. В анкете Н. П. Овидиева было отмечено: «Место службы – Информационный отдел Дальревкома; основная специальность – японоведение; адрес – Енисейская ул., д. Кирилова, во дворе 2-й этаж флигеля; беспартийный» [31, л. 48].

Таким образом, в 1922 г. в столице Дальневосточной республики, накануне ее упразднения, была собрана группа из ведущих советских японоведов. Всех их командировали из Владивостока для организации политико-пропагандистской работы, разведывательной деятельности и преподавания в местном Институте народного образования. Чита на некоторое время стала одним из центров советского японоведения и была включена в систему формировавшегося нового советского востоковедения. 3 октября 1922 г. в Чите был создан Дальневосточный отдел Всероссийской научной ассоциации востоковедения (ДВО ВНАВ). Дальневосточная Государственная публичная библиотека в декабре 1922 г. приступила к организации специального восточного отделения [Там же, л. 6]. На втором заседании секции 12 декабря рассматривался «проект подготовительных курсов восточных языков для комсостава» [Там же, л. 42].

В рамках работы ДВО ВНАВ на базе Института народного образования была организована научная и просветительская работа японоведов. 24 декабря 1922 г. на 2-м заседании ДВО ВНАВ состоялась лекция Н. П. Овидиева «Современна Япония» [Там же, л. 7]. Мероприятие прошло в Читинском Институте народного образования. В отчете говорилось: «Докладчиком выступал т. Н. А. Овидиев, молодой ученый японовед, недавно вернувшийся из Японии, где он жил с 1918 г., работал над изучением страны. Доклад, громадный по обилию фактического материала, затянулся на целых два часа, и тем не менее, очевидно, не исчерпал полностью темы, т. к. еще до окончания доклада к председателю проф. Гребенщикову стал поступать от аудитории ряд записок, из которых некоторые включали в себя по 10–15 вопросов... В то же время в качестве содокладчиков записались ряд товарищей... Доклад грозил затянуться, поэтому президиум решил прения, ответы на вопросы и заключение докладчика перенести на следующее заседание» [Там же, л. 9].

Следующая лекция состоялась в январе 1923 г., она также посвящена Японии. Читал ее известный исследователь Забайкалья П. Д. Лежнин. В дискуссии принимали участие К. А. Харнский, А. Н. Петров и др. Н. П. Ови-

диев старался избегать публичных лекций, как он писал в анкете: «от публичных выступлений воздерживаюсь за отсутствием дара слова, препятствующем ясному, точному и полному выражению своих мыслей» [Там же, л. 48].

Период развития читинского японоведения оказался не долгим. Осенью 1923 г. все японисты покинули Забайкалье. Н. П. Овидиев уехал в Иркутск. В начале 1923 г., как сообщалось в иркутской газете «Университетское слово», «Предметная комиссия востоковедения избрала Н. П. Овидиева на должность ассистента при кабинете японского языка. Избрание утверждено президиумом Фона. Возбуждено соответствующее ходатайство перед правлением» [35]. И осенью 1923 г., получив приглашение от Иркутского университета, японовед Н. П. Овидиев выехал в Иркутск для преподавания японского языка. Правда, иркутский период в биографии японоведа оказался недолгим по причине сворачивания востоковедного образования в Иркутском университете. Н. П. Овидиев уехал работать во Владивосток. К. А. Харнский в 1923 г. тоже вернулся во Владивосток, где стал одним из лидеров не только владивостокского, но и всего советского востоковедения. А. Н. Петров в октябре 1923 г. уехал из Читы в Москву, где в 1920-х гг. был очень востребован в высших учебных заведениях и правительственных структурах.

После выезда из Читы все японоведы несколько лет работали успешно и плодотворно, подняв уровень российского японоведения на новый уровень. Но, в конечном итоге, судьба всех этих людей была трагичной.

Самый успешный японист, автор около 300 научных и учебных публикаций, профессор А. Н. Петров был арестован в Москве уже в 1930 г., в японоведение он больше не вернулся, а обстоятельства гибели остаются неизвестными. Один из лидеров советского востоковедения К. А. Харнский в 1937 г. был арестован как «японский шпион» во Владивостоке и вскоре погиб, а многочисленные рукописные труды по истории Японии и других стран Дальнего Востока так и не были опубликованы. Вместе с К. А. Харнским во Владивостоке был арестован и заведующий кафедрой японского языка ДВГУ Н. П. Овидиев, признавший себя после пыток «японским шпионом» и расстрелянный в 1938 г. Та же судьба ждала и еще одного, опоминавшегося выше выдающегося дальневосточного японоведа – З. Н. Матвеева. Вернувшийся из эмиграции в 1934 г. в Москву В. Н. Крылов в 1937 г. был

арестован и после соответствующих процедур и признания себя «японским шпионом» расстрелян. Вернувшийся на родину после Второй мировой войны Н. А. Спешнев тоже был репрессирован как «японский шпион». Избежать репрессий смогли только те русские японоведы, кто не вернулся на родину. Но живший в Маньчжурии читинец М. П. Григорьев умер в самом расцвете творческих сил в 1943 г.

Таким образом, в годы гражданской войны в Забайкалье жили и работали некоторое время как минимум пять выдающихся русских

японоведов. Однако в условиях строительства советского государства японоведам в 1919–1923 гг. не удалось заложить фундамент читинского японоведения. Судьба всех связанных с Читой японоведов, как и почти всех русских японистов, оказалась трагической, почти все они были уничтожены советской репрессивной машиной в 1930-е гг. Тем не менее история японоведов и японоведения в Забайкалье в годы гражданской войны остаётся интересной страницей местной истории и неотъемлемой составляющей российской японистики.

Источники и литература

1. Алпатов В. М. Этапы изучения японского языка в России // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века. – М.: АИРО-XXI, 2015. – С. 15–30.
2. Буюков А. М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. – 1999. – № 5. – С. 102–104.
3. Вестник Русско-Японского общества в Петрограде. Экономический, политический и научно-литературный журнал. – 1917. – № 1–4. – С. 33–46.
4. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 14 (1) сент.
5. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 17 (4) дек.
6. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 2 авг.
7. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 8 авг.
8. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 22 (9) авг.
9. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 23 (10) авг.
10. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 27 (14) авг.
11. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 31 (18) окт.
12. Восточный Курьер (Чита). – 1919. – 2 дек. (19 нояб.).
13. Восточный Курьер (Чита). – 1920. – 4 янв. (22 дек. 1919 г.).
14. ГАПК (Государственный архив Приморского края). – Ф. Р-115. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 24.
15. ГАПК. – Ф. Р-1628. – Оп. 1. – Д. 2.
16. ГАПК. – Ф. Р-1628. – Оп. 1. – Д. 10.
17. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-200. – Оп. 1. – Д. 531.
18. Дроботушенко Н. Е. Государственный институт народного образования (ГИНО) // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. – Новосибирск: Наука, 2011. – Ч. 1. – С. 246–247.
19. Дыбовский А. С. К. А. Харнский как публицист и политический обозреватель // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография / сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – С. 211–229.
20. Еланцева О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 7. История. – С. 29–35.
21. Ермакова Э. В. Преподаватели-востоковеды: имена и судьбы // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 5–14.
22. Ермакова Э. В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е годы XX в.: Николай Петрович Овидиев (1891–1938) // История отечественного японоведения в портретах. – М.: Вост. лит., 2016. – С. 61–67.
23. Зусман А. Япония издалека. – Иркутск: Аспринт, 2011. – 336 с.
24. Икута М. Приват-доцент факультета востоковедения Дальневосточного университета Олег Плетнер: неизвестные страницы российского японоведения // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – С. 67–93.
25. Каневская Г. И. Одни из первых российских японоведов (выпускник Восточного института Л. А. Богословский) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2014. – № 6. – С. 160–169.
26. Крылов В. Н. Вопросы японской армии в алфавитном порядке: справочник современного устройства японских вооружённых сил. – Харбин: Тип. Охранной Стражи КВЖД, 1918. – 108 с.
27. Куланов А. Е. Василий Крылов: спасти и уничтожить // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сб. ст. и библиография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – С. 194–210.
28. Нерчинский Завод / Л. Б. Андреева [и др.]; гл. ред. К. К. Ильковский. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 513 с.

29. Похвала тени. Рассказы японских писателей в переводах М. П. Григорьева / сост. и предисл. Л. Л. Громковской. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 272 с.
30. Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). – 1919. – 29 янв.
31. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 4342. – Оп. 1. – Д. 3.
32. Сегодня (Томск). – 1919. – 4 авг.
33. Соловьев А. В. Неизвестные страницы жизни востоковеда и разведчика В. М. Константинова // Очерки истории востоковедения в Иркутском государственном университете: учеб. пособие. – Иркутск: ИГУ, 2013. – 133 с.
34. Спешнев Н. А. Пекин – страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. – СПб.: Бельведер, 2004. – 320 с.
35. Университетское слово: еженедельник Комитета содействия Иркутскому государственно-му университету. – Иркутск: Комитет содействия Иргосу, 1923.

УДК 94(5+41/99)

ББК 63.3(2)612

Алексей Михайлович Пастухов,

Фонд «Петропавловск»,
г. Москва, Россия

Участие Китая в интервенции на Дальнем Востоке России (1918–1921)

Статья посвящена интервенции Китая на Дальнем Востоке России в 1918–1921 гг. Эта страница истории очень мало изучена не только в отечественной, но и мировой историографии. Китай примкнул к интервенции, рассчитывая на территориальные и политические компенсации со стороны союзников по антигерманской коалиции. Присутствие китайских войск на территории Приморья и Приамурья в 1918–1921 гг. позволило, с одной стороны, обеспечить безопасность китайских резидентов на территории России, а с другой – осложнило взаимоотношения между двумя странами. Однако Китай не смог достичь своих целей таким образом, что обусловило последующее сближение Китая с СССР и приход к власти в Китае Гоминьдана при советской поддержке.

Ключевые слова: интервенция, Китай, Россия, Линь Цзяньчжан, Николаевский инцидент

Alexey M. Pastukhov,

“Petropasvlovsk” Foundation,
Moscow, Russia

China's Participation in the Intervention in the Russian Far East (1918–1921)

The article is devoted to China's intervention in the Russian Far East in 1918–1921. This page of history is very little studied not only in the national, but also in the world historiography. China joined the intervention, counting on territorial and political compensation from the allies in the antigerman coalition. The presence of Chinese troops on the territory of Primorye and the Amur region in 1918–1921 allowed, on the one hand, ensuring the safety of Chinese residents on the territory of Russia, and on the other – complicated relations between the two countries. However, China failed to achieve its goals in this way, which led to the subsequent rapprochement of China with the USSR and the coming to power of the Kuomintang in China with Soviet support.

Keywords: intervention, China, Russia, Lin Jianzhang, Nikolaev incident

Участие Китая в интервенции на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. исследовано мало. В отечественных работах упоминается лишь что-то типа «китайские солдаты участвовали в боях в Забайкалье от Усть-Урова до Отпора (на западном берегу р. Аргунь), от Нерчинска

до Оловянной (на восточном берегу р. Онон) и на Уссурийском фронте против частей Красной Армии» [2, с. 68].

Но достоверность многих таких сообщений находится под вопросом. Так, основные боевые действия на Уссурийском фронте окончились до прибытия в Россию главных сил китайцев (Генеральное наступление интервентов на Уссурийском фронте началось 26 августа, Хабаровск пал 4 сентября 1918 г., в документах Дальсовнаркома участие в боях китайцев не отмечено).

В данной статье рассматриваются некоторые свидетельства участия Китая в интервенции в Приморье, выстроенные в хронологическом порядке с указанием причинно-следственных связей.

После Великой Октябрьской Социалистической революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. подпавший под влияние союзников по антигерманской коалиции Китай встал на путь конфронтации с Россией.

15 (28) ноября иностранные консулы рекомендовали комиссару Временного Правительства Д. Л. Хорвату «ограничить власть» Харбинского Совета, возглавлявшегося М. Рютиным и Б. Славиним. Генерал Хорват обратился за помощью к китайцам.

11 (24) декабря китайские правительство потребовало депортации «индивидуально Рютина, Славина и сочувствующих им», роспуска Совета, а также разоружения и высылки личного состава 559-й и 618-й дружин Охранной стражи КВЖД [1, с. 81].

12 (25) декабря войска губернатора Маньчжурии Чжан Цзолина разоружили Охранную стражу и распустили Совет.

В декабре 1917 г. союзники запретили Китаю выплачивать русскую долю Боксерской контрибуции Советам, приказав отдавать ее русскому посланнику в Пекине князю Н. А. Кудашеву (с Кудашева было взято обязательство не передавать эти деньги представителям Советской власти).

Европейская часть России беспрепятственно получала по КВЖД продовольствие, поставляемое союзниками во Владивосток. Но 16 (29) января 1918 г. в Наркомвоендел поступила телеграмма: «По настоянию союзников китайской таможене воспрещено вывозить продовольствие из Владивостока через Китайскую Восточную дорогу. Такое воспрещение опротестовано нашим посланником в Пекине. Результаты сообщим. Хорват» [4, с. 82].

В обоих случаях союзники грубо вмешались в русско-китайские отношения. И оба раза Китай пошел на уступки, рассчитывая на

щедрые компенсации за свою «верность союзническому долгу» (в частности, в Китае полагали, что союз с Антантой позволит вернуть территории в провинции Шаньдун, «арендованные» ранее Германией).

После публикации 28 января (10 февраля) декрета Советского правительства «Об аннулировании государственных займов» 13 февраля последовал согласованный дипломатический демарш союзников, считавших, что «смена правительства не освобождает нацию от ее международных обязательств» [3, с. 311].

18 февраля Верховный совет Антанты принял решение об оккупации Владивостока, введении войск в Харбин и полосу отчуждения КВЖД.

3 марта был подписан Брестский мир. Советская Россия вышла из Первой мировой войны (1914–1918). Сразу последовала попытка вооруженного вмешательства – в ходе мятежа в Благовещенске 6–13 марта на стороне казачьего атамана И. М. Гамова сражался «добровольческий батальон» (360 человек) из местной японской диаспоры (основная часть японской диаспоры в Благовещенске оказалась отставными военными или запасниками). Оружие для мятежников хранилось в японском консульстве, а штаб располагался в здании японской фирмы «Томоз» [6].

Решительные действия революционных сил позволили быстро ликвидировать мятеж. «Добровольцы» потеряли 191 чел. убитыми и ранеными. «Японский след» был настолько очевиден, что Япония не осмелилась использовать факт гибели своих подданных в Благовещенске для того, чтобы ввести свои войска на Дальний Восток России.

16 марта в Пекине состоялось совещание, в котором приняли участие А. И. Гучков, А. И. Путилов, адмирал А. В. Колчак, а также японские и китайские генералы. На совещании был принят план интервенции в Россию, согласно которому Уссурийскую железную дорогу должны были занять США, Амурскую и Забайкальскую железные дороги до Иркутска – Япония, КВЖД – Китай.

25 марта Китай и Япония обменялись нотами о координации военных усилий. 4 апреля вечером во Владивостоке произошло бандитское нападение на офис японской фирмы «Исидо Сёкай». В ответ под предлогом обеспечения безопасности иностранных граждан 5 апреля в городе высадились 250 японских военных моряков. Вслед за ними на берег сошли 50 англичан.

7 апреля посол США в России Д. Фрэнсис сообщил в Вашингтон: «Думаю, это очень

кстати, что англичане высадились сразу после японцев, и я думаю, что настоятельно необходимо, чтобы высадились также американские и китайские военные моряки» [8, с. 107].

Ввод международного контингента нивелировал преимущества, полученные Японией в результате своего одностороннего шага – английский десант создавал прецедент для расширения иностранного военного присутствия во Владивостоке.

Однако высаженный 5 апреля десант был вынужден вернуться на корабли уже через три недели. Первая попытка интервенции сорвалась (в отечественных исследованиях советского периода возвращение десанта на корабли объяснялось народным протестом во Владивостоке, однако не стоит списывать со счетов и противоречия между Японией и США по данному вопросу).

Несмотря на все старания Японии затормозить присоединение Китая к интервенции, 9 апреля из Шанхая во Владивосток вышел крейсер «Хайжун» под командованием капитана I ранга Линь Цзяньчжана с целью «обеспечения защиты жизни и имущества китайских подданных», поскольку в хаосе первых послереволюционных месяцев участились случаи насилия в отношении китайских подданных в России.

17 апреля консул США во Владивостоке Дж. Колдуэлл сообщил, что «сегодня прибыл китайский крейсер для защиты китайских резидентов и останется на неопределенное время» [Там же, с. 124]. Американские дипломаты продолжали давить на чрезвычайного представителя Японии в США виконта Исии Кикудзиро.

29 апреля после встречи с госсекретарем Р. Лансингом виконт заявил, что «очевидно, что присутствие войск, по меньшей мере, США, Японии и Китая может сделать много для того, чтобы развеять подозрения русских, что присутствие только японских войск приведет к территориальным претензиям» [Там же, с. 145; 6]. Консул США во Владивостоке Дж. Колдуэлл писал 11 (24) декабря 1917 г. о возможности интервенции, что «американские силы предпочтительнее, чем японские. Но лучше японские, чем ничего» [8, с. 145]. Текст секретной телеграммы комиссара Временного Правительства по Дальнему Востоку от 16 (29) декабря 1917 г., опубликованный в газете «Правда» за 9 апреля 1918 г., гласил: «Здесь циркулируют слухи, что Япония намерена ввести военный отряд во Владивосток, для чего готовится провоцировать выступление террористического характера. Слухи эти подтверждаются све-

дениями из вполне авторитетных источников» [Там же, с. 6].

16 и 19 мая Япония заключила с Китаем соглашения в военной сфере, ограничивающие самостоятельность китайского контингента на территории России.

Гражданская война в России развивалась по собственным законам. Первоначально семеновцы не представляли большой угрозы – главные силы Семенова составляли всего 600 чел., но при возникновении угрозы разгрома они спасались в полосе отчуждения КВЖД.

26 июня Дальсовнарком потребовал от китайских властей или допустить на КВЖД советские войска для ликвидации скрывающихся в полосе отчуждения белых отрядов, или же самостоятельно выдворить белых со своей территории.

Китайцы согласились продолжить переговоры через три дня, подчеркнув, что первое требование для них неприемлемо, а относительно второго они рассчитывают получить в указанный срок инструкции из Пекина.

Но 29 июня во Владивостоке вспыхнул мятеж чехословацкого легиона. Для поддержки чехословаков был высажен англо-японский десант. Затем десантировалось 20 американцев и 80 китайцев, провозгласивших своей целью защиту иностранцев и дипломатических представителей. Советская власть в городе была свергнута, путь к полномасштабной интервенции открыт, однако немедленного ввода войск не последовало – было необходимо согласовать принципы взаимодействия стран-участниц, а также численность их контингентов.

6 июля союзники выпустили «Декларацию представителей союзного командования об объявлении Владивостока городом, стоящим под международным контролем», подписанную в т. ч. командиром крейсера «Хайжун».

9 июля в ходе переговоров Исии и Лансинг определили численность экспедиционного корпуса в 14 тыс. солдат (7 тыс. американских и 7 тыс. японских).

20 июля правительство Китая, узнав об этих переговорах, направило в США предложение об участии Китая в интервенции на паритетных с Японией и США основаниях. Предложение было проигнорировано. 23 июля китайская сторона просила уже о любом своем участии, лишь бы получить согласие союзников. 29 июля США согласились на участие Китая в интервенции.

3 августа Линь Цзяньчжан получил приказ учредить ставку во Владивостоке и принять

под свое начало прибывающие китайские войска, которыми командовал Сун Хуаньчжан, командир 33-го пехотного полка 9-й пехотной дивизии, расквартированной под Пекином. В состав отряда входили 1-й и 2-й батальоны этого полка, а также по 1 роте артиллеристов, саперов, обозников, пулеметчиков и кавэскадрон. 6 августа китайский посланник в США Веллингтон Ку сообщил правительству США о том, что 1600 солдат готовы к отправке в Россию.

9 августа Линь Цзяньчжан поднял китайский флаг над зданием ставки во Владивостоке на улице Китайская, но прибытие войск затягивалось.

18 августа 1-й батальон под командованием Лю Чуньтая (667 чел.) выехал на поезде из Пекина во Владивосток. Вместе с ними ехал и Сун Хуаньчжан.

21 августа японцы остановили на станции Куаньчэнцзы этот отряд «до получения инструкций от японского Генерального Штаба» [8, с. 349].

24 августа была опубликована официальная декларация китайского правительства о вводе войск на территорию России. Но в Приморье тогда находился лишь крейсер «Хайжун». В тот же день из Дагу во Владивосток на военных транспортах вышел 2-й батальон (661 чел.) под командованием Су Бинвэня.

Судя по телеграмме генерального консула во Владивостоке Шао Хэнцзюня, даже 25 августа первые китайские войска только «планировали прибыть в Никольск-Уссурийский после полудня» [7, с. 291].

Общее количество китайских военнослужащих в России до конца 1918 г. составило около 2 тыс. чел. (отряд Сун Хуаньчжана и экипаж крейсера «Хайжун»). Их задачей было обеспечение беспрепятственного движения поездов на участке Владивосток – Пограничная. Штаб китайского отряда и специальные части (пулеметчики, саперы и т. д.) разместили в Никольске-Уссурийском.

1-й батальон охранял участок от Никольска-Уссурийского до станции Иман, 2-й батальон – от Пограничной до Владивостока. Часть солдат Су Бинвэня охраняла почтамт Владивостока совместно с японцами и американцами.

Кроме того, с самого прибытия во Владивосток и до эвакуации американского контингента 1 апреля 1920 г. китайские части состояли в Международной Военной Полиции (*International Military Police/IMP*), возглавлявшейся майором армии США С. Джонсоном и поддерживавшей общественный порядок в городе.

Китайские части видели свою задачу исключительно в защите своих соотечественников. Введение IMP национальных секторов для патрулирования ограничило контакты китайцев с представителями других стран. Наиболее тесно сотрудничали с китайцами американцы, которые были поражены их чистотой, вежливостью и молчаливостью, а также тем, что китайцы справлялись с поставленными задачами не хуже американцев.

Зимой 1918–1919 гг. в Россию были дополнительно направлены 3-й батальон 33-го пехотного полка под командованием Ли Юанькуня и 1-й батальон 35-го пехотного полка под командованием Цао Дэмина. Эскадрон Хань Хуйжун был переброшен в Хабаровск под начало командира местного японского контингента.

Вновь прибывшие были направлены на ветку Сучан – Владивосток, чтобы обеспечить бесперебойную доставку угля из Сучанских копей, а также размещены от станции Уссури (Лесозаводск) до станции Губерово. Общая численность китайских войск в Приморье в 1919 г. достигла 4 тыс. чел.

Также в Пекине было решено усилить пограничную охрану на Амуре, введя в Сунгари свои военные корабли, чтобы заменить практически бездействующую с 1918 г. русскую Амурскую военную флотилию.

21 июля 1919 г. из Шанхая вышел отряд в составе канонерок «Цзянхэн», «Лицзе», «Лисуй», буксира «Личуань» и транспорта «Цзиньань», прибывший во Владивосток 29 июля 1919 г., где прошли трудные переговоры с представителями колчаковского правительства о проходе отряда на Сунгари по Амуру.

2 сентября отряд прибыл в Николаевск. Оттуда «Цзиньань» ушел в Китай. Отряд под командованием капитана II ранга Чэнь Шиина начал подъем по Амуру.

К тому времени никакой реальной власти на Дальнем Востоке «правитель Омский» не имел, и каждый полевой командир делал то, что считал нужным.

7 ноября уссурийский атаман И. Калмыков, сочтя прохождение китайских кораблей по Амуру нарушением суверенитета России, обстрелял их из полевых орудий у с. Воронежское. Китайцы отступили в Николаевск, чтобы не сорвать поход отряда на Сунгари. Проблему следовало решать дипломатическим путем.

В Николаевске отряд поступил в распоряжение китайского консула Чжан Вэньхуаня. В дальнейшем он стал невольным участником печального известного Николаевского инцидента 1920 г., ознаменовавшегося полным истреблением не только японского гарнизона города, но и всей японской колонии.

В КНР считают, что Чэнь Шиин передал партизанам Я. Тряпицына орудия для штурма кирпичного здания японского консульства. Но объяснительные китайского консула и командиров канонерок это отрицают, а показания «свидетелей» говорят лишь о 37 мм револьверном орудии Гочкиса, совершенно непригодном для заявленной цели.

Опираясь на зазимовавшие в Николаевске канонерки, Чжан Вэньхуань смог обеспечить защиту тех, кто бежал от партизан на территорию китайского консульства.

24 мая 1920 г., когда Тряпицын приступил к уничтожению города, отряд Чэнь Шиина обеспечивал эвакуацию китайского населения из Николаевска в Маго. Вместе с китайцами были вывезены и многие мирные жители города других национальностей.

Но, заняв Николаевск, японцы, не желавшие усиления позиций Китая в России, задержали китайский отряд и провели следствие, «доказав» причастность китайских моряков к истреблению японского гарнизона на основании сфабрикованных улики.

Стремясь завершить затянувшуюся эпопею с походом флотилии на Сунгари, Китай принес официальные извинения Японии, выплатил символическую компенсацию семьям убитых и обязался уволить из рядов ВМФ всех «виновных». После этого японцы отпустили китайские канлодки.

Получив разрешение на проход по Амуру от властей Советской России, сменивших пра-

вительство Колчака, китайские корабли вошли в Сунгари и в октябре 1920 г. взяли под контроль ситуацию на среднем Амуре.

После окончания Первой Мировой войны китайскому правительству стало все сложнее находить объяснения причинам, по которым китайские войска находятся в России. Кроме того, поддержание деятельности экспедиционного корпуса требовало больших денег. Но главное – Китай не получил от союзников никаких преференций и не добился своих целей.

Поэтому с весны 1920 г. стали искать пути нормализации отношений с Советской Россией – 6 мая в Москву была направлена миссия генерала Чжан Сылиня [5, с. 98].

12 августа основная часть китайских войск была выведена из Приморья. 25 октября ставка командующего во Владивостоке была упразднена. 20 ноября крейсер «Хайжун» отбыл в Шанхай.

Последняя рота китайской пехоты и сменившая «Хайжун» канонерка «Юнцзянь» покинули Приморье в апреле 1921 г.

Приняв участие в интервенции, Китай не выиграл ничего. Его национальные интересы были грубо попорчены на конференциях в Париже (1919) и Вашингтоне (1922).

Лишь обратившись к Советской России, Китай встретил определенное понимание и признание своих прав, что способствовало успеху политики СССР в Китае в 1924–1927 гг., несмотря на глубоко заложенную «мину замедленного действия» в виде КВЖД.

Источники и литература

1. Аблова Н. Е. Политическая ситуация на КВЖД после крушения Российской империи // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 4. – С. 81–85.
2. Залесская О. В. Приграничные отношения между Россией и Китаем на Дальнем Востоке в 1917 – 1924 гг.: исторический опыт. – Благовещенск: БГПУ, 2006. – 172 с.
3. История дипломатии. Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.): в 3 т. / под ред. В. П. По темкина. – М.; Ленинград: ОГИЗ Гос. изд-во полит. лит., 1945. – Т. 2. – 423 с.
4. Крюков В. М. К вопросу о «переговорах НКВД с посланником Лю Цзинчжэнем» (1917–1918 гг.) // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 42. – С. 48–83.
5. Савин В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. – М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. – 152 с.
6. Чепик М. В. Деятельность дальневосточных чекистов по пресечению подрывной работы иностранных спецслужб в 1920–1922 гг. – Текст: электронный // Genesis: исторические исследования. – 2013. – № 3. – С. 126–148. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=8738 (дата обращения: 23.04.2020).
7. Чжун-Э гуаньси шиляо: чубин Сиболия 1917–1919 (материалы по истории русско-китайских отношений: интервенция в Сибири 1917–1919), на кит. яз. – Тайбэй: Юньюй иньшувачан, 1962. – 859 с.
8. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia, Vol. 2. – Washington, U. S.: Government Printing Office, 1918. – 887 p.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)

Алексей Владимирович Мясников,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Доронинский содовый завод в первой половине XX века

Статья освещает малоизвестные страницы эксплуатации Доронинского содового озера в XX в. Описана история Доронинского завода, на основании архивных источников воссозданы методы добычи соды, условия жизни рабочих, организация их досуга. Приведены сведения о работе завода в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история добычи соды, химическая промышленность, Доронинский содовый завод, трудовая дисциплина

Alexey V. Myasnikov,
State Archive of the Transbaikal territory,
Chita, Russia

Doroninsky Soda Plant in the First Half of the Twentieth Century

The Article highlights the little-known pages of operation of the Doroninskoe soda lake in the XX century. The history of the Doroninsky plant is described, the methods of soda extraction, the living conditions of workers, and the organization of their leisure are recreated on the basis of archival sources. Information about the plant's operation during the great Patriotic war is given.

Keywords: The history of the production of soda, chemical industry, Doroninsky soda plant, labor discipline

В 154 километрах к юго-западу от Читы находится памятник природы – Доронинское содовое озеро, известное тем, оно более двух веков было единственным в Восточной Сибири источником соды, применявшейся в мыловарении и стекольной промышленности. В конце XIX в. здесь возник содовый завод, который играл важную роль в развитии местной химической промышленности.

В годы гражданской войны добыча соды на озере почти не велась, завод простаивал. Его имущество растащили, здания разрушили. Восстановление предприятия началось только после завершения военных действий и установления Советской власти.

В начале 20-х гг. XX в. озеро взял в аренду Далькрайсоюз. Руководство содовым промыслом было доверено инженеру Всеволоду Шамраеву. Первым делом он инициировал научные изыскания на месторождении и, опираясь на их результаты, разработал эффективный метод добычи соды, основанный на использовании природно-климатических условий. Впервые его удалось опробовать зимой 1924 г.

В декабре-январе, в самые сильные морозы, сотрудники содового завода выкачивали из нижних, насыщенных содой слоев озера

густой рассол (рапу), который разливали на поверхности льда. Затем в течение последующих месяцев замерзший рассол за счет теплых юго-западных ветров постепенно испарялся, а на льду появлялся налет из мелких игольчатых кристаллов соды. К сбору этого налета, или декагидрата, приступали, когда его содержание составляло 400–500 г на 1 м². За сезон заливку озера и сбор «урожая» рабочие повторяли от 4 до 15 раз. Самым удачным временем для формирования содовых кристаллов признавался март [6, л. 28]. Описанный способ с незначительными изменениями применялся на озере почти до середины XX в.

Сбор гуджира требовал привлечения большого количества людей. Иногда в зимний период на озере трудились до 400 рабочих. В обычное же время в штате редко числилось более 60 чел.

Несмотря на то, что продукция завода пользовалась спросом, в первые годы Советской власти на нем неоднократно фиксировались остановки производства, случаи ущемления прав работников, различные беспорядки. Крестьяне, приглашенные для сбора гуджира, жаловались, что заводская администрация задерживала зарплату или обсчитывала их при расчете. В итоге подрывалось

доверие местных жителей к заводскому руководству.

В конце ноября 1925 г. завод был на грани полной остановки, начинались сокращения штата. Рабочим не хватало теплой одежды, жилья. В бараках и квартирах, где проживал персонал, было тесно, сыро и грязно.

Но работники, вопреки сложностям, стремились поддерживать друг друга и боролись за свои права. В 1926 г. они потребовали от начальства построить здание для клуба, прислать фельдшера с медикаментами, сократить для насыпщиков рабочий день с 8 до 6 часов, выделит дополнительный банный день, очистить от мусора территорию вокруг общежитий [5, л. 10, 30].

Сплоченность доронинских тружеников начинала положительно сказываться на работе завода. В 1926 г. секретарь заводского комитета Н. Я. Лямин с удовлетворением заметил, что производительность труда улучшается, а сам завод «постепенно начинает выходить из полосы бесхозяйственности» [Там же, л. 38].

Впрочем, руководство Далькрайсоюза считало иначе и планировало продать или законсервировать завод. Свое решение оно объясняло нехваткой денег на содержание содового промысла.

Рабочий актив протестовал против консервации, то есть фактического закрытия предприятия. В 1927 г. Н. Я. Лямин в газете «Забайкальский рабочий» доказывал, что нельзя допускать гибель завода, который дает ценное сырье и способен стать базой для химической промышленности Дальнего Востока [7, с. 3].

Совместными усилиями рабочим удалось отстоять свой завод. В 1927 г. он, получив статус треста местного значения, перешел в ведение Читинского окрпрома. В 1931 г. его передали Востоксольтресту (Востоксибсоль), а через год определили в систему Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП).

В первой половине 30-х гг. XX в. завод представлял собой комплекс из различных цехов и хозяйственных подразделений. К предприятию относились кальцинаторочный цех, механический цех (в него входили слесарно-механическая и столярная мастерские, кузница с двумя горнами), углеобжигательные печи системы Шварца, водокачка, оборудованная электромотором, мельница, конюшня, рассчитанная на 60 лошадей, дома для работников. Работу цехов обеспечивала электростанция мощностью 30 кВт.

Для зимнего залива Доронинского озера рапой и сбора гуджира применялись четыре передвижных тепляка для электромоторов, три центробежных насоса, три электромотора, три конных скребка, ручные металлические и деревянные скребки.

На железнодорожной станции Ингода находилась Ингодинская база завода, на которой хранились керосин, бензин и различные грузы. Судя по отчету 1934 г., ее состояние оставляло желать лучшего. «Сама база состоит из крайне бесхозяйственно-содержимого плохо огороженного двора, сгнивших барачков и развалины – сарая» [6, л. 51].

Основными потребителями продукции предприятия были Верхнеудинский, Красноярский, Тальцинский стекольные заводы, Читинский фторонатровый завод и железная дорога. Последняя приобретала соду для промывки паровозных котлов.

Чтобы повысить производительность труда, заводское руководство объявило социальное соревнование среди бригад. В упомянутом ранее отчете указано, что поначалу работники не признавали здоровой конкуренции: «вместо того, чтобы делиться опытом, показом хороших результатов подтянуть отстающих, считалось за правило засекречивать приемы, обеспечивающие хорошие показатели по выработке и ни в коем случае не оглашать результаты работы бригад» [Там же, л. 54]. Пресечь такую практику дирекция смогла только при содействии райкома партии.

В заводском поселке, возникшем на берегу Белого озера и получившем название Содовый Завод, в короткий срок удалось построить просторный клуб, баню, общежитие, столовую, школу, амбулаторию. В школе было всего три класса, уроки проводились в одном кабинете. Учителя занимались не только с детьми, но и со взрослыми, помогали в ликвидации безграмотности.

Подсобное заводское хозяйство обеспечивало рабочих и жителей поселка молоком, мясом и овощами. Другие продукты приходилось покупать в окрестных деревнях или завозить из Читы.

В 1935 г. Доронинский завод был присоединен к Улан-Удэнскому мехстеклозаводу. После этого была построена новая прокаточная (она же кальцинировочная) печь, обустроен прокаточный цех, работавший круглосуточно. Цеховые труженики в зависимости от разряда и специальности получали от 131 до 293 р., что тогда считалось солидной зарплатой.

Заливкой озера и добычей гуджира занимался специально сформированный озерный

цех. Начальство требовало от него наладить бесперебойную ударную работу в зимний период. В стужу, когда поверхность озера покрывалась кристаллами соды, на сбор сырья собирались все трудящиеся. Те, кто под разными предлогами уклонялись от этого, объявлялись саботажниками. К примеру, в 1949 г. двух работников гаража, не вышедших на добычу гуджера, директор приказал уволить «с немедленным выселением из заводских помещений и немедленным взысканием с последних всех заводских ценностей, находящихся в их пользовании» [2, л. 13].

Стремясь наладить строгую дисциплину, администрация пристально следила за соблюдением трудовых и санитарных норм. По приказу директора от 7 января 1937 г. все сложные работы велись только в присутствии заведующих цехами, в случае получения производственной травмы пострадавшие направлялись в амбулаторию, а о происшествии необходимо было составить акт [4, л. 4].

Доронинцев беспокоили не только производственные мобилизации и борьба за показатели. Люди знали о неспокойной политической обстановке в мире и жили с мыслями о возможной войне. О необходимости готовиться к ней не давали забыть политзанятия, военные учения и сборы. К примеру, в 1940 г. рабочие отрабатывали защиту предприятия от воздушных атак, учились слаженно действовать в боевых условиях.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Доронинский завод, с первых ее дней, как и все предприятия страны, непрерывно работал ради приближения Победы. Все граждане мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет, оставшиеся в поселке, ежедневно с 6 до 8 часов утра занимались военной подготовкой, а после – к 9 часам шли на завод. Трудовой день официально завершался в 6 часов вечера. Ускоренными темпами стро-

ились новое кирпичное здание для электростанции и машинное отделение. С октября была запущена пимокатная мастерская, производившая валенки. Чуть позже открылась сапожно-ремонтная мастерская. В феврале на заводе «на случай осадного положения» был введен режим светомаскировки [3, л. 6 об.], который соблюдался на протяжении всего военного времени.

В 1943 г. завод поступил в ведомство железной дороги. Изменения в управлении мало коснулись рабочих. Они по-прежнему, стоя в ледяной воде, заливали озеро рассолом, добывали гуджир, вели хозяйство. В помощь им порой привозили жителей окрестных сел. Мобилизованным крестьянам на время работы выдавали хлебные талоны. Случалось, что получив хлеб, они сбегали с озера в родные деревни. О беглецах заводское руководство сообщало в сельские советы [4, л. 11].

Побеги и нарушения дисциплины были не частым явлением. О войне, необходимости усиленно трудиться во благо Родины жителям Содового Завода постоянно напоминал гул двигателей самолетов. Это летчики 291-го штурмового полка перед отправкой на фронт совершали учебные полеты, отрабатывали бомбометание. Но некоторым из них не довелось принять участие в боях с врагом. В 1942–1943 гг. в авиакатастрофах возле Доронинского озера погибло четыре летчика. Товарищи по оружию похоронили их на местном кладбище [8, с. 3].

После войны завод производил жидкую и твердую каустическую, кальцинированную и кристаллическую соду, мыло, олифу, канифоль, скипидар, войлок, катанки, заготавливал лес и смолу. Тем не менее высокая себестоимость соды, перебои со снабжением горючим, износ оборудования привели к ухудшению его экономического положения. Поэтому в 1952 г. предприятие пришлось закрыть.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 4.
2. ГАЗК. – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 8.
3. ГАЗК. – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 10.
4. ГАЗК. – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 12.
5. ГАЗК. – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 29.
6. ГАЗК. – Ф. Р-1259. – Оп. 1. – Д. 32.
7. Лямин Н. Завод нужно отстоять // Забайкальский рабочий. – 1927. – 29 сент. – С. 3.
8. Чаркин Ю. И. Когда-то здесь кипела жизнь // Улетовский вестник. – 1993. – 15 марта. – С. 2–3.

УДК 47:94(41/99)
ББК 63.3(2Чит)

Денис Николаевич Беспалько,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Развитие охотничье-промысловой отрасли народного хозяйства на территории Витимо-Олекминского национального округа (1930–1938)

Отмечено, что пушной промысел, наряду с оленеводством, являлся главным занятием эвенкийского и якутского населения округа. Основа его материального благополучия, как правило, всецело зависела от результатов охоты на пушного зверя. Проведенная в начале 30-х гг. коллективизация несколько усложнила прежние отношения между охотниками, заготовительными конторами и новыми административными структурами – правлениями колхозов. Организация труда была на низком уровне. Показатели выхода пушно-сырьевой продукции имели ежегодно фиксируемую тенденцию к среднестатистическим колебаниям.

Ключевые слова: округ, охотничье-промысловое хозяйство, организация труда, промысловый сезон, пушнина

Denis N. Bespalko,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Development of the Hunting and Fishing Industry of the People's Economy in the Territory of the Vitimo-Olekminskiy National District (1930–1938)

Fur trade, along with reindeer herding, was the main occupation of the Evenk and Yakut population of the district. The basis of his material well-being, as a rule, depended entirely on the results of hunting for fur animals. Held in the early 1930s, Collectivization somewhat complicated the old relations between hunters, procurement offices and new administrative structures – the boards of collective farms. The organization of labor suffered. The output indices of furs and raw materials had an annually fixed tendency to average fluctuations.

Keywords: district, hunting and fishing, organization of labor, fishing season, furs

До прихода советской власти на территории Витимо-Олекминского национального округа (север Забайкальского края и Амурской области) не существовало охотничье-промыслового хозяйства как такового, а велась лишь хищническая заготовка пушнины и мяса диких животных. Борьба с браконьерством не велась, контролирующая сезонно-промысловую деятельность населения органы отсутствовали. Мероприятия, направленные на обогащение промысловой фауны и реакклиматизацию исчезающих видов, не проводились. Необходимо отметить, что обозначенные проблемы и в 1940–1950-е гг., ввиду наличия очень суровых природно-климатических условий и отдаленности округа от развитых культурно-экономических центров, решались не всегда легко и успешно. Скорее наоборот, долго и трудно. Контролировать ис-

полнение указаний Главного управления охоты и звероводства Народного Комиссариата земледелия СССР было некому, малочисленная егерская служба не имела возможности осуществлять строгий надзор за делами охоты на огромной территории в почти 210 тыс. км, там, где даже полностью разбитые грунтовые дороги являлись редкостью.

В начале 1930-х гг. в округе работали землеустроительные экспедиции, сочетающие функции охотустроительных организаций и оставившие после себя подробные наработки и инструкции по охотустройству [1, с. 79–85; 5, л. 120–127]. Предложенные практические мероприятия в корне меняли сложившуюся ранее систему распределения промысловых угодий и организацию труда. Все промысловые ресурсы становились общественной собственностью, но без внятной продуманной си-

стемы их использования в отдаленных и малодоступных районах. Границы и площади промысловых участков существовали лишь в воображении окружной администрации, соответственно, провести акт по их юридическому закреплению за тем или иным колхозом оказалось невозможно. Внутрихозяйственное устройство с определением основных направлений промысловой деятельности оставалось долгое время нереализованным [6, л. 19–25].

Организация охотничье-промысловых артелей и бригад находилась в кризисном состоянии, повсеместно наблюдался упадок данной формы коллективного труда промысловиков. Документы фондов внутренней торговли и управления охотничьего хозяйства ГАЗК (Р-913 и Р-1649) напрямую свидетельствуют, что правления колхозных собраний крайне неохотно исполняли обязанности подготовки к промысловому сезону. Заготовительные конторы пытались настаивать на исполнении председателями правлений своих должностных полномочий. Ожидали содействия: к нужному сроку, не позднее конца сентября, подготовить для выхода на охоту транспорт, палатки, печи, необходимое количество боеприпасов, оружия и т. д., сдать их на ответственное хранение бригадирам по акту. Однако просьбы заготовительных контор были безуспешны. Сама бригадная форма промысловой работы в колхозах начинала только формироваться. Более ранняя ее форма, объединения бригад соболятников, исчезла в кратчайшие сроки после резкого сокращения соболинного поголовья. Сроки промыслового сезона укладывались в индивидуальный распорядок каждого конкретного охотника, без четко обозначенных временных рамок. Кроме того, выйдя на промысел, охотник не всегда имел твердую уверенность в сроках, поскольку его могли в любой момент отозвать и перевести на колхозные грузоперевозки [3, с. 66–70].

Профессиональное охотустройство в округе не производилось. Причинами служили: отсутствие необходимого охотоведческого аппарата и использование отпускаемых центром средств на капитальное строительство промыслово-таежной инфраструктуры не по назначению. Опромышленение территории шло неравномерно. Освоенными оставались уголья, расположенные главным образом по долинам рек. Распределения охотничьих участков практически не производилось, поэтому каждый охотник занимался промыслом там, где ему было удобнее всего. Это приводило к переэксплуатации ближайших к поселениям участков и оставлению без внимания других,

находящихся на значительном отдалении. По оценкам районных специалистов, опромышленению подвергалось не более 40 % территории районов. При этом необходимо учитывать, почти столько же территории занимала гольцовая зона, малоинтересная в промысловом отношении. Основным видом транспорта заброски вглубь охотничьих угодий служили олени. Путиами захода служили выючные тропы [Там же, с. 70–73].

Промысел осуществлялся в основном с помощью ружья. Самоловное оборудование применялось преимущественно русскими охотниками, среди эвенков данная практика была не развита [10].

Ежегодно фиксировались факты заключения договоров одного охотника сразу с несколькими факториями, с целью получения большего аванса. Отсюда происходил общий рост задолженности. Интегральная кооперация в этом плане была слаба и беспомощна. Например, по одному только Калаканскому Райинтегралсоюзу за 1935 г. скопилось 54 тыс. р. долгов за охотниками [4, л. 15]. Это – прямой результат отсутствия контроля за выполнением договоров и специфичности промысла как такового в условиях аграрно-индустриальной цивилизации. В третьем квартале средства к существованию у большинства семей промысловиков истощались. Летняя охота, пантовье, давала за сезон очень немного. На изюбря охотились далеко не все. Охотники были вынуждены брать продукты авансом, под заготовку охотпродукции наступающего четвертого осенне-зимнего сезона, и только вернувшись из тайги в конце декабря покрывать долги кооперации. Данный факт констатирует, что охотники не имели средств к существованию без авансовой системы расчета, без помощи кооперации. Весенняя пушнина при этом составляла до 65 % товарной продукции.

Социалистические соревнования, как форма борьбы за улучшение производительности труда, осуществлялись с перебоями. Тем не менее райисполкомы ежегодно организовывали слеты стахановцев пушного промысла в пос. Калакан. Участие в слетах, по правилам, могли принимать только те передовики-промысловики, которые перевыполнили план пушнозаготовок за четвертый квартал прошлого года и первый квартал нового года на 180–200 % [7, л. 10].

До 1936 г. в округе действовала система двойных стандартов по планам заготовок. Округ составлял план и направлял его в районы для выполнения, позднее в районы направ-

лялся план пушнозаготовок утвержденный руководством Восточно-Сибирского края, составной частью которого являлся округ. Получалась не совсем понятным, на какой план ориентироваться. Часто плановые показатели, разбитые на 4 квартала, срывались по причине халатного отношения ответственных лиц и спуска охотпромысла на самотек [8, л. 35].

Основным недостатком окружных и краевых планов пушнозаготовок являлось то, что они составлялись без учета тех потенциальных возможностей и действительных условий, которыми располагал округ, а именно: количества охотников, истинной нормы отстрела, условий завоза товаров и т. д. В этом легко убедиться, если посмотреть плановые задания по округу в бельчихих шкурках или в единых ценах за 8 лет. Можно убедиться, что планы пушнозаготовок, начиная с 1933 г., все время составлялись заниженные. Планы 1931–1932 г. были на порядок больше плана 1935 г. В то же время в 1931 г. в округе было 536 охотников, тогда как в 1935 г. уже 831, да и сама территория значительно выросла.

Среднегодовые показатели добычи: белка – 176 тыс. шт., бурундук – 14 тыс. шт., колонок – 670 шт., солонгой – 850 шт., лиса – 260 шт., медведь – 15 шт., рысь – 100 шт., заяц – 515 шт., горностай – 610 шт., соболь (до 1935 г.) – 15 шт., тарбаган – 240 шт. и т. д. [Там же, л. 7]. Данные цифры, однако, не отражают реального положения дел, поскольку в 1931–1933 гг. ежегодные показатели добычи пушнины имели устойчивую тенденцию к снижению. Сказывались трудности коллективизации – обобществления оленных стад и промысловых угодий. После 1936 г. заготовки пушно-мехового и лекарственно-технического сырья увеличиваются кратно, порой, в зависимости от видовой принадлежности в десятки раз. Тем не менее спускаемые сверху планы в полном объеме не выполнялись, общие показатели 1930-х гг. упали в сравнении с аналогичным периодом 1920-х гг. на 30–40 % [11, с. 154].

Заготовительные цены на пушнину были стабильными. Шкурка белки стоила 3,5 р., волка – 75 р., рыси – 100 р., медведя – 35 р., горностая – 7 р., колонка – 12 р., солонгой – 4 р., зайца – 1,5 р., тарбагана – 4 р. и т. д. [7, л. 29]. Данные по добыче копытных и боровой дичи учету подлежали слабо. Как правило, в заготовки шла незначительная часть добытого. Продукция практически целиком оседала у охотников и местного населения в качестве продуктов питания и материала для разного рода поделок.

На протяжении всего периода существования округа, как в прочем и позднее, остро стояла проблема борьбы с хищниками. С 1931 по март 1938 г. был уничтожен всего 491 волк. Поголовье хищников год от года возрастало, нанося существенный вред охотничьему и колхозному хозяйству. По неполным данным, в среднем за год хищники истребляли до 2,2 % оленей от общего поголовья животных. Основными причинами увеличения численности волков считается халатность и беспечность районных руководителей, не понимавших всей степени опасности, нависшей над оленеводством округа от волчьих стай; недостаточная оперативность районных заготовительных контор, вовремя не обеспечивающих охотников специальными орудиями лова хищника – капканами. Бригады охотников-волчатников в колхозах не создавались, стрихнин (яд) использовался мало, уничтожение молодых выводков на волчьих логовах проводилось крайне редко. Разъяснительная работа среди местного эвенкийского населения, отличающегося крайними формами суеверия, о вреде, наносимом волками оленеводческому хозяйству, тем самым нацеливая его на регулярное истребление хищника, не проводилась. Эвенки округа, как и в древние времена, свято верили, что если не трогать волков, то они так же не тронут оленей.

Программы по реализации биотехнических и реакклиматизационных работ, направленные на обогащение и реконструкцию промысловой фауны, внедрялись с 1932 г. Максимально продуктивным и конкурентоспособным видом стала ондатра, выпущенная в водоемы Муйской долины. Промыслового значения вид достиг в 1938 г., но охотники оказались не готовы к профессиональной эксплуатации нового пушного ресурса. В результате тысячи зверьков откочевали или погибли, заразив на годы вперед небольшие озера и болота. Реакклиматизационные мероприятия были направлены на восстановление численности витимского соболя, практически истребленного еще в начале XX в. Отдельные особи сохранились лишь в наиболее отдаленных и труднодоступных угодьях, популяция была во многом нежизнеспособна и требовалось искусственное расселение схожих по меховому покрою зверьков. В 1935 г. был введен всесоюзный запрет на добычу соболей всех кряжей, соответственно, соболиная пушнина как таковая, перестала числиться в системе заготовок округа. К реализации восстановительной программы приступили только в конце 1940-х гг. [2, с. 60–64].

На 1938–1942 гг. охотхозяйственные структуры округа намечали обширный план решения организационно-технических и иных проблем. Среди них необходимо выделить главные: 1) введение четко продуманной плановой эксплуатации пушно-сырьевых ресурсов; 2) усиление промысла ранее малоинтересных видов, таких как рысь, лиса, колонок, солонгой, волк, горностай, медведь; 3) активное проведение зоотехнических и биотехнических мероприятий в виде акклиматизации новых видов, их подкормки и т. д.; 4) качественное использование второстепенных продуктов промысла и придание им товарности: мясо, рога, копыта, жилы и т. д.; 5) воссоздание бригадной организации труда, кооперирование средств производства; 6) оснащение охотников новыми орудиями лова, широкое внедрение самоловного оборудования; 7) введение новой системы договоров кооперации с охотниками, где учитывается качество сдаваемой пушнины, сроки сдачи, проводится производственный ин-

структаж, решаются вопросы снабжения, четко определяются места промысла и сдачи пушнины [4, л. 13–19]. Осуществлять задуманное каждому району, входящему в округ, пришлось уже в составе иных региональных единиц, так как 1 сентября 1938 г. округ был расформирован.

Таким образом, можно констатировать, что охотничье-промысловая отрасль экономики Витимо-Олекминского национального округа развивалась в соответствии с потребностями своего времени. Процесс коллективизации в самом начале несколько затормозил выполнение плановых показателей добычи-сдачи пушно-мехового сырья, но затем заготовительная динамика пошла вверх. Первоначальные мероприятия 1930-х гг. по реконструкции и обогащению промысловой фауны позволили в 1940–1950 гг. создать ондатровый промхоз и восстановить соболиное поголовье. Однако решение организационно-технических проблем по разным причинам постоянно откладывалось.

Источники и литература

1. Беспалько Д. Н. Развитие охотничье-промыслового хозяйства в Каларском районе по материалам Землеустроительной экспедиции 1931–1933 гг. // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. – 2019. – Вып. 136. – С. 79–85.
2. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 53–65.
3. Беспалько Д. Н. Проблемы организации труда в охотничье-промысловом хозяйстве на севере Читинской области в 1930 – начале 1950-х гг. // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 7. – С. 66–76.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-612. – Оп. 1. – Д. 196.
5. ГАЗК. – Ф. Р-612. – Оп. 1. – Д. 57.
6. ГАЗК. – Ф. Р-913. – Оп. 1. – Д. 11.
7. ГАЗК. – Ф. Р-913. – Оп. 1. – Д. 12.
8. ГАЗК. – Ф. Р-913. – Оп. 1. – Д. 16.
9. ГАЗК. – Ф. Р-913. – Оп. 1. – Д. 22.
10. ГАЗК. – Ф. Р-1649. – Оп. 1. – Д. 2.
11. Константинова Т. А. Витимо-Олекминский национальный округ (1931–1938) // Читинский архивный вестник. – 2008. – № 15. – С. 153–158.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(0)62

Базар Догсонович Цыбенков,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Леонид Владимирович Курас,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

В декабре 1939-го: эпизод из партизанской антияпонской войны в Даурском районе Морин-Дава¹

Статья посвящена рассмотрению малоизвестных фактов антияпонской борьбы китайских партизан в конце 1939 – начале 1940 г. в районе компактного проживания даурского населения, известном как Морин-Дава. Авторы изучают продвижение партизанского отряда под командованием Фэн Чжигана, помощь даурского населения партизанам, одно из первых боестолкновений отряда с полицейским подразделением Маньчжоу-Го на территории Морин-Дава.

Ключевые слова: антияпонская война, партизанский отряд, Морин-Дава, дауры, помощь, полиция Маньчжоу-Го, сражение

Bazar D. Tsybenov,

*Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Leonid V. Kuras,

*Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

December 1939: Chinese Partisans Against Japanese Occupiers in the Daurian Area of Morin-Dava

The article studied the anti-Japanese war of the Chinese partisans in late 1939 and early 1940 in the Daurian region of Morin-Dava. The authors analyzed the movement of the partisan detachment under the command of Feng Zhigang, and the assistance of the Daurian population to the Chinese partisans. The article describes one of the first battles of Chinese partisans with the police of Manchukuo.

Keywords: anti-Japanese war, partisan detachment, Morin-Dava, Daurians, help, police Manchukuo, battle

Работа подготовлена на основе воспоминаний Ван Цзюня, бывшего командира партизанского отряда, действовавшего в районе компактного проживания одного из национальных меньшинств Китая – дауров. Воспоминания ветерана были изданы в сборнике по истории дауров, посвященном празднованию 70-й годовщины победы во Второй мировой войне. Сам сборник был опубликован в 2015 г. в Пекине. В нашей публикации также использованы материалы отечественных и зарубежных авторов по исследуемой тематике.

Обращение к воспоминаниям Ван Цзюня показывает, что они написаны в форме доклада. Выяснено, что с этим докладом он выступал 3 сентября 1983 г. на специальной памя-

ной конференции, устроенной руководством даурского автономного хошуна Морин-Дава. В то время Ван Цзюнь находился на должности директора инспекционного управления провинции Хэйлунцзян, был членом провинциального комитета Китайской народной политической консультативной конференции. В начале своего доклада он с ностальгией отметил свое возвращение спустя 42 года в район Морин-Дава. Ван Цзюнь был рад увидеть знакомые горы и реки, а также современные богатые урожаем сельскохозяйственные угодья. Как отмечал Ван Цзюнь, в свое время в этом районе действовали силы антияпонской коалиции и набирали силу революционные процессы [5, с. 21]. Под «революционным про-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4).

цессом», очевидно, следует понимать, проникновение идей социализма и коммунизма в Северо-Восточный Китай и быстрое разрастание круга лиц, осознававших необходимость коренных перемен в обществе. Революционные процессы в регионе были затруднены образованием марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японцы, по сути, создали колонию на территории Северо-Восточного Китая, прикрываясь разными лозунгами о всеобщем процветании Восточной Азии, осваивали богатые природные ресурсы региона и намечали последующие стратегические задачи по продвижению в западном и южном направлениях [1].

К 1939 г. китайские армии, или вернее остатки этих армий, перешли к партизанской антияпонской войне в горно-таежных и таежных районах Северо-Восточного Китая. Армия, в которой служил Ван Цзюнь, прибыла в район Нэньцзяна и Нэхэ из местности Цзяму-сы. Как известно, в мае – сентябре 1939 г. в результате нападения японских захватчиков на территорию МНР разгорелся ожесточенный конфликт, известный как конфликт на р. Халхин-Гол или «война на Номон-хане». Судя по воспоминаниям Ван Цзюня, партийный комитет Северной Маньчжурии поставил перед китайскими партизанами задачу – развернуть борьбу в районах Нэхэ и Нэньцзяна, чтобы отвлечь японские силы от продолжения агрессии в районе Халхин-Гола [5, с. 21].

В целом регион Северной Маньчжурии был важен в стратегическом и геополитическом отношении. На севере он граничил с СССР, на западе – с МНР, на востоке к нему примыкал район старой партизанской базы, на юге он соприкасался с 8-й китайской армией, находившейся в районе Жэхэ. Партизанская борьба в этом регионе играла важную роль во всем антияпонском движении сопротивления на Северо-Востоке Китая и должна была сдерживать агрессивные устремления японцев в сторону МНР.

12 декабря 1939 г. создано Северо-Восточное экспедиционное командование. Главнокомандующим был Фэн Чжиган, начальник штаба 6-й армии. Под командованием Ван Цзюня находился 12-й полк. На наш взгляд, и полк, и армия к тому времени по численности и вооружению не представляли собой обычные войсковые единицы. По сути, это был партизанский отряд, теперь призванный вести борьбу в горно-таежной местности. В конце декабря 1939 г. этот отряд пересек р. Нэньцзян по льду и вступил в пределы района Морин-Дава, в с. Малый Кумар [2, с. 413; 5, с. 21]. Одним из населенных пунктов по пути следо-

вания партизан явилось с. Ушкэн-Мэрдэн. Жители этого даурского селения были слышаны об отряде. Однако сначала они приняли китайских партизан за солдат армии Маньчжоу-Го, поскольку партизаны были одеты в японское обмундирование. Оно досталось партизанам после многих боев в районах Нэньцзяна и Нэхэ. Чтобы разъяснить населению ситуацию, было проведено собрание. Во время выступления Ван Цзюня один из жителей села громко поддержал его словами: «Мы решительно против японцев!». Это обстоятельство было расценено китайскими партизанами как хороший знак. Как известно, японцы на оккупированных территориях проводили антикитайскую политику, провоцируя тем самым рост межэтнической напряженности. Теплая встреча китайских партизан даурским населением выразилась и в последующем расквартировании партизан, снабжении продовольствием. Ван Цзюню особенно запомнилось угощение китайских партизан разнообразной кефира – традиционным молочным продуктом дауров. Как известно, китайцы в то время не употребляли в пищу молоко и молочные продукты. Китайские партизаны не были исключением, но, видя доброе расположение к ним хозяйки дома, все они испили поданные им чашки с молочным продуктом [5, с. 22]. Помощь китайскому отряду оказал Мэн Дэрен, житель с. Малый Кумар. Он, по просьбе своих родителей, стал проводником отряда [3, с. 4]. Мэн Дэрен был сыном Мэн Хасу, человека, который всеми силами помогал китайским партизанам. Именно Мэн Хасу собрал около 400 чел. на сельское собрание, обустроил командиров партизанского отряда в своем доме [6, с. 431].

Из с. Малый Кумар китайские партизаны двинулись в юго-восточном направлении. В с. Уркуо отряд был тепло встречен жителями. В честь прибытия партизан были заколоты свиньи, куры. Ван Цзюню даже пришлось просить глав селения не закалывать для партизан домашних животных. Боясь преследования со стороны японцев, партизаны лишь переночевали в селении и двинулись дальше. В целом, в записях Ван Цзюня в основном теплые воспоминания о поддержке даурского населения, их сочувствии к партизанам. Он отмечал высокий уровень антияпонских настроений среди местных жителей. Важным было и то обстоятельство, что дауры не боялись оказывать помощь китайским партизанам и в своих устремлениях были открыты и честны [5]. Понимая, что китайские партизаны плохо ориентируются в новых условиях, даур-

ское население оказывало им посильную помощь. Например, предупреждали отряд о приближении неприятельских сил. Так, известен своей помощью китайским партизанам паромщик Багабу, работавший на переправе р. Нэмэр [4, с. 224].

В один из дней, когда партизанский отряд находился у деревни Тунцзы, около двух часов дня прискакала девушка верхом на лошади, без седла (что свидетельствовало о спешке – *авт.*) и сообщила о приближении полиции Маньчжоу-Го с юго-западной стороны. Действительно, со стороны района Арун продвигалась полицейская часть, насчитывающая около 200 чел. Начальник штаба Фэн Чжиган рассмотрел в бинокль черную униформу, обычную для полиции Маньчжоу-Го. Положение было серьезным. Население деревни Тунцзы считалось мирным, менее других деревень пострадавшим от стихийных бедствий. Поэтому Фэн Чжиган решил вывести отряд из района Тунцзы без кровопролития, путем переговоров [5, с. 23]. В полиции Маньчжоу-Го служили представители национальных меньшинств – монголы, дауры, эвенки и др. Зная это, Фэн Чжиган решил оказать на них политическое воздействие. По его задумке, пропаганда антияпонской борьбы в отношении национальных меньшинств могла быть успешной, и в дальнейшем могла бы привести к созданию широкого антияпонского фронта. Для переговоров с полицией отправились заместитель командира армии Ци Баосянь и два командира взвода. Расположившись на некотором расстоянии от полицейских, Ци Баосянь начал громко объяснять им, что все они являются гражданами Китая и не должны сражаться друг с другом. Он также говорил полицейским, что японские захватчики вторглись в Китай, поэтому все жители страны должны быть единодушны в своей борьбе против Японии. Во время своей речи Ци Баосянь был убит внезапным выстрелом. Цзян Цюань, один из переговорщиков, командир взвода был ранен. Поняв, что переговоры закончились безрезультатно, начальник штаба Фэн Чжиган приказал Ван Цзюню атаковать противника с условием: попавших в плен полицейских не убивать. Китайские партизаны, как уже отмечалось, большей частью были солдатами и с боями вышли из района Нэньцзяна и Нэхэ в даурский район Морин-Дава,

поэтому опыта ведения боевых действий у них было достаточно.

Полицейская часть расположилась на холмистой возвышенности, представлявшей удобную позицию для ведения боя. Тем временем Ван Цзюнь приказал второй роте партизан атаковать противника с восточной стороны холма, а третьей роте – завязать бой на его западной стороне. После ожесточенного сражения, в которой было уничтожено большое количество полицейских, оставшиеся в живых не выдержали и сдались в плен. Следуя приказу Фэн Чжигана, Ван Цзюнь не стал казнить пленных. Начальник штаба Фэн Чжиган провел беседу с пленными. В частности, он сказал, что все жители Китая должны воевать с японскими захватчиками, а не с китайцами. Фэн Чжиган подчеркнул, что, хотя партизаны потеряли своих товарищей в этом сражении, они не собираются мстить пленным, поскольку пленные являются представителями национальных меньшинств Китая. После речи Фэн Чжигана все пленные были отпущены на свободу [Там же, с. 24]. Так закончилась первая встреча партизанского отряда Фэн Чжигана с полицией Маньчжоу-Го на территории даурского района Морин-Дава.

Как показывают наши данные, активизация партизанской антияпонской войны в районе Морин-Дава зимой 1939–1940 г. отчасти была связана с советско-японским противостоянием в районе р. Халхин-Гол. К началу Второй мировой войны в сентябре 1939 г. китайские партизаны, основу которых составляли солдаты действующих армий, уже восьмой год вели боевые действия против Квантунской армии и силовых структур Маньчжоу-Го. Большинство даурского населения к 1939 г. серьезно разочаровалось в японском правлении. Причиной, на наш взгляд, была казнь Линшена – даура, губернатора провинции Северный Хинган, и его сторонников – даурских чиновников в апреле 1936 г. Китайские партизаны, очевидно, в своих действиях всегда брали в расчет национальную составляющую полиции Маньчжоу-Го, пытаясь вести антияпонскую пропаганду и отпуская на свободу пленных. Действия партизан не могли остаться незамеченными, что выразилось в помощи местного населения. Так шло укрепление позиций партизанских баз на Северо-Востоке Китая.

Источники и литература

1. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Отгиск, 2016. – 254 с.

2. Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. – Иркутск, 2016. – С. 411–419.

3. Ao Jingfeng. Dawoerzu kangri douzheng zongshu = Краткое описание участия дауров в анти-японской войне // Dawoerzu shiliao zhuanji = Сборник по истории дауров, посвященный празднованию 70-й годовщины победы в мировой антифашистской войне / гл. ред. Нашунбао. – Пекин: Изд-во кит. лит. и истории, 2015. – Ч. 1. – С. 1–17.

4. Дауиг ындъсьтен-ь тобии теьке = Краткая история даурского народа / под ред. Meng Zhidong. – Кыекога: Цыг Mongyol-un arad-un keblel-ын qoriy-a, 1989. – 300 с.

5. Wang Jun. Dongbei kangri lianjun sanlujun san zhidui zai Molidawaqi daji ri kou kaizhangming huodong qingkuang = Три отряда Армии Третьего пути Северо-Восточного антияпонского альянса: борьба с японскими захватчиками в районе Морин-Дава и революционная деятельность // Dawoerzu shiliao zhuanji = Сборник по истории дауров, посвященный празднованию 70-й годовщины победы в мировой антифашистской войне / гл. ред. Нашунбао. – Пекин: Изд-во кит. лит. и истории, 2015. – Ч. 1. – С. 21–33.

6. Zhongguo dawoerzu tongshi: quan 3 ce = История дауров Китая с древнейших времен до наших дней: в 3 ч. Ч. 2 / Meng Zhidong zhubian (гл. ред. Мэн Чжидун). – Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2018. – P. 377–687.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)622-38

Галина Васильевна Мясникова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Культурно-просветительская деятельность в первый период Великой Отечественной войны (по материалам прессы Читинской области)

Рассматривается деятельность учреждений культуры Читинской области в период 1941–1942 гг., начальный этап войны. Источником изучения является периодическая печать, позволяющая создать своеобразную хронику культурно-просветительской работы. В этот период, прежде всего, решались задачи агитационной деятельности и культурно-массового просвещения среди советского населения.

Ключевые слова: периодика, агитационная работа, оборонные фильмы, патриотическое воспитание

Galina V. Myasnikova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Cultural and Educational Activities in the First Period of the Great Patriotic War (According to the Press of the Chita Region)

The author describes the activities of cultural institutions in the Chita region during the period (1941–1942) of the initial stage of the war. The source of the study is the periodical press, which allows creating a kind of chronicle of cultural and educational work. During this period, first of all, the tasks of agitation and mass cultural education among the Soviet population were solved.

Keywords: periodical press, propaganda work, defense movies, patriotic education

Первый период Великой Отечественной войны был самым тяжелым для советского народа и его вооруженных сил. Начавшаяся война заставила всех сконцентрироваться на

велениях времени, перестроить работу на военный лад. Вне этого перестроечного процесса не могли остаться деятели культуры, как на передовой, так и в глубоком тылу. Под лозун-

гом «Все для фронта! Все для победы!» работали все без исключения учреждения культуры страны и Читинской области, в частности.

Цель данного исследования рассмотреть культурно-просветительскую деятельность учреждений культуры Читинской области в начальный период войны, мобилизацию имеющихся возможностей, наращивание ресурсов творческого потенциала.

Косвенные данные по данной теме содержатся в архивных материалах, публикация которых [25] позволила ввести их в широкий научный оборот, в главах издания «Малая энциклопедия Забайкалья» [14; 15]. Свой вклад в работу по воссозданию истории жизни и деятельности тружеников забайкальских районов вносят краеведы [21; 22].

Источниками наших данных стали материалы местной прессы. Печать сыграла важную роль в мобилизации советского народа на борьбу с фашистским агрессором. По сути, газета сама являлась воплощением информационной, агитационной, пропагандистской, воспитательной деятельности. Посредством слова она решала задачи, выдвинутые войной: разъяснять цели советского народа в борьбе с фашизмом, воспитывать на славных традициях защиты Родины, рассказывать о зверствах фашистских захватчиков, информировать о жизни на местах. Именно материал печати, раскрывающий агитационно-пропагандистскую, культурно-досуговую жизнь Читы и районов Читинской области, стал сферой интересов нашего исследования.

С первых дней войны, помимо сводок по радио и передовиц газет, возникла необходимость живого общения с населением, объяснения текущей обстановки силами лекторских групп. Информирование и работа с населением посредством лекций осуществлялись партийными органами в лице отделов пропаганды и агитации при Горкоме и райкомах ВКП(б), политотделом Читинского отделения дороги им. Молотова.

Информация о лекции – это, прежде всего, объявление в газете, из которого можно узнать время, как правило, 20.00–21.00 час, объяснение – вход свободный, тематику и фамилию лектора. В летние месяцы лекцию можно было послушать на площадке горсада, в саду кинотеатра им. ОКДВА, в закрытых помещениях – клубы ПВРЗ (Чита-1), управления железной дороги им. Молотова, треста «Верхамурзолото».

Как правило, выбираемое помещение зависело от тематики лекции и состава аудитории. Корреспондент газеты «Забайкальский

рабочий» сообщал, что лекция Андрианова в пос. Зeya состоялась в зале городского театра. На нее пришли «более 500 слушателей, партийные и советские работники, учителя, врачи, служащие, лесорубы, их жены слушали докладчика, который рассказал о вероломном нападении, о патриотическом воодушевлении народа, героических подвигах армии» [12, с. 2].

Тематика лекций была направлена на анализ текущего момента «Великая Отечественная война советского народа» (лектор О. Хавкин) [20, с. 2], «Партизанская война в тылу немецких оккупантов» (лектор Парфенов) [18, с. 4]. Среди лекций можно отметить темы исторического прошлого нашей родины «Великий русский полководец Михаил Кутузов» (лектор к.ист. н. Изгачев) [6, с. 4]; литературоведческую тему «Героизм русского народа в русской художественной литературе» (лектор Завалишина) [19, с. 4]; антирелигиозную тематику «Церковь на службе фашистских поджигателей войны» и «Церковь на службе шпионов и диверсантов» (лектор Сухарев) [4, с. 3].

В качестве докладчиков выступали квалифицированные внештатные лекторы парткабинета; а также агитаторы агитпунктов. Корреспондент газеты «Забайкальский рабочий» сообщает, что «более 50-ти лекторов выступили вчера на всех станциях от Могзона до Карымской, на предприятиях Читинского узла с докладами, беседами, посвященными годовщине смерти В. И. Ленина» [1, с. 2]. Агитационно-просветительская деятельность приобретала массовый характер, была востребована во всех уголках Читинской области. Корреспонденты газет отмечали удовлетворенность слушателей представленным материалом, их заинтересованность выражалась в большом количестве вопросов.

Свою лепту в просветительскую деятельность внес и Читинский Областной музей. Накануне войны в мае 1941 г. его посетители познакомились с новым отделом «Доисторическое прошлое Забайкалья». Ученый секретарь музея Н. С. Тяжелов проводил беседы для экскурсантов, раскрывая эпохи дикости, варварства, цивилизации на примере артефактов, найденных в верховьях Онона, оз. Кенон, окрестностях села Кондуй и г. Сретенска [3, с. 4]. В июле была открыта выставка «Героическое прошлое русского народа», временные рамки которой – от походов славянских князей Олега, Святослава до недавнего прошлого: 1917 г. На выставке представлены снимки, фотографии вождей революции, портреты Чапаева, Фрунзе, Пархоменко. Богато представлено боевое оружие – мечи, сабли,

кремневые ружья и пистолеты, современное оружие [2, с. 3].

Ровно через год корреспондент газеты «Забайкальский рабочий» сообщал об открытии нового интересного отдела «Героическое прошлое русского народа и отечественная война с фашистской Германией». На ней посетители могли познакомиться с подлинниками, это – трофеи, привезенные с фронта делегацией трудящихся Читинской области, ездившей с подарками бойцам. «Длинная застекленная витрина, на фоне иллюстрации, отображающей кровавые дела фашистских злодеев, расположены вещи, клейменные люккообразной свастикой. Вот 2 черных креста – награда, которую получают фашистские молодчики за ограбление советской земли, за разрушение городов и сел, за убийство женщин и детей. Нательный крест с распятием Христа, изображающий символ милосердия, и рядом фотография – расстрел мирного населения с бреющего полета.

Построенная на контрасте, выставка рисует отвратительный облик врага. Выставка трофеев воспитывает священную ненависть к ненавистному врагу» – завершает свою заметку автор [8, с. 4].

Несмотря на военные тяготы, повсеместно продолжали работать библиотеки, роль которых через книгу и газету раскрывать перед трудящимися освободительные цели отечественной войны, рассказывать о ходе боев на фронтах. О новых формах работы библиотеки сообщает корреспондент газеты «Могочинский рабочий»: «Библиотека полностью обеспечивает военной литературой руководителей массово-оборонных кружков, бойцов и командиров всеобщу. В помощь изучающим военное дело уголок “Будь готов к обороне” – материалы по ПВХО и ГСО, книги о винтовке, пулемете, гранате. Библиотека не замыкается в своих стенах, ее работники организуют выставки в военкомате, проводят беседы с домохозяйками на оборонные темы. Библиотека при помощи книги помогает читателям изучить вторую специальность, например, курсанты-шоферы были полностью обеспечены пособиями по автоделу» [16, с. 4].

Просветительскую деятельность газета «Забайкальский рабочий» осуществляла через раздел «Библиография», знакомявший читателя с новинками книгоиздательства: это серия брошюр «Из фронтовой жизни». В рецензии отмечалось, что «читаются они с захватывающим интересом. Наполняют сердце советского читателя гордостью за славных

сынов народа и ненавистью к фашистским собакам. Рассказы зовут к борьбе, вселяют уверенность в победе» [11, с. 2]. Характеризуя сборники «Зверства немецко-фашистских захватчиков», автор подчеркивает, что они содержат не только акты о фашистских зверствах, но и фотографии, иллюстрирующие их. «Надо учиться ненавидеть. Тщательно запоминать каждое злодеяние фашистов, чтобы отомстить. Этому учит, к этому зовет каждый документ, каждое слово сборника» [24, с. 4].

Свой вклад в культурно-просветительскую работу внесли и деятели изобразительного искусства, которые в первых числах июля возродили практику наглядной агитации «Окна ТАСС». «В выпуске приняли участие: художники Смиренин, Поликарпов, Тележинский, Иванов, Кошкарлов, Козьменко, Скуков; журналисты Шергов, Варшавский, режиссер драмтеатра Лаппа-Старженецкий. За первые месяцы войны небольшой коллектив выпустил около 20 “Окон ТАСС”. Карикатуры, рисунки, плакаты, острые поговорки к ним – хорошее средство популяризации сводок Совинформбюро. Сотни горожан и приезжих, мужчин и женщин, стариков и молодежи ежедневно смотрят, и в груди каждого кипит люта́я ненависть» [10, с. 2].

Через год можно было подводить своеобразный итог: «Окна ТАСС» приобрели широкую известность не только в Читинской области, но и частично в Хабаровской области и Бурят-Монгольской АССР. «Смонтированная на 20 двухметровых щитах выставка, была показана на всех станциях и полустанках дороги им. Молотова, в клубах, красных уголках, депо, заводах, цехах» [21, с. 4].

«Окна ТАСС» выпускались еженедельно тиражом 200 экз., что составило 400 рисунков в неделю. Всего за год было выпущено 170 экз. (840 рис.) общим тиражом в 6312 экз. [9, с. 4]. Агитплакат, острая карикатура явились замечательным средством пропаганды и агитации, воспитывающим у трудящихся люта́ю ненависть к врагу и беспредельную любовь к своей Родине.

С первых дней войны кино рассматривалось как мощное средство патриотического воспитания масс, поддержания морального духа народа, его уверенности в победу. Первое место по значимости занимала кинохроника, оперативно рассказывающая о ходе военных действий, о работе тыла, жизни страны в условиях военного времени, это была правда о войне.

С июля 1941 г. на экранах города и области демонстрировалась продукция Централь-

ной студии Союзкинохроника. Это журналы № 59, 60, 61, показывающие зрителям выступление т. Молотова по радио 22 июня 1941 г., многочисленные митинги трудящихся, патриотический подъем населения во время мобилизации в действующую армию [17, с. 4].

С помощью кинопродукции работники кинопроката быстро и образно доносили до зрителей примеры героизма, воодушевляли на новые трудовые подвиги. И сами работники кинофикации работали по-ударному, так, «Могочинский межрайонный отдел за 11 месяцев 1941 г. выполнил план по обслуживанию зрителей и валовому обороту на 138 %. Поставили 3354 сеанса» [5, с. 3]. Ударный труд был отмечен вручением второго «переходящего Красного Знамени, завоеванного за образцовую работу и культурное обслуживание зрителей» [7, с. 1].

В планах Читинской областной конторы «Главкинопрокат» было обеспечение информационной и культурной продукцией тружеников села в уборочную кампанию. «В августе на уборке будет показано 80 кинокартин. В Борзинском районе будет продемонстрирован «Боевой киносборник № 9», в Быркинском «Боевой киносборник № 2», в Улетовском – «Дочь моряка», в Нерчинском – «Свинарка и пастух». Для обслуживания уборочной на сентябрь запланировано 60 кинохроник, из них «Оборона Царицына» в Акшинском районе; «Разгром немецких войск под Москвой» – в Карымском, «Ленинград в борьбе» – в Чернышевском районе» [13, с. 4].

Материалы периодической печати яркое подтверждение активной и разнообразной культурно-просветительской работы учреждений культуры Читинской области.

Источники и литература

1. Агитаторы выехали на полевые станции // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 17. – С. 2.
2. Бондаренко Л. Героическое прошлое великого русского народа // Забайкальский рабочий. – 1941. – № 191. – С. 3.
3. Доисторическое прошлое Забайкалья (новый отдел в Областном музее) // Забайкальский рабочий. – 1941. – № 112. – С. 4.
4. Дьячек М. Лекции об отечественной войне советского народа против германского фашизма // Могочинский рабочий. – 1941. – № 84. – С. 3.
5. Елистратов И. Кино – на службу обороне // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 11. – С. 2.
6. Извещение // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 4. – С. 4.
7. Комаров Т. Могочинскому отделению кинофикации вручается областное переходящее Красное Знамя по передвижной сети // Могочинский рабочий. – 1941. – № 144. – С. 1.
8. Картунова А. В областном музее // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 165. – С. 4.
9. Картунова А. «Окна ТАСС» // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 166. – С. 4.
10. Кудряшев И. «Окна ТАСС» // Забайкальский рабочий. – 1941. – № 199. – С. 2.
11. Кузнецов П. Фронтвые рассказы // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 153. – С. 2.
12. Лекция об отечественной войне // Забайкальский рабочий. – 1941. – № 164. – С. 2.
13. Ливерант И. Кино на уборочной // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 209. – С. 4.
14. Малая энциклопедия Забайкалья. Культура: в 2 ч. – Новосибирск: Наука, 2009. – Ч. 1. – 439 с.
15. Малая энциклопедия Забайкалья. Культура: в 2 ч. – Новосибирск: Наука, 2009. – Ч. 2. – 459 с.
16. Нагловская Е. По-новому // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 168. – С. 4.
17. Новые журналы Союзкинохроники // Забайкальский рабочий. – 1941. – № 176. – С. 4.
18. Объявление // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 9. – С. 4.
19. Объявление // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 22. – С. 4.
20. Объявление // Могочинский рабочий. – 1941. – 20 июля. – № 84. – С. 4.
21. Передвижная выставка «Окон ТАСС» // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 183. – С. 4.
22. Пряженникова М. В. Агитационно-пропагандистская деятельность в Читинской области в первые месяцы Великой Отечественной войны // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвященной 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. – Чита: ЗабГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 8–12.
23. Пряженникова М. В. Культура Восточного Забайкалья в 1920–1930-е годы. – Чита: ЗабГУ, 2019. – 244 с.
24. Рыбина А. Книги, призывающие к мести (о сборниках «Зверства немецко-фашистских захватчиков») // Забайкальский рабочий. – 1942. – № 168. – С. 4.
25. Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. – Чита: Экспресс-изд-во, 2005. – 660 с.

УДК 94(41/99)

ББК 63.3(2Чит):63.3(2)622-38

Ольга Анатольевна Яремчук,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Основные направления работы кафедры истории Читинского государственного педагогического института в начале 1940-х годов¹

В статье на основе архивных материалов даётся характеристика основных направлений деятельности кафедры истории Читинского государственного педагогического института в первые годы её существования. Рассматриваются такие аспекты, как организация учебного процесса, решение методических вопросов, особенности научно-исследовательской и общественной деятельности педагогического коллектива кафедры.

Ключевые слова: кафедра истории, Читинский государственный педагогический институт, учебно-методическая работа, научно-исследовательская деятельность, преподаватели, заведующий кафедрой, В. Г. Изгачёв

Olga A. Yaremchuk,
*Transbaikal state University,
Chita, Russia*

The Main Directions of the Department of History of the Chita State Pedagogical Institute in the Early 1940s

The article describes the main activities of the Department of history of the Chita State Pedagogical Institute in the first years of its existence on the basis of archival materials. Such aspects as the organization of the educational process, the solution of methodological issues, the features of research and social activities of the teaching staff of the Department are considered.

Keywords: Department of History, Chita State Pedagogical Institute, educational and methodological work, research activities, teachers, Head of the Department, V. G. Izgachev

1 марта 2020 г. исполнилось 80 лет кафедре истории историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Эта кафедра являлась одной из первых в созданном в 1938 г. Читинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ). И сегодня на кафедре сохраняются многие традиции, сформированные в первые годы её деятельности.

Цель статьи – проанализировать основные направления деятельности кафедры истории Читинского государственного педагогического института в первые годы её существования. В её основу были положены делопроизводственные материалы Государственного архива Забайкальского края (фонд Р-177) и Забайкальского государственного университета.

Основными направлениями работы кафедры истории в начале 1940-х годов являлись: учебно-методическая, научно-исследователь-

ская и общественная. Деятельность кафедры осуществлялась под непосредственным руководством заведующего учебной частью института. Связано это было с тем, что в 1941–1942 учебном году деканаты в ЧГПИ были ликвидированы. Кафедр в указанные годы в институте действовало всего четыре: истории, основ марксизма-ленинизма, языка и литературы, физики и математики [3, л. 22]. В функционал этих структурных подразделений входили следующие виды деятельности: организация и контроль учебного процесса (утверждение рабочих планов, посещение лекций преподавателей кафедры заведующим кафедрой и другими членами кафедры); обсуждение учебно-методических вопросов; повышение квалификации сотрудников кафедры; организация научной работы [Там же, л. 10].

Созданные в составе ЧГПИ кафедры были небольшими по своему составу (по 2–3 человека), в 1940–1941 учебном году они

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 296–ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

количественно возросли. Во главе кафедры истории в марте 1940 г. был поставлен заведующий кафедрой – доцент Виктор Григорьевич Изгачёв [1, л. 32]. В момент её образования коллектив кафедры состоял из следующих педагогов: Н. И. Зимина – преподаватель истории древнего мира и истории средних веков, И. Ф. Кондрашов – преподаватель истории народов СССР, Е. М. Куц – преподаватель всеобщей истории. Кроме преподавателей на кафедре работали лаборанты: А. Елкина – студентка 2-го курса исторического факультета и М. Тимофеева – студентка 1-го курса этого же факультета [Там же, л. 32 об.]. 1 сентября 1940 г. на кафедру преподавателями курса «История СССР» были приняты Т. Ф. Лобачева и Е. М. Кольцова (позже переведённая на дисциплину «Новая история»), преподавателем истории древнего мира – Е. И. Смольяков [Там же, л. 76 об., 92 об.–93, 97–97 об.]. 22 марта 1941 г. на должность преподавателя дисциплины «История древнего мира» был принят Б. В. Кондриков [2, л. 39]. В 1941–1942 учебном году в штатном расписании кафедры (помимо заведующего кафедрой В. Г. Изгачёва) были обозначены следующие преподаватели: Е. М. Куц (история нового времени), Т. Ф. Лобачева (история СССР), Н. И. Зимина (история средних веков), Б. В. Кондриков (история древнего мира), А. Д. Плотникова (методика преподавания истории, педагогическая практика по истории) [Там же, л. 103]. Все, за исключением заведующего кафедрой, не имели учёной степени. В целом, Читинский государственный педагогический институт имел в рассматриваемый период только одного кандидата наук (на кафедре истории) и двух окончивших аспирантуру. Работа отдельных преподавателей в области повышения своей квалификации заключалась в начале 1940-х годов в подготовке к сдаче кандидатского минимума.

Все кафедры ЧГПИ своевременно обсуждали и утверждали учебные планы читаемых курсов. Кафедра истории не была исключением и также активно вела работу по организации учебного процесса, контролю над выполнением учебных планов.

Учебная работа преподавателей кафедры была представлена в форме лекций, практических занятий и семинаров. К последним двум формам студенты в большинстве своём почти всегда были подготовлены, преподавателями оценивалась их работа на практических занятиях и семинарах, и там, где студент проявил себя в достаточной мере, ему ставился «зачёт» не в ходе сессии, а не-

посредственно по его работе в течение семестра.

Заведующие кафедрами (в том числе и В. Г. Изгачёв) контролировали качество лекций, читаемых преподавателями. Применялось, но редко, взаимное посещение педагогами лекций друг друга. Практиковался метод посещения лекций одного преподавателя всем составом структурного подразделения, и затем следовало их обсуждение в этот же день на заседании кафедры. Очень часто посещали лекции педагогов директор и заведующий учебной частью. Как правило, тотчас же после посещения занятий давались замечания и пожелания (если в них была необходимость). В 1940–1941 учебном году значительно возрос контингент преподавателей, в отличие от предыдущего года. Соответственно, не осталось факультетов, на которых один преподаватель вёл несколько дисциплин [3, л. 23].

В отчётах кафедры истории содержится также информация о выполнении учебной нагрузки по отдельным дисциплинам. Например, курс «Новая история» не читался в течение месяца из-за отсутствия преподавателя, выполнение программного материала было решено за счет времени, выделенного во втором полугодии 1940–1941 учебного года.

В 1941–1942 учебном году курс «История СССР» был невыполнен на первом курсе исторического факультета (выполнение его составило 80 %). Этот факт объяснялся тем, что преподаватель Т. Ф. Лобачева была включена в областную делегацию с подарками на фронт, на эту поездку она потратила около трёх месяцев. За счёт этой дисциплины было дано больше часов по русской литературе, которые были передвинуты со второго курса. На остальных курсах дисциплина «История СССР» была проведена в полном объёме [Там же, л. 13 об.].

Невыполнение учебной нагрузки в этом же учебном году было зафиксировано и по другой дисциплине – «История древнего мира». К началу 1941–1942 учебного года преподавателя по этому курсу не было (был призван в ряды РККА). Нового преподавателя, окончившего в 1940 г. МГУ, удалось найти в Читинском областном радиокомитете. В чтении дисциплины, однако, были большие перемены, начиная от 10 дней до месяца из-за болезни преподавателя и его временного отсутствия по причине участия в заседаниях суда.

Подготовка к зачётно-экзаменационным сессиям в вузе начиналась заранее и состояла в том, что её мероприятия рассматрива-

лись на Совете института. В этот период значительно активизировалась работа кабинетов, библиотеки, проводились консультации, составлялось расписание экзаменов. Наибольшая посещаемость студентами кабинетов падала именно на предсессионные периоды. Например, ежедневная средняя посещаемость кабинета истории в 1940–1941 учебном году выражалась в следующих цифрах: октябрь – 9 чел., ноябрь – 8 чел., декабрь – 11 чел., январь – 17 чел. В архивных материалах есть статистические данные и по второму семестру этого учебного года: в марте общее число посетителей кабинета составляло 700 чел., ежедневная средняя посещаемость – 21 чел.; в апреле соответственно – 1 088 чел. и 42 чел.; в мае – 1 081 чел. и 42 чел.; в июне – 1100 чел. и 43 чел. [3, л. 1–2].

На заседаниях кафедры истории анализируются рабочие планы преподавателей, намечались планы работ каждого сотрудника по повышению квалификации, систематически контролировалось качество лекций, проводилось их обсуждение, заслушивались доклады отдельных преподавателей, устраивались лекции вне института. Например, на одном из заседаний кафедры был поднят важный методический вопрос о форме вузовской лекции [Там же, л. 10]. Были осуждены стремления отдельных преподавателей просто диктовать студентам материал по причине нехватки пособий или отсутствия учебников. Эти попытки превратить творческую лекцию в простую диктовку получили критику и на Совете института. Такая ситуация в лекционной практике говорила о недостаточной квалификации преподавателей. Коллектив кафедры в педагогическом отношении был молодой, четверо преподавателей, кроме заведующего кафедрой, имели вузовское образование, не имели учёных степеней и званий. Все они стремились добросовестно читать материал, установленный программами, но обнаруживали отсутствие стремления к научной работе. Единственный человек, ведущий активную научно-исследовательскую деятельность, – зав. кафедрой В. Г. Изгачёв [Там же, л. 11 об.].

Тем не менее, на кафедре истории регулярно утверждались планы научно-исследовательской работы и повышения квалификации каждого сотрудника. Причем последнему виду деятельности отдавалось предпочтение, так как требовалось обеспечить высокий уровень преподавания читаемых курсов.

Как было указано выше, научных стремлений к самостоятельной научной работе у большинства преподавателей кафедры исто-

рии не было. Лишь заведующий кафедрой, доцент В. Г. Изгачёв вёл серьёзную научно-исследовательскую работу. В рассматриваемый нами период он работал над книгой «Жизнь и деятельность Виктора Курнатовского», об известном соратнике В. И. Ленина и И. В. Сталина, сыгравшем большую роль в революционном движении на Кавказе и в Сибири. Работа была начата им в 1940 г. по заданию Читинского Обкома ВКП(б), к этому времени им было написано 152 печатных страницы, но он решил её дополнить и переделать. При подготовке этого издания В. Г. Изгачёв вёл личную переписку с друзьями В. К. Курнатовского [Там же, л. 92].

При имеющемся составе сотрудников кафедры по научно-исследовательской работе в начале 1940-х годов было сделано немного. Так, в первом семестре 1941–1942 учебного года в развитие характерной для этого времени идеи И. В. Сталина о мужественном образе наших великих предков В. Г. Изгачёвым была написана научно-популярная работа «Великий русский полководец Кутузов» (четыре общие тетради, содержащие 220 страниц). На эту и другие темы («Суворов», «Александр Невский», «Опыт уличных боев») в декабре 1941 г. и январе 1942 г. В. Г. Изгачёвым было прочитано в городе и частях ЗаБВО 6 лекций. В целях изучения боевого опыта Первой мировой войны (1914–1918) В. Г. Изгачёв начал писать научно-популярную статью «Брусиловский прорыв 1916 года», которую предполагал опубликовать в местной печати и прочесть в виде лекций для частей ЗаБВО.

Кроме того, он подготовил ряд военно-исторических тем для лектория окружного Дома Красной Армии: «Суворов», «Кутузов», «Брусиловский прорыв 1916 года», и «Уличные бои в Отечественной войне с германским фашизмом» [Там же, л. 11 об.]. Эти лекции были неоднократно читаемы и в госпиталях, и в других военных частях, и в рабочих аудиториях. Лекции в госпиталях читали и другие члены кафедры. Все лекции читались на актуальные темы, перекликающиеся с темой дня. Например, лекция о Ледовом побоище, о Куликовской битве, Александре Невском, Дмитрии Донском, о Суворове, Кутузове, об Отечественной войне 1812 г. [Там же, л. 12].

По кафедре истории были прочитаны лекции «Юбилей революции 1905 года и газеты «Забайкальский рабочий»», «К истории Советского Забайкалья», «О жизни и деятельности В. К. Курнатовского», «Наглядные пособия в преподавании истории в 5–10 классах школы». Работники кафедры прочли несколь-

ко лекций для учащихся 9–10 классов средней школы в районах Читинской области. Для студенчества вуза чтение общеобразовательных лекций, однако, было развёрнуто недостаточно [3, л. 22].

Таким образом, кафедра истории, начав свою деятельность 1 марта 1940 г. в составе Читинского государственного педагогического института, в первые годы своего существова-

ния успешно реализовывала учебно-методическую и общественную работу, чуть слабее – научно-исследовательскую. Некоторые сложности в реализации задач кафедры в рассматриваемый период определялись, с одной стороны, спецификой начального этапа деятельности кафедры, а с другой – предвоенным и военным периодами в истории нашего государства.

Источники и литература

1. Архив ЗабГУ. – Д. 30.
2. Архив ЗабГУ. – Д. 32.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-177. – Оп. 1. – Д. 2.

УДК 94(41/99)

ББК 63.3(2Чит):63.3(2)622-38

Марина Владимировна Пряженникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Состояние военно-физкультурной работы в Читинском государственном педагогическом институте в годы Великой Отечественной войны¹

Статья основана на материалах Государственного архива Забайкальского края. Автор даёт характеристику состояния военно-физкультурной работы Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны. Показано, с какими трудностями столкнулся институт в осуществлении военной подготовки студентов и при проведении занятий по физической культуре.

Ключевые слова: военная подготовка, физическая культура, педагогический институт, студенты, война

Marina V. Pryazhennikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

State of Military and Physical Education Work at the Chita State Pedagogical Institute During the Great Patriotic War

The article is based on the materials of the State Archive of Transbaikal territory. The author characterizes the state of military and physical culture work of the Chita state pedagogical Institute during the great Patriotic war. The article shows the difficulties faced by the Institute in the implementation of military training of students and in conducting classes in physical culture.

Keywords: military training, physical culture, pedagogical Institute, students, war

В составе Читинского государственного педагогического института, который был образован в 1938 г., к началу Великой Отечественной войны было три факультета: исторический, физико-математический, языка и литературы. Из этих же трёх факультетов состо-

ял и Учительский институт. Общий контингент студентов по состоянию на 1 июля 1941 г. выражался в следующем: педагогический институт – 95 чел.; учительский – 36 чел.; всего – 131 чел. [1, л. 9]. О Читинском государственном педагогическом институте написано ряд

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 296-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

работ, которые раскрывают разные аспекты развития вуза на отдельных хронологических этапах [3–11]. Однако военной и физкультурной подготовке в вузе уделено не достаточно внимания.

С началом Великой Отечественной войны преподавательский состав института по сравнению с 1940–1941 учебным годом значительно сократился за счёт ушедших в Красную Армию. По этой причине институт остался без военрука и преподавателя физкультуры, который был мобилизован в июле 1941 г. Военного руководителя Городской военкомат в ВУЗ посылал, но неудачно: по независящим от института обстоятельствам их сменилось за учебный год четыре человека. Во втором семестре 1941–1942 учебного года был назначен военруком один из студентов-выпускников, вернувшийся из Красной Армии [1, л. 9 об.].

Для качественной военно-спортивной подготовки необходимо было иметь спортивный зал. С начала войны институт был переведён из оборудованного здания, имевшего хороший спортзал, в другое, непригодное для проведения учебных занятий помещение, в котором не было зала для проведения занятий по физической культуре. Нахождение института на окраине города не позволяло заниматься в спортзалах школ, да и они не отапливались, а в использовании спортзала Дома Красной Армии и Дома пионеров было отказано [Там же, л. 66 об.].

Помещение, в котором организовали спортивный зал, не имело вентиляции, находилось в крайне загрязнённом и антисанитарном состоянии, турник стоял не на положенном месте – близко к стене и батарее отопления, кроме того, акустика давала большой резонанс, который мешал студентам воспринимать объяснение преподавателя. У студентов не было спортивных костюмов и обуви. Кроме того, посещаемость занятий по физкультуре была низкая, некоторые студенты опаздывали, дисциплина также оставляла желать лучшего. Всё это приводило к тому, что физическая подготовка у студентов была неудовлетворительная. Из-за слабого оснащения спортзала, занятия были организованы на улице, но в начале октября непогода их сорвала [Там же, л. 12].

В результате всего перечисленного план по физкультуре за первое полугодие 1941–1942 учебного года был выполнен только на 30 % [Там же, л. 21]. Кроме того, бесснежная зима не позволила выполнить в полной мере программного материала по лыжной подготовке. С наступлением тепла занятия прово-

дились во дворе института и частично на стадионе «Динамо».

Причина низкой физкультурной подготовки среди студентов была ещё и в том, что преподаватель физкультуры Пименов к физкультурной работе в институте относился безответственно, уделяя больше времени работе в спортивной школе. В связи с этим, учебная часть вуза осуществляла отбор студентов, которые желали быть преподавателями физкультуры, и проводила с ними дополнительные занятия [2, л. 21].

В отличие от физкультуры, программный материал по военному делу был выполнен полностью, но отдельные разделы программы проработаны неравномерно. Причиной тому была частая смена военруков и разная их подготовленность. Для занятий привлекались специалисты: раздел программы «Пожарное дело» прочитал пожарник, раздел «Санитарное дело» провёл медицинский работник. Были отработаны все практические разделы программы по санитарному делу в анатомическом театре и в госпитале [1, л. 13–13 об.].

Согласно программному материалу за 1941–1942 учебный год, рассчитанному на 72 учебных часа, на всех факультетах была недоработка часов по материальной части гранат и винтовки, по автоматам и ручному пулемёту, которые были выброшены из-за отсутствия должного контроля и учёта [Там же, л. 84]. Нормальному ходу работы мешало отсутствие оборудованного военного кабинета и материальной части.

Несмотря на имевшиеся трудности в военной подготовке, студенты сдавали зачёты и экзамены по военному делу. Из студентов особо отличились: А. Колесников, С. Попова, С. Сидорова – студенты 1-го курса факультета языка и литературы; А. Кибасов, Шестаков – 2-й курс исторического факультета; Чистяков – 1-й курс физико-математического факультета.

Проводились занятия по ПВХО и принимались зачёты по нормам на знания 1-й степени ПВХО. Участок пединститута имел оборудованное газоубежище (подвал), оборудованную щель во дворе. Была организована команда групп самозащиты по звеньям (начальник команды Колесников): пожарное звено – 11 чел., химическое звено – 7 чел., санитарное звено – 10 чел., звено охраны города – 11 чел. С командами проводились теоретические и практические занятия с переходом на казарменное положение. Организованы курсы медицинских сестер, которыми было охвачено 20 чел. [Там же, л. 85].

К маю 1945 г. в институте не было квалифицированного преподавателя по физической подготовке, имевшийся преподаватель Ларионова по своему образованию (физтехникум), возрасту (18 лет) и небольшому опыту работы не могла в должной мере проводить физкультурную подготовку студентов. Областной отдел физкультуры и спорта и Отдел кадров фронта на запросы вуза категорически отказали в выделении институту квалифицированного преподавателя. Только в конце 1944–1945 учебного года Областной отдел физкультуры и спорта направил в институт Ковалевича, имевшего опыт в работе и соответствующее физкультурное образование [1, л. 62 об.].

Учебный план военно-физкультурной подготовки был составлен в соответствии с программой, с учётом прохождения студентами лагерного сбора, однако в связи с поздним получением программы подготовка студентов была начата не по расчёту часов. По военной подготовке проводились в институте следующие занятия: огневая подготовка; строевая подготовка; военная топография; военная администрация; Устав Красной Армии; тактическая подготовка; ПВХО; связь [Там же, л. 63 об., 64]. Со студентами по связи было пройдено ознакомление с аппаратом УНА-Ф-28, практическая работа в поле. Кроме того, в программу входили дисциплины: анатомо-физиологические основы физического воспитания; медицинский контроль над здоровьем занимающихся физическими упражнениями и гигиена физупражнений в школе [Там же, л. 64 об.]. По всем дисциплинам студенты сдавали зачёты и экзамены.

По физической подготовке студенты изучали следующие дисциплины: теория гимнастики; строевые и порядковые упражнения, ходьба, бег. Из раздела «Общеразвивающие упражнения» – упражнения без снарядов, парные упражнения на сопротивление, пассивно-активные движения, комбинации вольных движений, комплекс БГТО; лёгкая атлетика (теория). Проводились практические занятия по ходьбе, бегу, метанию гранат; лыжная подготовка (теория); строевая подготовка лыжников; изучение техники передвижения на лыжах [Там же, л. 67].

Посещаемость занятий по военно-физкультурной подготовке в среднем на первом курсе пединститута составила 80–85 %, на втором курсе – 90 %, на первом курсе учительского института – 90 %, на подготовительном отделении – 100 %. Непосещение занятий объяснялась большей частью не прихо-

дом студентов в дни военно-физкультурных занятий вообще в институт по разным причинам [Там же, л. 68].

Основной упор в военно-спортивной работе был на массовость охвата студентов института, что, в конечном счёте, и было выполнено. В институте была подготовлена и принята объектовая группа самозащиты по местной противовоздушной обороне из 28 студентов. Переподготовлено по шестичасовой программе по ПВО 83 чел.; участвовало в городском походе в противогазах на 5 км 38 чел.; сдали нормы на ГТО 30 чел.; участвовало в летнем профсоюзно-комсомольском кроссе 87 чел. [Там же, л. 68 об.]. Сдали нормативы по бегу на 500 м и в метании гранат 75 чел.; подготовлено разрядников по лёгкой атлетике 24 чел.; состояли членами ДСО «Учитель» 31 чел. Кроме того, в институте была организована легкоатлетическая секция в количестве 15 чел. и волейбольная – 18 чел. [Там же, л. 69].

Институт к концу 1944–1945 учебного года согласно таблице № 1 (приказ зам. НКП СССР 1944 г. № 180) имел всё необходимое учебное имущество и стрелковое оружие для подготовки офицеров запаса пехоты: револьвер «Наган» – 3 шт.; пистолет «ТТ» – 3 шт.; противотанковое ружьё – 3 шт.; пистолет-пулемёт Шпагина – 3 шт.; пистолет-пулемёт Судаева – 1 шт.; ручной пулемёт «ДП» – 1 шт.; станковый пулемёт «Максим» – 1 шт.; винтовки мелкокалиберные – 9 шт.; 7,62-мм разрезные винтовки – 2 шт.; 7,62-мм учебные винтовки – 9 шт. [Там же, л. 69 об.].

Кроме того, в институте был телефонный аппарат УНА-Ф-28 – 2 шт.; коммутатор КОФ – 2 шт.; телефонный кабель – 500 м.; катушки для кабеля – 1 шт.; сетки для стрелка – 10 шт.; маскировочные костюмы – 2 шт.; лопатки сапёрные малые – 14 шт.; лопатки сапёрные большие – 1 шт.; киркомотыги – 1 шт.; пилы поперечные – 1 шт.; ножницы для резки правильные – 1 шт.; разное топографическое имущество (топокарты, топогорки, транспортеры, визирные линейки, планшеты).

За счёт средств института было приобретено следующее имущество ПВХО: химваляки – 20 шт.; сансумки – 2 шт.; фонари и сигнальные лампы – 8 шт.; санпакеты – 50 шт.; муляжи под стеклом – 1 комплект; бумажные накидки – 5 шт.; противогазы – 100 шт.; защитные чулки – 42 шт.; комбинезоны – 8 шт.; носилки – 2 шт. Всё стрелковое оружие было зарегистрировано в органах НКВД. В институте в годы войны появился военный кабинет, но в осеннее и зимнее время из-за холодной температуры он не использовался [Там же, л. 70].

В условиях Великой Отечественной войны большим тормозом в организации оборонно-массовой работы являлось отсутствие подходящего помещения: здание, занимаемое институтом в годы войны, было рассчитано на обучение минимального числа студентов и не имело никаких подсобных комнат. Часть их в зимнее время из-за низкой температуры не была использована, не говоря уже об отсутствии спортзала с соответствующим инвента-

рем. Несмотря на ряд трудностей, подготовка студентов по военно-физкультурным дисциплинам в годы Великой Отечественной войны была проведена вполне удовлетворительно, студенты достаточно серьёзно относились к проводимым занятиям. После окончания войны дирекция института через НКП возбудила ходатайство перед СНК СССР о возврате институту старого здания, что значительно могло улучшить военно-физкультурную работу института.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-177. – Оп. 1. – Д. 2.
2. ГАЗК. – Ф. Р-177. – Оп. 2. – Д. 61.
3. Дроботушенко Е. В. Музеи Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского: вехи истории // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2019. – № 9. – С. 17–20.
4. Константинов М. В. Музей археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова (к 50-летию деятельности) // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. – 2019. – С. 34–42.
5. Константинов М. В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 168–177.
6. Кузнецов В. В., Яремчук О. А., Пряженникова М. В. Факультет физической культуры и спорта Забайкальского государственного университета: история и современность // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 12. – С. 3–5.
7. Пряженникова М. В. Из истории создания Читинского государственного педагогического института // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкальском крае: в 3 ч. – Чита: ЗабГУ. – 2018. – Ч. 1. – С. 15–18.
8. Пряженникова М. В. Культурная деятельность Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны // Наука и образование в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 34 ч. – Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2013. – Ч. 23. – С. 103–105.
9. Пряженникова М. В. Хозяйственная деятельность Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». – 2009. – № 3. – С. 252–254.
10. Яремчук О. А. Деятельность Читинского государственного педагогического института в 1938–1940 гг.: трудности предвоенного периода // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теоретич. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова. – Иркутск: Оттиск, 2020. – С. 293–298.
11. Яремчук О. А. Преподавательский состав исторического факультета Читинского государственного педагогического института в предвоенные годы // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкальском крае: в 3 ч. – Чита: ЗабГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 18–22.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2Чит):63.3(2)622.2-2

Ирина Витальевна Мезенцева,
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

«Золотой эквивалент победы»: вклад Забайкалья в золотовалютный резерв СССР в годы Великой Отечественной войны

Отмечено, что период Великой Отечественной войны в истории советского золота представляет собой «белое пятно». Это связано с отсутствием опубликованных статистических данных об общих объемах добычи этого металла и о золотом запасе СССР в годы войны. Для выявления доли в формировании золотовалютного резерва страны в период военного времени анализируется динамика и количественные результаты добычи золота в Забайкалье в сопоставлении с другими золотодобывающими районами страны.

Ключевые слова: Забайкалье, золото, золотодобывающая промышленность, Великая Отечественная война, ленд-лиз, «Балейзолото», «Дарасунзолото», «Забайкалзолото»

Irina V. Mezentseva,
Chita Institute (branch)
Of Baikal State University,
Chita, Russia

“Gold Equivalent of Victory”: Contribution of Transbaikalia to the Gold and Currency Reserve of the USSR in the Years of the Great Patriotic War

The period of the Great Patriotic War in the history of Soviet gold is a “white spot”. This is due to the absence of published statistics on the total volume of production of this metal and on the gold reserve of the USSR during the war. The dynamics and quantitative results of gold production in Transbaikalia are analyzed in comparison with other gold mining areas of the country in order to identify the share in the formation of the country’s gold and currency reserve during the wartime period.

Keywords: Transbaikalia, gold, gold mining, the Great Patriotic War, lend-lease, “Baleyzoloto”, “Darasunzoloto”, “Zabaykalzoloto”

Отмечая в последние годы «плодотворное исследование «золотой» темы на региональном уровне», В. Б. Кузнецов приводит пример результативного изучения истории «Дальстроя» [7]. По данным А. И. Широкова, производственные объекты «Дальстроя» за 1941–1944 гг. добыли 290,8 т золота, в то время как все предприятия, входящие в структуру «Главзолото», за этот же период – 214 461 кг [10]. Знакомство с работами О. Я. Гутак, В. Г. Зеляка, Л. Е. Зубрилова, А. З. Яруллиной позволило провести некоторое сравнение положения и состояния золотодобывающей промышленности Забайкалья с другими золотодобывающими районами и определить место и значимость «забайкальского золота» в золотовалютном резерве СССР в годы войны [4–6; 11].

«Фронтальная золотая вахта» началась для золотодобывающей промышленности СССР с первых месяцев войны. Это было связано в первую очередь с платежами по закону *Lend-lease*, принятого 11 марта 1941 г. Конгрессом США и содержащего пункт о поставках, аренде, займах вооружения, оборудования, транспорта и продовольствия и указанием, что «стоимость передаваемых тем или иным способом на основании настоящего параграфа предметов обороны... не должна превышать 1300 млн долл.» [8]. Опасаясь фашистской агрессии, США начали оказывать помощь Англии, а после того, как Гитлер совершил вероломное нападение на СССР, в круг действия этого закона вошла и наша страна. «До марта 1945 г. поставки союзникам по закону *Lend-lease* оцениваются в 38 971 797 тыс. долл.» [Там же]. Вме-

сте с тем по мере усиления участия западных стран в боевых действиях возрастали потребности в металле и угле, а объёмы золотодобычи снижались. Уже в 1941 г. в США наблюдалась консервация объектов с наиболее бедным содержанием золота, а во второй половине 1942 г. США, Канада и Австралия фактически прекратили добычу, мотивируя это необходимостью максимального высвобождения рабочей силы и средств для работы оборонной промышленности.

В отличие от других золотодобывающих стран, СССР в годы войны не мог допустить свёртывания золотодобычи даже в незначительных масштабах, она продолжала оставаться стратегически значимой отраслью. Расходование золотого запаса СССР в годы войны происходило быстрее, чем его пополнение за счёт всемерного форсирования добычи. СССР уплатил за поставки вооружения по ленд-лизу около 1,5 тыс. т золота. Масштабы и стоимость поставок по данным первого отдела Госплана эквивалентны 19 % национального дохода СССР [9]. Американцы дважды приезжали в СССР с целью оценки его платёжеспособности. По реакции государственного секретаря Д. Ачесона в 1941 г. и вице-президента Г. Уоллеса в 1944 г. в ходе поездок на Колыму было очевидно, что для США расчёты СССР в золотовалютных резервах были более чем предпочтительными [7].

Выявляя общие тенденции и особенности в развитии «отрасли, пополнявшей военный бюджет страны», Л. В. Сапоговская указывает на приоритетное внимание к ее развитию практически во всех золотопромышленных районах страны [9]. Война внесла свои коррективы в структуру промышленности, четко разграничив оборонные и необоронные отрасли. Необходимость приоритетного развития отраслей оборонной промышленности (черной и цветной металлургии, тяжелого машиностроения, химической промышленности и топливно-энергетического комплекса), первоочередного снабжения их сырьем, техническими материалами, оборудованием и трудовыми ресурсами диктовались условиями военного времени. Необоронный статус золотодобывающей промышленности Забайкалья не потребовал существенной реорганизации и перепрофилирования производства. Основной задачей оставалась добыча золота, но ее работа существенно осложнялась особенностями военно-стратегического положения региона, находящегося, с одной стороны, в глубине тылу, с другой – в относительной близости с милитаристской Японией – вторым воз-

можным очагом войны против СССР. В связи с этим золотодобыча, с возникновения и развития которой в свое время началось промышленное освоение Забайкалья, испытывала особые трудности, оставаясь в тоже время важнейшим поставщиком золотовалютного резерва страны. Отсутствие брони для старателей и инженерно-технических работников обусловили снижение квалифицированного кадрового потенциала золотодобычи Забайкалья за годы войны в целом на 36 %.

Основные усилия по организации работы золотодобывающих предприятий Забайкалья в условиях военного времени были направлены на мобилизацию внутренних резервов производства – восполнение и подготовку рабочих кадров, концентрацию рабочей силы на наиболее рентабельных объектах золотодобычи, более широкое использование возможностей старательского сектора, форсирование разведочных и горно-подготовительных работ. Решение этих задач оставалось приоритетным в работе отрасли на всем протяжении войны. Уже в первые дни после начала войны была поставлена задача не только сохранить темпы и объёмы добычи золота, восстановленные в 1940 г. и первом полугодии 1941 г., но и превзойти их.

Несмотря на трудности, связанные с недостатком рабочей силы и материально-технического снабжения, пять золотодобывающих трестов Забайкалья – «Амурзолото», «Балейзолото», «Верхамурзолото», «Дарасунзолото», «Забайкалзолото» ознакомили досрочное выполнение годового плана к 7 ноября 1941 г. Трест «Амурзолото» увеличил добычу золота на более чем на 80 %, превысив показатели 1939 г. Значительные успехи были достигнуты за счет эффективной работы старательского сектора. Итоги 1941 г. стали рекордными для отрасли в целом, но в 1942 г. большинство предприятий снизили производственные показатели по сравнению с 1941 г. на 29 %. Особенно резко упала добыча золота по трестам «Верхамурзолото» (на 39 %) и «Амурзолото» (на 36 %). Еще значительно по сравнению с предшествующим периодом усилилось отставание треста «Забайкалзолото» (на 36 %). В 1943–1945 гг. произошло снижение промышленных запасов руды и содержания металла в них, все более ощущался недостаток квалифицированной рабочей силы и транспортных средств. На показателях работы отрасли сказывалось отсутствие подготовленной сырьевой базы и разведанных рентабельных участков золотодобычи. Тресты «Забайкалзолото» и «Амурзолото» были лишены возможности

широкой механизации труда и опирались главным образом на старательские (мускульные) работы. В целом золотодобывающая промышленность Забайкалья выполнила государственный план 1943 г. на 57,5 %, что составило к добыче 1942 г. только 62 %.

Из всех золотодобывающих предприятий Забайкалья только комбинату «Дарасунзолото» удалось сохранить довоенный уровень производства. Тресты «Балейзолото» и «Амурзолото» снизили добычу золота в

2,5 раза. Начиная с 1941 г. не выполняли своих плановых заданий тресты «Верхамурзолото» и «Забайкалзолото». Некоторое улучшение работы предприятий в 1944 г. произошло в результате мероприятий, принятых в рамках постановлений 1943 г. и 1944 г. по улучшению работы золотодобывающей промышленности, но в целом ликвидировать отставание не удалось. В целом за период 1941 – 9 мес. 1944 г. в Забайкалье было добыто 52882 кг золота (табл. 1).

Таблица 1

Выполнение плана по добыче золота золотодобывающими предприятиями Забайкалья за 1941 – 9 мес. 1944 г. (фактически добытое в кг и в процентах к плану)*

	1941	1942	1943	9 мес. 1944	1941 – 9 мес. 1944
«Амурзолото»	7 550 (128,1)	4 898 (71,1)	2 464 (48,7)	2 810 (88,2)	17 722
«Балейзолото»	5 465 (102,1)	4 484 (90,5)	2 905 (49,8)	3 794 (90,1)	16 648
«Верхамурзолото»	2 126 (95,4)	1 307 (80,0)	889 (66,3)	1 704 (94,1)	6 026
«Дарасунзолото»	1 631 (106,3)	1 318 (88,3)	1 367 (100,1)	3 177 (118,8)	7 493
«Забайкалзолото»	2 086 (94,7)	1 341 (84,4)	656 (66,3)	910 (71,3)	4 993
Итого	18 858 (109,5)	13 348 (81,0)	8 281 (57,5)	12 395 (93,5)	52 882

*По: [1, л. 4; 2, л. 18; 3, л. 20].

Если в 1941 г. все предприятия, входящие в структуру «Главзолото», обеспечили добычу 100 т, то в 1942 г. – 55 т, в 1943 г. – 37,8 т [4]. Добыча золота в тресте «Енисейзолото» сократилась с 2355 кг в 1941 г. до 1159 кг – в 1945 г. [Там же]. Объемы добычи предприятий Юга Западной Сибири в 1943 г. сократились на 3/4 от довоенного уровня и составили 1235 кг, в 1945 г. снижение уровня добычи составило уже 1/3 от довоенных показателей [Там же].

Предприятия «Дальстрой» в 1942 г. обеспечили извлечение золота в количестве 74,4 т (106 %), в 1943 г. – 70 т, в 1944 г. – 70,5 т (100 %), в 1945 г. – 69,5 т (99,2 %) [5]. Эти показатели работы позволяют утверждать, что в самый напряженный период 1941–1943 гг. «Дальстрой» дал стране более половины (55,5 %) всего золота Советского Союза и «стал ведущим валютным цехом страны». При этом необходимо заметить, что высокие производственные показатели были достигнуты при активном использовании труда заключенных и получении в 1943 г. значительной помощи по ленд-лизу в форме горного и энер-

гетического оборудования, что позволило «Дальстрою» начать техническое перевооружение производства даже в условиях войны [Там же]. В то время как в Забайкалье была приостановлена реконструкция Дарасунского рудника – оборудование, полученное для новой обогатительной фабрики, было демонтировано и отправлено в Среднюю Азию для молибденового рудника. На послевоенное время была перенесена дальнейшая детальная разведка Тасеевского золоторудного месторождения. За годы войны обработка руд и песков снизилась на 50 %, резко сократилось содержание металла в сырьевых запасах предприятий, что отразилось на уровне добычи в целом. Добыча золота в Забайкалье в 1945 г. составила только 42 % по сравнению с 1940 г.

На основе имеющихся данных, приведенных в указанных работах, можно представить совокупные результаты добычи (по районам) в сравнении с «Дальстроем» и выявить долю участия Забайкалья в формировании золотовалютного резерва СССР в годы Великой Отечественной войны (табл. 2).

Таблица 2

Производственные результаты работы
золотодобывающей промышленности по некоторым
районам СССР за 1941–1945 гг., кг*

1	Забайкалье (Читинская область)	52 882
2	Башкирия (Башкортостан)	8 800
3	«Березовскзолото» (Урал)	4 118
	Совокупный итог по позициям 1, 2, 3	65 800
4	Все предприятия «Главзолото»	214 461
5	«Дальстрой» (Колыма)	290 800

*Составлено автором.

К концу Великой Отечественной войны производственный потенциал и резервы имеющейся сырьевой базы золотодобывающей промышленности Забайкалья были практически исчерпаны. Вместе с тем, несмотря на все трудности военного времени, отрасль, изыскивая возможности внутренних резервов, всеми силами пыталась сохранить потенциал производства и внести свой «золотой» вклад в Победу – практически 1/4 часть золота, добытого всеми предприятиями системы «Главзолото», приходится на Забайкалье.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 1236.
2. ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 1485.
3. ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 1748.
4. Гутак О. Я. Золотопромышленность Юга Сибири в 1917–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Томск, 2005. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003254334/ (дата обращения: 14.01.2020). – Текст: электронный.
5. Земяк В. Г. Золото для Победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы войны. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14831340> (дата обращения: 14.01.2020). – Текст: электронный.
6. Зубрилов Л. Е., Дементьев И. В. Вклад горнорудного Урала в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург: Урал. гос. горно-геол. акад., 1995. – 160 с.
7. Кузнецов В. Б. История золотодобычи СССР в годы Великой Отечественной войны. – Текст: электронный // Горная промышленность. – URL: <https://mining-media.ru/ru/article/anonsy/13878-istoriya-zolotodobychi-sssr-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 09.01.2020).
8. Михалевский Ф. И. Золото в период мировых войн. Гл. 7. – URL: <http://padaread.com/?book=124546> (дата обращения: 18.04.2020). – Текст: электронный.
9. Сапоговская Л. В. Золотопромышленность Республики Советов – СССР – РФ: эволюция отрасли в альтернативных системах хозяйствования // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 266–308.
10. Широков А. И. Государственная политика на северо-востоке России в 1920–1950 гг. Опыт и уроки истории. – Томск: Томск. ун-т, 2009. – 450 с.
11. Яруллина А. З. Золотодобыча в юго-восточных районах Башкортостана в годы войны. – Уфа: РАН, 2005. – 189 с.

УДК 94(41/99)

ББК 63.3(2Чит):63.3(2)622-2

Людмила Мусалимовна Карчанова,

Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Читинская промысловая кооперация (промартели) в годы Великой Отечественной войны

В статье представлены документы Государственного архива Забайкальского края, рассказывающие о работе промысловой кооперации, не только обеспечивающей в годы Великой Отечественной войны товарами первой необходимости читинцев, но и снабжающей своей продукцией Красную Армию.

Ключевые слова: кооперативная промышленность, промартели, Горпромсоюз, фронтовые месячники, выполнение производственных планов

Ludmila M. Karchanova,
State Archive of the Transbaikal territory,
Chita, Russia

Chita Trade Cooperation (Prometeo) During the Great Patriotic War

The article presents the documents of the State Archive of Transbaikal territory, which tell about the work of the fishing cooperation that provided not only the residents of Chita with essential goods during the great Patriotic war, but also supplied the Red Army with its products.

Keywords: cooperative industry, primarily, Gopromos, front months, the implementation of production plans

В условиях Великой Отечественной войны, когда читинские фабрики и заводы, до войны вырабатывающие предметы широкого потребления, переключились на выпуск вооружения и боеприпасов для Красной Армии, большое значение приобрела промысловая кооперация. Использование местных разнообразных сырьевых ресурсов позволяло удерживать необходимый уровень жизнеобеспечения г. Читы. В то же время читинские промысловые артели не только кормили, одевали, обеспечивали товарами первой необходимости читинцев, но и пополняли снабжение Красной Армии своей продукцией.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 9 января 1941 г. план выпуска кооперативной промышленности на 1941 г. был повышен по сравнению с 1940 г. на 22,1 %. Война внесла свои коррективы в выполнение плана. И читинские промысловые артели уже в течение 10 месяцев 1941 г. выполнили утвержденный годовой план. План 1941 г. местной промышленностью Горпромкомбината и Горпищеккомбината по выпуску валовой продукции был выполнен на 105 %. А из намеченных по плану открытию 10 цехов – 9 было открыто, в этом же году была построена и пущена в эксплуатацию макаронная фабрика [2, л. 15 об.].

Для руководства артелями промысловой кооперации в г. Чите был образован Читинский городской промысловый союз «Читгорпромсоюз», с подчинением Уполномоченному Управления Промкооперации при СНК РСФСР по Читинской области [8, л. 5]. Читинский городской промысловый союз объединил промысловые кооперативные организации г. Читы и руководил их организационной, производственной, финансовой работой, был открыт расчетный счет в Читинском отделении Госбанка. «Читгорпромсоюз», кооперируя кустарей г. Читы, вовлекал в работу артелей членов колхозов и членов семей артельщиков. Вел руководство над артелями г. Читы, Читы I, Черновских копей. Работа велась по

изысканию местных источников сырья, по заготовке сырья, материалов, полуфабрикатов, отходов государственной промышленности, оборудования, инструментов, топлива.

«Читгорпромсоюз» не только организовал сбыт продукции артелей, открывал розничные магазины по продаже артельной продукции, но и организовывал школы и курсы по поднятию квалификации членов артели, развитию ученичества в артелях. Задачей «Читгорпромсоюза» являлось проведение культурно-просветительных мероприятий для артелей г. Читы. Для этого создавались не только школы, выставки и курсы, но и в Красных уголках, избах-читальнях, клубах читались лекции. Промсоюз представлял промысловые кооперации г. Читы в государственных кооперативных и общественных учреждениях и организациях. Промысловый союз образовывал основной, паевый и специальный фонды. Основной фонд создавался из вступительных взносов членов промысловых коопераций по 250 р. и из отчислений от распределяемой прибыли промсоюза – не менее 35 % прибыли. Паевый фонд промысловых кооперации создавался из паевых взносов в размере 20 % паевого фонда члена промсоюза. Специальные же фонды образовывались из отчислений от прибылей по постановлению собрания уполномоченных, из долгосрочных и краткосрочных взносов производимых членами [Там же, л. 5].

До июня 1943 г. промысловые артели г. Читы входили в систему Облпромсоюза. С созданием Читинского Горпромсоюза из состава Облпромсоюза было выделено 12 артелей: «Кожобувь», «Восток», «Авангард», «Изобретатель», «Культура», «Работница», «Металлист», «Заря», «Транспорт», «Прогресс», «Красный луч», «Вперед». Позже из состава Лесхимсоюза была выделена и передана Горпромсоюзу еще одна артель – «Новый Труд». С выделением артелей из состава Облпромсоюза удельный вес Горпромсоюза в системе промкооперации области составил

45,5 %. Но аппарат Горпромсоюза формировался за счет специалистов – плановика, главного бухгалтера, бухгалтеров – выделенных артелей. Артели, вошедшие в систему Горпромсоюза, объединяли в себе такие производства, как швейное, трикотажное, сапожное, кожевенное, гончарное, пимокатное, химическое, металлическое, текстильно-веревочное, галантерейное, пищевкусовое, столярное. За время существования Горпромсоюза артелями освоены ручная вязка трикотажа, пошив х/б тапочек, изготовление школьных ручек, линеек, теска деревянной шпильки, игрушки, зубной порошок, гуталин, мыло из заменителей. Была расширена реставрация и ремонт трикотажа, швейных изделий, починка обуви, грифельных досок, грифелей и колесной мази. За счет открытия новых цехов по ремонту увеличилась сеть цехов – на 1 января 1943 г. их было 68, а на 1 июня 1944 г. стало уже 77 цехов. Выделенные из Облпромсоюза артели работали в основном в арендованных промышленных помещениях. Из арендованных 16 помещений пять были заняты под промзанятия. Проблемным местом в работе артелей являлся транспорт. В 1944 г. в артелях в артелях «Кожобувь», «Авангард», «Восток» использовалась 31 лошадь, часть лошадей находилась на откорме. Плохой уход за лошадьми приводил к тому, что они становились неработоспособными. В промартелях имелось и три автомашины. Из них на ходу было только две. Для полноценного обслуживания артелей и обеспечения их подсобных хозяйств такого транспорта было недостаточно.

Подобное состояние техники было характерно и для артельного производства. Большинство артелей было механизировано, но из-за слабой ремонтной базы не вся техника эксплуатировалась. Швейное производство располагало 157 машинами, но из них неисправных было 66 швейных машин. Также не использовались фрезерный, токарный, сверлильный, сверлильный по металлу станки и станок для производства гребешков. Большие недостатки были в работе артели «Транспорт». В распоряжении этой артели было свое механизированное пимокатное производство, но председатель артели Дектерев сдал это производство в аренду военной организации и получал в виде амортизации за механизмы 25 % с вырабатываемой продукции. Дектереву не приходилось заботиться о шерсти, топливе, рабочей силе, но и населению г. Читы вырабатываемая продукция не поступала. К тому же артельный гужевого транспорт, к нача-

лу войны состоящий из 50 лошадей, сократился до 10 лошадей.

Большой проблемой было обеспечение артелей рабочей силой из-за мобилизации рабочих кадров в Красную Армию. На смену мобилизованным приходила молодежь, которая в короткие сроки овладевала новыми специальностями, но не удерживалась на производстве. В течение полугода 1944 г. в артели было принято 238 чел., а уволено 203. Большинство из которых были ученики, возвратившиеся в школы. В первые же месяцы войны директор мебельной мастерской Ильин докладывал председателю Читинского райисполкома тов. Красильникову о том, что 8 работников ушли в ряды Красной Армии, осталось 4 рабочих, «из них один – хронически больной, мало работает, два столяра и один чернорабочий, он же и конюх». Для работы мастерской как минимум необходимо было иметь: четырех столяров, двух подеревщиков, двух пильщиков, двух лесорубов, двух возчиков, одного шофера, трех заготовщиков сена, четыре человека для оборудования здания мебельной мастерской [9, л. 45]. Чувство долга и совести директора мебельной мастерской Ильина не позволяли «занимать должность директора над тремя человеками» и получать от государства деньги. Обращаясь к председателю Читинского райисполкома Красильникову, он просит посоветовать, где бы он смог принести в такое напряженное время более существенную помощь.

Но артели Горпромсоюза продолжали работать. В 1943 г. прибыль, полученная артелями Читинского Горпромсоюза, составила 1 100,6 р., в том числе: «Кожобувь» – 239,1 р., «Восток» – 205,0 р., «Авангард» – 492,7 р., «Изобретатель» – 82,3 р., «Прогресс» – 4,7 р., «Заря» – 19,4 р., «Красный Луч» – 20,4 р., «Вперед» – 37,0 р. Артели Горпромсоюза дали продукции: в 1940 г. – на 19 600 р., в 1941 г. – на 21 000 р., в 1942 г. – на 13 000 р., в 1943 г. – на 11 200 р. Вся эта продукция поступала в торгующие организации города Читы. Отпускать товары широкого потребления другим организациям или лицам было запрещено и рассматривалось «как разбазаривание товаров со всеми вытекающими последствиями» [4, л. 141]. В 1943 г. из 12 артелей план выполнили 7 артелей: «Авангард» (126,5 %), «Кожобувь» (103,0 %), «Культура» (118,0 %), «Работница» (139,0 %), «Вперед» (115,4 %), «Металлист» (115,8 %), «Красный Луч» (105,3 %). Весь военный период хорошо работала, получая переходящее Красное Знамя Горкома ВКП (б) и горисполкома, артель «Кожобувь». В

апреле 1944 г. артель выполнила производственный план на 112 %, ею были освоены и пущены в ход два гвоздильных станка по выработке текста. В артеле успешно проводилась работа по ремонту и пошиву новой обуви для семей фронтовиков и военнослужащих, оказывалась и финансовая помощь – в 1944 г. для них были заработаны 11 тыс. р. [7, л. 16]. Артель «Кожобувь» постоянно участвовала в проведении фронтовых месячников, когда брались повышенные обязательства за качество продукции, производительность труда, снижение себестоимости продукции, за трудовую дисциплину, за досрочное выполнение государственного плана. В сентябре 1944 г., заслушав обращение коллектива Московского автозавода развернуть социалистическое соревнование, работники артели «Кожобувь» обязались десятимесячный план выполнить на 108 %, снизить себестоимость на 3 %, подготовить 75 мастеров, повысить на 1 разряд квалификации 35 рабочих, убрать без потерь урожай в своем подсобном хозяйстве и широко развернуть культурно-массовую работу в своем коллективе [Там же, л. 7].

Трудности военного времени приводили к тому, что некоторые артели часто не справлялись с выполнением плана. Причины невыполнения были разными. Артель «Восток», имевшая направление по «пищевкусовой» промышленности не выполнила план из-за того, что значительно сократился в 1943 г. отпуск фондовых товаров: муки, сахара на кондитерские изделия, а на хлебобулочные изделия со 2-го квартала 1943 г. прекратился совсем. Артель вынужденно работала с большими перебоями и с неполной нагрузкой. Совсем плохо обстояли дела в артели «Культура», которая ежегодно не выполняла минимальный производственный план. В 1945 г. план выполнения составил лишь 16 %, при этом на январь 1946 г. в артели еще числилось 7 работников, а в июле их осталось только двое – председатель и сторож. Все здания артели – бараки, конюшня, сараи – пришли в полную негодность. Хотя ранее промартель «Культура» обращалась к властям о разрешении купить дом, принадлежащей гр. Чудиновой и находящегося на углу улиц Албазинской и им. Чкалова, для использования под мастерские по выпуску товаров широкого потребления [1, л. 68]. В 1946 г. решением Обли-

полкома промысловая артель «Культура», как не имеющая производственных площадей, рабочей силы и оборотных средств была ликвидирована [3, л. 9 об.].

Работа местной промышленности во фронтовых месячниках широко освещалась редакцией «Последние известия» Читинского областного радиокомитета. В 1943 г. у микрофона выступали председатель артели «Авангард» Белоусова, артели «Работница» Парфенович, артели «17 лет Октября» Симонова, директор Горпромкомбината Ильин и др. [5, л. 10]. О том, как артели промысловой кооперации г. Читы помогали фронту, рассказывалось в радиопередачах 1945 г. «В артелях города»: «Воинам Красной Армии должно быть тепло зимой! И заботливые руки работниц артели, не зная усталости, ремонтируют телогрейки и шапки. На митинге по поводу заявления Советского правительства об объявлении войны Японии, коллектив принял решение к 1 сентября изготовить 6000 шапок и 1400 телогреек. Порученная работа выполняется как заказ фронта». При плане 150 штук – артель изготавливала ежедневно по 165–170 телогреек. Прошла только неделя, а из заказа в 6000 шапок артелью было сшито уже 5500 штук [6, л. 45]. Для обеспечения засолки овощей для Красной Армии тарой артель «Новый труд» должна была изготовить 3250 бочек емкостью по два центнера каждая и 500 бочек для Горпромкомбината. Такие производственные планы в условиях военного времени не обсуждались и выполнялись немедленно в установленные сроки.

В годы войны читинские артели изготавливали одежду, обувь, белье, рукавицы, бочкотару для засолки овощей, мыло, лыжи и другие нужные вещи для Красной Армии. И в это же время артели производили простейшие, но и такие необходимые в быту жителей Читы вещи. До 40 % всех предметов, находящихся в домах читинцев – посуда, обувь, чулочно-носочные изделия, мебель, головные уборы, были сделаны руками артельщиков.

Читинские промысловые артели, подчинив свою работу требованиям фронта, в трудных условиях справлялись с теми задачами, которые потребовала Родина, Красная Армия для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 607.
2. ГАЗК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 809.
3. ГАЗК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 1316.
4. ГАЗК. – Ф. Р-137. – Оп. 1. – Д. 77.
5. ГАЗК. – Ф. Р-987. – Оп. 2. – Д. 10.

6. ГАЗК. – Ф. Р-987. – Оп. 2. – Д. 14.
7. ГАЗК. – Ф. Р-1507. – Оп. 1. – Д. 18.
8. ГАЗК. – Ф. Р-1684. – Оп. 1. Д. – 572.
9. ГАЗК. – Ф. Р-1770. – Оп. 1. – Д. 147.

УДК 069.01:94(41/99)

ББК 63.3(2Чит):63.3(2)622-38:79.1

Наталья Николаевна Константинова,

*Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Читинский музей в годы Великой Отечественной войны

В статье говорится о проблемах финансирования, материального снабжения, кадрового обеспечения музея. Рассказано об экскурсионной, экспозиционно-выставочной работе, о комплектовании, как ее основе, о героико-патриотической направленности музейной деятельности. Отмечен вклад сотрудников в работу музея в условиях военного времени, названы имена сотрудников-участников войны.

Ключевые слова: Читинский музей, война, финансирование, кадры, материалы, сотрудники, коллекции, экспозиции, выставки, героико-патриотизм, краеведение, фронтовики, участники войны

Natalia N. Konstantinova,

*Transbaikal Regional Museum of Local Lore named after A. K. Kuznetsov,
Chita, Russia*

Chita Museum During the Great Patriotic War

The article features the problems that the museum faces, such as financing problems, procurement issues and human resourcing. The paper also describes the museum's exhibition and excursion work, as well as object collection accumulation, the museum's patriotic educational activity. The article also features the input of the museum's workers during the war years and names the employees who were war veterans.

Keywords: Chita Regional Museum, war, financing, museum's staff, materials, museum's employees, museum's collections, exhibitions, patriotism, regional studies, war veterans

В военные годы вместе с городскими и сельскими предприятиями, продукция которых шла на фронт, наряду с учебными заведениями продолжали действовать просветительские учреждения. Читинский музей, являвшийся центром краеведения, идейно-политического и патриотического воспитания, накануне и в годы войны работал в прежнем режиме: организовывал новые выставки, принимал посетителей, проводил экскурсионную и лекционную работу.

Накануне войны в условиях смены ориентиров сложившихся до революции традиций краеведения (это явление в общественной и научной жизни всей страны, в том числе Забайкалья принято называть «разгромом краеведения») музей остался без опытных руково-

дителей и специалистов. В 1938 г. директор Л. Я. Орлов был необоснованно арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Был репрессирован и расстрелян заведующий отделом этнографии А. Н. Добромыслов. В течение года продержали в тюрьме ученого секретаря и заместителя директора музея Н. С. Тяжелова. С 1938 по 1940 г. Читинский областной музей возглавлял, ставший позже известным в Сибири ученым-историком, В. Г. Изгачев (на директорскую должность был направлен Наркомпросом РСФСР в ноябре 1938 г. по линии кадрового укрепления периферийного музея). К этому времени в Москве он окончил подготовительное отделение аспирантуры при Музее революции СССР, аспирантуру Государственного Исторического Му-

зая, где являлся научным сотрудником. Работая в Читинском музее, готовил к защите кандидатскую диссертацию, посвященную истории крепостного строя в Грузии конца XVII – начала XIX вв. [4, с. 81].

Отчитываясь за работу Читинского музея в 1939 г., Изгачев отмечал трудность в подборе кадров, которая заключалась «не только в очень низких ставках, но также в отсутствии квартир для научных сотрудников». Тогда, например, подвергшийся репрессиям ученый секретарь музея Н. С. Тяжелов после освобождения из-под ареста не мог вернуть свою прежнюю квартиру и жил «в музее под лестницей в раздевалке». Инженер-геолог А. К. Пылина проживала «на кухне в бывшей комнате уборщицы». «В препараторском кабинете среди ...шкурки птиц и животных, с постоянным запахом нафталина» вместе ютились Е. И. Павлов и препаратор-зоолог И. А. Велинский. Сам директор музея обосновался «в фондовой комнате среди архивной пыли и кухонной копоти» [9, л. 13].

Учитывая близость государственной границы, в целях безопасности музейных коллекций в случае военной угрозы по распоряжению властей в феврале 1939 г. был создан объединенный объект противовоздушной обороны (ПВО), куда вошли музей, библиотека и семенная лаборатория, занимавшая в музейном здании несколько помещений. Стала применяться усиленная светомаскировка, а из сотрудников была скомплектована группа самозащиты. Ее начальником вначале был назначен Е. И. Павлов, затем Н. С. Тяжелов, политруком – член ВКП (б) А. К. Пылина. Ежемесячно, 4, 19, 27-го числа, с 7 до 9 вечера в группе самозащиты проходили теоретические и тренировочные занятия. Был разработан перечень художественных произведений, как первоочередных для эвакуации в условиях военного конфликта [3, л. 2 об., 8 об.; 15, л. 2 об.; 4, с. 82].

В эти годы Читинский музей располагался в собственном здании, выстроенном в 1914 г., в окружении сада на территории 4777,5 м². Перед зданием – «мощные железобетонные скульптуры Ленина и Сталина». Адрес музея: ул. Пушкинская, 6/3 [9, л. 14; 8, л. 1]. Для отопительной системы в перевозке угля, дров использовался гужевой транспорт, на содержании музея находилась лошадь. В 1940 г. музей несправедливо был лишен имени своего создателя А. К. Кузнецова. Принятое в декабре 1940 г. постановление бюро Читинского обкома КПСС о присвоении музею имени И. В. Бабушкина, вероятно, из-за проволочек не всту-

пило в силу. Во всяком случае, на оттисках печатей музейных документов второй половины 1941 г. читалось: «Читинский областной краеведческий музей» [4, с. 82, 85, 99].

Если музеи страны, которым грозила оккупация или гибель под бомбежкой, в первые месяцы войны в лучшем случае смогли вывезти музейные ценности в отдаленные районы страны, то Читинскому музею не пришлось эвакуировать экспонаты, хотя оргработа по этому поводу проводилась. Также Читинский музей подобно учебным заведениям, в основном школам, не был переоборудован под эвакуогоспиталь. Но, как и все сохранившиеся в стране музейные учреждения, остался на «голодном пайке». Сменивший Изгачева на посту директора, Н. А. Цебенко (пришел в музей после реабилитации в связи с необоснованными политическими обвинениями) в отчете за второе полугодие 1941 г. отмечал: «...С началом войны ассигнования на содержание музея были сокращены на 56 тыс. руб. или на 27,9 процента... К концу 1941 г. в Читинском музее осталось только три сотрудника, а именно директор, он же руководитель выставок Н. А. Цебенко, ученый секретарь Н. С. Тяжелов, зав. отделом природы Е. И. Павлов... Зав. фондами В. П. Донской уволен по сокращению штатов, а геолог А. К. Пылина уволена вследствие ее заявления. Научно-технических работников два: хранитель музея А. И. Шемелин и художник О. В. Хлыновская. Технических работников – девять» [11, л. 1].

Кадровая проблема усугублялась не только отсутствием жилья. Низкая зарплата сотрудников препятствовала пополнению музея грамотными специалистами. Имело место слабое руководство со стороны советских органов. Как отмечал в 1940 г. В. Г. Изгачев, в ОблОНО «нет даже единственного инспектора, который бы курировал музеи Читинской области», поэтому «музеи управляются инспекторами сектора домов культуры, изб-читален и колхозных клубов» [15, л. 3–3 об.]. Скучное финансирование не позволяло приобретать материалы не только для ремонта музейного здания, но и на создание экспозиций [Там же]. Ситуация с недофинансированием, низкими зарплатами и отсутствием методической помощи оставалась хронической долгие годы, тем более в период Великой Отечественной войны [4, с. 77]. В конце 1941 г. требовался ремонт здания: крыша протекала, балки провисли, штукатурка осыпалась. С возведением в годы войны рядом госпиталя входная калитка на территорию музея была оборудована со стороны улицы им. Бабушки-

на. В связи с чем, был нарушен обзор здания и сада музея со стороны улицы им. Пушкина [1, л. 1; 2, с. 303].

В начале войны в музее сохранялись экспозиции, отражающие природу края, археологию и этнографию (этнографические коллекции представляли экспозиции, которые демонстрировали занятия, быт и религиозные представления эвенков, бурят и семейских). Особо выделялся экспозиционный раздел, посвященный декабристам и каторге, а также истории революционного движения и гражданской войне в Забайкалье. Демонстрировалась художественная коллекция. Большинство из названных экспозиций оформлялось музейным художником О. В. Хлыновской, работавшей в музее в 1939–1948 гг. Так, за обновление разделов «Археология», «Ламайский культ» в 1941 г. ей была объявлена благодарность с занесением в личное дело. Кроме текущей музейной работы (написание этикеток, пояснительных текстов, афиш), Хлыновская писала картины, некоторые из них хранятся в музее [4, с. 89–90].

Ведущую роль в создании накануне войны экспозиций, отражающих природу Забайкалья («Горная тайга и ее обитатели», «Лесостепь Забайкалья»), сыграл Е. И. Павлов. В этой работе приняли участие И. А. Велинский, А. К. Пылина, Г. Д. Дахновская, художники брат и сестра Хлыновские [12, л. 4–4 об.]. В 1941 г. работа продолжилась, и был создан раздел «Полезные ископаемые» [1, л. 1]. Начало для этих экспозиций комплектование, благодаря неутомимой энергии Павлова, не прекратилось в военные годы. Так, за весь теплый сезон 1941 г. Е. И. Павлов осуществил шесть выездов в поле для сбора птиц и млекопитающих [11, л. 1 об.].

Накануне войны начал комплектоваться отдел советского периода. Старт этому процессу дало решение Читинского облисполкома (7 февраля 1941 г.) «О преобразовании выставки, посвященной 20-летию освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов в постоянный отдел социалистического строительства Читинского областного музея». Власти обязали предприятия Читинской области, среди которых назывались комбинаты Балеизолото и Дарасунзолото, Хапчерангинский оловокомбинат, Читхимзавод, артели Кустпромсоюза – «Кожобувь», «Спартак», передать музею все представленные на выставку экспонаты. Война помешала целенаправленному сбору предметов по социалистическому строительству, но по ее завершению эта работа станет приоритетной [4, с. 84].

Подобно всему хозяйственному и идеологическому комплексу, взявшему курс на перестройку своей деятельности на военный лад, музей с первых дней войны также должен был сделать все от него зависящее, чтобы способствовать разгрому врага. В одном из циркуляров Наркомпроса РСФСР указывалось: «Необходимо уделять особое внимание на собирание материалов Отечественной войны, организации выставок и бесед на оборонные темы, пополнение экспозиции материалами, относящимися к войне советского народа с германским фашизмом, а также разработке вопросов, связанных с укреплением обороноспособности нашей Родины, изучению местных ресурсов, изучению и популяризации лучшего опыта и творческой инициативы стачановцев и орденосцев» [14, с. 170]. Приказ Наркомпроса от 13 сентября 1941 г. «О мероприятиях по улучшению работы музеев» подчеркивал необходимость усиления массовой работы вне стен музеев [Там же, с. 171]. Музей Читы решал поставленные задачи, как уже было сказано, в неимоверно трудных условиях.

В 1941 г. в Читинском музее были организованы выставки «Героическое прошлое русского народа и отечественная война с фашистской Германией» и «Борьба китайского народа за свою независимость». На их основе проводились беседы и экскурсии со школьниками и бойцами РККА [10, л. 1]. Несмотря на отмеченные трудности начала войны, в 1941 г. музей посетило 12862 чел. [11, л. 1 об.]. Это всего на 2 тыс. меньше, чем в мирный 1937 г. [15, л. 2; 4, с. 84]. Тема героического прошлого русского народа и доблести Красной (Советской) Армии оставалась ведущей на всем протяжении войны для всех сохранившихся музеев страны, и сотрудники центральных музеев отправлялись на фронт, чтобы собрать для выставок материалы [7, с. 156]. Для Читинского музея в 1942 г. материалы для выставки, отражающей боевую историю России и героическую борьбу с фашистской Германией, доставила делегация трудящихся Читинской области, ездившая на фронт с подарками бойцам Красной Армии [6].

Об этой выставке было рассказано в одном из номеров газеты «Забайкальский рабочий» (1942, 16 июля). В музейной экспозиции заняли свое место «вещи, клейменные паукообразной свастикой». «Вот два черных креста – это награда, которую нередко получают фашистские молодчики за ограбление советской земли, за разрушение городов и сел, за убийство женщин и детей... Обращает на себя

внимание огромный эрзац-валенки, сделанный из соломы. Тут же... снимки босых и оборванных немецких солдат... Небольшая листовка с фашистской заповедью: «Помогай себе сам, потом тебе поможет бог» [6]. Эрзац-валенки (такие плетеные из соломы огромные башмаки немцы одевали поверх намотанных на ноги обрывков теплой ткани) до сих пор демонстрируется в музее и напоминает о поражении и пленении фашистов под Москвой зимой 1941–1942 гг.

В истории Читинского музея военного времени есть примечательный факт, требующий подробного изучения и подтверждения. В мае-июле 1944 г. для наблюдения за транспортировкой и распределением товаров по ленд-лизу и оценки платежеспособности СССР миссию в Магадан, затем в Якутск, Среднюю Азию, а после – в Китай и Монголию совершил вице-президент США Генри А. Уоллес. Столицу Монголии Улан-Батор Уоллес покинул 4 июля и сделал остановку в Чите. По некоторым данным, Уоллес побывал в Читинском музее [5, с. 606; 4, с. 191].

Известно, что возглавивший Читинский музей 15 апреля 1941 г. Н. А. Цебенко, в конце 1941 или начале 1942 г., был призван на

фронт. О его дальнейшей судьбе сведения не найдены. После его ухода, с 1942 по 1948 г. музей возглавлял Н. С. Тяжелов. В годы войны собирал данные по населенным пунктам Забайкалья. По материалам о Чите в 1944 г. подготовил выставку по истории города [5, с. 606]. Эту тему не оставил и принял участие в подготовке первого послевоенного краеведческого сборника «Наш край», поместив туда статью «По историческим местам города Читы» [16]. Призванный в 1940 г. на срочную службу препаратор музея И. А. Велинский, стал рядовым Красной Армии 624-го стрелкового полка 137-й стрелковой дивизии, был ранен. Погиб в декабре 1941 г. в бою за деревню Яблонево Каменского района Тульской области. Его имя увековечено на воинских мемориалах с. Архангельского Каменского района Тульской области и в Чите [4, с. 87–88]. Во время войны умер от дистрофии (1942 или 1943 г.) А. И. Шемелин, «продвинувшийся» в музее с кочегара и садовника до библиотекаря и хранителя [4, с. 85–86; 13, с. 41, 277]. Позже в музей пришли работать фронтовики А. Е. Конюхова, Э. А. Велинский, И. Н. Букин, служившие в годы войны А. Ф. Сараев, К. К. Табатарович (?).

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р1545. – Оп. 1. – Д. 36.
2. Карчанова Л. М. Идеи и духовное оружие в борьбе с врагом (культурная жизнь города Читы в годы войны) // Чита в годы Великой Отечественной войны: сборник статей, документов и фотодокументов / под ред. В. И. Мерцалова. – Чита: Экспресс-изд-во, 2015. – С. 300–304.
3. Книга приказов Читинского краевого краеведческого музея на 1939 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
4. Константинова Н. Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы). – Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Республиканская типография, 2020. – 208 с.
5. Константинова Т. А., Куриленко И. В. Культурная жизнь области // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. – Чита: Экспресс-изд-во, 2005. – С. 601–606.
6. Кортупова А. В областном музее // Забайкальский рабочий. – 1942. – 16 июля.
7. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – 2-е изд. – М.: ВК, 2006. – 614 с.
8. О работе Читинского областного музея с 1 января 1939 г. по 1 мая 1940 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
9. Отчет о работе Читинского краеведческого музея за 1939 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
10. Отчет Читинского областного музея за 1-ю половину 1941 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
11. Отчет о работе Читинского музея за 2-е полугодие 1941 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
12. Отчеты Читинского областного музея им. А. К. Кузнецова за 1938 и 1939 гг. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.
13. Петряев Е. Д. Записки книголюбца. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. – 280 с.
14. Рубан Н. И. Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности. – 3-е изд. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007. – 320 с.
15. Тезисы доклада В. Г. Изгачева для музейного отдела Наркомпроса РСФСР. 29 апреля 1940 г. // Фонд научной библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.

16. Тяжелов Н. С. По историческим местам города Читы // Наш край: краеведческий сборник. – Чита: Чит. кн. изд-во, 1954. – С. 19–39.

УДК 94(41/99)

ББК 43.48:63.3(2Бур):63.3(2)622-38

Татьяна Ефремовна Санжиева,

*Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Россия*

Борьба с лесными пожарами в Бурятии в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена проблемам организации пожарной безопасности в Бурятии в годы Великой Отечественной войны трестом «Бурмонголлес». Указаны основные причины пожаров, дана статистика пожаров 1941–1945 гг., рассмотрена организация их тушения. Выявлены причины затрудненных условий: недостаток кадров, их низкая квалификация, слабая лесная авиация, засуха, отвлечение работников лесной охраны на другие работы.

Ключевые слова: лесные пожары, причины, трест «Бурмонголлес», трудности тушения, военное время

Tatyana E. Sanzhieva,

*Buryat State University named after Dorzhi Banzarov,
Ulan-Ude, Russia*

Fighting Forest Fires in Buryatia During the Great Patriotic War

The article is devoted to the problems of fire safety organization in Buryatia during the Great Patriotic War by the “Burmongolles” trust. The main causes of fires are indicated, the statistics of fires of 1941–1945 are given, the organization of their extinguishing is considered. The causes of difficult conditions were identified: lack of personnel, low qualifications, weak forest aviation, drought, and the distraction of forest guards to other work.

Keywords: forest fires, causes, “Burmongolles” trust, extinguishing difficulties, wartime

Бурятия, как и все Забайкалье, обладает богатым лесным фондом, который является достоянием и гордостью ее жителей. 82,9 % ее территории покрыто лесом [8, с. 74]. Лесная отрасль появилась здесь в начале XX в. в связи со строительством железной дороги, а затем для обслуживания нужд Транссибирской магистрали. Лес Бурятии обладает высоким качеством, поскольку в основном произрастают сосна, лиственница и кедр. В советский период Забайкалье стало одним из ведущих поставщиков деловой древесины в безлесные регионы, такие как Западная Сибирь и Казахстан, в постсоветский период основным покупателем леса стал Китай.

В 1936 г. для использования государственного лесного фонда (вырубки, вывозки и сплав лесоматериала и дров) был создан трест «Бурмонголес», в задачу которого вхо-

дила также борьба с лесными пожарами. Площадь лесного фонда делилась на девять лесхозов, два леспромхоза и один учлесхоз [4, л. 3].

Лесные пожары в Забайкалье являются катастрофой для экологии, экономики и нормальной жизнедеятельности населения в таежной зоне. В годы Великой Отечественной войны положение стало более сложным. Охрана лесов от пожаров была объявлена оборонным мероприятием, виновных наказывали по закону военного времени.

Пожароопасный период в Бурятии начинался в апреле-мае. Самыми опасными месяцами были май и сентябрь. Май в БМАССР обычно бывает засушливым, травяная растительность в лесу еще незначительна, поэтому возникающие пожары быстро распространялись. Во второй половине сентября травы за-

сыхали, кроме того, в лесу находилось много сборщиков дикоросов, особенно в лесах, прилегающих к Улан-Удэ. Например, в 1942 г. на май пришлось 31,8 %, на сентябрь – 34,8 % пожаров [4, л. 13].

Тушением лесных пожаров занимался трест «Бурмонголлес», который принимал ежегодные планы по тушению лесных пожаров. В его обязанности входила также организация противопожарных мероприятий: рытье противопожарных полос, вырубка противопожарных просек и т. д. Мобилизация на фронт людских и технических ресурсов затруднила борьбу с пожарами коллективу треста «Бурмонголлес». Мониторингом и тушением пожаров занимались инспекторы лесной охраны, лесники, объездчики и временные пожарные сторожа, входившие в штат треста. Лесхозы и леспромхозы занимались только валкой и вывозкой древесины.

Численность лесной охраны отличалась относительной стабильностью, хотя была меньше штатного расписания на 1–2 чел. Так, в 1942 г. было 165 лесников (по плану 166), 43 объездчика (43), 15 временных пожарных сторожей (16) [2, л. 35]. Для того чтобы пополнить кадры, на работу принимались пенсионеры, инвалиды и женщины. Поэтому 80 % объездчиков и лесников составляли инвалиды труда и войны, а также пенсионеры [9, с. 173]. Среди них были две женщины, одна из них возглавляла лесхоз, с обязанностями справлялась плохо.

Кроме того, правовое положение работников лесной охраны не было узаконено, районные организации и сельсоветы могли мобилизовать их и прикрепленных к ним ло-

шадей на сельскохозяйственные работы и для выполнения трудгужповинности [4, л. 15]. Несмотря на приказ Наркомата лесной промышленности СССР от 25 декабря 1942 г.: «укомплектовать должности инспекторов охраны лесов, не использовать их на других работах», использование лесной охраны на других работах продолжалось [1, л. 20]. Лесники и объездчики «находят десятки отговорок о причинах невыполнения ими своих обязанностей по охране леса» [4, л. 15]. Обязанности у них были сложные и ответственные: охрана леса от лесонарушений и пожаров, в годы Великой Отечественной войны к ним прибавилась очистка лесосек от недорубов и буреломов.

К тресту «Бурмонголлес» была прикреплена лесная авиация, которая использовалась для доставки пожарных к очагам возгорания и для тушения. Горно-таежный рельеф делал недоступным многие участки, на доставку рабочих к месту пожаров иногда уходило от 2 до 5 дней. Несмотря на постановления СНК СССР в Бурятии не было специального авиаотряда, транспортного десанта, парашютной службы. Вследствие этого эффективность лесной авиации была недостаточной. В отчете треста за 1944 г. указано, что «патрулирование лесов от пожара авиацией не принесло результатов, т. к. большинство летчиков за исключением Куликовой работали неэффективно. Наблюдалась простои самолетов. Свои полеты не согласовывались с руководством лесного хозяйства» [6, л. 27].

Общую картину лесных пожаров и нанесенных ими убытков дает следующая таблица [4, л. 12; 5, л. 17; 6, л. 25; 7, л. 22].

Лесные пожары в Бурятии

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число пожаров	173	190	311	275	168
Площадь, пройденная пожаром, га	24 554	10 803	231 885	130 146	47 236
Всего убытков, р.	234 303	120 791	3 641 174	2 360 643	217 910

Больше всех пожаров было в Хоринском аймаке. Наибольшее число пожаров пришлось на 1943 г. из-за засушливого лета и неопытности лесной охраны. В Хоринском и Байкальском лесхозах лесной пожар имел характер стихийного бедствия. В первом лесхозе за год произошло 89 пожаров, во втором – 66. В 1944 г. пожар нанес не менее серьезный ущерб, чем в предыдущем году. Больше всего горел лес в Хоринском, Селенгинском, Илькинском, Витимском и Байкальском лесхозах.

Основной причиной пожаров 1944 г. стало выжигание ветоши на лугах колхозами.

В качестве основных причин в ежегодных отчетах треста «Бурмонголлес» указаны неосторожное обращение с огнем, умышленные поджоги, искра паровоза, выясненные и невыясненные причины. Большинство пожаров относятся к невыясненным причинам (в 1944 г. 62,2 %), несоблюдение пожарной безопасности (19,3 %), выясненные причины (16 %), искра паровозов (2,5 %) [6, л. 36]. Количество

пожаров во многом зависело от метеословий: засуха и дожди. Например, в отчете треста за 1945 г. низкое число пожаров было связано с дождливой погодой.

Одной из причин пожаров было выжигание ветоши на лугах. Колхозы на выжигание полей направляли по одному работнику, который не мог обеспечить безопасность. Причиной пожаров становились также оставленные недорубы. Недостаток рабочей и гужевой силы заставляли бросать недорубленные лесосеки и начинать рубку в другом месте: более близком по расстоянию или с лучшим древостоем. Лес плохого качества, к тому же находящийся в труднодоступных местах, оставался на лесосеке. Такое стало возможным из-за того, что в условиях военного времени большинство заготовителей было освобождено от штрафов за оставленные недорубы, несмотря на приказ Наркомата лесной промышленности СССР от 25 декабря 1942 г. о необходимости очистки лесосек одновременно с заготовкой леса «виновных в невыполнении этого придавать суду» [1, л. 20]. Очистку лесосек за самозаготовителями производили работники лесной охраны треста «Бурмонголлес».

В 1945 г. к ответственности были привлечены 30 чел., из них двое были осуждены на 7 лет каждый за умышленный поджог, 20 чел. получили разные сроки наказания [7, л. 22].

Важным фактором проблем в тушении пожаров стала неопытность лесной охраны, поскольку работоспособные и опытные работники были мобилизованы на другие работы, на их место пришли пенсионеры, инвалиды и женщины, которые при возникновении пожара не могли организовать его локализацию. Так, в 1942 г. на 12 точках треста работали 8 инспекторов лесной охраны. Ни один из них не имел специального образования и на курсах не обучался [4, л. 15]. Там, где работали опытные объездчики и лесники, было мало пожаров, например, в Кабанском лесхозе и Байкальском леспромхозе [7, л. 22].

К причинам несвоевременного тушения пожаров относился недостаток материальных ресурсов. С 1941 г. лесной охране не выдавалось обмундирование, и не выплачивалась компенсация за него. Сложно обстояло дело с

питанием для участников тушения пожаров, особенно привлеченных. Так, в 1943 г. огневая стихия разыгралась вследствие отсутствия питания, поскольку до решения этого вопроса к тушению пожаров не приступали. Соответственно, пожары принимали большие размеры, и для их локализации требовалось больше рабочей и гужевой силы [5, л. 25].

Поскольку трест своими силами не справлялся, то для тушения пожаров проводилась мобилизация людей. Население аймаков было прикреплено к лесным участкам, на которых были созданы базы противопожарного инвентаря, из числа добровольцев организованы пожарные дружины. Ввиду того, что средств не хватало, айкомы должны были привлекать крупных лесозаготовителей, к которым относились Главвоенстрой при СНК СССР, Наркомцветмет, Наркомречфлот и Восточно-Сибирская железная дорога. Им поручалось создание противопожарных полос и просек, строительство простых пожарных вышек, наем временных пожарных сторожей, приобретение инвентаря, обеспечение питанием людей, мобилизованных на тушение пожаров [3, л. 41].

Большинство трудоспособных работников треста «Бурмонголлес» ушло на фронт. Ежегодные приказы ведомственных наркоматов, например, Наркомата лесной промышленности СССР, не имели силы для других наркоматов, особенно в запрете привлекать работников лесной охраны на другие работы. Трест «Бурмонголлес» использовал все внутренние резервы в борьбе с пожарами, и важным фактором в успешном тушении пожаров стало привлечение работников из других отраслей. С другой стороны, трест как лесозаготовительное предприятие, имевшее оборонное значение, имел полномочия на трудовую мобилизацию колхозников на должность временного пожарного сторожа и на тушение лесных пожаров.

Несмотря на то, что государство слабо обеспечивало производственную деятельность треста и основной массив леса находился в горно-таежной труднодоступной для тушения пожаров зоне, работники треста «Бурятмонголлес» и мобилизованные рабочие справлялись с поставленными задачами.

Источники и литература

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). – Ф. Р-767. – Оп. 1. – Д. 802.
2. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 1. – Д. 816.
3. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 1. – Д. 846.
4. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 16. – Д. 2.
5. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 16. – Д. 4.
6. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 16. – Д. 5.

7. ГАРБ. – Ф. Р-767. – Оп. 16. – Д. 6.
8. Медведев Н. Е. Леса и лесное хозяйство Бурятии. – Улан-Удэ: Республиканская тип., 2004. – 229 с.
9. Санжиева Т. Е. Кадровые проблемы треста «Бурмонголлес» в годы Великой Отечественной войны // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск: БГУ, 2020. – С. 170–177.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)622.8

Андрей Юрьевич Кудимов,
*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Игорь Викторович Чапыгин,
*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Иван Игоревич Чапыгин,
*Колледж Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Россия*

272-й «Иркутский» полк НКВД в Великой Отечественной войне

Статья посвящена истории формирования и боевому пути 272-го стрелкового полка внутренних войск НКВД. Авторы, опираясь на неопубликованные архивные источники, рассматривают процесс комплектования в Иркутске 272-го стрелкового полка НКВД, его участие в Сталинградской битве; боевые будни полка и подвиги его солдат и командиров.

Ключевые слова: бои, герои, НКВД, потери, Сталинград, 272-й полк

Andrey Yu. Kudimov,
*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Igor V. Chapygin,
*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Ivan I. Chapygin,
*College of the East Siberian branch
Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russia*

272nd “Irkutsk” Regiment of the People’s Commissariat of Internal Affairs in the Great Patriotic War

The article is devoted to the history of the formation and combat path of the 272 rifle regiment of the internal troops of the NKVD. The authors, relying on unpublished archival sources, consider the process of recruiting in Irkutsk 272 rifle regiment of the NKVD, its participation in the Battle of Stalingrad. The combat everyday life of the regiment and the exploits of its soldiers and commanders are examined in detail.

Keywords: battles, heroes, NKVD, losses, Stalingrad, 272 regiment

Во время Великой Отечественной войны не было ни одного фронта, где бы ни сражались сибиряки. Сибирские соединения и части отстояли Москву, одни из первых вошли в Берлин. Уже сейчас, опираясь на военные архивы, можно сказать, что сибиряки массово были представлены не только в соединениях Красной армии, но и в частях НКВД. Причем в тех соединениях НКВД, которые не только находились в действующей армии со своими специфическими задачами, но и приняли непосредственное и героическое участие в Сталинградской битве. Битве, которая стала одним из важнейших событий Второй мировой войны, после поражения в которой захватчики потеряли стратегическую инициативу. И в этом сражении Сталинградский гарнизон внутренних дел, куда входил сформированный в Иркутске 272-й стрелковый полк 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД, сыграл решающую роль и тем самым внес исключительный вклад в дальнейший исход Великой Отечественной войны.

«Иркутский» 272-й полк НКВД, сформированный из воинов НКВД, охранявших Транссиб и пополненный добровольцами Прибайкалья и Забайкалья, закрыл врагу путь к Волге в Сталинградском сражении, потеряв свыше 90 % личного состава, но сохранил боевое знамя и врага к Волге не пустил. Наша задача – не останавливаться здесь на детальном описании боевых действий полка, что уже сделано рядом историков, в т. ч. и авторами статьи в монографии «Иркутяне в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» [1], а рассмотреть историю формирования и итоги боевой деятельности полка.

История 272-го полка внутренних войск НКВД началась с приказа Наркома внутренних дел СССР от 5 января 1942 г., изданного, в свою очередь, во исполнение постановления Государственного комитета обороны СССР № 1099-сс от 4 января 1942 г. «Об организации гарнизонов войск НКВД в городах, освобождаемых Красной Армией от противника». С этих документов, одновременно с другими соединениями, формируется 10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, дислоцированная в Сталинграде. 1 февраля был подписан приказ № 1 командиром дивизии – полковником А. А. Сараевым, военным комиссаром П. Н. Кузнецовым и начальником штаба подполковником В. И. Зайцевым. Дата издания приказа – 1 февраля 1942 г. – и является днем создания 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД и 272-го полка в ее составе.

Полк формировался в Иркутске на базе 8-й дивизии НКВД по охране железных до-

рог. Части дивизии были разбросаны на огромной территории от ст. Тайшет до ст. им. Кагановича (ныне пгт Чернышевск) и ст. Отпор (ныне ст. Забайкальск). Сама дивизия сформирована в январе 1932 г. в г. Иркутске в составе Управления пограничной охраны и войск ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края на основании приказа ОГПУ СССР № 39/с от 14 января 1932 г. во исполнение совместного приказа ОГПУ СССР/НКПС СССР № 753/200 от 13 декабря 1931 г. «О передаче стрелковой охраны НКПС в ведение ОГПУ», Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 4 декабря 1931 г. на базе Управления ВОХР и военизированной охраны Забайкальской железной дороги как 2-й Забайкальский железнодорожный полк войск ОГПУ Восточно-Сибирского края.

В апреле 1939 г. на основании приказа Главного Управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений № 11/сс от 10 апреля 1939 г. во исполнение приказа НКВД СССР № 00206 от 8 марта 1939 г. «О реорганизации Управления пограничных и внутренних войск НКВД Союза ССР», Постановления СНК СССР № 154-16 сс от 2 февраля 1939 г. «О реорганизации управления пограничными и внутренними войсками» бригада переформирована в 8-ю стрелковую дивизию войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений, дислокация. Организационно-штатная структура дивизии: управление, штаб – г. Чита, 67-й полк – г. Иркутск, 68-й полк – г. Чита, 69-й полк – ж. д. ст. Зилово, 16-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион – ж. д. ст. Карымская.

В январе 1941 г. на основании приказа НКВД СССР № 0026 от 6 января 1941 г. «О передислокации полка № 69 войск НКВД по охране железнодорожных сооружений» управление, штаб, политчасть, службы полка передислоцированы с железнодорожной станции Зилово в пгт Чернышевск (до 1936 г. Чернышевск – Забайкальский назывался – ж. д. ст. им. Кагановича).

К началу войны на территории Иркутской области дислоцировался 67-й полк. В самом Иркутске находились: управление, штаб, часть политической пропаганды и полковая школа с резервной ротой. Штаб 1-го батальона находился на ст. Зима (1-я рота батальона базировалась на ст. Нижнеудинск, 2-я рота – ст. Зима, 3-я рота – ст. Байкал). Там же находилась группа катеров, 2-й батальон охранял Круго-Байкальскую железную дорогу (штаб батальона и 4-я рота – ст. Маритуй, 5-я рота – ст. Шарыжалгай, 6-я рота – ст. Култук, а на ст. Слюдянка на-

ходился бронепоезд № 67. В августе 1941 г. в составе дивизии на основании приказа НКВД СССР № 001092 от 15 августа 1941 г. «О сформировании в составе 8 дивизии войск НКВД горнострелкового полка» во исполнение Постановления ГКО СССР № 443-сс от 9 августа 1941 г. «Об усилении охраны тоннельного участка Восточно-Сибирской ж. д.» сформирован 86-й горнострелковый полк внутренних войск НКВД СССР, Управление, штаб полка – ж. д. ст. Маритуй Иркутской области.

Формирование 272-го полка началось 20 января 1942 г. в Иркутске. Командиром полка был назначен приказом майор Г. П. Савчук (ранее служивший в 69-м полку, комиссаром полка стал батальонный комиссар И. М. Щербина (из 67-го полка), начальником штаба капитан В. Ф. Яковлев (из 67-го полка). Командный состав формировался из всех частей дивизии. Личный состав батальонов из воинов чекистов иркутского полка (67-й полк НКВД), читинского (68-й полк) и чернышевского (69-й полк). За каждым полком было закреплено создание одного батальона. Однако, встретившись с серьезными трудностями в формировании, прежде всего в обеспечении полка артиллеристами, минометчиками, разведчиками – командование полка получило разрешение на привлечение местных ресурсов через военкоматы Иркутской и Читинской областей и республики Бурятия.

Вот как описывается состав дивизии ее комиссаром: «Личный состав 10-й стрелковой дивизии – это преимущественно кадровый состав пограничных и внутренних войск НКВД, боевой, напористый, всей душой ненавидящий немецких оккупантов, неудержимо рвущийся в бой с заклятым врагом. Это пламенные патриоты советского народа с благодарных полей Украины и солнечной Грузии, с гор Алтая и снежных просторов Сибири, из Краснодарского края и Сталинградской области. Частично это – партизаны Подмосковья и выписанные раненые из Сталинградских госпиталей – люди, уже громившие фашистов, обстрелянные» [2, л. 160]. В дивизии на тот период числилось всего 8 479 чел., коммунистов – 939 чел., комсомольцев – 2 093 чел., участников боев с немцами – 528 чел.

А вот как писал о своих полках комдив А. А. Сараев: «Первым в Сталинград прибыл 272-й комсомольский полк. Он был укомплектован забайкальцами, потомками пугачевских казаков из Борзи, Даурии и охотниками таежной части Сибири, в основном добровольцами, изъявившими желание быстрее попасть на фронт...» [4, с. 87].

В настоящее время буквально по крупинкам приходится восстанавливать историю формирования и комплектацию соединения, ввиду того, что эти данные отсутствуют в ведомственных (в т. ч. военкоматы) и центральных архивах. Большая часть документов полка погибла сразу после войны в ходе пожара в ведомственном архиве внутренних войск НКВД в г. Москве. В фонде 38786 имеется всего два дела полка (дело № 2 «Именной список личного состава 272 полка НКВД» и «Журнал боевых действий»). Но даже эти материалы в полной мере характеризует и полк, и дивизию, в которую он входил, как исключительно геройские.

Всего за период боев 272-го полка НКВД с 25 августа по 26 сентября 1942 г. им уничтожено: до двух с половиной полков вражеской пехоты, 32 танка, 27 минометов, 31 автомат, 39 станковых и 17 ручных пулеметов, 46 винтовок, 12 автомашин с грузами, 18 повозок с боеприпасами, одна цистерна с горючим, 7 ронемашин и 1 самолет. После боя в живых осталось: среднего и старшего начсостава – 44, младшего начсостава – 48, рядового состава – 134. Итого – 226 чел. Общее число потерь – 1257 чел. Убито – 306, ранено – 511, пропавших без вести – 452, попали в плен – 3 [2, л. 96].

10 октября 1942 г. командир полка майор Г. П. Савчук подписал наградной лист на награждение Алексея Ващенко орденом Красного Знамени посмертно [Там же, л. 4]. Однако командование решило иначе, и 25 октября 1942 г. красноармеец А. Е. Ващенко был награжден орденом Ленина (посмертно).

Из наградного листа героя – «5.9.42 во время атаки ДЗОТа под сильным огнем станкового пулемета тов. Ващенко с криком “За Родину! За Сталина!” своим телом закрыл амбразуру ДЗОТа, дав возможность развить успех атаки. Личным самопожертвованием за Родину показал свою преданность и презрение к смерти. Пал смертью храбрых на глазах товарищей, воодушевив бойцов бесстрашием и преданностью Родине...».

Этим же приказом орденов и медалей были удостоены еще 68 воинов – чекистов этой дивизии. В одном списке солдаты и офицеры, строевики и политработники, минометчики и пушкеры, интенданты и повара [3]. Из них 11 получили орден Боевого Красного знамени, 36 – орден Красной звезды, 17 – медаль «За отвагу» и 4 – медаль «За боевые заслуги», 28 из них были бойцами иркутской дивизии. Орденами «Боевого Красного знамени» удостоены командир полка майор Г. П. Сав-

чук, замполит полка батальонный комиссар И. М. Щербина, командир батальона старший лейтенант Д. П. Ступин, зампотех полка капитан В. А. Бурсевич, начальник инженерной службы полка А. Г. Дзадзамия, старший политрук В. М. Партугимов, командир артиллерийского орудия сержант С. Ф. Сазонов и командир отделения ст. сержант Д. П. Степаненко. Орденами Красной звезды были удостоены начальник штаба капитан Н. А. Щерба, заместитель командира полка капитан В. Ф. Яковлев, заместитель начштаба полка лейтенант В. П. Бурмистров, командиры рот – младшие лейтенанты П. П. Просекин и И. П. Кайгородов, заместители командиров рот – младшие лейтенанты В. К. Юсупов и Ф. А. Иванов, замполит батальона младший политрук А. П. Захарычев, командир взвода младший лейтенант Н. Н. Иванов, разведчики – сержант А. А. Карпенко и красноармеец П. Н. Привалов, сержант А. Г. Мороз и повар П. А. Васильев. Медалью «За отвагу» были награждены командиры взводов – младшие лейтенанты В. А. Баталов и И. А. Телеханов (минометчик), помощник командира батальона по снабжению А. С. Блиновский, ответственный секретарь партбюро полка политрук А. А. Мишин.

Бережно хранили в городе на Волге память об этих воинах-героях 10-й стрелковой дивизии НКВД. Так, в 1947 г. по инициативе сотрудников МГБ и МВД по Сталинградской области принято решение о возведении памятника офицерам контрразведки Сталинградского фронта, солдатам и офицерам 10-й дивизии войск НКВД и сотрудникам милиции, павшим смертью храбрых при защите Сталинграда. Этот монумент получил название

«Памятник чекистам». 25 августа 1954 г. в Волгограде именем красноармейца 272-го полка А. Е. Ващенко названа улица. В 1967 г., спустя 20 лет, решением Советского райисполкома Волгограда прилегающая к памятнику территория была названа «Площадью чекистов». Почти десяток улиц города носит имена героев – чекистов. 24 сентября 1983 г. по адресу улица Ващенко, дом 47 была открыта мраморная доска: «Улица названа именем Ващенко Алексея Егоровича, автоматчика 272-го полка 10-й дивизии НКВД, 5 сентября 1942 г. совершившего героический подвиг у стен Сталинграда». В 1985 г. красноармеец А. Е. Ващенко был навечно включён в списки в/ч 5402 (508-й конвойный полк МВД СССР).

Потери 10-й дивизии НКВД были тяжелейшими. По приказу командующего Сталинградским фронтом дивизия была выведена из боёв и в начале октября 1942 года переправлена за Волгу в с. Заплавное. В состав дивизии на тот момент входило чуть более 200 человек. Стоит отметить, что из всего 272-го стрелкового полка уже на 27 сентября 1942 г. оставалось лишь 30 бойцов.

10-я дивизия войск НКВД была одним из первых соединений, участвовавших в обороне г. Сталинграда. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 декабря 1942 г. она была награждена орденом Ленина и получила почетное наименование Сталинградская. Полковник А. А. Сараев был награжден орденом Ленина. После Сталинграда 272-й стрелковый полк НКВД за особые отличия стал именоваться Сталинградским. Свой боевой путь переформированное после Сталинграда соединение завершило взятием г. Бреславль (ныне Вроцлавль, Польша).

Источники и литература

1. Иркутяне в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): исследования и материалы / А. В. Ануфриев [и др.]. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 447 с.
2. РГВА (Российский государственный военный архив). – Ф. 38759. – Оп. 2. – Д. 1.
3. РГВА. – Ф. 38786. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Сараев А. А. Стояли насмерть: 10-я стрелковая дивизия войск НКВД. – Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1976. – 192 с.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)622.8

Татьяна Петровна Урожаева,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Жилищная проблема и пути ее решения в городах Красноярского края во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов

В статье приведен анализ болезненной трансформации жилищного сектора в городах Красноярского края, что заставило граждан самостоятельно, за счет личных средств, решать жилищный вопрос. Кроме того, снижение производства строительных материалов на территории региона сделало процесс возведения нового жилья более дорогим.

Ключевые слова: жилищная проблема, жилплощадь, аварийное жилье, жилищное строительство

Tatiana P. Urozhaeva,
Irkutsk state University,
Irkutsk, Russia

Housing Problem and Ways to Solve it in the Cities of the Krasnoyarsk Territory in the Second Half of the 1990s – Early 2000

The article analyzes the painful transformation of the housing sector in the cities of the Krasnoyarsk territory, which forced citizens to solve the housing issue on their own, at the expense of personal funds. In addition, the decline in the production of building materials in the region naturally made the process of building new housing more expensive.

Keywords: housing problem; living space; emergency housing; housing construction

В результате общественно-политических событий и системного социально-экономического кризиса 1990-х гг. уровень жилищного строительства в Красноярском крае заметно снизился. Социалистическая направленность приоритетов жилищной политики сменилась на либеральную, которую характеризовало отсутствие баланса между деятельностью государства в направлении социальной защиты незащищенных категорий граждан и стимуляцией самостоятельности той части населения, которая была способна на самостоятельное решение жилищной проблемы [11, с. 95].

Средний показатель обеспеченности на начало 1999 г. составил 18,3 м² общей площади на одного [7]. Предприятиями и организациями края в 2000 г. было построено 406,5 тыс. м² жилья (95,4 % к 1999 г.), в том числе населением за свой счет и с помощью кредитов – 96,4 тыс. м² жилых домов (99 %) [1, с. 4].

В первом полугодии 2001 г. введено 62,5 тыс. м² общей площади жилых домов, или 52,5 % к соответствующему периоду 2000 г. За счет средств населения и с помо-

щью кредитов было построено 29,4 тыс. м², или 71 % к аналогичному периоду 2000 г.

Доля индивидуального жилищного строительства в общем объеме введенного жилья равнялась 47 %. Средняя фактическая стоимость строительства 1 м² общей площади жилых домов составила 4236 р. [4, с. 3].

В 2002 г. введено 450,4 тыс. м² общей площади жилых домов (на 19,7 % больше, чем в 2001 г.). Населением за свой счет и с помощью кредитов построено 120,7 тыс. м² жилья (или на 19,4 % больше, чем в 2001 г.). Его доля в общем объеме введенного жилья равнялась 26,8 % [3, с. 2]. К концу 2002 г. наиболее высокий уровень обеспеченности жильем (более 20 м² на 1 чел.) наблюдался в Норильске, Дивногорске, Бородино, Талнахе. Средние показатели (18–20 м²) наблюдались в Сосновоборске, Назарове, Лесосибирске [6, с. 47].

В 2003 г. введено 517,5 тыс. м² общей площади жилых домов (на 5,2 % больше, чем в 2002 г.). Населением за свой счет и с помощью кредитов было построено 145,6 тыс. м²

жилья (на 14,2 % больше, чем в 2002 г.). Его доля в общем объеме введенного жилья равнялась 28,1 % (в 2002 г. – 25,9 %) [12, с. 4].

В 2004 г. введено 651,5 тыс. м² общей площади жилых домов (на 13,3 % больше, чем в 2003 г.). Населением за свой счёт и с помощью кредитов построено 170,6 тыс. м² жилья (на 0,7 % больше, чем в 2003 г.). Его доля в общем объеме введенного жилья равнялась 26,2 % (в 2003 г. – 29,5 %). Средняя фактическая стоимость строительства 1 м² общей площади вновь введенного жилья (без строительства жилья населением за свой счёт и с помощью кредитов) составила 11 503 р. [18, с. 3].

В 2005 г. введено 274,8 тыс. м² общей площади квартир и жилых помещений (на 6,3 % больше, чем в 2004 г.). Населением за свой счёт и с помощью кредитов было построено 99,9 тыс. м² общей площади квартир и жилых помещений (4,2 % меньше, чем в январе – сентябре 2004 г.). Доля в общем объеме жилья – 36,3 % (в январе – сентябре 2004 г. равнялась 40,3 %) [17, с. 4].

В Дивногорске с 1997 г. на ул. Чкалова строили пятиэтажный 45-квартирный дом, предназначенный для ветеранов-строителей Красноярской ГЭС. Описывая ситуацию с жилым фондом, мэр города А. Новак назвал Дивногорск «многострадальным». Из 596 жилых домов Дивногорска 452 были деревянными, а из них 227 – изношены на более чем 70 % [13, с. 4]. Лишь в начале 2000-х гг. в Дивногорске возродилось жилищное строительство. В 2005 г. был построен девятиэтажный дом на ул. Б. Полевого для жильцов ветхих домов. Велось доленое строительство пристройки на ул. Нагорной. Городские власти возродили традицию «праздников улиц», чтобы стимулировать людей к благоустройству улиц, дворов, домов и подъездов [10, с. 2].

В другом индустриальном городе Норильске в бюджете не хватало денег на замещение в необходимом объеме аварийного жилищного фонда. С 1997 по 2005 г. в городе не было построено ни одного дома. Аварийное жильё только выводилось из эксплуатации, а людей из него переселяли в закупленные у населения квартиры [9, с. 21]. Так можно было продержаться ещё некоторое время, но какова перспектива? Тем более что многие из норильчан, привыкнув к своей суровой малой родине, на «материк» переезжать уже не собирались [19, с. 2]. Только в 2000 г. было принято Положение о порядке предоставления жилых помещений по смешанному финансированию в других регионах РФ для переселения жителей с терри-

тории единого муниципального образования «Город Норильск» [15, с. 6].

В мае 2002 г. в шахтерском городе Бородино коллектив строительско-монтажного цеха ОАО «Разрез «Бородинский» сдал в эксплуатацию шестиэтажный жилой дом на 179 квартир улучшенной планировки. Этого события в городе ждали давно. Еще в конце 1980-х гг. фундамент и стены самого высокого в Бородине здания возвели строители СПАО «УС-604» из соседнего г. Зеленогорска (Красноярск-45). Но затем начались радикальные экономические реформы, у горняков не стало денег на расчеты со строителями, и они «бросили» объект. За дело взялся коллектив строительско-монтажного цеха, который возглавлял В. Джуржа, позднее ставший начальником отдела капитального строительства ОАО «Разрез «Бородинский». 179 семей счастливых жильцов отпраздновали новоселье. С вводом нового дома в городе освободилось еще 72 квартиры [16, с. 1].

У шахтерского города Шарыпова бюджет оставался дотационным. В 2003 г. по целевой программе городу было предусмотрено выделить из краевого бюджета 6 млн р., но их так и не дали. На 2003 г. по краевому бюджету на снос ветхого жилья и строительства нового в Шарыпово не было предусмотрено средств. Местные власти обратились за помощью в Москву (существовала аналогичная федеральная программа): из предусмотренных 5 млн р. из федерального бюджета было получено всего 2,5 млн р. [14, с. 2].

Более ста домов в п. Дубинино, входящем в состав г. Шарыпово, были признаны специальной комиссией краевой администрации подлежащими сносу как ветхие и не пригодные для жилья. Расселить всех жителей аварийных домов предполагалось в течение четырех лет. Для этого потребовалось построить или приобрести на вторичном рынке 1600 квартир. В 2005 г. дубининцам было предоставлено 233 квартиры, введена в эксплуатацию первая очередь 60-квартирного дома, строительство которого в посёлке стартовало в 2004 г. Дом целиком принял жильцов [2, с. 59–60].

Нужно сказать, что бюджетные средства были выделены на приобретение или строительство жилья для пенсионеров, социально незащищенных граждан и бюджетников. Людям, работающим на Берёзовской ГРЭС, в Берёзовском филиале СУЭК и в МПС, выбраться из ветхого жилья должны были помочь вышеназванные предприятия. Если Берёзовская ГРЭС и угольщики активно включились в ра-

боту, то инициативы со стороны железнодорожников не наблюдалось, хотя категория дубининцев-путейцев была самая многочисленная – 400 чел. Оправданием железнодорожникам мог служить лишь тот факт, что шарыповские власти не вели переговоры с МПС по этому поводу [6, с. 11].

Также в Шарыпове не была организована систематическая работа с погорельцами, хотя количество поселковых дубининцев, потерявших жильё и имущество в огне, превысило сотню человек. Этот факт чрезвычайно удивил первого заместителя губернатора *Н. И. Глушкова*, возглавлявшего краевую комиссию. Члены комиссии, прибывшие вместе с ним, определили проблему погорельцев как наиважнейшую и сами же наметили пути её решения. С 2005 г. погорельцы стали полу-

чать новое капитальное жильё одними из первых [5, с. 2].

В 90-е гг. жилищная политика приобрела либеральный характер, который в первое пятилетие характеризовало отсутствие баланса между стремлением избавиться от ведущей роли в жилищном вопросе и государственной ответственностью в этой сфере. Болезненные трансформации жилищного сектора заставили граждан самостоятельно, за счет личных средств, решать жилищный вопрос. Кроме того, снижение производства строительных материалов на территории региона сделало процесс возведения нового жилья более дорогим, что также не добавляло стабильности этому сектору. Требовалось завершение коммунальной реформы и глубокая модернизация строительной отрасли.

Источники и литература

1. Больше приросли, чем упали // Красноярский рабочий. – 2001. – 8 февр. – С. 4.
2. Бурлак В. М. Анализ социально-экономических показателей города Шарыпово за 2005 год // Курьер Комитета труда. – 2006. – Вып. 6. – С. 58–64.
3. Город вперед, а село отстает // Красноярский рабочий. – 2003. – 4 февр. – С. 2.
4. Город – живет, село – выживает // Курьер. – 2001. – 31 июля. – С. 3.
5. Горчаков И. Эх, дубиницы, ухнем! // Огни Сибири. – 2005. – 18 февр. – С. 2.
6. Жарко Н. Г. Целевая программа развития поможет выжить городу Шарыпово // Огни Сибири. – 2002. – № 47. – 16 нояб. – С. 11.
7. Жилищное хозяйство Красноярского края в 1998 г. // Статистический бюллетень. – № 128/12. – Красноярск: Крайкомстат, 1999.
8. Жилищные условия населения Красноярского края: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы статистики по Красноярскому краю: стат. сб. – Красноярск: Красноярскстат, 2004. – 177 с.
9. Зотов И. Строительный бум: история НПр – строительство Норильского комбината и создание инфраструктуры вокруг него, развитие гражданского строительства // Норильский никель. – 2002. – № 2. – С. 21–23.
10. Карзникова Л. На все города непохожий // Огни Енисея. – 2005. – 20 июня. – С. 2.
11. Коняхин Г. В. Государственная жилищная политика России в 90-х гг. XX в.: мифы и реальность // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 5. – С. 94–103.
12. Красноярцы больше зарабатывали и больше покупали // Вечерний Красноярск. – 2004. – 5 февр. – С. 4.
13. Лапин Д. Квартирный вопрос // Красноярская краевая газета. – 2004. – 28 сент. – С. 4.
14. Михалишина Г. Дубинино хочет жить // Огни Сибири. – 2003. – 11 окт. – С. 2.
15. Положение о порядке предоставления жилых помещений в других регионах РФ для переселения жителей с территории муниципального образования «Город Норильск»: [утверждено решением Норильского городского Совета от 25 апреля 2000 г.] // Заполярная правда. – 2000. – 17 мая. – С. 6.
16. Решетень В. Праздник в Бородине // Бородинский вестник. – 2002. – 18 мая. – С. 1.
17. Торговля уходит под крышу // Красноярский рабочий. – 2005. – 5 нояб. – С. 4.
18. Хуже жить не стали, но лучше едва ли // Вечерний Красноярск. – 2005. – 12 февр. – С. 3.
19. Чувашев Ю. Труба – лекарство от бронхита // Заполярная правда. – 2005. – 18 июня. – С. 2.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)622.8

Сергей Ильич Кузнецов,
*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Юрий Александрович Петрушин,
*Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск, Россия*

Захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны в Восточной Сибири: проблемы поиска и идентификации

Статья посвящена проблемам поиска, идентификации и сохранения мест захоронения иностранных военнопленных периода Второй мировой войны в Восточной Сибири как объекта исторического наследия. Особо отмечена важность исследования и идентификации останков при возвращении их на родину.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, Вторая мировая война, лагерь военнопленных, места захоронения, идентификация кладбищ и останков

Sergey I. Kuznetsov,
*Irkutsk state University,
Irkutsk, Russia*

Yuri A. Petrushin,
*Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia*

The Buries of Foreign Pows of the Second World War in Eastern Siberia: Problems of Search and Identification

The article is devoted to the problems of search, identification and conservation of burial places of foreign prisoners of war during the Second World War in Eastern Siberia as an object of historical heritage. The importance of the study and identification of the remains upon their return to their homeland was emphasized.

Keywords: foreign prisoners of war, World War II, prisoner of war camp, burial places, identification of cemeteries and remains

Среди многочисленных некрополей на территории бывшего СССР особое место занимают захоронения военнопленных периода Второй мировой войны. В их числе захоронения солдат и офицеров армии Германии и ее союзников – Италии, Венгрии, Японии. Исследование некрополя является частью формы сохранения социально-исторической и культурной памяти, изучение которой в современной России востребовано и активно ведется. Следует отметить ряд обстоятельств, которые не способствовали их сохранению и охране в советский период. В России кладбища создавались при монастырях, городских и сельских церквях. По русскому законодательству, кладбища должны были устраиваться в городах на расстоянии не менее 100 саженей от последнего жилья, а в селениях – на расстоянии полумили. Но на практике, при росте городов,

это условие не всегда соблюдалось. Традиционно, в России кладбища находились в ведении духовенства, т. к. погребение было тесно связано с религиозным культом. Все изменилось после 1917 г. Законы Советской власти отделили церковь от государства и лишили церковь влияния на обряд и культуру погребения. Советское государство стремилось уничтожить старые традиции, особенно, если они были связаны с церковными ритуалами. Со временем это привело к определенной деформации сознания населения, отношению к кладбищам и их сохранению.

Во времена СССР власть стремилась культивировать образ врага, вражеского окружения. В связи с этим кладбища иностранных военнослужащих, погибших в ходе войн или военных конфликтов в СССР (немцы, финны, итальянцы, чехи, венгры, французы, японцы)

не считались объектами культурно-исторического значения. Власть отчасти беспокоилась лишь о их санитарном состоянии. По этой причине кладбища японских интернированных сохранялись лишь в 40-е гг. XX в., до тех пор пока на территории СССР существовали лагеря японских интернированных.

Дислокация лагерей и, соответственно, кладбищ иностранных военнопленных была следующей: военнопленные армии Германии и ее сателлитов размещались в европейской и центральной части СССР, на Урале и в Западной Сибири. Небольшое их количество оказалось в Восточной Сибири. Военнопленные японцы – главным образом в районах советского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Казахстана. Незначительное количество японцев были размещены на Украине, в Узбекистане, Грузии. По разным оценкам, от 540 до 650 тыс. японских военнопленных советско-японской войны было интернировано в Советский Союз, где они содержались в лагерях военнопленных и работали в разных отраслях промышленности и сельском хозяйстве.

Плохие жизненные условия, тяжелая физическая работа, плохое или непривычное питание, суровый климат, недостаточная медицинская помощь были причиной того, что до 60 тыс. из них умерли и были похоронены здесь. Смертность в отдельных лагерях была от 7 до 10 %, что чрезвычайно много в мирных условиях. С началом интернирования японцев в СССР существовало более 70 лагерных управлений японских военнопленных, включающих от 2 до 34 лагерных отделений и 54 отдельных рабочих батальона (ОРБ). Следствием высокого процента смертности военнопленных было имевшееся практически при каждом лагерном отделении и ОРБ отдельное кладбище. Количество захоронений на них – от единичных до нескольких сотен могил. Наибольшее количество кладбищ японских военнопленных было сосредоточено в районах холодного климата и тяжелых условий труда – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Порядок захоронения умерших был определен специальными инструкциями Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) от 24 августа 1944 г. [1, с. 462–463]. Как правило, для захоронения умерших отводился участок земли, расположенный неподалеку от лагеря или лагерного отделения. Поскольку большинство лагерей располагались в труднодоступных районах Сибири и Дальнего Востока, соответственно, и места захоронения находились там же. Вто-

рое обстоятельство – часто лагерь перемещались вместе со стройкой, например, при строительстве железной дороги Тайшет – Братск в Иркутской области. После окончания строительства лагерь переносился, а место захоронения оставалось в местности без населенных пунктов, то есть фактически оставались заброшенными и безнадзорными.

Главным хранителем информации по проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны являлся Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив», а ныне Российский Государственный военный архив – РГВА). Формирование его фондов началось в марте 1946 г. После репатриации военнопленных на родину, расформирования лагерей военнопленных и упразднения Главного управления по делам военнопленных СССР в этот архив было передано огромное количество документов, собранных на местах лагерей. В 50–60-е гг. сюда передавались документы ликвидированных лагерей из сибирских и дальневосточных регионов. В результате образовалось крупное архивное хранилище. Точные сведения о местах захоронения японцев можно изучать по фондам архивов МВД, которые собирались в соответствии с инструкциями НКВД (МВД) СССР от 13 августа 1943 г. «О порядке учета умерших военнопленных». На основании этой инструкции умершие включались в 10 различных списков. Обычно они содержали фамилию и имя, год рождения, национальность, воинское звание, номер учетного дела, дату смерти, место захоронения – кладбище, квадрат, номер могилы. Согласно названной инструкции ГУПВИ 24 августа 1944 г. «О захоронения военнопленных», места захоронения умерших военнопленных устраивались в непосредственной близости от лагеря или госпиталя военнопленных. Участки должны быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно быть 5х5 – 25 могил. Нумерация начиналась с верхнего (северного) ряда, слева направо. На каждой могиле устанавливался опознавательный знак – деревянный кол с дощечкой в его верхней части с указанием номера могилы и номера квадрата – 2/4 – могила 2, квадрат 4. Фамилия и имя не указывалось. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронения в каждом лагере заводилась специальная кладбищенская книга, которая включала указанные выше сведения о военнопленном (имя, фамилия, год рождения и т. д.). К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты с ука-

занием номеров квадратов и номеров могил [1, с. 462–463].

Таким образом, соблюдение этих условий и хранение всей документации делало возможным в будущем без большого труда установить место захоронения каждого конкретного человека. Этот порядок соблюдался не всегда, небрежно велись кладбищенские книги. Схемы кладбищ зачастую выполнялись формально или крайне примитивно, без соблюдения даже элементарных правил. Зачастую по этим схемам невозможно установить не только принадлежность конкретной могилы, но и местонахождение кладбища. В 1990 г. в Японии был выпущен альбом захоронений японцев в СССР [3], составленный на основе воспоминаний бывших военнопленных. Поскольку составители этого издания не имели доступа к архивным документам, достоверность схем, приведенных в нем, невысока.

Другим обстоятельством, затруднившим впоследствии поиск и идентификацию кладбищ японцев, была их передача от МВД под надзор местных органов власти. Сокращался объем денежных средств, выделяемых для сохранения кладбищ в нормальном состоянии. Фактически это означало, что уже через несколько лет кладбища оказались разрушенными, тем более что все обозначения были изготовлены из дерева и быстро приходили в негодность. Это давало повод оформлять эти кладбища как «самоликвидировавшиеся». В середине 50-х гг. в связи с подготовкой восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией многие из кладбищ восстанавливались, но часто могилы оказались смещены от их истинного нахождения. В некоторых местах возникли даже муляжи или имитация кладбища. Например, известны такие случаи на Урале. Наиболее перспективными здесь для эксгумационных работ оказались кладбища военнопленных в Сухоложском и Туринском районах Свердловской области. Однако поиски кладбищ на месте, указанных в схемах, оказались безрезультатными. Это оказались кладбища-муляжи, созданные лишь для отчетности, после того как реальные кладбища были уничтожены. Подобную картину нам пришлось наблюдать в районе пос. Квиток в Тайшетском районе Иркутской области, где устроенные надмогильные холмики кладбища спецгоспиталя (3 370) были значительно смещены от реального местонахождения могил.

Программа перезахоронения японских кладбищ на территории бывшего СССР была

начата японским министерством здравоохранения после подписания соглашения с советскими властями в начале 90-х гг. XX в. К этому времени они имели огромный опыт подобных работ в Юго-Восточной Азии, откуда еще в 50–60 е. гг. XX в. были вывезены сотни тысяч останков японских солдат. В связи с этим возникла проблема поиска кладбищ, сведения о которых были утрачены, особенно тех, которые находились в труднодоступных местах. Возникло несколько общественных организаций, которые оказывали помощь японской стороне, позже к этой работе подключились историки. Появились публикации статей, а позже монографии и сборники документов. К настоящему времени российская историография насчитывает не одну сотню работ, в том числе посвященных поиску и положению кладбищ, а также программе перезахоронения. К последним, в частности, относятся многочисленные работы уральского историка профессора В. П. Мотревича [2]. Необходимо отметить, что в 90-е гг. XX в. в Японии существовало более 50 общественных объединений бывших военнопленных. Часть из них сотрудничала с Министерством здравоохранения и участвовала в программе перезахоронения. Другие (например, ассоциация бывших военнопленных во главе с Сайто Рокуро) конфликтовали с японским правительством и даже судились с ним. Эта организация предпринимала самостоятельные попытки поиска кладбищ японцев в России, используя местное население, составляла собственную базу данных и устанавливала обелиски на кладбищах.

Команды из министерства социального обеспечения Японии вернули в Японию останки 21 900 чел. из Сибири [4]. Важным вопросом, который возникает в связи с этой программой, является идентификация останков. Министерство здравоохранения Японии (Косэйсё) выполняет свои задачи, которые, вероятно, никак не связаны с научными исследованиями, тем более что для этого необходимо длительное время и значительные материальные средства. В частности, исследование ДНК стало применяться японской стороной только с 2003 г. Вероятно, нежелание заниматься идентификацией было сознательным решением японской стороны. Возможно причина этого – сложности во взаимоотношениях с родственниками, опасение судебных исков и т. д. Однако единственным облегчением для семей является достоверная информация о смерти их близких и уверенность, что с останками их близких обо-

шлись с подобающим уважением и в соответствии с их культурой. В этой связи идентификация останков является важной частью процесса заживления ран, нанесенных семье, и даже исцеления всего сообщества. В августе 2019 г. японская газета «Асахи» сообщила о нескольких скандальных случаях, связанных с идентификацией останков: в 2012 г. после анализа ДНК оказалось, что останки (181), найденные на Филиппинах, не принадлежали японским солдатам. В 2018 г. выяснилось, что министерство здравоохранения Японии не обнародовало эти результаты исследований, возможно, чтобы избежать международного скандала. Другой случай – японская радиовещательная корпорация (NHK) сообщила 5 августа 2019 г.: по результатам эксперти-

зы, сделанной в декабре 2017 г., останки 70 человек, найденных в 2000 г. в Забайкальском крае, вблизи Читы, возможно, не были японцами [4].

В 90-е гг. по иностранным воинским кладбищам в России стал формироваться банк данных. Сотрудниками созданной ассоциации «Военные мемориалы» обследованы расположенные на территории России иностранные воинские кладбища. Финансирование программы обследования осуществляли заинтересованные страны – Венгрия, Италия и в первую очередь Германия. Важно, что «Военные мемориалы» содействовали официальному оформлению и регистрации территорий кладбищ как исторического памятника, что сохраняет его в будущем.

Источники и литература

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
2. Мотревич В. П. Эксгумация останков японских военнопленных на Урале в 1995–1999 гг. // Десятые Татищевские чтения: материалы науч. конф. (г. Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 г.). – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. – С. 274–279.
3. Список мест захоронений военнопленных японцев, умерших в территории СССР после Второй мировой войны (эскизы окружностей мест захоронений). – Токио, 1990.
4. Asahi Shimbun. – 2019. – 15 авг.

УДК 94(41/99)

ББК 63/3(2Чит):63.3(2)622-2

Валентина Юрьевна Золотарева,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Социальная помощь и поддержка инвалидов Великой Отечественной войны: история и современность (на примере Читинской области)

В статье рассматриваются вопросы формирования и функционирования системы органов социального обеспечения СССР и Российской Федерации на примере Читинской области. На основе архивных документов выделены основные проблемы, возникавшие в системе органов социального обеспечения в связи с военным временем, такие как: недостаток финансирования, неудовлетворительная подготовка кадрового состава. На основании анализа нормативных документов выделены основные проблемы инвалидов, решаемые в настоящее время.

Ключевые слова: инвалид, социальное обеспечение, Читинская область, Великая Отечественная война, фонд помощи, пенсия, трудоустройство

*Valentina Yu. Zolotareva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Social assistance and Support for the Disabled of the Great Patriotic War: History and Modernity (on the Example of the Chita Region)

The article deals with the formation and functioning of the system of social security bodies of the USSR and the Russian Federation on the example of the Chita region. Based on archival documents, the main problems that arose in the system of social security agencies in connection with the wartime are highlighted. Such as lack of funding, unsatisfactory training of personnel. Based on the analysis of normative documents, the main problems currently being solved are highlighted.

Keywords: disabled, social security, Chita region, Great Patriotic War, assistance Fund, pension, employment

В 2020 г. празднуется 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на прошедшие годы, актуальность проблем оказания социальной помощи инвалидам не снижается. Это связано с немалым количеством локальных военных конфликтов и неуклонным ростом в стране количества инвалидов войны. Социальная защита населения – это совокупность социально-экономических мер и действий, осуществляемых государством и обществом по обеспечению предоставления необходимых условий жизнедеятельности, поддержание материального снабжения различных категорий граждан, а также совокупность мер, помогающих людям в различных критических ситуациях (болезнь, инвалидность, безработица и др.) [9].

В годы Великой Отечественной войны в условиях военного положения в стране возможности решения социальных вопросов и проблем были ограничены. В связи со значительной потерей сельскохозяйственных территорий, переводом промышленности на военные нужды, потребности людей в одежде и питании полностью не удовлетворялись.

В военные и послевоенные годы пенсия была основной формой социального обеспечения, кроме нее инвалидам выдавались разовые пособия и ссуды. К 1942 г. на территории РСФСР проживало 368 362 инвалида войны, а к началу 1945 г. оно составляло 1 139 668 чел. [8, с. 138]. В Читинской области к концу войны проживало 8438 инвалидов Великой Отечественной войны [3, л. 5]. В течение войны, несмотря на повышение затрат государства на социальную помощь, уровень пенсий продолжал оставаться весьма низким. Если посмотреть, сколько в среднем получали пенсию рядовые и офицеры инвалиды войны, то пенсия по инвалидности бывшего рядового солдата составляла от 70

до 120 р., а офицерского состава – 360 р. [7]. Согласно данным Читинского городского отдела социального обеспечения, инвалиды за годы войны в виде пенсий получили более 9 млн р. [5, л. 115].

Весомой прибавкой к пенсии инвалидам войны являлась оказываемая помощь организованных специально для этого комитетов разного уровня и кадрового состава. Социальная помощь инвалидам войны оказывалась как в виде пособий, так и в натуральной форме – продуктами, промышленными товарами, инвалидам помогали с подвозкой и приобретением дров и угля и т. д. Одной из важных задач органов социального обеспечения являлась организация обеспечения инвалидов войны продуктами, в том числе хлебом, а также промышленными товарами. Инвалидам Великой Отечественной войны предоставлялось преимущественное и первоочередное право в снабжении продуктами питания и промышленными товарами. Продукты питания инвалидам выдавались по установленным нормам и на месяц вперед. Также иногда дополнительно выдавались и промышленные товары. Так, в период выписки из госпиталя особо нуждающимся инвалидам оказывалась помощь в виде одежды, обуви и постельного белья, а также предметов утвари.

Кроме того, создавались Кассы взаимопомощи инвалидов Великой Отечественной войны. Также работающие люди систематически отчисляли в эти фонды часть своей заработной платы, помимо этого проводились концерты, лекции, плата за которые также шла в фонды. Создание различных фондов для поддержки инвалидов войны, а также помощь из этих фондов были необходимы. Они давали инвалидам возможность почувствовать себя нужными и просто частью общества, а не выброшенными «за борт жизни».

Огромное число инвалидов войны ежегодно отдыхали по выделенным отделами социального обеспечения путевкам в санаториях и домах отдыха. Так, в Читинской области только за три года войны (1943–1945) выделено 750 курортных путевок [1, л. 103]. Все инвалиды войны, нуждавшиеся в восстановительном лечении, направлялись в местные больницы, а при необходимости в областной госпиталь для восстановительного лечения.

Одним из важнейших условий выплаты пенсии инвалидам войны являлось их трудоустройство. Работающий инвалид не просто получал право на пенсионное обеспечение, но и другие льготы, такие как снижение налогов, льготы по коммунальным платежам за квартиры, а также право на предоставление жилья. В Постановлении СНК СССР от 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» закреплялось первоочередное предоставление жилья инвалидам, устроившимся на работу на предприятие и лишившихся прежнего места жительства, при этом обязанность предоставить жилье ложилась на плечи работодателя [9]. В 1945 г. был принят приказ Народного комиссариата социального обеспечения, регламентировавший трудовое устройство и материально-бытовое обслуживание инвалидов из числа офицерского состава [4, л. 48–49], и приказ, рассматривающий существовавшие недостатки в трудовом обучении и устройстве инвалидов на работу, а также меры по их преодолению [5, л. 77–78].

Необходимо отметить, что формы социального обеспечения инвалидов войны постоянно совершенствовались. Война предъявила суровые требования к социальной сфере. Правительство принимало безотлагательные меры к улучшению структуры и работы органов социального обеспечения. При всём ограничении ресурсов и возможностей военного времени государство обеспечивало и снабжало мероприятия социальной сферы. Вместе с тем отсутствовал учет остро нуждающихся в помощи инвалидов войны. Именно в 1941–1945 гг. зародилась и развивалась система социального обслуживания инвалидов войны. Социальное обеспечение включало выплату пенсий, пособий и материальной помощи. Строились дома-интернаты для инвалидов и сирот. Одним из важнейших направлений реабилитации инвалидов войны считалось и стало их возвращение в трудовой строй. Инвалидов начинали готовить обучать и переобучать уже в госпиталях. Этой же цели добивались и дома-интернаты для инвалидов, предприятия, кооперация, государственные органы и т. д. [2].

Время после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн характеризовалось появлением новых подходов и практик социальной поддержки и социального обеспечения. Значительно расширилась область предоставления услуг инвалидам, что давало государству возможность уделять больше внимания профессиональному обучению и трудовому устройству инвалидов, улучшению и расширению медицинской помощи данной категории населения, а также организации домов-инвалидов для инвалидов, сирот и престарелых. Министерство социального обеспечения РСФСР проводило ВТЭК (врачебно-трудовую экспертизу), осуществляло мероприятия по организации и проверке трудового устройства и профессионального обучения и переобучения инвалидов. В эти годы появляются Всероссийские общества слепых и глухих (ВОС и ВОГ). Контроль над ними также возлагался на Министерство соцобеспечения, как и организация протезно-ортопедической помощи. Большое значение имело принятие в 1956 г. Закона СССР «О государственных пенсиях», что послужило началом всеобщего государственного пенсионного обеспечения в нашем государстве.

В настоящее время гарантия социальной защиты и поддержки населения является существенным и приоритетным направлением социальной политики России. Конституция РФ в 7 ст. провозглашает страну социальным государством, что означает объявление её правовым демократическим государством, главной задачей которого является создание достойных условий жизни граждан, максимальной защиты прав и свобод, социального благополучия населения. В ст. 39 Конституции РФ говорится о гарантии «социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности...» каждому гражданину [6]. Для воплощения этого в жизнь государством создана система социальной защиты населения, включающая выплату пенсий, компенсаций, оказание медицинских и других услуг и т. п.

В стране проводится организационная работа по обеспечению социальной защиты населения новыми нормативно-правовыми актами на законодательном уровне, обсуждаются вопросы выделения денежных средств, организации медицинской помощи населению и др. Особое внимание занимают вопросы увеличения уровня доходов инвалидов и улучшения качества жизни. Среди требующих внимания текущих проблем в области социальной защиты инвалидов основное место занимает плохое состояние системы социальной

реабилитации инвалидов. Есть недостатки в предоставлении медицинских и технических средств реабилитации, в предоставлении санаторно-курортного лечения. Помимо этого, сохраняется низкий уровень занятости инвалидов, а также имеются пробелы в законодательном урегулировании этого и других вопросов.

В соответствии с российским законодательством социальная политика РФ в отноше-

нии инвалидов должна быть обращена на решение вопросов предоставления им равных возможностей в осуществлении политических, экономических, социальных, культурных, личных и других прав, предусмотренных Конституцией РФ. Помимо прочего необходимо устранить все ограничения их жизни и деятельности для восстановления социального статуса инвалидов войны и достижения ими материального благополучия.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 1935.
2. ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 2180.
3. ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 2184.
4. ГАЗК. – Ф. Р-13. – Оп. 1. – Д. 38.
5. ГАЗК. – Ф. Р-137. – Оп. 1. – Д. 102.
6. Конституция Российской Федерации. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: [официальный сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100036,0&rnd=0.5703430467234671#042876158021988564> (дата обращения: 03.05.2020).
7. О пенсиях военнослужащим Рядового: постановление СНК СССР [от 16 июля 1940 г. № 1269]. – Текст: электронный // ГАРАНТ: [официальный сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/71571200/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (дата обращения: 01.05.2020).
8. Сборник материалов по государственному обеспечению инвалидов войны и семей военнослужащих / сост. А. Л. Шарова. – М.: МСО РСФСР, 1947. – 180 с.
9. Социальная работа с различными группами населения / под ред. Н. Ф. Басова. – М.: КНО-РУС, 2016. – 528 с. – URL: <https://ozon-st.cdn.ngenix.net/multimedia/1015200288.pdf> (дата обращения: 01.05.2020). – Текст: электронный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Беспалько Д. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

D. Bepalko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Вазеров И. Д. – магистрант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия.

I. Vazеров – Master's student of the Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Вайраух Т. – внештатный ученый, офис Министерства внутренних дел Германии, Хойхельхайм, Германия.

T. Weyrauch – Freelance scientist at the office of the German Ministry of the interior, Heuchelheim, Germany.

Ван Сюй – член Общества по изучению исторического наследия г. Маньчжурия, переводчик-корресподент-фрилансер и представитель Циньдаоской международной торговой компании с ограниченной ответственностью «Хуэй Чи», г. Маньчжурия, Китай.

Wang Xu – Member of the Society for the study of the historical heritage of Manchuria, translator-correspondent-freelancer and representative of the Qindao International Trade Limited Company "Huei Chi", Manchuria, China.

Василенко В. А. – канд. ист. наук, доцент, Иркутский филиал Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова, г. Иркутск, Россия.

V. Vasilenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Irkutsk branch of the all-Russian state Institute of cinematography named after S. A. Gerasimov, Irkutsk, Russia.

Васильев М. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

M. Vasiliev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History of the Pskov State University, Pskov, Russia.

Волочаева А. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

A. Volochaeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Гребенкин А. Н. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Орел, Россия.

A. Grebenkin – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of State and Law of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА, Orel, Russia.

Дацышен В. Г. – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.

V. Datsyshen – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of General History of the Institute for the Humanities of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Дроботушенко Е. В. – канд. ист. наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

E. Drobotushenko – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History and Philology of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Евтехов Р. А. – канд. ист. наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

R. Evtehov – Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Жукова Н. Е. – канд. ист. наук, заведующая сектором научной библиотеки, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

N. Zhukova – Candidate of Historical Sciences, Head of the scientific library sector of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia.

Золотарева В. Ю. – лаборант кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

V. Zolotareva – Laboratory assistant of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кальмина Л. В. – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

L. Kalmina – Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Камнева Г. П. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.

G. Kamneva – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and Philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Карасёв С. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего института, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

S. Karasyev – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of General Education of the Faculty of Extramural Education at Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Карчанова Л. М. – начальник отдела научно-исследовательской работы и использования документов, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

L. Karchanova – Head of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Transbaikal territory, Chita, Russia.

Клестова М. С. – волонтер при музее-архиве русской культуры, Сан-Франциско, в Лиге русско-американских женщин, в Русской школе при Храме Всех Святых в Земле Российской Просиявших, Бурлингем, Калифорния, г. Сан-Франциско, США.

M. Klestoff – Volunteer at Museum of Russian Culture, San Francisco, Russian-American Women's League, Russian School at Orthodox Church of All Russian Saints, Burlingame, CA, San Francisco, USA.

Ковалёва Н. Н. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь.

N. Kovaleva – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Humanities of the Brest state technical University, Brest, Belarus.

Константинова Н. Н. – канд. ист. наук, ученый секретарь, заведующая отделом истории и этнографии, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

N. Konstantinova – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, head of the Department of history and Ethnography of the Transbaikal Regional Museum of Local Lore named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.

Королев А. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия.

A. Korolev – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department History and philosophy of the Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Королева Л. А. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия.

L. Koroleva – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department History and philosophy of the Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Костяев Э. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории отечества и культуры, Институт социального и производственного менеджмента Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А., г. Саратов, Россия.

E. Kostyaev – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of “History and culture” of the Institute for social and production management of Saratov state technical University named after Yu. A. Gagarin, Saratov, Russia.

Кудимов А. Ю. – канд. ист. наук, доцент, соискатель кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

A. Kudimov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Candidate of the Department World History and International Relations of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Кузнецов В. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, проректор по воспитательной и социальной работе, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

V. Kuznetsov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Vice-Rector for Social and Educational Work of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кузнецов С. И. – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

S. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department World History and International Relations of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Кузьмин Ю. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Yu. Kuzmin – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of World Economy and International Business of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Курас Л. В. – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

L. Kuras – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief Researcher of the Chair of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Ланцова Ю. Н. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Yu. Lantsova – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Линьков В. В. – канд. с.-х. наук, доцент, доцент кафедры агробизнеса, Витебская ордена «Знак Почёта» государственная академия ветеринарной медицины, г. Витебск, Беларусь.

V. Linkov – Candidate of Agricultural Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of agribusiness of the Vitebsk Order of the “Badge of Honor” State Academy of Veterinary Medicine, Vitebsk, Belarus.

Мезенцева И. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

I. Mezentseva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World economy, Entrepreneurship and Humanities of the Chita Institute (Branch) of the Baikal State University, Chita, Russia.

Мясников А. В. – ведущий архивист, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

A. Myasnikov – Lead Archivist of the State Archive of the Transbaikal territory, Chita, Russia.

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

G. Myasnikova – Senior Lecturer of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Мясникова Ц. Ц. – старший преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

C. Myasnikova – Senior Lecturer of the Department of Journalism and Public Relations of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Палхаева Е. Н. – д-р ист. наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

E. Palkhaeva – Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of General and National history of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia.

Пастухов А. М. – научный консультант, Фонд поддержки социально ориентированных проектов и программ «Петропавловск», г. Москва, Россия.

A. Pastukhov – Research Consultant of the Foundation for socially-oriented projects and programs support “Petropavlovsk”, Moscow, Russia.

Петрушин Ю. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия.

Yu. Petrushin – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of Humanities of the Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia.

Пешков И. Г. – индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург, Россия.

I. Peshkov – Individual businessman, Saint-Petersburg, Russia.

Постников А. В. – д-р техн. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

A. Postnikov – Doctor of technical Sciences, Full Professor, Chief scientific officer of Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia.

Пряженникова М. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

M. Pryazhennikova – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Санжиева Т. Е. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии исторического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

T. Sanzhieva – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of History of Buryatia of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia.

Севостьянова Е. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

E. Sevostyanova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World economy, Entrepreneurship and Humanities of the Chita Institute (Branch) of the Baikal State University, Chita, Russia.

Сотников А. А. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.

A. Sotnikov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the middle ages and modern times of the Historical and philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Сотников С. А. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия.

S. Sotnikov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the middle ages and modern times of the Historical and philological Institute of the Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Тимощук А. С. – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия.

A. Timoschuk – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia.

Трофимова Н. Н. – канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия.

N. Trofimova – Candidate of Legal Sciences, Docent, Head of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia.

Урожаева Т. П. – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории исторической демографии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

T. Urozhaeva – Candidate of Historical Sciences, Researcher laboratory of the Historical demography of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Харитонов А. М. – научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

A. Kharitonov – Researcher of the Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Цыбенков Б. Д. – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

B. Tsybenov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher of the Chair of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Чапыгин И. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

I. Chapygin – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department World History and International Relations of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Чапыгин И. И. – студент первого курса, Колледж Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

I. Chapygin – The first course student of the College of East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

Юйшин М. А. – аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры китайского языка, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

M. Yuushin – Postgraduate student, Educational Specialist of the Department of Chinese language of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Якунин В. Н. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры туризма и рекреации, проректор по научной и инновационной деятельности, Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия.

V. Yakunin – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of tourism and recreation, Vice-rector for scientific and innovative activities of the Volga Region State University of Service, Tolyatti, Russia.

Яремчук О. А. – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

O. Yaremchuk – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of History of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Научное издание
Scientific publication

**ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО**

Часть 1

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION:
PARTNERSHIP AND COOPERATION**

Part 1

*Материалы публикуются в авторской редакции
при участии издательства*

Вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 31.08.2020.
Форм. бум. 60×84/8. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Arial. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 19,0. Заказ № 20132.
Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

